

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 3 (95) июль – сентябрь 2022 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 3 (95) July – September, 2022

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 3 (95) июль – сентябрь 2022 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: зарубежные страны, Российская Федерация.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: ПИ № ФС77-80421 от 17 февраля 2021 г.

ISSN 2071-8284.

Решением ВАК Минобрнауки России от 29 марта 2022 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Распространяется на территории Российской Федерации по подписке. Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» – 36631.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Г. В. Лукьянова, Л. М. Букина, Е.В. Пономарева.

Адрес редакции, издателя и типографии: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1. Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Подписано в печать 18.09.2022 г. Дата выхода в свет 30.09.2022 г. Формат 60 x 84/8 Печать офсетная. Объём 30,0 п.л. Тираж 200 экз. 1-й завод 100 экз. Заказ № 142 от 30.09.2022. Отпечатано в типографии Санкт-Петербургского университета МВД России. Тел. 8 (812) 744-00-97 Цена свободная.

© «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», 2022.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 3 (95) July – September, 2022

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: foreign countries, Russian Federation.

The scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii». The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (PI No. FS77-80421 of 17 February 2021).

ISSN 2071-8284.

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 29, 2022, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 5.1.1 – Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2 – Public legal (state legal) sciences.
- 5.1.3 – Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 – Criminal science.
- 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.9 – Legal psychology and security psychology.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

It is distributed on the territory of the Russian Federation (subscription index on the catalog of Agency «Pressa Rossii» – 36631).

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, G. V. Lukyanova, L. M. Bukina, E. V. Ponomareva.

Address of editorial, publisher and printinghouse: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation. Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Signed to print 18 September 2022. Date of publishing 30.09.2022. Format 60 x 84/8. Offset printing. Volume 30,0 p.p. Circulation 200 copies 1st issue 100 copies. Order № 142 (20.09.2022). Printed in the printing-office of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Tel. 8 (812) 744-00-97. The price is free.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

Травников А. В. – председатель редакционной коллегии (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Муттилайнен Веса Петтери, доктор общественных наук (Финляндская Республика, Тампере)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Travnikov A. V., Chairman of an Editorial Board (Russia, Saint Petersburg)
Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)
Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)
Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)
Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)
Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Grivennaya E.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)
Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)
Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)
Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)
Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)
Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)
Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)
Mutttilainen Vesa Petteri, Doctor of Social Sciences (Finland, Tampere)
Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)
Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Sleptsov I.V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)
Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)
Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Зайцева Е. С.</i> Проблема пределов правового регулирования в отечественной юридической науке	10
<i>Ломакина И. Б.</i> Проблема понимания правовой идентичности в контексте пост-постмодерна	18

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Кулаков Н. А.</i> Осмотр как мера обеспечения по делам об административных правонарушениях, посягающих на интеллектуальную собственность в сети интернет	26
<i>Новоапловская Е. Е.</i> Ограничение свободы передвижения в свете современных российских реалий: правовое регулирование и практика конституционного судопроизводства	33
<i>Ольшевский А. В., Горбунова Т. С.</i> Отнесение государственных органов в соответствии с законодательством Российской Федерации к правоохранительным органам	41

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Зайцева Е. В.</i> Договоры о распоряжении исключительным правом на служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы в системе МВД России	51
---	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Алексеева Е. С., Виноградов А. С.</i> Юридическая техника норм, регламентирующих основания отказа в возбуждении уголовного дела и основания прекращения уголовного дела	59
<i>Беличенко Р. В.</i> Кара и гуманизм уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц	65
<i>Берестовой А. Н., Цветков П. В.</i> Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230 ¹ и 230 ² Уголовного кодекса Российской Федерации	70
<i>Количенко А. А.</i> Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе	80
<i>Ляпин Д. О.</i> Правовая природа правомерного применения оружия как обстоятельства, исключающего преступность деяния	86
<i>Навалиев Н. М.</i> Нравственные основы привилегий и иммунитетов в уголовном судопроизводстве России	93
<i>Переверзева Е. С., Комов А. В.</i> Особенности предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности в виде компьютерных следов органу предварительного расследования по экономическим преступлениям	98
<i>Пирожников А. Н.</i> Правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации	105
<i>Пучнин А. В., Миненко П. В.</i> Цифровое оружие совершения преступлений XXI века: предмет, средство, орудие	111
<i>Рязанова Е. Н.</i> Ответственность за распространение персональных данных как способ противодействия правонарушениям в сфере информационно-коммуникационных технологий	118

<i>Сафонова А. А.</i> Назначение защитника в уголовном деле: правовая сущность и процессуальный порядок	124
<i>Урда М. Н.</i> Криминогенный потенциал Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников	131
<i>Шутова Ю. А.</i> Основания криминализации некоторых современных форм психического насилия (на материалах конкретного социологического исследования)	138
<i>Яхонтова О. С., Трабо В. Н.</i> Причинный комплекс и направления профилактики организованной преступности	143

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Бавсун М. В., Миронкина О. Н., Сидорова И. В.</i> Проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) в условиях перехода на федеральные государственные требования	152
<i>Кустов П. В., Силкин Н. Н.</i> Использование психологического тренинга для повышения профессионального самосознания сотрудников ОМОН	161

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

<i>Костина Е. В.</i> Формирование преданности, лояльности и доверия у сотрудников в системе психологической профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России	166
--	-----

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Гусева А. С., Ганишина И. С., Гордеева П. А.</i> Особенности смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления	176
<i>Жидкова О. А.</i> Психологические маркеры компетентности сотрудников полиции в сфере эмоционально-волевой саморегуляции	183
<i>Злоказов К. В., Юренкова В. А., Рожков А. А.</i> Трудности в измерении и оценке социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел	191
<i>Стрельникова Ю. Ю.</i> Гендерный аспект субъективного благополучия обучающихся образовательной организации МВД России	198
<i>Шаповал В. А., Курдюкова В. Ю.</i> Информационно-психологическая устойчивость сотрудников полиции: определение понятия и концептуально-методологические подходы исследования	207

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Каверина Л. В., Малофеев А. А.</i> Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России	215
<i>Нижник Н. С., Козинникова Е. Н., Чукаев Т. О.</i> История Советского Союза в контексте научного анализа : XIX Международная научная конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)» (28–29 апреля 2022 г., Санкт-Петербург)	226

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Zaitseva E. S.</i> The problem of the limits of legal regulation in domestic jurisdiction	10	10
<i>Lomakina I. B.</i> The Problem of Understanding Legal Identity in the context of postpostmodern	18	18

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Kulakov N. A.</i> Inspection as a measure of security in cases of administrative offenses infringing on intellectual property on the Internet	26	26
<i>Novopavlovskaya E. E.</i> Restriction of freedom of movement in the light of modern Russian realities: legal regulation and practice of constitutional legal proceedings	33	33
<i>Olshesky A. V., Gorbunova T. S.</i> Attribution of state bodies in accordance with the legislation of the Russian Federation to law enforcement agencies	41	41

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Zaytseva E. V.</i> Agreements on the disposal of the exclusive right to work-related inventions, utility models, industrial designs in the system of the MIA of Russia	51	51
---	----	----

CRIMINAL SCIENCE

<i>Alekseeva E. S., Vinogradov A. S.</i> Legal Technique of Norms Regulating Grounds for Refusal to Initiate Criminal Proceedings and Grounds for Termination of Criminal Proceedings	59	59
<i>Belichenko R. V.</i> Retribution and humanism of criminal responsibility of persons with diminished Responsibility	65	65
<i>Berestovoy A. N., Tsvetkov P. V.</i> Problems of qualification of crimes under Art. 230 ¹ and 230 ² of the Criminal Code of the Russian Federation	70	70
<i>Kolichenko A. A.</i> The admissibility of electronic evidence in modern criminal proceedings	80	80
<i>Lyapin D. O.</i> The legal nature of the lawful use of weapons as a circumstance precluding the criminality of the act	86	86
<i>Navaliev N. M.</i> Moral foundations of privileges and immunities in criminal proceedings in Russia	93	93
<i>Pereverzeva E. S., Komov A. V.</i> Features of providing the results of operational search activities in the form of materialized digital traces to the body of preliminary investigation of economic crimes	98	98
<i>Pirozhnikov A. N.</i> Legal nature of other criminal law measures related to the restriction of the rights of persons committing crimes against the interests of the Russian Federation	105	105
<i>Puchnin A. V., Minenko P. V.</i> Digital crime weapons of the XXI century: object, means, tools	111	111
<i>Ryazanova E. N.</i> Responsibility for the dissemination of personal data as a way to counteract offenses in the field of information and communication technologies	118	118
<i>Safonova A. A.</i> Appointment of a defense counsel in a criminal case: legal essence and procedural order	124	124
<i>Urda M. N.</i> Criminogenic Potential of the State Program to Assist Voluntary Resettlement of Compatriots	131	131

Shutova Yu. A. Grounds for the criminalization of some modern forms of mental violence (on the materials of a specific sociological study)	138
Yakhontova O. S., Trabo V. N. Causal complex and directions of organized crime Prevention.....	143

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Bavsun M. V., Mironkina O. N., Sidorova I. V. Problems of training scientific and scientific-pedagogical personnel in graduate school (adjuncture) in the context of the transition to federal state requirements	152
Kustov P. V., Silkin N. N. The use of psychological training to increase the professional self-awareness of OMON officers	161

LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Kostina E. V. Formation of employees' devotion, loyalty and trust in the system of psychological prevention of staff turnover in educational organizations of the MIA of Russia	166
--	-----

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

Guseva A. S., Ganishina I. S., Gordeeva P. A. Features of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes	176
Zhidkova O. A. Psychological markers of the competence of police officers in the field of emotional-volitional self-regulation	183
Zlokazov K. V., Yurenkova V. A., Rozhkov A. A. Difficulties in measuring and assessing the socio-psychological climate in the service teams of internal affairs bodies	191
Strelnikova Yu. Yu. Gender aspect of subjective well-being of the students in the educational organization of the Russian Interior Ministry	198
Shapoval V. A., Kurdyukova V. Yu. Information and psychological stability of police officers on the issue of definition of the concept and conceptual and methodological approaches of the study	207

CONFERENCES

Kaverina L. V., Malofeev A. A. Actual problems and trends in the development of research activities in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	215
Nizhnik N. S., Kozinnikova E. N., Chukaev T. O. History of the Soviet Union in the context of scientific analysis: XIX international scientific conference «State and law: evolution, current state, development prospects (on the occasion of the 100th anniversary of the formation of the USSR)» (April 28–29, 2022, St. Petersburg)	226

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 340.11
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-10-17

Екатерина Сергеевна Зайцева
кандидат исторических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>, zay_tseva@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Проблема пределов правового регулирования в отечественной юридической науке

Аннотация: Исследование любой научной проблемы предполагает анализ и осмысление результатов научной деятельности предшествующих поколений учёных. Несмотря на то, что в отечественной юридической науке пределы правового регулирования как значимая научная проблема не получили комплексного освещения, на страницах различных юридических изданий были высказаны положения, имеющие концептуальное значение и выступающие в качестве фундамента для её дальнейшего исследования. Цель исследования: осмыслить результаты исследования пределов правового регулирования в отечественной юридической науке, выделяя ключевые идеи и положения, способствующие дальнейшему изучению поставленной научной проблемы. Методы исследования: общенаучные методы и приёмы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой). Результаты: исследование пределов правового регулирования в отечественной юридической науке позволило сформировать серьёзный фундамент для её дальнейшего изучения. К основным результатам следует отнести: осмысление базовых понятий «сфера правового регулирования» и «пределы правового регулирования»; появление различных подходов к проблеме установления критериев пределов правового регулирования; формирование классификации пределов правового регулирования; обозначение основных направлений в осмыслении факторов установления пределов правового регулирования.

Ключевые слова: пределы правового регулирования, сфера правового регулирования, предмет правового регулирования, общественные отношения, критерии, факторы.

Для цитирования: Зайцева Е. С. Проблема пределов правового регулирования в отечественной юридической науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-10-17.

Ekaterina S. Zaitseva

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>, zay_tseva@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

The problem limits of legal regulation in domestic jurisdiction

Abstract: The study of any scientific problem involves the analysis and comprehension of the results of scientific activity of previous generations of scientists. Despite the fact that in domestic legal science the limits of legal regulation as a significant scientific problem have not received comprehensive coverage, the pages of various legal publications have expressed provisions that are of conceptual importance and serve as the foundation for its further research. The purpose of the study: to comprehend the results of the study of the limits of legal regulation in domestic legal science, highlighting the key ideas and provisions that contribute to the further study of the scientific problem posed. Research methods: general scientific methods and techniques of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, generalization, comparison) and particular scientific (formal-legal, structural-functional). Results: the study of the limits of legal regulation in domestic legal science made it possible to form a serious foundation for its further study. The main results include: comprehension of the basic concepts of «the scope of legal regulation» and «limits of legal regulation»; the emergence of different approaches to the problem of establishing criteria for the limits of legal regulation; formation of a classification of the limits of legal regulation; designation of the main directions in understanding the factors of establishing the limits of legal regulation.

Keywords: limits of legal regulation, sphere of legal regulation, subject of legal regulation, public relations, criteria, factors

For citation: Zaitseva E. S. The problem of the limits of legal regulation in domestic jurisdiction // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-10-17.

В отечественной юридической науке проблематика пределов правового регулирования не получила комплексного (монографического) освещения, тем не менее можно констатировать, что на уровне научных статей, глав в учебных изданиях были высказаны положения, имеющие концептуальное значение и заложившие серьёзный фундамент для её дальнейшего исследования. Приращение научного знания по любой проблеме невозможно без осмысления уже существующих результатов интеллектуальной деятельности, в связи с чем их анализ и оценка сохраняют актуальность на любом этапе развития юридической науки. Масштабность и многоаспектность обозначенной проблемы обусловила тот факт, что авторы практически любого исследования, посвящённого правовым вопросам, косвенно затрагивали какой-либо из аспектов проблемы пределов правового регулирования. Несмотря на ценность отдельных высказываний на страницах различных юридических изданий, анализу в рамках данной статьи будут подвергнуты работы, где указанная проблема рассматривалась в прямой постановке.

Особое место в этом ряду занимают две научные статьи профессора В. В. Лазарева «Сфера и пределы правового регулирования» [2] и «Определение сферы правового регулирования» [3], опубликованные в ведущих юридических журналах «Советское государство и право» и «Правоведение». Несмотря на то, что

указанные статьи вышли с разницей в десять лет, можно выделить ряд общих положений, высказанных автором, которые в дальнейшем существенно повлияли на разработку рассматриваемой проблемы. Остановимся на ключевых идеях и проблемах, обозначенных профессором В. В. Лазаревым.

Исследование пределов правового регулирования невозможно без определения той сферы, которую они ограничивают. В. В. Лазарев, обращаясь к анализу данной категории, отмечал, что, несмотря на широкое употребление категории «сфера правового регулирования» в юридической литературе, в основном понятийном ряду теории права она не значится [3, с. 65]. Прошло почти полвека, а ситуация так и не изменилась¹. Во многом это обусловлено использованием понятия-дублера «предмет правового регулирования», которое вошло в основной понятийный ряд теории права и многими исследователями употребляется в качестве синонима понятия «сфера правового регулирования» [3, с. 52]². Аналогичная ситуация с понятием «объект правового регулирования», которое тоже нередко

¹ Рассолов М. М., Малахов В. П., Иванов А. А. Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва: Юнити-Дана: Закон и право, 2011. – С. 286.

² Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. – Москва: Юрист, 2004. – С. 353.

употребляется в качестве синонима понятия «сфера правового регулирования» [2, с. 13–14; 7, с. 137; 8, с. 4]. Таким образом, можно констатировать отсутствие терминологической точности и достаточно вольное обращение с этими понятиями. Между тем В. В. Лазаревым была поставлена проблема соотношения и специального анализа этих понятий [3, с. 66–67], более того, были обозначены основные направления их соотношения: во-первых, по линии обнаружения или несовпадения понятий как сущего и должного, во-вторых, через широту охвата объективной реальности каждого из указанных понятий [3, с. 66].

Возвращаясь к понятию «сфера правового регулирования», отметим, что В. В. Лазарев определил её как совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно могут и с точки зрения современных задач государства должны быть или уже подвергнуты правовой регламентации. Давая пояснения к представленному определению, автор обратил внимание на важный аспект, связанный с необходимостью различения сферы правового и сферы законодательного регулирования, отметив, что в сферу правового регулирования входят отношения, которые: 1) могут, должны быть и урегулированы; 2) могут, должны быть, но не урегулированы, отграничив их от иных отношений [3, с. 65]. Это уточнение имеет существенное значение, поскольку, исходя из определения, в сферу правового регулирования входят общественные отношения, которые объективно нуждаются в правовом регулировании или уже подвергнуты правовой регламентации. При этом не учитывается, что те отношения, которые уже подвергнуты правовой регламентации, могут в ней и не нуждаться, а соответственно, в сферу правового регулирования не входить.

Существенное значение для исследования пределов правового регулирования имеет актуализация проблемы выявления научных критериев, позволяющих эти пределы установить. Не погружаясь глубоко в эту проблему, В. В. Лазарев обозначил направления поиска критериев, относя к их числу: характер самих общественных отношений, свойства права как специфического регулятора социальной жизни, а также принципы социально-политической системы.

Отмечая спорность сложившегося мнения о невозможности права влиять на сознание человека, В. В. Лазарев обратил внимание на необходимость различения способности права оказывать влияние на психологические процессы, протекающие в сознании человека, и даже известным образом их регулировать, и невозможность объективного правового контроля над ходом мысли, более того, социальную вредность подобного контроля [3, с. 69], тем самым затронув важную проблему соотношения правового регулирования и правового воздействия. Действительно, правовое воздействие имеет более широкую сферу распространения, чем правовое

регулирование, и если регулированию может быть подвержено внешнее поведение, то объектом правового воздействия выступает прежде всего сознание субъекта. Этот факт определяет сложности в установлении пределов правового воздействия. Стоит сказать, что высказанная В. В. Лазаревым мысль о необходимости изучения влияния права не только на сознание и под-сознательные процессы, является по-прежнему очень современной и актуальной, но до сих пор не получила должного внимания исследователей.

Еще одна проблема, поднятая профессором В. В. Лазаревым, связана с анализом влияния научно-технологического прогресса на пределы сферы правового регулирования с точки зрения не только её расширения, но и сужения [9, с. 145]. Стоит сказать, что традиционно научный фактор рассматривается как один из обеспечивающих факторов правотворческой деятельности, предполагающий раскрытие путей и форм обеспечения научной обоснованности законов, чьё действие проявляется в подготовке, экспертизе и доработке законопроектов, в проведении различных научно-прикладных разработок, использовании научных рекомендаций [9, с. 164; 11, с. 79]. При таком подходе научный фактор рассматривается в контексте обеспечивающей роли юридической науки по отношению к правотворчеству, что в принципе не вызывает возражений. Но в то же время такая трактовка научного фактора сужает его роль и значение, поскольку помимо обеспечивающей роли юридической науки нельзя не заметить, что научно-технологический прогресс как глобальный процесс оказывает существенное воздействие как на процессы правообразования, так и на сферу и пределы правового регулирования, на что и было обращено внимание.

Одним из первых В. В. Лазарев обратился к классификации пределов правового регулирования, предложив выделять в зависимости от выраженности вовне внешние и внутренние пределы [3, с. 70–71]. В дальнейшем эта классификация нашла свое развитие в статье Р. Л. Иванова [8, с. 7].

Существенное значение для исследования пределов правового регулирования имеет положение об их зависимости от особенностей видов деятельности, предполагающих разный объём регуляции [2, с. 69–70]. Аналогичная мысль высказывалась и иными исследователями, в частности, Ф. Н. Фаткуллиным [16, с. 72] и Ю. Г. Ткаченко [10, с. 100], отметившими зависимость пределов правового регулирования от соотношения и роли объективных закономерностей и волевого момента в тех или иных общественных отношениях. Наименьшие возможности у правового регулирования в сфере способа производства, но они возрастают уже в социальной, в частности, в политической и духовной сферах.

Ф. Н. Фаткуллин также внёс ощутимый вклад в исследование пределов правового регулирования. Давая определение понятию «преде-

лы правового регулирования», он обозначил, что это обусловленные определёнными факторами границы властного государственного вмешательства в общественные отношения при помощи норм права [16, с. 72]. В дальнейшем именно это определение с некоторыми вариациями активно использовалось различными исследователями. В частности, Н. А. Пьянов отмечал, что пределы правового регулирования – это обусловленные различными факторами границы, в рамках которых осуществляется или может осуществляться правовое регулирование общественных отношений³. Р. Л. Иванов дополнил его положением о наличии рубежей, за которыми правовое регулирование невозможно и нецелесообразно [8, с. 6].

Существенное внимание Ф. Н. Фаткуллиным было уделено факторам, определяющим пределы правового регулирования. Автором выделено пять факторов. Первые два фактора он связывал с природой общественных отношений, в частности, с соотношением объективного и волевого в них и возможностью выбора варианта поведения. Третий фактор определяется заинтересованностью государства подвергать правовому регулированию те или иные общественные отношения. Четвертый фактор, по его мнению, вытекает из закономерностей развития и свойств самого права. Пятый фактор обусловлен особенностями человеческой психики воспринимать правовые предписания.

Большое значение для исследования пределов правового регулирования имеет статья Н. М. Рабиновича «Сферы и пределы правового регулирования: понятие, виды, факторы развития» [12], которая в дальнейшем была несколько подзабыта, а идеи автора не получили должного развития. Существенную ценность, на наш взгляд, имеют два положения, высказанные автором. Первое – это необходимость анализа сферы правового регулирования в зависимости от уровня, каждый из которых имеет свои пределы. Н. М. Рабинович выделил сферу возможного (потенциального) регулирования, сферу необходимого регулирования, сферу законодательного (легального) регулирования, сферу правореализующего (в том числе правоприменительного) регулирования. Таким образом, автор, на наш взгляд, абсолютно справедливо связал возможность существования множественности пределов с наличием определённой области общественных отношений, так или иначе связанной с правом. В то же время терминология, предложенная автором, представляется достаточно тяжёлой и громоздкой. В современной юридической литературе выработаны самостоятельные понятия, которые позволяют отразить специфику пределов, выделенных Н. М. Рабиновичем. Речь идёт о таких понятиях, как «сфера правового регулирования», «предмет правового регулирования»,

«сфера правового воздействия», «сфера действия права».

Второе положение связано с необходимостью анализа пределов правового регулирования во взаимосвязи с правоприменительной деятельностью [12, с. 55–57]. В частности, автор обозначил в качестве самостоятельной сферу правореализующего (в том числе правоприменительного) регулирования, имеющую свои пределы. Нужно сказать, что ни до этого, ни после анализируемая проблема в таком ракурсе не ставилась и не рассматривалась, поэтому сам факт её постановки уже имеет существенное значение. В то же время можно обозначить и ряд дискуссионных вопросов, которые вытекают из подхода автора к освещению заявленной проблемы. Обозначим некоторые из них. Безусловно, правоприменитель сталкивается с проблемой пределов правового регулирования, но изначально перед ним стоит задача не установить пределы правоприменительного регулирования, а правильно определить пределы, обозначенные законодателем (пределы предмета правового регулирования). В то же время, когда правоприменитель сталкивается с ситуацией отсутствия правового регулирования, обусловленной наличием пробелов в праве, и вынужден использовать такой способ преодоления пробелов, как аналогия права, возникает необходимость установления пределов сферы правового регулирования. Исходя из этого, необходимо говорить не о пределах правоприменительного регулирования, а о необходимости установления пределов правового регулирования в правоприменительной деятельности. Что касается сферы и пределов правореализующего регулирования (исключая правоприменительное), то субъекты, реализующие нормы права, действуют в пределах, уже обозначенных субъектами правотворчества, и самостоятельных границ не устанавливают.

Исследование пределов правового регулирования на постсоветском этапе развития юридической науки находится в русле тенденций, характерных для советского периода – отсутствие комплексных исследований при обращении к данной проблеме на уровне статей и учебной литературы. Среди них статья Н. В. Сильченко «Границы деятельности законодателя» [13]. Несмотря на то, что сегодня указанный исследователь является ярким представителем белорусской юридической науки, начинал он как советский ученый, и в дальнейшем продолжил активную публикационную деятельность в нашей стране. Обозначенная статья опубликована на стыке двух эпох в тогда ещё «Советском государстве и праве», поэтому мы сочли возможным включить ее в наш обзор.

Автором были затронуты две значимые проблемы. Первая – это проблема соотношения сфер, так или иначе связанных с правом. Как отмечалось, эта проблема ставилась и ранее [2, с. 65–66; 6, с. 55–57], но Н. В. Сильченко предложил свое видение, отличное от обозначенных ранее подходов. По его мнению, существуют две

³ Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие. – Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2007. – С. 229.

самостоятельные сферы – сфера законодательного регулирования и сфера действия права, самостоятельное существование которых вытекает из различия права и закона. Сфера действия права выступает в качестве объективной реальности независимо от её осознания и подразумевает наличие общественных отношений, имеющих правовую природу. Наряду с ней существует сфера законодательного регулирования, включающая общественные отношения, которые были (или могут быть) подвергнуты воздействию со стороны законодателя. Интересно, что автор, выделив две указанные сферы, говорит о границах только одной, сферы законодательного регулирования, и определяет именно сферы, но не их пределы. Стоит отметить, что предложенная автором дихотомия, на наш взгляд, недостаточна для освещения заявленной проблемы и должна быть дополнена. Не отрицая существования сферы действия права, считаем, что необходимо наряду с ней выделять сферу правового регулирования. Мы исходим из того, что сфера действия права очень широкое понятие, предполагающее включение правомерного поведения граждан и соответственно их правовой защиты, напрямую правом не предусмотренное [14, с. 36], в то время как сфера правового регулирования включает общественные отношения, имеющие правовую природу, которые должны быть подвергнуты правовой регламентации, и именно с ней прежде всего следует соотносить сферу законодательного регулирования.

Отмечая существование общественных отношений, имеющих правовую природу, Н. В. Сильченко предложил критерии, по которым их можно определить. По его мнению, это отношение: а) основано в конечном счёте на имущественном неравенстве; б) его участники строят свои отношения на эквивалентных началах; в) базируется на формальном правовом равенстве сторон и делает вытекающее из него фактическое неравенство закономерным, правильным, правовым; г) может нормально функционировать только на принципе всеобщего равенства; г) социально контролируется [13, с. 19]. Некоторые из предложенных критериев неоригинальны, и о них в контексте исследования различных правовых проблем говорили и иные учёные. В частности, на возможность осуществления внешнего контроля для отношений, которые должны быть подвергнуты правовому регулированию, обращали внимание С. С. Алексеев [4, с. 53], В. И. Гойман и Т. Н. Радько⁴, А. Ф. Черданцев⁴ и др. Но именно Н. В. Сильченко выделил определённую систему критериев, аргументировав каждый из них.

Большой интерес для дальнейшего исследования пределов правового регулирования

представляет статья Р. Л. Иванова «Пределы правового регулирования: понятие и виды» [8], в которой автор также обращается к проблеме установления критериев пределов правового регулирования через свойства общественных отношений, имеющих правовую природу. Опираясь на ряд выводов, сделанных предшественниками, Р. Л. Иванов выделяет две самостоятельные группы свойств общественных отношений: первая – свойства общественных отношений, обуславливающих пределы правового регулирования, отграничивающие его сферу от областей человеческого бытия, регулируемых законами природы и близкими к ним по характеру социальными закономерностями. Это пределы естественно-природные, совпадающие с границами любых видов социальной регуляции, не предполагающие специфичности свойств общественных отношений, имеющих правовую природу. К ним Р. Л. Иванов относит: волевой характер общественных отношений, возможность осуществления внешнего контроля, возможность выбора варианта поведения. Помимо обозначенных естественно-природных границ, Р. Л. Иванов выделяет социальные границы, которые обрамляют общественные отношения, имеющие правовую природу, и позволяют отграничивать специальное юридическое воздействие от других видов социальной регуляции. К таким свойствам он отнёс эквивалентность, формальное равенство и общезначимость [8, с. 10–13].

Высказанная Р. Л. Ивановым мысль о специфичности общественных отношений, имеющих социальную, регулятивную и правовую природу, имеет существенное значение. Ранее исследователи не обращали на это внимания и, как правило, выстраивали аргументацию определения свойств отношений, имеющих правовую природу, через анализ возможностей права оказывать на общественные отношения регулирующее воздействие. Такой подход, безусловно, имеет право на существование, даёт ответы на целый ряд вопросов, но в то же время не лишён недостатков. В частности, при таком подходе не учитывается, что ряд свойств, безусловно, необходимых для того, чтобы отношения были урегулированы правом, также необходимы и для осуществления регулирования иными, неправовыми нормами.

Ещё одна значимая проблема, затронутая в статье, связана с анализом внутренних пределов, необходимость выявления которых была обозначена ранее В. В. Лазаревым. Р. Л. Иванов, анализируя внутренние пределы правового регулирования, отмечает, что наиболее изученными из них являются временные, пространственные и субъектные, когда фактически речь идёт о пределах действия нормативных правовых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц. Это объясняется их востребованностью право-реализационной практикой, тогда как иные пределы, например, предметные и инструмен-

⁴ Гойман В. И., Радько Т. Н. Право в системе нормативного регулирования. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – Москва: Юрист, 1996. – С. 135.

⁵ Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. – Москва: Юрайт, 2002. – С. 342.

тальные, в первую очередь интересуют ограниченный круг лиц – субъектов правотворчества [8, с. 9]. Автор попытался заполнить этот пробел, предложив развернутую классификацию предметных и инструментальных пределов.

Интересные идеи в развитие проблемы пределов правового регулирования были высказаны Н. А. Пьяновым. Первая касается соотношения сферы и предмета правового регулирования. По его мнению, идеальное соотношение сферы правового регулирования и предмета правового регулирования предполагает, что первое должно быть шире второго, поскольку сферой правового регулирования охватываются отношения, которые могут быть, должны быть и урегулированы правом, а также отношения, которые могут быть, должны быть, но еще не урегулированы правом. Предметом же правового регулирования должны охватываться только те отношения, которые могут быть, должны быть и урегулированы правом. В реальности же в предмет правового регулирования включаются, с одной стороны, отношения, которые лежат за пределами сферы правового регулирования, а с другой, не все общественные отношения, входящие в сферу правового регулирования, включаются в его предмет [15, с. 7]. Соглашаясь с общим направлением мысли Н. А. Пьянова, отметим, что предложенные автором формулировки, характеризующие как сферу, так и предмет правового регулирования, представляются избыточными и затрудняют как восприятие самих понятий, так и их соотношение. На наш взгляд, сфера правового регулирования включает общественные отношения, которые должны быть подвергнуты правовому регулированию. В свою очередь, в предмет правового регулирования входят общественные отношения, которые непосредственно урегулированы правом. Идеальное соотношение сферы и предмета правового регулирования предполагает их совпадение, но в реальности этого достичь невозможно. Поэтому, имея достаточно широкую область пересечения, предмет правового регулирования будет как выходить за пределы сферы правового регулирования, демонстрируя его избыточность, так и оставлять неохваченной определенную зону в границах сферы правового регулирования, предполагающей существование пробелов в праве.

Вторая значимая идея, высказанная автором, связана с возможностью соотносить объективные пределы с границами сферы правового регулирования, а субъективные пределы с границами предмета правового регулирования [15]. Следует отметить, что впервые о существовании объективных и субъективных пределов правового регулирования заговорил Л. С. Явич [17, с. 24], а позднее обозначенная классификация нашла отражение в трудах С. С. Алексеева

[4, с. 54–55]. В дальнейшем многие исследователи использовали эту классификацию [12, с. 7]⁶. При характеристике объективных и субъективных пределов правового регулирования отмечается, что объективные пределы связаны с природными и социальными закономерностями и от воли людей не зависят. Субъективные пределы обусловлены деятельностью правотворческих органов. В отличие от предшественников, Н. А. Пьянов рассмотрел объективные и субъективные пределы в соотношении с границами сферы и предмета правового регулирования. Соглашаясь по существу с высказанной точкой зрения, необходимо внести в неё существенное уточнение. На наш взгляд, будет неправильным говорить об объективных и субъективных пределах правового регулирования, поскольку у одного и того же предмета, явления, процесса не может быть двух границ. В силу этого необходимо говорить о пределах сферы правового регулирования, имеющих исключительно объективные основания, и пределах предмета правового регулирования, на установление которых влияют как объективные, так и субъективные факторы.

Подводя итог, необходимо отметить, что в рамках данной статьи приведены не все публикации, затрагивающие проблему пределов правового регулирования. Мы акцентировали внимание на основных, руководствуясь двумя критериями: обращение авторов к заявленной проблеме в прямой постановке и наличие ключевых идей, которые способствовали её дальнейшему развитию. В целом можно констатировать, что к настоящему времени заложен серьёзный фундамент для дальнейшего исследования обозначенной проблемы: осмыслены базовые понятия «сфера правового регулирования» и «пределы правового регулирования»; обозначены различные подходы к проблеме установления критериев пределов правового регулирования; сформирована классификация пределов правового регулирования; намечены основные направления в осмыслении факторов установления пределов правового регулирования. Исследование пределов правового регулирования на протяжении развития юридической науки характеризуется преемственностью: многие положения, высказанные еще в советский период, получили признание и активное развитие на современном этапе. В то же время некоторые идеи не получили должного развития, ряд значимых аспектов в принципе не стали предметом самостоятельного изучения. В связи с этим необходимо обозначить ряд перспективных направлений дальнейшего изучения заявленной темы. К их числу следует отнести: анализ юридических технологий установления пределов правового регулирования, проблемы установления пределов правового регулирования в интерпретационной и правоприменительной деятельности, дальнейшее исследование критериев и факторов установления пределов правового регулирования.

⁶ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (сравнительно-правовой анализ) : дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Минникес Илья Анисимович – Екатеринбург, 2009. – С. 56.

Список литературы

1. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. – Москва: Госюриздат, 1963. – С. 13–14.
2. Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. – 1970. – № 11. – С. 38–44.
3. Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 64–71.
4. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – Москва: Юридическая литература, 1996. – 187 с.
5. Шейндлин Б. В. Норма права и правоотношение / Вопросы общей теории советского права. – Москва: Госюриздат, 1960. – С. 121–147.
6. Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1974. – 161 с.
7. Лукьянова Е. Г. Некоторые проблемы правотворчества в современной России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 6 (275). – С. 159–165.
8. Иванов Р. Л. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2001. – № 4. – С. 6–18.
9. Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. – Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – С. 145.
10. Ткаченко Ю. Г. Некоторые методологические проблемы теории правоотношений / Труды ВЮЗИ. – 1975. – Т. 39. – С. 98–104.
11. Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. – Москва: ИГПН, 1996. – С. 79.
12. Рабинович Н. М. Сферы и пределы правового регулирования: понятие, виды, факторы развития / XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права : межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Издательство Свердловского юридического института, 1987. – С. 52–59.
13. Сильченко Н. В. Границы деятельности законодателя // Советское государство и право. – 1991. – № 8. – С. 14–23.
14. Кудрявцев В. Н., Малейн Н. С. Закон и пределы правомерного поведения // Советское государство и право. – 1980. – № 10. – С. 31–38.
15. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм» // Сибирский юридический вестник. – 2003. – № 1. – С. 3–7.
16. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. – Т. 1. – Казань: Издательство Казанского университета, 1980. – С. 70–71.
17. Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. – Москва: Госюриздат, 1961. – С. 24.

References

1. Bratus' S. N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava. – Moskva: Gosyurizdat, 1963. – S. 13–14.
2. Lazarev V. V. Sfera i predely pravovogo regulirovaniya // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1970. – № 11. – S. 38–44.
3. Lazarev V. V. Opredeleniye sfery pravovogo regulirovaniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 1980. – № 5. – S. 64–71.
4. Alekseyev S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1996. – 187 s.
5. Sheyndlin B. V. Norma prava i pravootnosheniye / Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava. – Moskva: Gosyurizdat, 1960. – S. 121–147.
6. Vitchenko A. M. Metod pravovogo regulirovaniya sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnosheniy. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1974. – 161 s.
7. Luk'yanova Ye. G. Nekotoryye problemy pravotvorchestva v sovremennoy Rossii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 2007. – № 6 (275). – S. 159–165.
8. Ivanov R. L. Predely pravovogo regulirovaniya: ponyatiye i vidy // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2001. – № 4. – S. 6–18.
9. Trofimov V. V. Pravoobrazovaniye v sovremennom obshchestve: teoretiko-metodologicheskii aspekt. – Saratov: Izdatel'stvo GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2009. – S. 145.
10. Tkachenko Yu. G. Nekotoryye metodologicheskiye problemy teorii pravootnosheniy / Trudy VYUZI. – 1975. – T. 39. – S. 98–104.
11. Polenina S. V. Zakonotvorchestvo v Rossiyskoy Federatsii. – Moskva: IGPN, 1996. – S. 79.
12. Rabinovich N. M. Sfery i predely pravovogo regulirovaniya: ponyatiye, vidy, faktory razvitiya / XXVII s'yezd KPSS i razvitiye teorii gosudarstva i prava : mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. – Sverdlovsk, 1987. – S. 52–59.
13. Sil'chenko N. V. Granitsy deyatel'nosti zakonodatelya // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1991. – № 8. – S. 14–23.
14. Kudryavtsev V. N., Malein N. S. Zakon i predely pravomernogo povedeniya // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1980. – № 10. – S. 31–38.

15. *P'yanov N. A.* Konsul'tatsii po teorii gosudarstva i prava. Tema: «Pravovoye regulirovaniye i yego mekhanizm» // *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. – 2003. – № 1. – S. 3–7.

16. *Fatkullin F. N.* Problemy obshchey teorii sotsialisticheskoy pravovoy nadstroyki. – T. 1. – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1980. – S. 70–71.

17. *Yavich L. S.* Problemy pravovogo regulirovaniya sovetskikh obshchestvennykh otnosheniy. – Moskva: Gosyurizdat, 1961. – S. 24.

Статья поступила в редакцию 02.06.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted June 2, 2022; approved after reviewing August 28, 2022; accepted for publication September 16, 2022.

Научная статья

УДК 340.1

doi:10.35750/2071-8284-2022-3-18-25

Ирина Борисовна Ломакина

доктор юридических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

Российская Федерация, 191104, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 44

Проблема понимания правовой идентичности в контексте пост-постмодерна

Аннотация: В данной статье автор ставит проблему понимания правовой идентичности в контексте пост-постмодерна, не сводимого только к современной эпистемологической традиции. Автор показывает, что новая реальность формирует социальные практики, в которых человек утрачивает свою биологическую ограниченность и обретает качества, превращающие его в «постчеловека». Расширение возможностей и включение технологий в природу человека требует осмысления его идентичности, в том числе в сфере права. В статье отмечается, что современные технологии хай-тек и хай-гумо вызвали оживлённую дискуссию между теми, кто стоит за расширение морфологических прав (биохакаеры, трансгуманисты, сторонники философии экстрапианства, постгуманисты и пр.), и теми, кто настороженно относится к прорывным технологиям будущего, видя в них угрозу всему человечеству. Поэтому понимание правовой идентичности современного человека требует вдумчивого, осмысленного и выверенного, в том числе и с точки зрения традиционных ценностей и морали подхода. Для этого научному сообществу предлагается повнимательнее присмотреться к антрополого-правовому подходу как новой исследовательской программе, способной выступить альтернативой западным пост-постмодернистским подходам с сомнительными социальными практиками. Как обосновывается в статье, использование антрополого-правового подхода как разновидности умеренного пост-постмодернистского типа научной рациональности, акцентирующего внимание на контекстуальности правовых феноменов, выглядит более адекватной стратегией, нежели слепое подражание западным дискурсивным практикам. Доказывается, что правовая идентичность человека в рамках обозначенной позиции содержит в себе диалектическое сочетание тождества и различия, которое не противопоставляет себя другому, обеспечивая приемлемые механизмы адаптации к той системе, в которой человек реально живёт, в которой реализует свои социальные статусы в том числе в сфере права. В статье актуализируется идея о том, что правовая идентичность – это конструкт, который формируется человеком на всех этапах его становления как существа, в потенции притягивающего на универсальное пересотворение себя и мира в целом.

Ключевые слова: правовая идентичность, права человека, право, правовой статус, пост-постмодерн, антрополого-правовой подход

Для цитирования: Ломакина И. Б. Проблема понимания правовой идентичности в контексте пост-постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 18–25; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-18-25.

Irina B. Lomakina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Dr. Sci. (Historical.) Professor

<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
44, Liteyny prospekt, Saint Petersburg, 191104, Russian Federation*

The problem of understanding legal identity in the context of post-postmodern

Abstract: In this article, the author poses the problem of understanding legal identity in the context of post-postmodernity, which is not reducible only to the modern epistemological tradition. The author shows that the new reality forms social practices in which a person loses his biological limitations and acquires qualities that turn him into a «post-human». Empowerment and the inclusion of technology in human nature requires understanding of its identity, including in the field of law. The article notes that modern high-tech and high-humo technologies have caused a lively discussion between those who stand for the expansion of morphological rights (biohackers, transhumanists, supporters of the philosophy of extrapianism, posthumanists, etc.), and those who are wary of breakthrough technologies future, seeing them as a threat to all mankind. Therefore, understanding the legal identity of a modern person requires a thoughtful, meaningful and verified approach, including from the point of view of traditional values and morality. To this end, the scientific community is invited to take a closer look at the anthropological-legal approach as a new research program that can act as an alternative to Western post-postmodern approaches with dubious social practices. As substantiated in the article, the use of the anthropological-legal approach as a kind of moderate post-postmodern type of scientific rationality, which focuses on the contextuality of legal phenomena, looks like a more adequate strategy than blind imitation of Western discursive practices. It is proved that the legal identity of a person within the framework of the designated position contains a dialectical combination of identity and difference, which does not oppose itself to another, providing acceptable mechanisms for adaptation to the system in which a person really lives, in which he realizes his social statuses, including in the sphere of rights. The article actualizes the idea that legal identity is a construct that is formed by a person at all stages of his formation as a being, potentially claiming a universal re-creation of himself and the world as a whole.

Keywords: legal identity, human rights, law, legal status, post-postmodern, anthropological and legal approach

For citation: Lomakina I. B. The Problem of Understanding Legal Identity in the context of post-postmodern // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 18–25; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-18-25.

Проблема понимания правовой идентичности не так уж проста, как кажется на первый взгляд. Сократовские «Познай себя!» и «Я знаю, что ничего не знаю!» поставили перед европейским дискурсом проблему, которую до сих пор решить не удаётся. Если согласиться с мыслью Спинозы, что «всё сущее, что есть на земле, хочет быть самим собой» [2, с. 63], то мы должны признать, что это только часть правды, сформулированная великим философом. Вторая часть правды заключается в том, что человек с самого начала своего существования притязал на большее, а именно, он стремился сконструировать свой собственный мир, став тем самым универсальным творцом. Поэтому, как отмечалось в ранее опубликованной нами статье, «человек, будучи, изначально существом универсальным лишь в потенции, притязает на действительную универсальность. Однако в актуальном времени и пространстве человек конструирует и моделирует в процессе эволюции себя и мир

в соответствии со своими ограниченными возможностями, но на эту ограниченную деятельность он накладывает лекала универсализма, примиряя, тем самым, жалкую реальность со своей внутренне универсальной природой» [5, с. 81]. Попытки достичь универсальности первоначально имели символическую форму, поэтому мифология давала большой простор для идентификации себя сначала с тотемом, а позже и с богами. По мере развития новых технологий и включения этих технологий в себя человек постепенно выходит за рамки своих ограниченных возможностей, таким образом пересотворяя предназначенный мир.

В этой связи интересным выглядит факт, что человеческая психика обожествляет человеческое или, по крайней мере, можно говорить о непреодолимом желании человека стать универсальным и бессмертным по образу и подобию Божьему. Поэтому везде, где бы ни находился человек на земле, в небе или на море, он

практически всегда усматривает присутствие Бога (Бог рассматривается в широком смысле как Универсум).

Другой интересный факт заключается в том, что человек постоянно мыслит образами, в которых всегда есть место другому. Этот «другой» может быть кем угодно, включая представителей фауны и флоры, «другой» может быть даже из мира неживой природы, например, высокотехнологичный робот или Алиса в гаджете. Очеловечивание «другого» даёт большой простор для разного рода диалогических практик, в которых, по-видимому, кроются исторические корни анимизма. Сегодня существует новый вид идолопоклонства обозначаемый как «техноанимизм». Примечательно, что феномен «техноанимизма» проявляется даже в культурах, в которых анимизм исторически не существовал, например, в США (индейское аборигенное население в расчёт не берётся, речь идёт только о протестантской «белой» культуре переселенцев из Европы).

Идентифицируя себя с кем-либо, человек символически вступает в диалогическую связь, в которой как в зеркале отражается его самость. Семантическое значение слова «идентичность» означает психологическую, эмоциональную, социальную, правовую связь человека с социально-значимым «другим» («другими») и рефлексии по поводу отождествления и различения себя с ним (с ними).

Итак, рассмотрим проблему понимания правовой идентичности человека в контексте существования пост-постмодерна, о котором пишут сегодня западные философы, социологи, юристы. Дабы нивелировать неопределённость в своих размышлениях по поводу термина «пост-постмодерн», перейдём к эмпирическим фактам. В связи с этим хотелось бы привести несколько примеров, связанных с новыми технологиями, которые расширяют горизонт человеческой идентичности. Возьмём сферу воспроизводства человеком самого себя. Эта сфера на протяжении всего развития человеческого общества сильнее всего реагировала на изменения в культурном пространстве социума. Посмотрим, что происходит сегодня. Революционные преобразования в науке (фармацевтике, генной инженерии и других сферах научного знания) дали возможность, хотя пока в ограниченном варианте, использовать альтернативные природе механизмы воспроизводства человеком самого себя. И эти явления уже не из мира фантастики. Феминистки, фертильные пары и не только возлагают большие надежды на эти технологии, поскольку это даёт возможность одним избежать контакта с теми, с кем они себя не идентифицируют, другим – дополнительные возможности, которые им не дала природа. Уже сегодня существуют технологии в сфере генной инженерии, позволяющие переформатировать человеческий геном, получая на выходе генномодифицированных эмбрионов с уже заранее заданными параметрами (цвет глаз, пол). Данные технологии допускают возможность отсече-

ния гена, отвечающего за передачу наследственных болезней, включая психические патологии, например, эпилепсию, шизофрению и пр.).

Подобные исследования позволяют создавать «дизайнерских детей» (устоявшийся термин в западной науке). В ряде развитых стран производство «дизайнерских детей» под запретом со стороны этических комитетов и ряда общественных организаций, стоящих на страже традиционной системы ценностей, да и законодательство не стремится легализовать подобные ноу-хау, особенно в странах с сильным католическим влиянием. Хотя исследования в этой области, несмотря на неодобрение и даже прямые запреты, несомненно, ведутся «за закрытыми дверями» и в Европе, и в США. Как утверждает Ф. Феррандо, Китай является абсолютным лидером в этом вопросе [12, с. 115], поэтому у Китая по сравнению с другими странами больше возможностей совершить технологический «матч-реванш».

Изменения в сфере половой коммуникации, по свидетельству американских специалистов, привели к более чем 86 вариантам различных сочетаний взрослых семейных пар [11, с. 352]. Наш мир изобилует «причудливыми формами» брачных отношений, которых становится всё больше. Современный брачный союз – это уже не священный союз, в котором мужчина и женщина принимают на себя соответствующие обязательства и где главной идеей выступает забота о потомстве и продолжении рода. Современная семья причудливо сочетает в себе разные социальные статусы. Например, дядя, любовник мамы и даже подруга мамы могут выполнять функции отца. Бракоразводные процессы, отказ иметь детей (чайлдфри), а также нежелание вступать в брак создают особый порядок, плохо вписывающийся в традиционную картину мира и характерный для неё правопорядок в целом [7, с. 71]. А это, в свою очередь, изменяет идентичность человека, в том числе и в сфере права.

Современная гуманитаристика расходится в оценках. Одни исследователи полагают, что современный половой универсализм освобождает человека от вынужденных связей (в том числе, семейных уз, а, вернее, от уз нуклеарной семьи и сопутствующих ей брачных обязанностей). Современный человек может отказаться от брака так же легко, как и вступить в него. Универсализация человека, в том числе и в этой приватной сфере, рассматривается некоторыми исследователями через призму расширения прав человека и гуманизацию отношений, которая, по их мнению, с западной экспансией не связана. Так, например, Р. Инглхарт, К. Вельцель полагают, что «...утверждение ценностей самовыражения превращает модернизацию в процесс человеческого развития, ведёт к формированию гуманистического общества нового типа.... Этот процесс отражает гуманистическую тенденцию модернизации» [3, с. 77]. Расширенный спектр прав человека сегодня формирует иной тип правовой коммуникации [8, с. 487], предпо-

лагающий другой этос и другой набор ожиданий, а также и других ценностей, в том числе институционализированных в правопрядке пока только в ряде стран Западной Европы, таких как Нидерланды, отчасти США и Германия.

Другая проблема, которая тоже уже не из мира фантастики и которая требует осмысления на предмет проблемы понимания человеческой идентичности – это возможность чипирования человека. Кем будет человек в таком новом качестве, какой статус он будет иметь, в том числе в сфере права? Будет ли такой человек рационально мыслящим индивидом, ответственным за свои поступки? Ведь новое качество человека (новая его природа) делает его киборгом или зомби. Можно усомниться в том, что такой человек будет в своих поступках руководствоваться совестью и моралью. Не станет ли такой человек или сверхчеловек (Ницше), постчеловек (пост-постмодернизм) игрушкой, марионеткой в руках злодея или доброго гения, который захочет преобразовать мир и сделать этот мир царством всеобщей любви, в котором каждому будет предписана строго определённая роль как, например, в «Государстве» Платона? Можно вспомнить более свежий пример: «Третий рейх» с чистокровными ариями и остальными париями, должными находиться в услужении у новых брахманов преобразованного мира.

Переводя внимание с чисто практических вопросов об изменении, а отчасти и о снятии человеческого биологизма, в плоскость чисто научных рассуждений, отметим, что современный гуманитарный дискурс оказался небезучастным, о чём уже говорилось выше. Поэтому рассмотрим европейскую научную пост-постмодернистскую традицию, актуализирующую проблемы идентичности человека в контексте расширения морфологических прав. Как нам представляется, именно трансгуманизм как пост-постмодернистский подход преуспел больше других в данном вопросе, а именно, в расширении возможностей постчеловека моделировать себя по собственному усмотрению, добываясь таким образом выхода в «царство абсолютной свободы». Так, например, известный английский философ и футуролог Макс Мор, поддерживающий философию трансгуманизма и трансгуманистическую философию экстропианства, пишет, что морфологическая свобода человека – это «возможность менять по собственному желанию форму тела, используя такие технологии, как хирургия, генная инженерия, нанотехнология, загрузка сознания в компьютеры» [12, с. 73]. Вообще стоит отметить, что понятие морфологической свободы получило широкое распространение в сообществе биохакеров.

Именно биохаkers перед научным сообществом, политическим истеблишментом и широким кругом общественности ставят вопросы о расширении прав человека на изменение самого себя, включая самостоятельное определение гендерной принадлежности. Данный пост-постмодернистский подход не может быть признан безупречным ни с точки зрения тради-

ционной системы ценностей, ни с точки зрения здравого смысла, поскольку возникает основной вопрос: не ведёт ли расширение морфологической свободы человека к нанесению ущерба самому себе и другим и не подрывает ли такая свобода само существование человека или даже постчеловека как морально ответственного существа?

Поэтому новые технологии рожают парадоксы. Так, если, электронные кардиостимуляторы, высокотехнологичные протезы и пластическая хирургия стали обычными практиками модификации тела, а имплантация радиочастотных идентификаторов, чипов активирующих центры мозговой активности с целью повышения когнитивных способностей, – уже данность, то как воспринимать новость о том, что робот-гуманоид София (разработанный гонконгской компанией Hanson Robotics в 2015 г.) на саммите «Инвестиционная инициатива будущего», проходившем 25 октября 2017 г. в Эр-Рияде, получил правовой статус подданной Саудовской Аравии?

Парадоксальность ситуации заключается в том, что признание робота подданным в этой ортодоксальной исламской стране, где треть населения не имеет соответствующего правового статуса [4, с. 53], по крайней мере, выглядит вызывающе как с точки зрения всеобщего, т. е. исламской культуры в целом, так и с точки зрения единичного, т. е. отдельно взятого правоверного саудита, чьи установки на «кровь и почву» всегда были и остаются доминирующими.

Так, например, Конституцию Саудовской Аравии составляют общие принципы, в которых доминирующее значение отводится религии и статусу религиозного права в системе права Королевства. Под религиозным правом понимаются положения Священного Корана и Сунны Пророка, которые по сути имеют прямое действие. Правовой статус определяется нормами шариата (религиозных предписаний) и фикха (мусульманской юриспруденции). Правовой статус женщин по-прежнему отличается от правового статуса мужчины. Весьма показательным является пример с наделением правом управлять велосипедом женщин (в 2013 г.) при условии сохранения традиционной одежды (длинного традиционного арабского женского платья с рукавами чёрного цвета и хиджаба – головного убора, закрывающего голову), избегания людных мест и обязательного мужского сопровождения близкого родственника мужского пола, способного оказать ей помощь в случае падения.

Трудно представить подобное зрелище на густонаселённой улице Санкт-Петербурга. Данный пример далеко не хрестоматийный, но он как нельзя ярче высвечивает противоречия в саудовском обществе между технологиями ноу-хау в лице робота-гуманоида гонконгского производства и положением реальных женщин в этой по-своему уникальной стране, сочетающей патриархальный традиционализм и элементы трансгуманизма.

Ещё один пример, тоже по-своему парадоксальный, явила миру Япония. В этой традиционалистской стране впервые в мире (в 2010 г.) была проведена свадьба с участием робота-священника. Вряд ли в Японии – стране с достаточно сильными синтоистскими традициями не хватает священников, призванных скрепить священный союз перед Богом и людьми. Робот-священник – это не просто гуманоид, призванный облегчить жизнь в домашнем хозяйстве, и не просто поводырь лиц с ограниченными возможностями, это также не способ удовлетворения базовых потребностей человека, а ни много ни мало связующее звено между миром людей и миром трансцендентного, выходящего за пределы чувственного опыта, другими словами, мира богов.

Конечно, данный феномен можно увязать с традицией анимизма как составляющей части японского синтоизма, но всё же этот пример показывает культурные сдвиги в сторону трансгуманизма как новой парадигмы человеческого бытия. Хотя также не стоит сбрасывать со счетов то обстоятельство, что интеллектуальная традиция Японии ещё на заре постмодерна пыталась гуманизировать появление искусственного интеллекта и вывести его в сферу духа. Так, ещё в 1974 году инженер учёный-робототехник Масахиро Мори (президент Исследовательского института в Токио является популяризатором синкретических идей о смешении религиозных догматов с научными идеями)¹ в своей книге «Будда в роботе» изобразил роботов в качестве духовных существ, способных достичь просветления: «С точки зрения Будды, между людьми и машинами не может быть отношения раба и господина. Человек достигает достоинства не тогда, когда подчиняет себе свои механические изобретения, а когда признаёт в машинах и роботах ту же природу Будды, что пронизывает и его внутреннее Я. Только тогда он приобретает способность конструировать хорошие машины и управлять ими, преследуя благие цели. Таким образом достигается гармония людей и машин». С точки зрения М. Мори, не существует иерархического отношения между людьми и роботами: машины и люди сделаны из «одной и той же природы Будды» [12, с. 200].

Таким образом, можно констатировать, что вплетение ноу-хау в культурную матрицу порождает структурные изменения как на макроуровне (уровне культуры в целом), так и на микроуровне (уровне отдельно взятого человека). Новые технологии подрывают старые паттерны культуры, порождая новые феномены, такие как, например, «технологический анимизм». Возникновение технологического анимизма в Европе и в США не имело благодатной почвы, поскольку дуальность, свойственная европейской рационалистической традиции, не предполагала целостности в её изменчивых

неопределённых переходах, как, например, дао – в восточной конфуцианской традиции или брахма – в индуистской традиции [9, с. 30]. Наделение трансцендентной сущностью материальных вещей – признак восточной культуры.

Ещё один парадокс, который вписывается в рамки пост-постмодерна и тоже связан с новым анимизмом – это наделение правовым статусом субъекта амазонского леса. Звучит по крайней мере странно, но, как отмечает Ф. Феррандо, ссылаясь на официальные источники, именно Верховный суд Колумбии даровал лесу юридические права личности, создав тем самым прецедент в политике в области изменения климата. Стоит отметить, что это «постановление было принято после того, как группа из 25 человек в возрасте от 7 до 26 лет подала заявление в суд, в котором было указано, что нарушаются их конституционные права на жизнь, пищу и воду» [12, с. 200].

Таким образом, новая реальность порождает новые сдвиги в онтологическом и эпистемологическом восприятии человеком самого себя. Человека, который в процессе своей эволюции превращается, по мысли большинства европейских философов и футурологов, в постчеловека. В связи с этим ещё один вопрос, который предстоит поставить перед читателями в данной статье: в чём кроется принципиальная разница между человеком и постчеловеком? Может, в потере своей человеческой идентичности и обретении новой постчеловеческой? Если согласиться с этой идеей, а, именно, что современный человек (человечество) уже не совсем человек в классическом смысле, что он мучительно изо дня в день преодолевает свою природную ограниченность (возможность редактирования генома, переформатирования клеток, их искусственного выращивания, искусственного оплодотворения, технологии чипирования, креация и клонирование, повсеместное использование искусственного интеллекта и т. п.); что он, то есть человек (человечество) уже одной ногой стоит у «врат Божьих» и до бессмертия ему осталось ровно один шаг, то волей-неволей приходится задуматься о том, как меняется его идентичность.

Постчеловеческая идентичность – это идентичность, в которую входят помимо самого человека, также технологии, в потенции, изменяющие само существование человека, а также искусственный интеллект? Какие статусы порождает постчеловеческая идентичность в правовом отношении, расширяя границы свободы до свободы конструировать и модифицировать себя по собственному разумению или, наоборот, сужая рамки дозволенного до осуществления базовых потребностей (есть, пить и размножаться)? Это далеко не весь круг вопросов, на которые предстоит ответить человечеству в ближайшем будущем.

Существующие в современной гуманитаристике подходы изобилуют разными сценариями развития человека (человечества). Одни исследователи, например, трансгуманисты, полагают,

¹ Мори Масахиро [Электронный ресурс] // Сайт «Википедия». – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мори,_Масахиро (дата обращения: 18.04.2022).

что человечество преодолевает свою биологическую ограниченность или природную ничтожность и с помощью новых технологий достигнет бессмертия. Так, Рэймонд Курцвейл (известный американский изобретатель и футуролог, технический директор Google, его также причисляют к движению биохакеров) в своей работе «Сингулярность близка: когда люди преодолеют биологию», а также в книге «Преодоление», написанной совместно с доктором медицинских наук Терри Гроссманом, предсказывает человечеству долгую, а возможно, и вечную жизнь.

Р. Курцвейл и его единомышленники полагают, что, эволюционируя, человечество по-прежнему будет иметь человеческое тело, но эти тела станут изменчивыми проекциями человеческого разума [12, с. 153]. Вот ещё одна трансгуманистическая гипотеза, сформулированная не без теоретического обоснования Курцвейлом и верой в возможности искусственного интеллекта: «Люди, построенные как программное обеспечение, преодолеют жёсткие ограничения людей, известных нам сегодня, и уйдут далеко вперёд» [12, с. 153]. Анализируя идеи Р. Курцвейла, в контексте другого пост-постмодернистского подхода, а именно, постгуманизма, Ф. Феррандо весьма критически замечает, что в предсказаниях Курцвейла «немало футуристического энтузиазма» [12, с. 153]. Предлагая иной ракурс понимания биологичности (тела) и разума (сознания), Ф. Феррандо ратует за их преодоление в постчеловеке, который, по её мысли уже сейчас живет на Земле.

Однако некоторые исследователи полагают, что современные изменения, происходящие в социальной практике, не столь уж существенны, так как они по-прежнему вписываются в систему координат культуры модерна. Отсюда делается вывод, что современные ноу-хау в социальной сфере «не ведут к отмиранию и исчезновению религии и других аспектов традиционного культурного наследия. ... хотя индустриализация повышает уровень образования и благосостояния, мы не движемся к глобальному единообразию культуры – о конвергенции культур не может быть и речи. Культурное наследие демонстрирует поразительную устойчивость. Модернизация в культурной сфере не является необратимой. ... Важнее всего то, что утверждение ценностей самовыражения превращает модернизацию в процесс человеческого развития, ведёт к формированию гуманистического общества нового типа... Этот процесс отражает гуманистическую тенденцию модернизации» [3, с. 76–77].

Конечно, некоторые изменения вполне могут вписываться и вписываются в рамки преемственности определенной культурной традиции. Но всё же стоит признать, что метафора «будущее сегодня не то, что было вчера» [10, с. 128], как нельзя лучше показывает современное положение дел в социальной практике в целом, и в науке в частности.

Новое осмысление изменяющейся реальности плохо вписывается в «историю, написан-

ную однажды». Новое осмысление реальности требует новых историй, в которых нет априори счастливого конца. Конец повествования может быть любым и совсем не обязательно счастливым, хотя первый вариант более привлекателен.

Тотальная плюральность, выходящая за рамки традиционного порядка, возможно, когда-нибудь при соответствующем уровне накопленного общественного богатства (и благосостояния каждого) гипотетически явит миру универсального творца, лишённого всяческих зависимостей. Возможно, когда-нибудь сформируется универсальный правопорядок, в котором «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (до боли знакомый принцип, оставшийся от марксизма) станет реальностью. Однако сегодня, когда ещё не сложились необходимые материальные условия жизни и соответствующая этим материальным условиям жизни ментальность², говорить о расширении морфологических прав и новой гуманизации отношений в рамках пост-постмодернистской культуры, по крайней мере, рано. Осколочность и фрагментарность бытия современного человека порождает у него чаще фрустрации, чем ощущение счастья. Возможно, поэтому разумный патернализм, вписанный в традицию ряда государств, как правило, западной ориентации, может быть неким паллиативом, примиряющим человека с той действительностью, с которой он столкнулся один на один в уже «малознакомом» и «малопонятном» месте.

Поэтому закрепление традиционных ценностей в Конституции Российской Федерации показывает нежелание российского общества следовать по дороге, ведущей в универсализм пост-постмодерна, пока причудливо сочетающего в себе различные осколочные, уродливые (с точки зрения традиционных ценностей) феномены, такие как однополые браки, рождение детей от трёх и более родителей, с использованием генно-модифицирующих природу генома технологий и пр.

Российский дискурс более сдержанно относится к пост-постмодернистским «ноу-хау» и предлагает рассматривать человека и его идентичность в контексте существующих традиций³. Поэтому, как полагает А. Б. Гофман именно традиция скрепляет общество, а её «разрыв приводит к ценностному выхолащиванию и превращению этой традиции в пустую форму, лишённую адекватного современным реалиям содержания» [1, с. 369–370]. Стоит обратить внимание, что российскому теоретико-правовому дискурсу предстоит решить сложную эпистемологическую и практическую задачу, связанную с пониманием правовой идентичности, и в связи с этим представляется, что хорошо бы

²Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Конституционализм и конституирующие принципы как факторы легитимации правовой системы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – №1 (81). – С. 37–44.

³Ломакина И. Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – №1 (89). – С. 17–25.

расширить позитивную программу социокультурной антропологии права как ответ на вызов постмодерна и весьма сомнительных пока ещё пост-постмодернистских практик. И если взять за основу именно культурно-антропологический подход, то изучение человека, его правовой идентичности следует начинать с конкретного социокультурного контекста.

Социокультурный контекст в таком ключе представляет все материальные условия жизни людей и их ментальность. Все социальные институты, в том числе правовые, представляют исторически выверенные культурные стандарты, выведенные из основополагающих материальных и ментальных начал. Сформированные в процессе самой жизни, они всегда несут и несли на себе печать времени и пространства, породивших их. Отсюда специфический характер понимания правовой идентичности и правового статуса человека.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что антрополого-правовой подход, разрабатываемый в русле умеренного пост-постмодерна являет более конструктивную парадигму познания и понимания человека в мире в целом и в мире права. Правовая идентичность человека с позиций пост-постмодерна должна содержать в себе диалектическое соче-

тание тождества и различия, которое не противопоставляет себя другим, а всё же ищет приемлемые механизмы адаптации к той системе, которая, действительно, в ряде случаев может господствовать над душами страждущих (традиционное общество). Поэтому пока одникупаются в грязном, но метафизически чистом Ганге, а потом натирают свое тело прахом умерших предков, другие активно ищут свой гендер, мучительно примеряя то одно платье, то другое, представляя своё тело для бесконечных половых экспериментов.

А смысл, как представляется, заключается в том, что и в первом, и во втором случае человек стремится раздвинуть рамки своего бренного существования и приобщиться к некоему Универсуму, расширив тем самым свою идентичность, в том числе в сфере права. Однако правовая идентичность – это юридический статус, закреплённый в образцах поведения, и конкретный человек своими практическими действиями и психическими переживаниями, неотделимыми от поведенческих актов, осуществляет свои правомочия в социально значимой сфере [13, с. 16], соизмеряет свое поведение с другими, теми, кто конструирует правовую реальность, и теми, кто вынужден «играть» по этим правилам.

Список литературы

1. Гофман А. Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков / Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А. Б. Гофмана. – Москва: Политическая энциклопедия, 2008. – С. 9 – 62.
2. Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том IV. – С. 63–87.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – Москва: Новое издательство, 2011. – 464 с.
4. Кауракова М. В. Саудовская Аравия. Особенности правового режима иностранной собственности // Экономика. Право. Общество. – № 4 (12). – 2017. – С. 52–60.
5. Ломакина И. Б. Мифологическое мышление как протоправовое явление // Криминалист. – 2019. – № 3 (28). – С. 81–85.
6. Ломакина И. Б. Метамодерн и антропология права как два ответа на вызовы постмодернизма // Криминалистика. – 2020. – № 3 (32). – С. 81–85.
7. Ломакина И. Б. Конструктивистская антрополого-правовая концепция правопорядка / Правопорядок: элементы общей теории : монография / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. И. Клименко. – Москва: Проспект, 2020. – С. 63–79.
8. Луковская Д. И. Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 484–498.
9. Рахманкулова Н. Ф. Ценности и возникновение национальной философской традиции (Индия и Китай) // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 2000. – № 1. – С. 19–35.
10. Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – 2-е изд., доп. / пер. с англ. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 587 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна. – Москва: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
12. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.
13. Честнов И. Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2010. – № 14. – С. 15–20.

References

1. Gofman A. B. Ot kakogo nasledstva my ne otkazyvayemsa? Sotsiokul'turnyye traditsii i innovatsii v Rossii na rubezhe XX–XXI vekov / Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskii analiz vzaimodeystviya i dinamiki / pod red. A. B. Gofmana. – Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, 2008. – S. 9–62.

2. *Gurevich P. S.* Problema identichnosti cheloveka v filosofskoy antropologii // *Voprosy sotsial'noy teorii*. – 2010. – Tom IV. – S. 63–87.
3. *Inglkhardt R., Vel'tsel' K.* Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. – Moskva: Novoye izdatel'stvo, 2011. – 464 s.
4. *Kaurakova M. V.* Saudovskaya Araviya. Osobennosti pravovogo rezhima inostrannoy sobstvennosti // *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*. – № 4 (12). – 2017. – S. 52–60.
5. *Lomakina I. B.* Mifologicheskoye myshleniye kak protopravovoye yavleniye // *Kriminalist*. – 2019. – № 3 (28). – S. 81–85.
6. *Lomakina I. B.* Metamodern i antropologiya prava kak dva otveta na vyzovy postmodernizma // *Kriminalist*. – 2020. – № 3 (32). – S. 81–85.
7. *Lomakina I. B.* Konstruktivistskaya antropologo-pravovaya kontseptsiya pravoporyadka / *Pravoporyadok: elementy obshchey teorii : monografiya / pod obshch. red. M. A. Belyayeva, V. V. Denisenko, A. I. Klimenko*. – Moskva: Prospekt, 2020. – S. 63–79.
8. *Lukovskaya D. I.* Pravovaya legitimnost' kak dialog zakonodatelya s yego adresatami o prave i spravedlivosti // *Pravovedeniye*. – 2021. – T. 65. – № 4. – S. 484–498.
9. *Rakhmankulova N. F.* Tsennosti i vzniknoveniye natsional'noy filosofskoy traditsii (Indiya i Kitay) // *Vestnik MGU. Seriya 7. Filosofiya*. – 2000. – № 1. – S. 19–35.
10. *Taleb N. N.* Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti. – 2-ye izd., dop. / per. s angl. – Moskva: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020. – 587 s.
11. *Toffler E.* *Tret'ya volna*. – Moskva: ООО «Firma «Izdatel'stvo AST», 1999. – 784 s.
12. *Ferrando F.* *Filosofskiy postgumanizm / per. s angl. D. Kralechkina; pod nauch. red. A. Pavlova; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»*. – Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2022. – 360 s.
13. *Chestnov I. L.* Sotsial'noye konstruirovaniye pravovoy identichnosti v usloviyakh globalizatsii // *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo*. – 2010. – № 14. – S. 15–20.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted June 20, 2022; approved after reviewing August 29, 2022; accepted for publication September 09, 2022.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 349
doi:10.35750/2071-8284-2022-3-26-32

Николай Андреевич Кулаков
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-8118-3667>, 2-kvadrat@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Осмотр как мера обеспечения по делам об административных правонарушениях, посягающих на интеллектуальную собственность в сети интернет

Аннотация: Развитие интернета сегодня достигло глобальных масштабов, что способствовало переходу значительного массива общественных отношений в цифровой формат. Естественным продолжением этого процесса стал рост правонарушений, совершаемых в глобальной сети. К числу наиболее уязвимых в этом смысле объектов правовой охраны относится интеллектуальная собственность. Вместе с тем действующее административно-процессуальное законодательство не предусматривает правовых инструментов, позволяющих осуществить надёжную с юридической точки зрения фиксацию доказательств в интернете. Цель настоящей статьи – разработать предложения по законодательному закреплению процессуального осмотра веб-страницы как меры обеспечения по делам об административных правонарушениях. Методология: в работе использовались общие методы познания – сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, системного, структурного и функционального подхода и т. д. Результаты: проведённое исследование позволило автору сформулировать ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства. Во-первых, предлагается закрепить в действующем административно-процессуальном законодательстве единое унифицированное понятие и содержание процессуального осмотра как меры обеспечения по делам об административных правонарушениях, а также требования к его проведению. Во-вторых, специфика веб-страницы как объекта осмотра предполагает, что требования к её осмотру следует закрепить в отдельной правовой норме, признав данное процессуальное действие специальной разновидностью процессуального осмотра в целом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, административная ответственность, меры обеспечения, осмотр, интернет

Для цитирования: Кулаков Н. А. Осмотр как мера обеспечения по делам об административных правонарушениях, посягающих на интеллектуальную собственность в сети интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 26–32; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-26-32.

Nikolai A. Kulakov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-8118-3667>, 2-kvadrat@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Inspection as a security measure in cases of administrative offences infringing on intellectual property on the Internet

Abstract: The development of the Internet today has reached a global scale, which served the transition of a significant array of public relations to a digital format. The natural continuation of this process was the increase in the number of offenses, the place of which is the global network. Among the most vulnerable objects of legal protection in this sense is intellectual property. However, the current administrative and procedural legislation does not provide for sufficient tools to enable the legal recording of evidence on the Internet. The purpose of this article is to develop proposals to legislate the procedural inspection of the web page, as security measures in cases of administrative offenses. Methodology: the work used general methods of cognition - comparison, analysis, synthesis, abstraction, a systemic, structural and functional approach, etc. Results: conducted the study allowed the author to formulate a number of proposals to improve existing legislation. Firstly, it is proposed to establish in the current administrative and procedural legislation a single unified concept and content of procedural examination, as security measures in cases of administrative offenses, as well as requirements for its conduct. Secondly, the specificity of the web page as an object of inspection suggests that the requirements for its inspection should be fixed in a separate legal norm, recognizing this procedural action as a special kind of procedural inspection in general.

Keywords: intellectual property, administrative responsibility, security measures, inspection, Internet

For citation: Kulakov N. A. Inspection as a measure of security in cases of administrative offenses infringing on intellectual property on the Internet // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 26–32; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-26-32.

Современную систему общественных отношений невозможно представить без интернета, ставшего неотъемлемой частью жизни подавляющего большинства людей. Интернет – явление многоаспектное, глубоко проникшее в нашу повседневную жизнь и выполняющее две важнейшие функции – информационную и коммуникационную. Возможности интернета с точки зрения отдельно взятых индивидов практически неограничены. Как следствие, с каждым годом все больше общественных отношений возникает и развивается в «виртуальном» формате, внутри сети.

Интернет представляет собой «киберпространство», которое, как и реальную среду социума, можно разделить на частный и публичный сегменты. Закрытая личная информация в социальных сетях, личные сообщения – элементы частного пространства в интернете. Напротив, те сегменты сети, доступ к которым неограничен, следует рассматривать как особую разновидность общественного места. В обоих этих сегментах ежедневно возникают миллионы новых социальных связей и отношений, взаимные обязательства, договорённости, происходит постоянный обмен информацией. Как следствие, виртуальное пространство становится не только местом удовлетворения информационных и коммуникационных потребностей, но и местом ведения бизнеса, трудовой деятельно-

сти. К сожалению, в таких условиях неизбежно и использование «киберпространства» для совершения различного рода правонарушений.

Одним из наиболее уязвимых в этом смысле объектов правовой охраны является интеллектуальная собственность. Объекты авторских, патентных и других разновидностей интеллектуальных прав, средства индивидуализации товаров, представляя собой нематериальные ценности, в большом количестве приобретают объективную форму в интернете и зачастую становятся предметом противоправных действий. Как отмечается в научной литературе, к числу наиболее характерных нарушений интеллектуальных прав в глобальной сети относятся:

- распространение литературных и музыкальных произведений без согласия правообладателей;
- введение в оборот контрафактных товаров;
- регистрация доменных имен, вступающих в конфликт с правами на товарные знаки и другие средства индивидуализации, и др. [1, с. 45; 2, с. 34; 3, с. 123].

При всех особенностях киберпространства как места совершения правонарушений право интеллектуальной собственности обладает всей полнотой юридической силы и здесь. Абсолютно правы специалисты, по мнению которых порядок использования интеллектуальной соб-

ственности в интернете аналогичен порядку её использования в материальном мире [4, с. 117; 5, с. 67].

В полной мере на нарушения интеллектуальных прав в интернете распространяется и административная ответственность, предусмотренная ст. 7.12 (нарушение авторских и смежных прав) и ст. 14.10 (незаконное использование средств индивидуализации товаров) КоАП РФ. В связи с этим одной из актуальных проблем противодействия административным правонарушениям, посягающим на интеллектуальные права в интернете, является проблема процессуальной фиксации действий правонарушителя и их результатов. Ключевым процессуальным действием в данном случае является проведение осмотра, объектом которого выступают одна из несколько страниц интернет-ресурса (так называемых веб-страниц).

В настоящий момент процессуальный раздел КоАП РФ предусматривает два вида осмотров: осмотр места совершения административного правонарушения (ст. 28.1.1 КоАП РФ) и осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся на них объектов (ст. 28.10 КоАП РФ). В силу прямого указания законодателя в ст. 28.1.1 КоАП РФ первое из перечисленных процессуальных действий проводится исключительно при совершении административного правонарушения, связанного с нарушением правил дорожного движения и повлекшего наступление последствий в виде вреда здоровью лёгкой или средней степени тяжести (ст. 12.24, ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ). Таким образом, применить указанный вид осмотра в целях фиксации нарушения интеллектуальных прав, в том числе в сети интернет, действующее законодательство не позволяет.

Осмотр территорий и помещений, предусмотренный ст. 28.8 КоАП РФ, напротив, вполне может быть применён в связи с нарушением интеллектуальных прав в киберпространстве. Пока это единственное процессуальное действие, предусмотренное КоАП РФ, позволяющее осмотреть любые объекты, в том числе веб-страницу (веб-страницы) в сети интернет.

Вместе с тем использование данной меры обеспечения по делу в целях фиксации правонарушения, местом которого является киберпространство, содержит в себе высокие риски признания полученных результатов недопустимыми с точки зрения процесса доказывания. Прежде всего вероятность описанного выше исхода связана со спецификой интернет-страницы как объекта осмотра.

Во-первых, объектом осмотра, в соответствии со ст. 27.8 КоАП РФ, являются территории, помещения либо элементы, расположенные на них. На наш взгляд, нематериальные объекты (в частности, веб-страницы и размещённые на них объекты интеллектуальных прав) могут выступать объектом осмотра, предусмотренного ст. 27.8 КоАП РФ, наряду с объектами материального мира. Однако нет никаких гарантий,

что аналогичным образом будут рассуждать должностные лица судебных и административных органов при оценке доказательств. Как представляется, высока вероятность, что значительная часть субъектов правоприменения в принципе не воспримет веб-страницу в качестве объекта осмотра, предусмотренного ст. 27.8 КоАП РФ.

Кроме того, серьёзной проблемой является отсутствие законодательных требований к протоколу осмотра веб-страницы. В соответствии с ч. 4 ст. 27.8 КоАП РФ в протоколе осмотра отражаются сведения об осматриваемых территориях и помещениях, о виде, количестве, об иных идентификационных признаках вещей, о виде и реквизитах документов. Вместе с тем после принятия решения о применении осмотра, предусмотренного ст. 27.8 КоАП РФ, в целях фиксации веб-страницы у должностного лица возникнут абсолютно закономерные вопросы, связанные с обеспечением допустимости полученных доказательств: какие требования предъявляются к оформлению протокола осмотра; какие реквизиты применённых технических средств и веб-страницы должны обязательно быть отражены в протоколе осмотра; каков механизм получения и фиксации информации, полученной в сети интернет?

Таким образом, применение осмотра, предусмотренного ст. 27.8 КоАП РФ в целях фиксации посягательств на интеллектуальную собственность в сети интернет, содержит в себе высокие риски признания полученных доказательств недопустимыми. Также обращает на себя внимание тот факт, что ст. 27.8 КоАП РФ регламентирует осмотр объектов, принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю. Рассматриваемая мера обеспечения по делу не может быть применена в отношении объектов (в том числе веб-страниц, сайтов), принадлежащих физическим лицам, не обладающим статусом предпринимателя.

Осмотр объектов в сети интернет в большинстве случаев эффективнее осуществлять без посещения территорий и помещений, принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю (например, в присутствии понятых или с использованием технических средств фиксации в служебном помещении). Это логично с точки зрения соблюдения принципов экономичности и быстроты административного процесса, особенно учитывая, что далеко не всегда известен владелец интернет-ресурса, подлежащего осмотру (его можно установить при помощи вспомогательных программных средств непосредственно в ходе осмотра, о чем речь пойдет ниже).

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод о целесообразности дополнения действующего законодательства нормами, регламентирующими основания и порядок проведения осмотра веб-страницы. В связи с этим необходимо отметить, что проблема регламентации осмотра как процессуального действия в рамках производства по делам об администра-

тивных правонарушениях активно обсуждается в научной литературе. Следует согласиться с тем, что сущность осмотра заключается в чувственном (зрительном, осязательном, обонятельном) обследовании определённых объектов, проводимом для установления обстоятельств, имеющих значение для дела [6, с. 212].

Как представляется, в процессуальном законодательстве, регламентирующем производство по делам об административных правонарушениях, следует закрепить понятие процессуального осмотра. В его основу могут быть положены признаки осмотра, сформулированные выше: это чувственное обследование объектов, направленное на установление и фиксацию обстоятельств, имеющих значение по делу об административном правонарушении. Дополнить данное определение необходимо указанием на то, что обследование объектов может осуществляться при помощи технических и программно-компьютерных средств, а также уточнением, что объект осмотра может быть как материальным (вещи), так и нематериальным (веб-страницы, звуки, запахи и т. п.).

В законе следует уточнить, что при необходимости к проведению процессуального осмотра привлекается специалист, а конструктивная целостность обследуемого объекта может быть нарушена. Также, безусловно, важно закрепить процессуальные требования к проведению осмотра, возможные способы фиксации результатов осмотра и содержание документального оформления хода процессуального действия.

При таком подходе законодателя с помощью процессуального осмотра можно будет обследовать места административных правонарушений – любые территории и помещения (за исключением жилых, для принудительного осмотра которых требуется судебное решение), вещи и документы, транспортные средства и иные объекты. Процессуальный осмотр как мера административно-процессуального обеспечения, значительно расширит возможности, предусмотренные действующим законодательством в части осмотра места происшествия (ст. 28.1.1 КоАП РФ) и осмотра объектов, принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю (ст. 27.8 КоАП РФ). Сформулированные нами законодательные предложения предполагают отказ от вышеуказанных обеспечительных мер и их замену такой мерой обеспечения, как процессуальный осмотр.

Отметим также, что законодательное закрепление процессуального осмотра в качестве меры обеспечения по делам об административных правонарушениях следует осуществить унифицированно для целого ряда законодательных актов. Соответствующие изменения в едином юридико-техническом варианте должны быть закреплены не только в КоАП РФ (либо кодифицированном акте, который заменит действующий КоАП РФ), но и в специальных федеральных законах, регламентирующих правовое положение правоохранительных органов

– субъектов административной юрисдикции (ФЗ «О полиции»; ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ»; ФЗ «Об обороне» и Устав военной полиции Вооруженных сил РФ; ФЗ «О федеральной службе безопасности»). Важно, чтобы внесение соответствующих изменений носило системный единомоментный характер, а закрепляемые понятия имели идентичные формулировки.

В отдельной законодательной регламентации нуждается процессуальный осмотр веб-страницы. По нашему мнению, специфика веб-страницы как объекта осмотра предполагает закрепление требований к её осмотру в отдельной правовой норме. Безусловно, в ходе осмотра веб-страницы должностное лицо может ограничиться приложением к протоколу скриншота самой веб-страницы, а также видеозаписи хода процессуального действия. Анализ правоприменительной практики демонстрирует, что подобный подход реализуется должностными лицами полиции для документирования отдельных составов правонарушений, не связанных с нарушением интеллектуальных прав¹.

Редкие попытки применить описанный алгоритм при документировании правонарушений, посягающих на интеллектуальную собственность и приравненные к ней средства индивидуализации товаров, не всегда устраивают судебные органы. Показательна в этом смысле формулировка Суда по интеллектуальным правам, согласно которой принт-скрин страницы интернет-сайта не может быть признан доказательством совершения правонарушения ввиду отсутствия возможности установить дату данного принт-скрина и лицо, производившее осмотр сайта².

В контексте рассматриваемой темы интересным представляется опыт правоприменительной практики в рамках гражданского и арбитражного процесса. При рассмотрении соответствующей категории дел в качестве доказательств нередко используются результаты нотариального осмотра веб-страниц, оформленные протоколом³.

Необходимо отметить, что нотариальный осмотр веб-страниц в настоящее время является достаточно распространенным явлением. Об этом свидетельствует как судебная практика, так и многочисленные юридические исследования, посвященные данной тематике [7, с. 11; 8, с. 42]. Нотариальный осмотр является одним из нотариальных действий, предусмотренных действующим законодательством о нотариате.

¹ См., например: Постановление Верховного Суда РФ от 13 августа 2021 г. № 81-АД21-9-К8; Постановление Верховного Суда РФ от 15 января 2021 г. № 45-АД20-8 // СПС Консультант плюс.

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 марта 2018 г. № С01-1165/2017 по делу № А19-10284/2017 // СПС Консультант плюс.

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 августа 2021 г. № С01-976/2021 по делу № А40-232321/2020; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 июня 2021 г. № С01-974/2021 по делу № А40-338270/2019 // СПС Консультант Плюс.

По результатам нотариального осмотра веб-страницы нотариус составляет соответствующий протокол, который, будучи предъявленным в ходе судебного разбирательства, вызывает у судебных органов гораздо большее доверие в качестве доказательства, чем просто скриншот веб-страницы (даже изготовленный в присутствии свидетелей). Как отмечается в литературе, в протоколе нотариального осмотра веб-страницы следует отразить следующую информацию:

- дата, время и место проведения осмотра;
- сведения о заинтересованных лицах, которые участвуют в осмотре;
- сведения о нотариусе, который производит осмотр;
- обстоятельства, обнаруженные при осмотре: администратор домена, соответствие символического адреса сайта его настоящему IP-адресу (трассировка); зафиксированная информация интернет-сайта [9, с. 9].

На наш взгляд, практика нотариальных осмотров веб-страниц и её восприятие судебными органами указывает на целесообразность законодательного оформления идеи о процессуальном осмотре веб-страницы и в административном законодательстве. Если нотариальный осмотр веб-страниц принимается судебными органами в качестве допустимого доказательства в рамках арбитражного или гражданско-процессуального производства, то нет видимых препятствий для применения аналогичной меры обеспечения уполномоченными должностными лицами в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Отметим, что для определения идентифицирующих элементов пользователей в сети интернет должностное лицо, осуществляющее осмотр веб-страницы, может использовать различные программно-компьютерные средства. Например, по доменному имени (элемент адреса сайта, отражающий сведения об области сети интернет, к которой относится данный конкретный сайт) в ходе процессуального осмотра при помощи официального сервиса WHOIS.RU, доступ к которому не ограничен, зачастую можно определить данные организации или физического лица, на чье имя зарегистрировано доменное имя (в отдельных случаях по желанию приобретателя доменного имени такая информация является конфиденциальной и может быть получена посредством запроса уполномоченного должностного лица у организации – администратора доменного имени).

Кроме того, должностному лицу понадобятся знания и навыки определения так называемых ID- и IP-адресов. Первый представляет собой цифровое обозначение, идентифицирующее конкретное устройство (персональный компьютер, ноутбук и др.), второй – идентифицирующее конкретное устройство в сети интернет или локальной сети. ID не является именем устройства в сети, IP – напротив, уникальный номер устройства, подключенного к сети.

В некоторых случаях фиксация сведений об IP-адресе не требует специальных познаний. Например, если объектом процессуального осмотра является веб-страница письма, поступившего на электронную почту, под электронным адресом отправителя располагается ссылка «Свойства письма». Переход по данной ссылке позволит открыть IP-адрес отправителя. В случае если должностное лицо, производящее процессуальный осмотр веб-страницы, не обладает достаточными знаниями и навыками в области информационных технологий, решением проблемы станет привлечение специалиста в соответствующей области на основании ст. 25.8 КоАП РФ.

Следует отметить, что IP- и ID-адреса позволяют получить идентифицирующую информацию о конкретном пользователе, если последний не использует специальные технологии сокрытия соответствующих сведений. Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи”» на операторов связи возложена обязанность проводить проверку достоверности данных абонента при заключении договора об оказании услуг связи [10, с. 30]. Таким образом, практически к каждому IP-адресу привязан конкретный пользователь – физическое или юридическое лицо, заключившее с оператором (провайдером) договор об оказании услуг интернет-связи.

Соответствующие персональные данные могут быть получены сотрудниками полиции на основании мотивированного запроса в рамках производства по делу об административном правонарушении, что следует из пункта четвертого части первой ст. 13 ФЗ «О полиции», а также ст. 7 ФЗ «О персональных данных». Но для того, чтобы указанный запрос был мотивирован, требуется проведение процессуального осмотра веб-страницы, который позволит зафиксировать сам факт административного правонарушения, а следовательно, возбудить производство по делу. В этом заключается важнейшая функция осмотра как процессуального действия – фиксация объективной реальности, информации, имеющей процессуальное значение.

Основываясь на вышеизложенном, предлагаем следующие параметры законодательного закрепления процессуального осмотра веб-страницы, как меры обеспечения по делу:

1) процессуальный осмотр веб-страницы проводится в присутствии двух понятных либо с применением видеозаписи;

2) проведение процессуального осмотра веб-страницы оформляется соответствующим протоколом, в котором помимо общепринятых для такого рода процессуального документа реквизитов (дата, время и место составления, сведения об участвующих лицах, применяемой технике и др.) должны быть отражены следующие сведения:

- об индивидуализирующих признаках технического устройства, применяемого при осмотре веб-страницы, и сетевого подключения

(например, серийный номер, модель ноутбука, ID- и IP-адрес, сведения о провайдере, предоставляющем услуги интернет-связи);

– об объекте процессуального осмотра, а именно, сведения о содержании веб-страницы (нескольких веб-страниц). Это сведения о доменном имени, администраторе доменного имени (который в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ до установленного иного считается владельцем интернет-сайта⁴), IP-адресе и его соответствии символному адресу сайта. Кроме того, в протоколе должен быть подробно отражён ход процессуального действия и фактическая информация, указанная на веб-странице.

3. При проведении осмотра в целях видеофиксации хода процессуального действия, определения доменного имени, ID- и IP-адресов могут применяться лицензионные программно-компьютерные средства. О применении таких средств и результатах их применения делается запись в протоколе о проведении процессуального осмотра. В протоколе необходимо отражать сведения, характеризующие применённые программно-компьютерные средства (наименование, версия, год выпуска, номер лицензии).

В завершение можно сформулировать следующие выводы и предложения.

Во-первых, в современных условиях развития глобальной сети и перехода значительного числа социальных отношений в виртуальный формат использование «киберпространства» для совершения различного рода правонарушений становится всё более распространённым явлением. Киберпространство в настоящее время приобрело все признаки общественного места, пусть нематериального, но цифрового. В связи с этим всё большую актуальность приобретают проблемы фиксации правонарушений, совершаемых в глобальной сети. При этом интеллектуальную собственность, безусловно, следует отнести к числу наиболее уязвимых объектов правовой охраны в сети интернет.

Во-вторых, действующее процессуальное законодательство, регламентирующее производство по делам об административных правонарушениях, не предоставляет должностным лицам достаточных правовых средств фиксации имеющих значение по делу юридических фактов посредством проведения осмотра. Особенности правового регулирования предусмотренных действующим КоАП РФ видов осмотра либо не позволяют применять соответствующую меру обеспечения во всех необходимых случаях, либо их применение несёт в себе высокие риски непризнания полученных результатов в качестве допустимых доказательств судебными и административными органами.

В связи с этим представляется целесообразным закрепить в действующем административном законодательстве (не только в кодифицированном акте, регламентирующем производство по делам об административных правонарушениях, но и в специальных законах, регулирующих административную деятельность различных правоохранительных органов – субъектов административно-юрисдикционных полномочий – полиции, Росгвардии, ФСБ России и др.) единое унифицированное понятие и содержание процессуального осмотра как меры обеспечения по делам об административных правонарушениях, а также требования к его проведению.

В-третьих, в отдельной законодательной регламентации нуждается процессуальный осмотр веб-страницы. Специфика веб-страницы как объекта осмотра предполагает, что требования к её осмотру следует закрепить в отдельной правовой норме, признав данное процессуальное действие специальной разновидностью процессуального осмотра в целом. Подготовленные в рамках данной научно-исследовательской работы предложения по юридическому закреплению процессуального осмотра веб-страницы, его содержанию и оформлению могут быть положены в основу соответствующего законодательного решения.

⁴ См., п. 78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Список литературы

1. Шугурова И. В. Нарушение исключительных прав в Интернете: вопросы коллизионного регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 10. – С. 45–52.
2. Christie A. F. Private international law issues in online intellectual property infringement disputes with cross-border elements / An analysis of national approaches. – Geneva: WIPO, 2015. – 354 p.
3. Кожемякин Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав : монография. – Москва: Проспект, 2019. – 152 с.
4. Осипов М. Ю. Защита авторских прав в сети Интернет: основные особенности и проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12 (97). – С. 116–122.
5. Микаева А. С. Проблемы правового регулирования в сети Интернет и их причины // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 9 (70). – С. 67–75.
6. Мурзина Л. И., Толоконникова А. С. Правовые проблемы осмотра места совершения административного правонарушения // Наука. Общество. Государство. – 2019. – № 2 (26). – С. 92–98.
7. Шеметов А. К. Осмотр нотариусом электронных носителей информации // Нотариус. – 2018. – № 1. – С. 11–13.
8. Ярошенко Т. В. Нотариальное обеспечение доказательств в сети Интернет: проблемные вопросы // Нотариус. – 2021. – № 6. – С. 41–44.
9. Кириллова Е. А. К вопросу о доказательственной презумпции информации, размещённой в сети Интернет // Нотариус. – 2018. – № 5. – С. 8–10.
10. Архиреев Н. В., Балякина Е. Б. О противодействии распространению противоправной информации в сети Интернет // Судья. – 2019. – № 8. – С. 28–33.

References

1. *Shugurova I. V.* Narusheniye isklyuchitel'nykh prav v Internetе: voprosy kollizionnogo regulirovaniya // *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava.* – 2017. – № 10. – S. 45–52.
2. *Christie A. F.* Private international law issues in online intellectual property infringement disputes with cross-border elements / An analysis of national approaches. – Geneva: WIPO, 2015. – 354 s.
3. *Kozhemyakin D. V.* Domennoye imya v sisteme ob'yektov grazhdanskikh prav : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2019. – 152 s.
4. *Osipov M. Yu.* Zashchita avtorskikh prav v seti Internet: osnovnyye osobennosti i problemy // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava.* – 2018. – № 12 (97). – S. 116–122.
5. *Mikayeva A. S.* Problemy pravovogo regulirovaniya v seti Internet i ikh prichiny // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava.* – 2016. – № 9 (70). – S. 67–75.
6. *Murzina L. I., Tolokonnikova A. S.* Pravovyye problemy osmotra mesta soversheniya administrativnogo pravonarusheniya // *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo.* – 2019. – № 2 (26). – S. 92–98.
7. *Shemetov A. K.* Osmotr notariusom elektronnykh nositeley informatsii // *Notarius.* – 2018. – № 1. – S. 11–13.
8. *Yaroshenko T. V.* Notarial'noye obespecheniye dokazatel'stv v seti Internet: problemnyye voprosy // *Notarius.* – 2021. – № 6. – S. 41–44.
9. *Kirillova Ye. A.* K voprosu o dokazatel'stvennoy prezumptsii informatsii, razmeshchennoy v seti Internet // *Notarius.* – 2018. – № 5. – S. 8–10.
10. *Arkhiyereyev N. V., Balyakina Ye. B.* O protivodeystvii rasprostraneniyu protivopravnoy informatsii v seti Internet // *Sud'ya.* – 2019. – № 8. – S. 28–33.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted January 25, 2022; approved after reviewing July 06, 2022; accepted for publication September 01, 2022.

Научная статья
УДК 340.131.5; 342.7
doi:10.35750/2071-8284-2022-3-33-40

Елена Евгеньевна Новопавловская
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-5103-1427>, novopavlovskaya@gmail.com
Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова
Российская Федерация, 308012, Белгород, ул. Костюкова, д. 46

Ограничение свободы передвижения в свете современных российских реалий: правовое регулирование и практика конституционного судопроизводства

Аннотация: В статье проводится исследование различных аспектов свободы передвижения, включая свободу передвижения в пределах Российской Федерации и за её пределами, право свободного и беспрепятственного возвращения на российскую территорию граждан Российской Федерации. Актуальность темы и своевременность данного исследования обусловлены тем, что предусмотренная международно-правовыми стандартами и провозглашённая на конституционном уровне свобода передвижения граждан в законодательстве последних лет всё более ограничивается. При этом ограничения исследуемой свободы устанавливаются не только законами, но и подзаконными правовыми актами, в том числе субъектов Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что в большинстве случаев такое ограничение является объективным и обусловлено реалиями пандемии COVID-19 и проведения специальной военной операции на территории Украины. В качестве мер, обеспечивающих исполнение норм об ограничении свободы передвижения, выступают скорректированные в 2020–2021 году положения административного и уголовного законодательства, ужесточившие ответственность за нарушения ограничительных мероприятий. Однако не всегда граждане и даже отдельные представители властных структур государства положительно оценивают подобного рода законодательное реформирование, что порождает судебную практику, включая обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, в которых заявители оспаривают конституционность отдельных законоположений и ставят вопрос о выведении их из правового пространства. Анализируя решения Конституционного Суда Российской Федерации разных лет и сформулированные в них правовые позиции, автор делает акцент на предмете рассмотрения дел в порядке конституционного судопроизводства, содержании оспариваемых законоположений, правовых последствиях вынесенных решений Конституционного Суда Российской Федерации.

В ходе работы над статьёй применялись общенаучные методы познания, а также частнонаучные: статистический метод, сравнения, процедуры обобщения и интерпретации эмпирических данных.

В заключении констатируется, что корректировка законодательства подобного рода способствует увеличению количества обращений граждан и их объединений в суд.

Ключевые слова: свобода передвижения, въезд, выезд, ограничение, правовая неопределённость, Конституционный Суд, пандемия, санкции

Для цитирования: Новопавловская Е. Е. Ограничение свободы передвижения в свете современных российских реалий: правовое регулирование и практика конституционного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 33–40; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-33-40.

Elena E. Novopavlovskaya
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-5103-1427>, novopavlovskaya@gmail.com

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46, Kostyukov str., Belgorod, 308012, Russian Federation

Restriction of freedom of movement in the light of modern russian realities: legal regulation and practice of constitutional legal proceedings

Abstract: The article examines various aspects of freedom of movement, including freedom of movement within the Russian Federation and beyond its borders, the right of free and unhindered return to Russian territory of citizens of the Russian Federation. The relevance of the topic and the timeliness of this study are due to the fact that the freedom of movement of citizens provided for by international legal standards and proclaimed at the constitutional level in the legislation of recent years is increasingly limited. At the same time, restrictions on the freedom under study are established not only by laws, but also by-laws, including those of the constituent entities of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that in most cases such a restriction is objective and is due to the realities of the COVID-19 pandemic and the conduct of a special military operation on the territory of Ukraine. Measures to ensure the implementation of the norms on restricting freedom of movement are the provisions of administrative and criminal legislation adjusted in 2020-2021, which have toughened liability for violations of restrictive measures. However, citizens and even individual representatives of state authorities do not always positively assess this kind of legislative reform, which gives rise to judicial practice, including appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation, in which applicants challenge the constitutionality of certain legal provisions and raise the issue of removing them from the legal space. Analyzing the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation of different years and the legal positions formulated in them, the author focuses on the subject of consideration of cases in the order of constitutional proceedings, the content of the contested legal provisions, the legal consequences of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: freedom of movement, entry, exit, restriction, legal uncertainty, Constitutional Court, pandemic, sanctions

For citation: Novopavlovskaya E. E. Restriction of freedom of movement in the light of modern Russian realities: legal regulation and practice of constitutional legal proceedings // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 33–40; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-33-40.

Одним из основополагающих прав и свобод человека, гарантированных Конституцией Российской Федерации, Декларацией прав человека и иными нормативными правовыми актами, составляющими источники российского права, является свобода передвижения, всестороннее исследование которой уже многие годы составляет предмет научных изысканий юристов различной отраслевой принадлежности. Сюда относятся не только научные труды, в которых изучаются теоретико-правовые и конституционно-правовые основы свободы передвижения, институтов въезда и выезда [1, с. 30–33; 2, с. 37–40], но и различные аспекты ограничения данного права, особенности привлечения к административной и уголовной ответственности за нарушения законодательства в этой сфере российскими гражданами, а также иностранными гражданами и лицами без гражданства [3, с. 49–52]. В период пандемии COVID-19 научные площадки захлестнула волна исследований, касающихся ограничения свободы передвижения как в пределах территории одного государства, так и в международно-правовом плане [4, с. 244–251; 5, с. 6–10; 6, с. 129–134, 7, с. 3–17].

Основополагающий характер свободы передвижения обусловлен тем, что человек, обладая свободой воли, имеет полное право определять место своего пребывания, а также условия и способы своего передвижения, если это

не нарушает прав и свобод иных участников общественных отношений, находится в рамках правового поля и не выходит за пределы, установленные законодательством. Как точно заметил Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), право на выбор места жительства и места пребывания является частью свободы самоопределения личности (Постановление КС РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П¹).

Согласимся с мнением О. Р. Гулиной, отмечающей, что фактически в содержании свободы передвижения в Российской Федерации следует говорить о нескольких её элементах: свободе выбора места жительства и места пребывания, праве выезда за пределы Российской Федерации и праве беспрепятственного возвращения на российскую территорию граждан Российской Федерации [8, с. 142]. Констатируем, что свобода передвижения, свобода выбора места жительства и места пребывания не ограничивается только территорией нашего государства. Конституция Российской Федерации, как неоднократно отмечал КС РФ, не препятствует выбору страны и целей выезда, времени пребывания за рубежом (постановление КС РФ от 5 декабря 2017 г. № 36-П²).

¹Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 16. – Ст. 1909.

²Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 51. – Ст. 7911.

Полагаем целесообразным в контексте проводимого исследования выделить в рамках правовой системы Российской Федерации два основных аспекта свободы передвижения:

- в пределах Российской Федерации;
- за её пределами, право свободного и беспрепятственного возвращения на российскую территорию граждан нашей страны.

Обратим внимание, что правовая основа свободы передвижения стала формироваться задолго до принятия Конституции Российской Федерации 1993 года, поскольку она была зафиксирована на конституционном уровне ещё в период СССР, а действующий по сей день базовый закон был принят ещё летом 1993 года³. В настоящее время особенности свободы передвижения в пределах Российской Федерации регламентированы сразу несколькими правовыми актами, в том числе подзаконными, о которых пойдёт речь далее. Забегая вперёд, констатируем, что они появлялись в разные годы и корректировались под влиянием различных внутригосударственных и международных реалий.

Зададимся вопросом: каковы же особенности реализации свободы передвижения на территории Российской Федерации, в том числе в свете изменившейся ситуации в период COVID-19 и специальной военной операции на территории Украины?

Прежде всего, заметим, что крайне важным обстоятельством являлось формирование правового института регистрации граждан по месту жительства, который выступил заменой института прописки. Согласно позиции КС РФ, сформулированной им ещё в 1996 году по вопросу установления данного правового явления, суть регистрации граждан по месту жительства является уведомительной и не несёт за собой никаких ограничительных последствий для реализации ими своего права на свободу передвижения (Постановление КС РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П⁴). Тезисно изложенные в названном Постановлении позиции КС РФ можно сформулировать следующим образом:

- регистрация граждан по месту жительства представляет собой их учёт соответствующими властными структурами государства. С 2016 года данное полномочие возложено на МВД России⁵;

³ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1227.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 16. – Ст. 1909.

⁵ До этого момента названное полномочие реализовывалось ФМС России, прекратившей своё существование в процессе проведения административной реформы в России (О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции : Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 (в ред. от 15 мая 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 15. – Ст. 2071).

– такой учёт, как справедливо подчеркнул КС РФ, осуществляется только при наличии свободного волеизъявления гражданина при выборе места жительства;

– регистрационный учёт граждан не может носить разрешительного характера и не может быть основанием для ограничения права гражданина на выбор места жительства.

Мониторинг практики конституционного судопроизводства показывает, что в ней было несколько резонансных дел, по итогам рассмотрения которых КС РФ признал неконституционными законоположения, устанавливающие ограничения на регистрацию в дачном доме, построенном на садовом участке, относящемся к землям населённых пунктов (Постановление КС РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П⁶) или землям сельскохозяйственного назначения⁷ (Постановление КС РФ от 30 июня 2011 г. № 13-П⁸) и др.

Логичным, на наш взгляд, является вывод И. В. Михеевой и Е. А. Долковой о том, что регистрация граждан по месту проживания – это тот юридический факт, который встроен в механизмы регулирования не только конституционных, но и различных видов иных правоотношений, в том числе жилищных, семейных и др. [9, с. 148].

Сегодня российское законодательство допускает возможность ограничения свободы передвижения в различных случаях. Во-первых, при введении особых правовых режимов. В частности, в случаях возникновения опасности распространения инфекционных заболеваний⁹, при введении чрезвычайного¹⁰ либо военного положения¹¹, режима проведения контртеррористических операций¹² и др.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 18. – Ст. 2089.

⁷ Нашумевшие дела, получившие название «дачная амнистия».

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 27. – Ст. 3991.

⁹ О дополнительных мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV : Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 24 января 2020 г. № 2 // Российская газета. – 2020. – № 17; О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-2019 : Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 13 марта 2020 г. № 6 // СПС «Консультант-Плюс»; Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» : Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15 (в ред. от 20 июня 2022 г.) // Российская газета. – 2020. – № 115; О направлении рекомендаций по организации работы предприятий в условиях распространения рисков COVID-19 : Письмо Роспотребнадзора от 20 апреля 2020 г. № 02/7376-2020-24 // Нормативные акты для бухгалтера. – 2020. – № 10.

¹⁰ П. «а» ст. 12 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

¹¹ П. 4 ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 1 июля 2017 г.) «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 375.

¹² Обратим внимание, что при введении особых правовых режимов могут быть установлены также иные за-

Во-вторых, ограничения исследуемой свободы на определённых территориях, включая пограничные зоны, закрытые военные городки, ЗАТО и др. КС РФ не раз обоснованно указывал, что подобные особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности на таких территориях не означают, что свобода передвижения ограничена незаконно. Они лишь выступают в качестве предпосылки установления особого разрешительного учёта граждан. С точки зрения своего характера и содержания такой учёт отличается от уведомительной регистрации граждан по месту их жительства (Постановление КС РФ от 2 февраля 1998 г. № 4-П¹³).

Сегодня мы являемся свидетелями усиления глобализационных процессов, размывания границ привычных нам национальных государств, что подталкивает современных учёных к выделению нового этапа в развитии исследуемой конституционно провозглашённой свободы [10, с. 423]. Выделение такового обусловлено также реформированием правовых основ свободы передвижения. В частности, в период пандемии COVID-19 различные составляющие свободы передвижения (в основном в контексте установления её ограничений) стали регулироваться не только законами, но и подзаконными правовыми актами. Например, сразу несколькими указами Президента Российской Федерации¹⁴ на высшие должностные лица субъектов Российской Федерации была возложена обязанность обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий. Собственными подзаконными актами высшие должностные лица субъектов Российской Федерации стали устанавливать особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств, при этом не вводя режимы чрезвычайного положения или иной правовой режим, предусмотренные на тот момент законодательством. КС РФ в этой связи отметил, что именно высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации способно осуществить оперативное правовое регулирование

данного вопроса (Постановление КС РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П¹⁵).

Конкретные ограничительные меры в период наибольшего пика заболеваемости среди населения (март—август 2020 года) вводились по усмотрению властей субъекта федерации и с учётом особенностей конкретного региона, а также санитарно-эпидемиологической обстановки. Постепенно, несмотря на имевший на тот момент место пробел в законодательстве, который был в дальнейшем устранён, ограничения стали вводиться повсеместно, и всех нас напрямую коснулся локдаун и так называемый «масочный режим».

Далее последовал новый виток реформирования законодательства (как административного, так и уголовного), развивающегося в сторону ужесточения ответственности за нарушения ограничительных мероприятий (карантина)¹⁶. Так, Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ¹⁷ были скорректированы нормы ст. 6.3 КоАП РФ, в которой с этого момента появились принципиально новые ч. 2 и ч. 3, предусматривающие весьма внушительные размеры административных штрафов, находящиеся в прямой зависимости от субъекта правонарушения, характера деяния и тяжести наступивших последствий. Например, в случае причинения вреда здоровью или наступления смерти человека, если эти деяния не содержат признаков преступления, в отношении граждан может быть установлен штраф, размер которого составляет от 15 тыс. до 40 тыс. руб. Названным выше Федеральным законом введён и ещё один новый состав административного правонарушения, суть которого состоит в невыполнении правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе её возникновения. Начиная с весны 2020 года, правоприменительные органы стали активно реализовывать данные положения на практике.

В преддверии подготовки таких новелл административного законодательства и в целях обеспечения законности привлечения в дальнейшем к указанной ответственности были внесены изменения в одно из Постановлений Правительства Российской Федерации в части включения коронавирусной инфекции в перечень заболеваний, которые представляют опасность для окружающих¹⁸.

преты и ограничения прав и свобод, за нарушение которых следует ответственность. Например, штрафные санкции предусмотрены ч. 2 ст. 20.27 КоАП РФ за несанкционированное проникновение либо попытку проникновения на территорию (объект), в пределах которой (на котором) введён правовой режим контртеррористической операции.

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 6. – Ст. 783.

¹⁴ Например: О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. № 14 (часть I). Ст. 2082; Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента Российской Федерации от 11 мая 2020 г. № 316 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 20. – Ст. 3157.

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 1 (часть II). – Ст. 289.

¹⁶ Ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» среди понятий, используемых в указанном законе, раскрывает и содержание конструкции «ограничительные мероприятия (карантин)», включая среди прочего ограничение передвижения населения // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.

¹⁷ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 2029.

¹⁸ О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих : Постанов-

Подобного рода реформирование законодательства, породившее обширную судебную практику, вызвало недовольство граждан. Более того, граждане и отдельные представители властных структур государства стали заявлять о неконституционности отдельных положений нормативных правовых актов, регламентирующих различные аспекты введения и применения на практике ограничительных мер, и ставить вопрос о выведении их из правового пространства. Наглядным примером тому является спорная ситуация, сложившаяся вокруг Постановления губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ¹⁹, которое выступило в качестве предмета рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства. Справедливости ради отметим, что указанным Постановлением был установлен не только запрет для граждан не покидать места проживания (пребывания), но и отдельные исключения из него. Так, выход из мест своего проживания (пребывания) разрешался:

- в случаях обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью, когда имела место прямая угроза жизни и здоровью гражданина;
- в целях осуществления выгула домашних животных на расстоянии, которое не превышало 100 метров от места проживания (пребывания) и др.

Не согласившись с мнением заявителя, в качестве которого выступил Протвинский городской суд Московской области, КС РФ признал положения проверяемого Постановления губернатора Московской области конституционным, указав, что зафиксированные в нём ограничения свободы передвижения соответствуют целям введения такого запрета. По верной констатации КС РФ, установление этих запретов продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции COVID-19 (Постановление КС РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П²⁰).

Нельзя оставить без внимания и то, что в силу специфики некоторых вынужденных ограничений прав и свобод граждан, введённых в связи с распространением новой, опасной и на тот момент мало изученной коронавирусной инфекции, на определённый период была временно ограничена свобода передвижения не только в пределах конкретного субъекта

Российской Федерации, но и ограничен выезд за пределы Российской Федерации в целом, от установления которого пострадало значительное число как российских, так и иностранных граждан (например, иностранных студентов, обучающихся по обмену в российских вузах, которые не смогли покинуть российскую территорию в период летних каникул).

Как не раз справедливо отмечал КС РФ, введение ограничений свободы передвижения, в том числе «закрытие границ», должно осуществляться с учётом основных критериев, определяющих их правомерность и целесообразность (Постановление КС РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П²¹). К числу таковых учёные (например, С. И. Плотников) верно относят:

- законный характер введения ограничений;
- их соразмерность установленным конституционным целям;
- временный характер вводимых ограничений как вынужденных мер для минимизации вредных последствий;
- своевременность введения ограничений прав и свобод;
- достижение баланса между интересами личности, общества и государства [11, с. 129–130].

Данный механизм ограничения свободы передвижения был нов и вводился в силу особенностей сложившихся обстоятельств, с которыми ранее не сталкивалась не только наша страна, но и большая часть других стран, которые охватила новая инфекция. Он выступил своеобразной «правоприменительной новеллой», потребовав отдельных разъяснений со стороны представителей власти. В своём обзоре по отдельным вопросам судебной практики Президиум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что ограничения передвижения физических лиц могут быть признаны обстоятельствами непреодолимой силы (со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями), «если будет установлено их соответствие критериям таких обстоятельств, а также причинная связь между этими обстоятельствами и неисполнением обязательства»²².

Ограничения, связанные с передвижением внутри страны, были достаточно быстро отменены в силу урегулирования ситуации и возвращения состояния относительной нормы. В то же время реализация гражданами Российской Федерации своего права на передвижение за пределы страны все ещё находится в состоянии неопределённости и крайне затруднена. Стоит учитывать, что на данный момент право гражд-

ление Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 г. № 66 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 6. – Ст. 674.

¹⁹ О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области : Постановление губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ (в ред. от 15 марта 2022 г.) // Информационный вестник Правительства Московской области. – 2020. – № 19.

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 1 (часть II). – Ст. 289.

²¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 1 (часть II). – Ст. 289.

²² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 5.

дан Российской Федерации на передвижение за пределы страны во многом ограничено по причине геополитических факторов и совокупности методов давления ряда зарубежных стран по отношению к России.

Согласно ст. 13 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году, «каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства», а также «каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну»²³.

Утверждая данное положение в пределах юрисдикции Российской Федерации, а также расширяя и конкретизируя его, Конституция Российской Федерации в ст. 27 провозгласила, что «каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию».

Как было отмечено ранее, ещё в 2019–2020 гг. государство было вынуждено ввести некоторые ограничения на право граждан на передвижение как внутри страны, так и за её пределы. Не успели российские граждане вздохнуть с облегчением, как были вынуждены столкнуться с новыми трудностями, связанными с реализацией свободы передвижения, но вызванными уже факторами внешнего характера. На данный момент недружественные России страны создают все условия для необоснованного ограничения общепризнанной свободы передвижения для граждан Российской Федерации.

24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации объявил о начале специальной военной операции по денацификации и демилитаризации на территории Украины с целью защиты граждан от посягательств со стороны националистически настроенного киевского режима, а также защиты населения ДНР и ЛНР от военного вмешательства в их жизнь и возможность распоряжаться административным ресурсом в границах, признанных Российской Федерацией границами их ведения²⁴.

Среагировав крайне отрицательно из-за потенциальной возможности потерять рычаги давления на Россию через Украину, страны Запада и некоторые их союзники ввели множество санкционных ограничений для России и её граждан, включая персональные ограничения, введённые в отношении отдельных российских граждан, к числу которых относятся видные политики, деятели культуры, спорта и др. В основном санкционные ограничения носили чисто экономический характер и были направле-

ны на подрыв финансовой и производственной стабильности российского государства. Однако они коснулись также и права российских граждан на въезд в отдельные страны как за счёт прямых ограничений на въезд и перелёты²⁵, так и за счёт косвенного экономического влияния через санкционные ограничения авиакомпаний, а также ограничений на ввоз необходимых в машино- и самолётостроении ресурсов²⁶.

28 февраля 2022 года Евросоюз запретил российским самолётам приземляться на его территории, полностью закрыв воздушное пространство. Под ограничения попали самолёты, которые эксплуатируют российские авиаперевозчики, зарегистрированные в России, а также незарегистрированные самолёты, «которые находятся в собственности или являются чартером или иным образом контролируются любым российским физическим или юридическим лицом, организацией или органом»²⁷.

Руководствуясь нормами международного права, Россия ответила аналогичными мерами, запретив использовать своё воздушное пространство авиакомпаниям из тех стран, которые закрыли своё воздушное пространство в рамках нового пакета санкций. Федеральное агентство воздушного транспорта заявило, что Россия ввела ограничения в отношении авиаперевозчиков 36 государств²⁸.

Со стороны Европейского союза ограничения были наложены на 20 российских авиакомпаний. Евросоюз ссылался на то, что самолёты данных авиакомпаний не соответствуют нормам безопасности²⁹.

В дальнейшем США ввели ограничения в отношении как минимум трёх крупных российских авиаперевозчиков. Данные ограничения лишили авиакомпании множества экспортных привилегий. Безусловно, в отрасли авиаперевозок это сильно ударит по возможности позволять гражданам свободно перемещаться с одной части света, на другую и вести нормальную деятельность³⁰.

²⁵ Совет ЕС принял решение о запрете авиaperелётов и санкциях против ЦБ [Электронный ресурс] // Сайт «РБК». – URL: <https://www.rbc.ru/finances/28/02/2022/621c32bb9a79472e1ff978bb> (дата обращения 11.08.2022).

²⁶ Что ждёт авиационную отрасль в России в условиях санкций? Взгляд изнутри [Электронный ресурс] // Сайт «Муксун.fm». – URL: <https://muksun.fm/article/general/26-04-2022/chto-zhdet-aviatsionnuyu-otrasl-v-rossii-v-usloviyah-sanktsiy-vzglyad-iznutri> (дата обращения 11.08.2022).

²⁷ Совет ЕС принял решение о запрете авиaperелётов и санкциях против ЦБ [Электронный ресурс] // Сайт «RBC». – URL: <https://www.rbc.ru/finances/28/02/2022/621c32bb9a79472e1ff978bb> (дата обращения 11.08.2022).

²⁸ Россия закрыла небо для авиакомпаний из 36 стран в ответ на санкции Запада [Электронный ресурс] // Сайт «РИА «Новости». – URL: <https://ria.ru/20220228/polety-1775600364.html> (дата обращения 12.08.2022).

²⁹ ЕС внёс 20 авиакомпаний из России в чёрный список по безопасности [Электронный ресурс] // Сайт «RBC». – URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/04/2022/625401d99a7947bbde7cebb5> (дата обращения 11.08.2022).

³⁰ США ввели санкции против трёх российских авиакомпаний [Электронный ресурс] // Сайт «Lenta.ru». – URL: https://lenta.ru/news/2022/04/07/aeroflot_sanctions/ (дата обращения 12.08.2022).

²³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1995. – № 67.

²⁴ Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения 11.08.2022).

Ограничения, наложенные на производственный сектор России, создали предпосылки для нехватки необходимого оборудования и запасных частей не только для воздушных судов, но и для железнодорожного транспорта. Вследствие создания условий, при которых из-за санкций нарушается множество производственных цепочек, заметно затрудняется передвижение и на воздушном, и на железнодорожном транспорте³¹.

Признаем также, что высокая степень опасности провокаций со стороны Украины на приграничных территориях Российской Федерации вынудила органы власти некоторых регионов ввести жёлтый уровень террористической опасности и закрыть аэропорты, а также ввести особый порядок контроля на автостанциях и железнодорожных вокзалах³². Это также негативно отразилось на возможности реализовывать гражданами своё законное право на свободу передвижения как внутри страны, так и за её пределы. Закрытие аэропортов отрицательно повлияло не только на авиатранспортную отрасль Российской Федерации, но и на важнейшую отрасль экономики – туристическую, поскольку произошло значительное сокращение турпотоков в ряде курортных субъектов Российской Федерации (в частности, в Республике Крым и Краснодарском крае). Так, по словам главы Республики Крым С. В. Аксёнова, относительно показателей 2021 года из-за логистических ограничений произошло сокращение турпотока в регионе почти в два раза³³. А эта проблема в конечном счёте имеет серьёзные экономические последствия. Увы, и не только для конкретного субъекта Российской Федерации.

В заключение позволим себе сделать некоторые выводы. Во-первых, в последнее время

под влиянием российских и международных реалий в условиях COVID-19 и проведения специальной военной операции происходит законодательное реформирование, затрагивающее различные сферы общественных отношений, права и свободы граждан, в том числе конституционно провозглашённую и гарантированную свободу передвижения. Во-вторых, сегодня в условиях гибридной войны, которая ведётся против Российской Федерации, свобода передвижения как в пределах страны, так и за её пределами заметно ограничены. Агрессивная политика недружественных стран, экономическое давление вкупе с необходимыми ограничениями в приграничных районах страны создают множество проблем, препятствующих свободному перемещению. В условиях экономического давления граждане России столкнулись с определёнными негативными последствиями однополярного мира, который дал возможность недружественным государствам оказывать влияние на страны, ведущие независимую внешнюю политику, за счёт ограничения прав и свобод граждан этой страны через прямые или косвенные механизмы экономического, политического и юридического воздействия. В-третьих, в подобных условиях российский законодатель вынужден идти по пути оперативной корректировки нормативных правовых актов, которая фактически проводится по нескольким направлениям, в том числе в части расширения перечня случаев ограничения свободы передвижения (например, в целях минимизации вредных последствий COVID-19 и установления запрета на въезд на российскую территорию отдельных иностранных лиц из недружественных России стран), ужесточение административной и уголовной ответственности (включая появление в кодифицированных актах принципиально новых составов) за невыполнение правил поведения при особом правовом режиме или угрозе его возникновения, а также за нарушения ограничительных мероприятий (карантина). В-четвертых, корректировка законодательства подобного рода способствует увеличению количества обращений граждан и их объединений в суд, в том числе когда заявители оспаривают конституционность регламентации отдельных аспектов введения и применения на практике ограничительных мер. Нередко КС РФ не только признает оспариваемые заявителями законоположения неконституционными, выводя их из правового пространства, но и формулирует правовые позиции, подчёркивая тот факт, что ограничение свободы передвижения возможно только при соблюдении определённых критериев: правомерности, своевременности, целесообразности, соразмерности установленным конституционным целям и др.

³¹ Обратим внимание, что Российская Федерация весьма оперативно отреагировала на подобного рода санкции, приняв целый ряд нормативных правовых актов, направленных на сокращение негативных последствий от введённых отдельными недружественными государствами ограничительных мер в отношении отечественной авиатранспортной отрасли Российской Федерации. Примером тому является Распоряжение Правительства РФ от 25 июня 2022 № 1693-р «Об утверждении комплексной программы развития авиатранспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года». Указанная Программа предполагает сохранение конкурентного рынка авиационных перевозок в Российской Федерации, в рамках которого осуществляется рыночное и техническое регулирование в целях обеспечения устойчивого развития экономики и защиты национальных интересов Российской Федерации (Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 27. – Ст. 4877).

³² В шести регионах России установлен высокий уровень террористической угрозы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/04/11/14724026.shtml> (дата обращения 14.08.2022).

³³ Ассоциация туроператоров: Насколько уменьшится турпоток в Крыму в 2022 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.atorus.ru/node/48499> (дата обращения 15.08.2022).

Список литературы

1. *Прасолов Б. В.* Конституционное право граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства: историко-правовой аспект // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 5. – С. 28–31.
2. *Чуркина Л. М.* Механизмы реализации миграционной политики в Российской Федерации // Миграционное право. – 2020. – № 2. – С. 37–40.
3. *Яковлева С. А.* Задержание подозреваемого в механизме реализации принципа неприкосновенности человека и права на свободу передвижения // Российский следователь. – 2018. – № 3. – С. 49–52.
4. *Ищенко Н. Г.* Ограничение свободы передвижения лиц в Европейском Союзе в свете пандемии COVID-19: правовой аспект // Закон и право. – 2022. – № 4. – С. 244–251.
5. *Karabaev F. Zh., Kozhanov A. K.* Implementation of the right to freedom of movement in the context of the COVID-19 pandemic // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 4-6 (72). – С. 6–10.
6. *Ларина Л. А., Пичугин В. А.* Конституционно-правовое регулирование свободы передвижения граждан в Российской Федерации с применением QR-кодов // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 129–134.
7. *Макбрайд Д.* COVID-19 и Европейская конвенция по правам человека // Международное правосудие. – 2020. – № 2 (34). – С. 3–17.
8. *Гулина О. Р.* Право на свободу передвижения (часть 1) // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5. – С. 138–144.
9. *Михеева И. В., Долкова Е. А.* Свобода передвижения и регистрация граждан по месту жительства: конституционное право и административная обязанность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 1. – С. 147–151.
10. *Кудрявцева А. В.* Становление права на свободу передвижения // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2012. – № 1(45). – С. 423–428.
11. *Плотников С. И.* Ограничение свободы передвижения граждан в период распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 126–140.

References

1. *Prasolov B. V.* Konstitutsionnoe pravo grazhdan na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva: istoriko-pravovoi aspekt // Semeinoe i zhilishchnoe pravo. – 2018. – № 5. – S. 8–31.
2. *Churkina L. M.* Mekhanizmy realizatsii migratsionnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii // Migratsionnoe pravo. – 2020. – № 2. – S. 37–40.
3. *Yakovleva S. A.* Zaderzhanie podozrevaemogo v mekhanizme realizatsii printsipa neprikosnovennosti cheloveka i prava na svobodu peredvizheniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2018. – № 3. – S. 49–52.
4. *Ishchenko N. G.* Ogranichenie svobody peredvizheniya lits v Evropeiskom Soyuze v svete pandemii COVID-19 // Zakon i pravo. – 2022. – № 4. – S. 244–251.
5. *Karabaev F. Zh., Kozhanov A. K.* Implementation of the right to freedom of movement in the context of the COVID-19 pandemic // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. – 2021. – № 4-6 (72). – S. 6–10.
6. *Larina L. A., Pichugina V. A.* Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie svobody peredvizheniya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii s primeneniem QR-kodov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 2. – S. 129–134.
7. *Makbraid D.* COVID-19 i Evropeiskaya konventsiya po pravam cheloveka // Mezhdunarodnoe pravosudie. – 2020. – № 2. – S. 3–17.
8. *Gulina O. R.* Pravo na svobodu peredvizheniya (chast' 1) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2015. – № 6. – S. 138–144.
9. *Mikheeva I. V., Dolkova E. A.* Svoboda peredvizheniya i registratsiya grazhdan po mestu zhitel'stva: Konstitutsionnoe pravo i administrativnaya obyazannost' // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2017. – № 1. – S. 147–151.
10. *Kudryavtseva A. V.* Stanovlenie prava na svobodu peredvizheniya // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 1. – S. 423–428.
11. *Plotnikov S. I.* Ogranichenie svobody peredvizheniya grazhdan v period rasprostraneniya novoi koronavirusnoi infektsii // Voprosy rossiiskoi yustitsii. – 2020. – № 9. – S. 126–140.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2022; одобрена после рецензирования 17 августа 2022; принята к публикации 30 августа 2022.

The article was submitted June 30, 2022; approved after reviewing August 17, 2022; accepted for publication August 30, 2022.

Научная статья
УДК 342.5
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-41-50

Андрей Витальевич Ольшевский
кандидат юридических наук
ols24@yandex.ru

*Договорно-правовой департамент МВД России
Российская Федерация, 119049, Москва, ул. Житная, д. 12 а*

Татьяна Сергеевна Горбунова
Gorbunovatatynas@yandex.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.*

Отнесение государственных органов в соответствии с законодательством Российской Федерации к правоохранительным органам

Аннотация: В отличие от документов СССР, в которых термин «правоохранительные органы» применялся фрагментарно, в законодательстве Российской Федерации указанный термин используется достаточно широко.

При этом в законодательстве Российской Федерации отсутствует определение термина «правоохранительные органы», а в контексте положений отдельных нормативных правовых актов указанному термину придаётся различное значение. Перечень правоохранительных органов Российской Федерации также нормативно не закреплён.

Сложившаяся ситуация отрицательно сказывается на единообразном применении отдельных положений законодательства и приводит к необоснованно широкой дискуссии по данному вопросу.

В статье на основе анализа норм законодательства Российской Федерации о государственной службе авторами утверждается, что должности федеральной государственной службы иных видов (должности федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью) в настоящее время введены в девяти федеральных государственных органах и соответственно констатируется фактическое наличие в Российской Федерации именно такого количества правоохранительных органов.

В целях разрешения описанной в статье ситуации авторы делают вывод о необходимости принятия единого законодательного акта, регламентирующего порядок прохождения правоохранительной службы, в котором помимо прочих норм должно быть прямо закреплено, что перечень правоохранительных органов утверждается Президентом Российской Федерации.

Ключевые слова: правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, государственные органы, функции государственных органов, система государственной службы, Министерство внутренних дел, служба в органах внутренних дел, сотрудники, специальные звания

Для цитирования: Ольшевский А. В., Горбунова Т. С. Отнесение государственных органов в соответствии с законодательством Российской Федерации к правоохранительным органам // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 41–50; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-41-50.

Andrey V. Olshevsky
Cand. Sci (Jurid.)
ols24@yandex.ru

*Contractual and Legal Department of the MIA of Russia
12 a, Zhitnaya str., Moscow, 119049, Russian Federation*

Tatiana S. Gorbunova

Gorbunovatatynas@yandex.ru

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation

The ascription of state bodies to law-enforcement agencies in accordance with the legislation of the Russian Federation

Abstract: In contrast to the documents of the USSR, in which the term «law enforcement agencies» was used rather fragmentarily, in the legislation of the Russian Federation this term is used quite widely.

At the same time, there is no definition of the term “law enforcement agencies” in the legislation of the Russian Federation, and in the context of the provisions of certain regulatory legal acts, this term is given a different meaning. The list of law enforcement agencies of the Russian Federation is also not legally fixed.

The current situation has a negative impact on the uniform application of certain provisions of the legislation and leads to an unreasonably wide discussion on this issue.

In the article, based on the analysis of the norms of the legislation of the Russian Federation on public service, the authors argue that the positions of the federal public service of other types (positions of the federal public service related to law enforcement) are currently introduced in nine federal state bodies and, accordingly, the actual presence in The Russian Federation has just such a large number of law enforcement agencies.

In order to resolve the situation described in the article, the authors conclude that it is necessary to adopt a single legislative act regulating the procedure for passing the law enforcement service, in which, among other norms, it should be expressly fixed that the list of law enforcement agencies is approved by the President of the Russian Federation.

Keywords: law enforcement agencies, law enforcement activities, state bodies, functions of state bodies, the public service system of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, police, service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, employees, special ranks

For citation: Olshevsky A. V., Gorbunova T. S., Attribution of state bodies in accordance with the legislation of the Russian Federation to law enforcement agencies // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 41–50; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-41-50.

Термин «правоохранительные органы» применяется в нормотворчестве, в практической деятельности различных государственных органов, а также в научной и учебной литературе.

При этом в научной литературе высказываются различные, нередко противоречащие друг другу, предложения об отнесении тех или иных органов к правоохранительным [10]. В последние годы дискуссия об органах, которые могут быть отнесены к правоохранительным органам Российской Федерации, разгорелась с новой силой [5].

На наш взгляд, этому поспособствовали два обстоятельства.

Во-первых, внесённые в 2015 году¹ изменения в Федеральный закон № 58-ФЗ², сформиро-

вавшие уточнённую систему государственной службы в Российской Федерации, в которой наряду с достаточно нормативно урегулированными государственной гражданской и военной службами предусмотрена государственная служба иных видов. Указанный вид службы заменил собой так и не появившуюся правоохранительную службу [8]. Внесённые изменения фактически заморозили работу над проектом федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации» [7], в целях реализации которого планировалось издание указа Президента Российской Федерации, определяющего перечень правоохранительных органов Российской Федерации.

Во-вторых, ликвидация и создание отдельных государственных органов (упразднение ФСКН России и ФМС России³), которые традиционно в науке относили к правоохранитель-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022, далее – Федеральный закон № 262-ФЗ).

² О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022), далее – Федеральный закон № 58-ФЗ).

³ См.: О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

ным, а также создание новых государственных органов (образование Росгвардии⁴), наделённых полномочиями, присущими иным органам, которые также в научной литературе принято относить к правоохранительным.

В связи с этим хотелось бы дополнительно рассмотреть вопрос об отнесении тех или иных органов к правоохранительным, но не только через призму полномочий соответствующих органов, как обычно в научной литературе, а прежде всего с точки зрения норм действующего законодательства.

Анализ текстов нормативных правовых и организационных документов СССР позволяет утверждать, что в нашей стране термин «правоохранительные органы» стал употребляться в различных документах в 80-х годах прошлого столетия. Например, в Постановлении Совета Министров РСФСР от 23 марта 1984 г. № 104 «О работе Государственного арбитража при Совете Министров РСФСР»⁵ предписывалось совершенствовать взаимодействие органов государственного арбитража в РСФСР с другими правоохранительными органами, а также с контролирующими организациями. Близкое по значению содержание рассматриваемого термина придавалось и в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 15 «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия»⁶, в котором судам предписывалось координировать свою деятельность с другими правоохранительными органами, а также органами народного контроля, общественными организациями и трудовыми коллективами, а также в Законе СССР от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР»⁷, в котором говорилось о том, что органы государственного управления, судебные, прокурорские, иные правоохранительные и правоприменительные органы, общественные организации и граждане в случае обнаружения расхождения между нормативным актом и Конституцией СССР должны сообщать об этом в орган, уполномоченный передать вопрос на рассмотрение Комитета конституционного надзора СССР.

В указанных и иных документах СССР к правоохранительным органам, как правило, относили в том числе суды и органы прокуратуры. Вместе с тем в актах СССР данный термин применялся достаточно фрагментарно, в основном в пунктах и абзацах, содержащих поручения о необходимости взаимодействия или направления информации в соответствующие органы.

В законодательстве Российской Федерации термин «правоохранительные органы» стал использоваться значительно шире. Так, согласно содержащимся в справочной системе «Консультант Плюс» данным, термин «правоохранительные органы» применяется более чем в 400 законодательных актах Российской Федерации, в том числе во многих кодифицированных законодательных актах Российской Федерации⁸.

Непосредственно понятие «правоохранительные органы» используется в одиннадцати кодексах, изданных в Российской Федерации (см. табл. 1).

Как мы видим, в большинстве кодексов круг правоохранительных органов не очерчен, однако в отдельных кодексах некоторые органы, чаще всего судебные и органы прокуратуры, именуется отдельно от правоохранительных органов.

Напротив, при толковании норм иных кодексов названные органы предлагается относить к правоохранительным органам. Например, статьёй 317 Уголовного кодекса Российской Федерации⁹ предусмотрена ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего. В примечании к статье 318 (Применение насилия в отношении представителя власти) УК РФ отмечено, что под представителем власти в данной статье и других статьях УК РФ признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделённое в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. При этом в отдельных комментариях к УК РФ говорится о том, что потерпевшими по статье 317 (Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) УК РФ могут быть сотрудники правоохранительных органов, к которым предлагается относить, в том числе, штатных сотрудников органов прокуратуры¹⁰.

Практически аналогичная ситуация с применением термина «правоохранительные органы» и в иных нормативных правовых актах Российской Федерации.

В целом можно утверждать, что в нормативных правовых актах Российской Федерации, как и в законодательстве СССР, термин «правоохранительные органы» не раскрыт (отсутствует его определение). Перечень правоохранительных органов каким-либо актом не утверждён. В контексте норм конкретных нормативных правовых актов данному термину придаётся различное значение.

⁴ См.: Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

⁵ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

⁶ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

⁷ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

⁸ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022, далее – УК РФ).

¹⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. – Москва: Контракт, 2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

Использование понятия «правоохранительные органы» в кодексах Российской Федерации

ТЕКСТ НОРМЫ	ПРИМЕЧАНИЕ
<p>БЮДЖЕТНЫЙ КОДЕКС РФ (статья 21)</p> <p>3. Разделами и подразделами классификации расходов бюджетов являются:</p> <p>3) национальная безопасность и правоохранительная деятельность: органы прокуратуры и следствия; органы внутренних дел; войска национальной гвардии Российской Федерации; органы юстиции; система исполнения наказаний; органы безопасности; органы пограничной службы; ... защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, пожарная безопасность; гражданская оборона; миграционная политика; модернизация войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, а также правоохранительных и иных органов ...</p>	<p>Термин «правоохранительная деятельность» применён к достаточно широкому кругу органов государственной власти</p>
<p>ВОЗДУШНЫЙ КОДЕКС РФ (статья 52)</p> <p>4. На работу в службы авиационной безопасности не принимаются лица:</p> <p>3) досрочно прекратившие полномочия по государственной должности или уволенные с государственной службы, в том числе из правоохранительных органов, из органов прокуратуры, судебных органов по основаниям...</p>	<p>Органы прокуратуры и судебные органы поименованы отдельно от правоохранительных органов</p>
<p>ЖИЛИЩНЫЙ КОДЕКС РФ (статья 123.2)</p> <p>2. Контролирующий орган вправе:</p> <p>9) направлять в правоохранительные органы материалы, связанные с нарушениями обязательных требований, для решения вопросов о возбуждении уголовных дел по признакам преступлений</p>	<p>Круг правоохранительных органов не очерчен</p>
<p>КОДЕКС РФ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ (статья 17.12)</p> <p>Незаконное ношение форменной одежды со знаками различия, с символикой государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов</p>	<p>Государственные военизированные организации поименованы отдельно от правоохранительных органов</p>
<p>КОДЕКС ВНУТРЕННЕГО ВОДНОГО ТРАНСПОРТА РФ (статья 16)</p> <p>Органы, осуществляющие государственную регистрацию судов, бесплатно предоставляют информацию о зарегистрированных правах на суда по запросам: правоохранительных органов и судов о находящихся в производстве делах...</p>	<p>Судебные органы поименованы отдельно от правоохранительных органов</p>
<p>ЛЕСНОЙ КОДЕКС РФ (статья 96)</p> <p>6. Должностные лица органов государственного надзора ... имеют право:</p> <p>1) задерживать в лесах граждан, нарушивших обязательные требования, и доставлять указанных нарушителей в правоохранительные органы</p>	<p>Круг правоохранительных органов не очерчен</p>
<p>НАЛОГОВЫЙ КОДЕКС РФ (статья 102)</p> <p>1. Налоговую тайну составляют любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, плательщике страховых взносов, за исключением сведений:</p> <p>4) предоставляемых налоговым (таможенным) или правоохранительным органам других государств ...</p>	<p>Термин используется применительно к органам иностранных государств</p>
<p>ТРУДОВОЙ КОДЕКС РФ</p> <p>Статья 142.</p> <p>Не допускается приостановление работы: в органах и организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других военных, военизированных и иных формированиях и организациях, ведающих вопросами обеспечения обороны страны и безопасности государства, аварийно-спасательных, поисково-спасательных, противопожарных работ, работ по предупреждению или ликвидации стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, в правоохранительных органах.</p> <p>Статья 356.</p> <p>направляет в установленном порядке соответствующую информацию в федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, правоохранительные органы и в суды</p>	<p>Органы Вооруженных Сил, организации, ведающие вопросами обеспечения обороны страны и безопасности государства, противопожарных работ, работ по ликвидации стихийных бедствий, и суды поименованы отдельно от правоохранительных органов</p>
<p>УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РФ (статья 80)</p> <p>3. В отдельных исправительных учреждениях содержатся осужденные - бывшие работники судов и правоохранительных органов. В эти учреждения могут быть направлены и иные осужденные</p>	<p>Суды поименованы отдельно от правоохранительных органов</p>
<p>УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РФ (статья 105.1)</p> <p>8. Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб, в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, с дознавателем и контролирующим органом</p>	<p>Аварийно-спасательные службы поименованы отдельно от правоохранительных органов</p>
<p>УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РФ</p> <p>Статья 317. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа.</p> <p>Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких ...</p> <p>Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти.</p> <p><i>Примечание.</i> Представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделённое ...</p>	<p>Круг правоохранительных органов не очерчен</p>

Сложившаяся ситуация с использованием термина «правоохранительные органы» в законодательстве, безусловно, не способствует правильному и единообразному применению его

отдельных положений и сказывается на широте научной дискуссии по данному вопросу.

Занимающиеся данной проблематикой авторы отмечают, что в учебных изданиях пере-

Наличие правоохранительной функции в положении об органе

орган/ положение об органе	НАЛИЧИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ (текст положения)	виды должностей
I. Федеральные органы исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации		
МВД России Указ от 21 декабря 2016 г. № 699	11. МВД России осуществляет следующие полномочия: 12) разрабатывает и принимает меры по предупреждению преступлений и административных правонарушений, по выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению	1. Сотрудники 2. ФГГС (федеральные государственные гражданские служащие) 3. Работники
МЧС России Указ от 11 июля 2004 г. № 868	12. Министр: 11) определяет перечень должностных лиц МЧС России, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и организует их деятельность	1. Сотрудники 2. Военнослужащие 3. ФГГС 4. Работники
ФСИН России Указ от 13 октября 2004 г. № 1314	7. ФСИН России осуществляет следующие полномочия: 1) обеспечивает: условия содержания осуждённых и лиц, содержащихся под стражей, в учреждениях, исполняющих наказания, и следственных изоляторах	1. Сотрудники 2. ФГГС 3. Работники
ФССП России Указ от 13 октября 2004 г. № 1316	6. ФССП России осуществляет следующие полномочия: 2.1) осуществляет дознание по уголовным делам и производство по делам об административных правонарушениях в пределах своей компетенции	1. Сотрудники 2. ФГГС 3. Работники
ГФС России Указ от 7 апреля 2014 г. № 213	2. Основными задачами ГФС России являются: 1) обеспечение доставки отправок особой важности, совершенно секретных, секретных и иных служебных отправок	1. Сотрудники 2. ФГГС 3. Работники
Росгвардия Указ от 30 сентября 2016 г. № 510	9. Росгвардия осуществляет следующие полномочия: 11) разрабатывает и принимает меры по пресечению преступлений и административных правонарушений; 26) организует и осуществляет производство по делам об административных правонарушениях, которые отнесены к компетенции войск национальной гвардии	1. Сотрудники 2. Военнослужащие 3. ФГГС 4. Работники
II. Федеральные органы исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации		
ФТС России постановление от 23.04.2021 г. № 636	5. Федеральная таможенная служба осуществляет следующие полномочия: 5.96. выявляет, предупреждает, пресекает преступления и административные правонарушения...	1. Сотрудники 2. ФГГС 3. Работники
III. Федеральные государственные органы, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации		
Следственный комитет Указ от 14 января 2011 г. № 38	4. Основными задачами Следственного комитета являются: 1) оперативное и качественное расследование преступлений ...	1. Сотрудники 2. Военнослужащие 3. ФГГС 4. Работники
IV. Федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор		
Прокуратура Российской Федерации федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1	Статья 1. Прокуратура Российской Федерации уголовное преследование в соответствии с полномочиями; возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования в соответствии с полномочиями...	1. ФГС 2. Военнослужащие 3. ФГГС 4. Работники

чень правоохранительных органов может сокращаться либо расширяться, например, за счёт таких субъектов, как уполномоченный по правам человека, народные дружины, военная полиция и т. д. В отраслевой научной литературе, в отличие от учебной, понятие правоохранительных органов более узко, в него не включается негосударственный сегмент правоохранительной деятельности (нотариат, адвока-

тура, частные охранные организации и частные детективы), а также, как правило, судебные органы [9]. В систему правоохранительных органов традиционно включают суды, прокуратуру, адвокатуру, органы предварительного расследования, Министерство юстиции и нотариат. При этом из данного перечня, пожалуй, только прокуратура и органы предварительного расследования не вызывают сомнения относитель-

но их принадлежности к правоохранительным органам. Что касается всех остальных органов, перечисляемых авторами, то в отношении них имеются определённые возражения [3].

Не вступая в дискуссию по данному вопросу, отметим, что названные примеры свидетельствуют о том, что и в научной литературе нет единого мнения об отнесении тех или иных органов к правоохранительным.

Отсутствие единого мнения у законодателя и учёных приводит к разной подаче преподава-

телями учебного материала в рамках изучения дисциплины «Правоохранительные органы»¹¹,

¹¹ Например, в рамках федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка, утвержденного приказом Минобрнауки России от 27 июля 2021 г. № 677 (зарегистрирован Минюстом России 19 августа 2021 года, регистрационный № 64694), которым определено, что программа бакалавриата должна обеспечивать реализацию в том числе дисциплин (модулей) по правоохранительным органам.

Таблица 3

Лица, проходящие службу в органе, и их специальные звания (чины)

ПРИМЕНЯЕМЫЙ ТЕРМИН К ЛИЦАМ, ПРОХОДЯЩИМ СЛУЖБУ В ОРГАНЕ	НАЛИЧИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗВАНИЯ/ЧИНА
МВД России	
Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ Сотрудник органов внутренних дел – гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому ... присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава (часть 1 статьи 10)	Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ Учреждаются следующие специальные звания: 1) рядовой состав: рядовой полиции, рядовой внутренней службы, рядовой юстиции (часть 2 статьи 8)
МЧС России	
Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ Сотрудник федеральной противопожарной службы – гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению службы в федеральной противопожарной службе в должности рядового или начальствующего состава и которому ... присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава (часть 1 статьи 1)	Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ Учреждаются специальные звания: 1) рядового состава - рядовой внутренней службы (часть 2 статьи 8)
ФСИН России	
Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ Сотрудник, впервые поступивший на службу в уголовно-исполнительной системе, приводится к Присяге сотрудника уголовно-исполнительной системы (статья 28)	Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ Учреждаются следующие специальные звания: 1) рядовой внутренней службы (часть 2 статьи 8)
ФССП России	
Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ Сотрудник, впервые поступивший на службу в органы принудительного исполнения, приводится к Присяге сотрудника органов принудительного исполнения (статья 28)	Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ Учреждаются следующие специальные звания: 1) младший начальствующий состав: а) младший сержант внутренней службы (часть 2 статьи 8)
ГФС России	
Федеральный закон от 17 декабря 1994 г. № 67-ФЗ Сотрудники органов федеральной фельдъегерской связи подразделяются на лиц начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи, являющихся сотрудниками органов внутренних дел, состоящих в кадрах федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, прикомандированных к федеральному органу исполнительной власти ... (статья 8)	Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ Учреждаются следующие специальные звания: 1) рядовой состав: рядовой полиции, рядовой внутренней службы, рядовой юстиции (часть 2 статьи 8)
Росгвардия	
Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ Сотрудник, впервые поступивший на службу в войска национальной гвардии, приводится к Присяге сотрудника войск национальной гвардии (статья 24 ²)	Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ Учреждаются следующие специальные звания: 1) рядовой состав: рядовой полиции, рядовой внутренней службы, рядовой юстиции (часть 2 статьи 8)
ФТС России	
Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ Должностными лицами таможенных органов являются граждане, замещающие должности сотрудников в указанных органах, которым присвоены специальные звания (далее – сотрудники таможенных органов), и федеральные государственные гражданские служащие таможенных органов (статья 3)	Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ Гражданам, принятым на службу в таможенные органы, и сотрудникам таможенных органов присваиваются следующие специальные звания: 1) прапорщик таможенной службы (часть 1 статьи 5)
Следственный комитет	
Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ Сотрудники Следственного комитета – руководители следственных органов, следователи, а также другие должностные лица Следственного комитета, имеющие специальные или воинские звания либо замещающие должности, по которым предусмотрено присвоение специальных или воинских званий (пункт 5 статьи 4)	Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ Сотрудникам Следственного комитета (кроме военнослужащих) присваиваются следующие специальные звания: 1) младшие специальные звания: а) младший лейтенант юстиции (часть 1 статьи 20)
Прокуратура Российской Федерации	
Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 Аттестации подлежат прокурорские работники, имеющие классные чины либо занимающие должности, по которым предусмотрено присвоение классных чинов (пункт 2 статьи 41)	Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 Доплата за классный чин производится ... размерах: действительный государственный советник юстиции - 30 процентов (статья 44)

что ещё больше разжигает дискуссию по данному вопросу и порождает дополнительные вопросы у правоприменителей.

В связи с этим авторами, несмотря на наличие иных мнений [9], безусловно, поддерживаются предложения учёных о том, что на основе законодательных актов о прохождении государственной службы законодателем должен быть чётко определён перечень правоохранительных органов [5].

Остановимся на этом предложении более подробно, сделав акцент на произошедших изменениях в законодательстве.

Как уже отмечалось выше, с учётом внесённых федеральным законом № 262-ФЗ изменений в федеральный закон № 58-ФЗ система государственной службы стала включать в себя: государственную гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных видов. При этом в ряде законодательных актов вместо термина «иной вид государственной службы» стал употребляться в качестве равнозначного термин «федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью»¹².

Проведённый авторами анализ нормативных правовых актов, устанавливающих полномочия государственных органов (см. табл. 2), а также регламентирующих порядок прохождения службы (см. табл. 3 и 4), показал, что в настоящее время должности федеральной государственной службы, не относящиеся к должностям федеральной государственной гражданской и военной служб – должности государственной службы иных видов (должности федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью), введены только в девяти федеральных государственных органах. Деятельностью большинства из указанных органов руководит непосредственно Президент Российской Федерации (за исключением Прокуратуры Российской Федерации и ФТС России).

Рассматривая данный вопрос, остановимся и на полномочиях соответствующих органов.

Авторы отчасти согласны с Н. И. Газетдиновым, который отмечает, что деятельность конкретного органа является правоохранительной не в силу того, что обладает признаками правоохранительной деятельности, и поэтому орган является правоохранительным, а наоборот, указанными признаками конкретный орган наделяется в силу закона, возлагающего на него задачу защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений, и для этого закон наделяет его определёнными полномочиями. Поэтому критерием определения того или иного органа как правоохранительного является не его статус как государственного или общественного органа, а возложенная на конкретный ор-

ган, независимо от его статуса, законом задача защиты прав и законных интересов граждан и организаций в качестве основной задачи этого органа и вытекающее отсюда основное направление его деятельности по выполнению данной задачи и осуществляемая этим органом соответствующая правоохранительная функция [3].

При этом, по мнению авторов, осуществление правоохранительной деятельности должно быть не единственным и безусловным условием отнесения органа к правоохранительным, а критерием для включения его в соответствующий нормативный акт, которым будет закреплён его статус и одновременно будет разрешено введение в данном органе должностей государственной службы иных видов (должности федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью).

Многими авторами под правоохранительной деятельностью предлагается понимать деятельность, связанную с выявлением, предупреждением, пресечением, раскрытием, расследованием правонарушений [1].

В этой связи отрадно, что большинство органов, в которых в настоящее время введены должности государственной службы иных видов (см. табл. 2), обладают указанными полномочиями. Напрямую указанными полномочиями из указанных органов не наделена только ФТС России. Вместе с тем основу кадрового состава ФТС России составляют сотрудники органов внутренних дел, чьё предназначение заключается именно в пресечении и расследовании правонарушений.

Кроме того, анализ приведённых в таблицах положений показал, что лица, замещающие указанные должности, в подавляющем большинстве нормативных правовых актов, регламентирующих порядок прохождения государственной службы иных видов (федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью), именуется одинаковым термином – «сотрудники» и для них предусмотрено присвоение специальных званий. Термин «сотрудники» не применяется только в отношении прокурорских работников. Для них же законодательством не предусмотрено присвоение специальных званий (см. табл. 3).

При этом содержащиеся в табл. 4 данные также наглядно показывают, что порядок прохождения государственной службы иных видов (федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью) в настоящее время урегулирован семью основными и тремя дополнительными законами, два из которых содержат только положения о социальных гарантиях (всего десятью законодательными актами).

Подводя итог, резюмируем:

1. В законодательстве Российской Федерации отсутствует определение термина «правоохранительные органы» и перечень таких органов. В контексте норм конкретных нормативных правовых актов термину «правоохранительные органы» придаётся различное значение.

¹² Например, см.: часть 3 статьи 5 Федерального закона от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (в ред. Федерального закона № 262-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

Федеральные законы, регулирующие прохождение государственной службы иных видов

<p style="text-align: center;">МВД России</p> <p>- от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;</p> <p>- от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>
<p style="text-align: center;">Росгвардия</p> <p>- от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»;</p> <p>- от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;</p> <p>- от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>
<p style="text-align: center;">ГФС России</p> <p>- от 17 декабря 1994 г. № 67-ФЗ «О федеральной фельдъегерской связи»;</p> <p>- от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;</p> <p>- от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>
<p style="text-align: center;">МЧС России</p> <p>- от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;</p> <p>- от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>
<p style="text-align: center;">ФСИН России</p> <p>- от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;</p> <p>- от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>
<p style="text-align: center;">ФССП России</p> <p>- от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;</p> <p>- от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>
<p style="text-align: center;">ФТС России</p> <p>- от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»;</p> <p>- от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>
<p style="text-align: center;">Следственный комитет</p> <p>- от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»</p>
<p style="text-align: center;">Прокуратура Российской Федерации</p> <p>- от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»</p>

2. Должности федеральной государственной службы иных видов (должности федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью) в настоящее время введены в девяти федеральных государственных органах, что позволяет констатировать фактическое наличие в Российской Федерации именно такого количества правоохранительных органов.

3. Порядок прохождения государственной службы иных видов в настоящее время урегулирован всего семью основными законодательными актами, очень близкими по содержанию между собой. В законодательстве лица, замещающие должности государственной службы иных видов, в большинстве случаев именуется термином «сотрудники» и для них предусмотрено присвоение специальных званий.

Названные выводы позволяют вновь поставить вопрос о необходимости принятия единого законодательного акта, регламентирующего порядок прохождения правоохранительной службы (федеральной государственной службы иных видов (федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью)), в котором помимо прочих норм должно быть прямо закреплено, что перечень правоохранительных органов утверждается Президентом Российской Федерации.

Если это в настоящее время невозможно по каким-либо организационным или финансовым причинам, то, на наш взгляд, норма об утверждении перечня правоохранительных органов (органов, в которых может быть предусмотрена федеральная государственная служба иных видов (федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью)) актом Президента Российской Федерации может быть включена непосредственно в Федеральный закон № 58-ФЗ, которым установлена

система государственной службы Российской Федерации.

В данный перечень должны включаться федеральные государственные органы, деятельность которых связана с выявлением, предупреждением, пресечением, раскрытием, расследованием правонарушений.

Реализация любого из предложенных вариантов потребует приведения терминологии, содержащейся в законодательстве, в соответствие с указанным перечнем, а также введения иных терминов, например, «контролирующие органы» и т. д.

Понимая всю трудоёмкость реализации обозначенных предложений, авторы настаивают на них, так как нормативное утверждение перечня правоохранительных органов не только послужит толчком к консенсусу по данному вопросу в науке, но и приведёт к единообразному пониманию положений соответствующих нормативных правовых актов, позволит исключить ошибки при их применении.

Список литературы

1. Амирбеков К. И. Правоохранительная деятельность и правоохранительный орган: понятие и критерии разграничения // Российская юстиция. – 2017. – № 4. – С. 48–51.
2. Бекетов О. И., Опарин В. Н., Сургутсков В. И. Сфера внутренних дел и современная система правоохранительных органов России // Российский юридический журнал. – 2018. – № 1. – С. 137–142.
3. Газетдинов Н. И. Значение понятия «Правоохранительные органы» для образовательного процесса и юридической практики // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 64–67.
4. Дроздов Д. Е. О понятии и видах должностных лиц правоохранительных органов // Российский юридический журнал. – 2018. – № 3 (120). – С. 129–133.
5. Евстафиади Я. К. О необходимости законодательного закрепления системы правоохранительных органов России // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 6 (90). – С. 603–608.
6. Зырянов С. М. Административный надзор полиции и полицейский надзор: соотношение правовых категорий // Журнал российского права. – 2012. – № 2 (182). – С. 46–54.
7. Ольшевский А. В., Заяев Е. Д. Законодательные предпосылки для возвращения на современном этапе к вопросу о правоохранительной службе // Административное право и процесс. – 2019. – № 10. – С. 59–62.
8. Ольшевский А. В. О нормативных правовых актах, послуживших в 2011–2012 годах основой для реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2022. – № 1 (61). – С. 110–118.
9. Позднов М. С. Проблемы определения системы правоохранительных органов Российской Федерации на современном этапе (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).
10. Сопнева Е. В. О системе правоохранительных органов // Таможенное дело. – 2007. – № 3. – С. 6–10.

References

1. Amirbekov K. I. Pravookhranitel'naya deyatel'nost' i pravookhranitel'nyy organ: ponyatiye i kriterii razgranicheniya // Rossiyskaya yustitsiya. – 2017. – № 4. – S. 48–51.
2. Beketov O. I., Oparin V. N., Surgutskov V. I. Sfera vnutrennikh del i sovremennaya sistema pravookhranitel'nykh organov Rossii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2018. – № 1. – S. 137–142.
3. Gazetdinov N. I. Znachenije ponyatiya «Pravookhranitel'nyye organy» dlya obrazovatel'nogo protsessa i yuridicheskoy praktiki // Rossiyskaya yustitsiya. – 2014. – № 4. – S. 64–67.
4. Drozdov D. Ye. O ponyatii i vidakh dolzhnostnykh lits pravookhranitel'nykh organov // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2018. – № 3 (120). – S. 129–133.
5. Yevstafyadi Ya. K. O neobkhodimosti zakonodatel'nogo zakrepleniya sistemy pravookhranitel'nykh organov Rossii // Administrativnoye i munitsipal'noye pravo. – 2015. – № 6 (90). – S. 603–608.
6. Zyryanov S. M. Administrativnyy nadzor politzii i politseyskiy nadzor: sootnosheniye pravovykh kategoriy // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2012. – № 2 (182). – S. 46–54.

7. *Ol'shevskiy A. V., Zayayev Ye. D. Zakonodatel'nyye predposylki dlya vozvrashcheniya na sovremennom etape k voprosu o pravookhranitel'noy sluzhbe // Administrativnoye pravo i protsess. – 2019. – № 10. – S. 59–62.*

8. *Ol'shevskiy A. V. O normativnykh pravovykh aktakh, posluzhivshikh v 2011–2012 godakh osnovoy dlya reformirovaniya organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. – 2022. – № 1 (61). – S. 110–118.*

9. *Pozdnov M. S. Problemy opredeleniya sistemy pravookhranitel'nykh organov Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape (Podgotovlen dlya sistemy Konsul'tantPlyus, 2022) // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 20.05.2022).*

10. *Sopneva Ye. V. O sisteme pravookhranitel'nykh organov // Tamozhennoye delo. – 2007. – № 3. – S. 6–10.*

Статья поступила в редакцию 25.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 31.08.2022.

The article was submitted June 25, 2022; approved after reviewing August 15, 2022; accepted for publication August 31, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья
УДК 347.77
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-51-58

Елизавета Владиславовна Зайцева
адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-8138-1647>, liza.nasambaeva@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Договоры о распоряжении исключительным правом на служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы в системе МВД России

Аннотация: Статья посвящена исследованию основных характеристик договоров об отчуждении исключительного права на служебные научно-технические решения, об отчуждении патента и лицензионных договоров, применяемых в системе МВД России. Это особенно актуально, так как договоры о распоряжении исключительным правом выступают наиболее распространённым способом обращения исключительного права в экономическом обороте и являются основной формой регулирования правоотношений, складывающихся по поводу распределения и перехода исключительного права на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец. Целью работы является анализ специфических особенностей договоров, опосредующих оборотоспособность патентных прав в системе МВД России.

Представляется целесообразным проанализировать договорные конструкции по смыслу смоделированных правоотношений между автором-сотрудником (работником), являющимся правообладателем, и работодателем, являющимся приобретателем исключительного права в полном объёме либо в установленных договором пределах.

В качестве договора об отчуждении исключительного права, а также договора об отчуждении патента на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец, по смыслу ст. 1365 ГК РФ, выступают соглашения об обязательстве передать или непосредственной передаче правообладателем принадлежащего ему исключительного права на соответствующий служебный результат творчества в полном объёме приобретателю исключительного права.

В результате исследования автором выявлены недостатки в действующем гражданском законодательстве и предложены пути устранения имеющихся пробелов. Анализ правовых норм показал, что для договоров об отчуждении исключительного права целесообразно нормативное утверждение в качестве существенных условий: указания вида объекта, а также номера правоустанавливающего документа на результат труда, удостоверяющего исключительное право на служебный объект.

Ключевые слова: договор, распоряжение исключительным правом, отчуждение патента, лицензия, служебные объекты патентного права

Для цитирования: Зайцева Е. В. Договоры о распоряжении исключительным правом на служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 51–58; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-51-58.

Elizaveta V. Zaytseva

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-8138-1647>, liza.nasambaeva@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Agreements on the disposal of the exclusive right to work-related inventions, utility models, industrial designs in the system of the MIA of Russia

Abstract: The article is devoted to the study of the main characteristics of agreements on the alienation of the exclusive right to work-related scientific and technical solutions, on the alienation of a patent and license agreements used in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. This is especially relevant, because agreements on the disposal of exclusive rights are the most common way of exercising exclusive rights in economic circulation and are the main form of regulation of legal relations arising from the distribution and transfer of the exclusive right to a work-related invention, work-related utility model, work-related industrial design. The aim of the work is to analyze the specific features of contracts that mediate the turnover of patent rights in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. As a result of the study, the author identified shortcomings in the current civil legislation and proposed ways to eliminate existing gaps. An analysis of legal norms showed that for agreements on the alienation of an exclusive right, it is advisable to have a normative statement as essential conditions for indicating the type of object, as well as the number of the title document for the result of labor, certifying the exclusive right to a work-related object.

Keywords: agreement; disposition of the exclusive right; alienation of a patent; license; service objects of patent law

For citation: Zaytseva E. V. Agreements on the disposal of the exclusive right to work-related inventions, utility models, industrial designs in the system of the MIA of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 51–58; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-51-58.

Нематериальная природа служебных результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых в системе МВД России, предопределяет невозможность их участия в гражданском обороте. Передача другим лицам и отчуждение самих служебных объектов не осуществляется, правообладатель может распорядиться только исключительным правом на служебную разработку.

Принципиальная возможность введения исключительного права в гражданский оборот любым не противоречащим закону и существу исключительного права способом определена в ст. 1233 ГК РФ. В науке гражданского права предусмотрено несколько форм перехода исключительного права на результат творчества, в число которых входят сингулярное правопреемство, универсальное правопреемство, залог, иные формы [1, с. 62]. В свою очередь, среди всех способов распоряжения исключительным правом на служебные результаты творческой деятельности законодателем особое внимание уделяется договорным конструкциям. С практической точки зрения договоры, опосреду-

ющие оборотоспособность исключительных прав, выступают наиболее распространённым способом обращения исключительного права в экономическом обороте и являются основной формой регулирования правоотношений, складывающихся по поводу распределения и перехода исключительного права на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец.

Охраняя имущественные права сотрудника (работника) и работодателя по отношению к предусмотренной возможности распоряжения исключительным правом на служебную разработку, законодатель предусмотрел осуществление правообладателем отчуждения исключительного права в полном объёме посредством договора об отчуждении исключительного права, договора об отчуждении патента, а также предоставление права использования служебного объекта в определённых соглашениях сторон пределах в соответствии с условиями лицензионного договора.

Общие условия и содержание рассматриваемых видов договоров установлены легально

в ст. 1234, 1235 ГК РФ. В отношении объектов патентного права содержание и форма договора об отчуждении исключительного права, договора об отчуждении патента и лицензионного договора конкретизированы в статьях 1365–1369 ГК РФ. При этом договоры об отчуждении патента выступают самостоятельным видом договоров о распоряжении исключительным правом, к ним применяются общие требования договоров об отчуждении исключительных прав, установленные ст. 1234 ГК РФ, и их следует отличать от лицензионных договоров и договоров о передаче права на получение патента [2, с. 96].

Исключительное право на результаты творчества, созданные в системе МВД России, по смыслу п. 3 ст. 1370 ГК РФ, по закону переходит к работодателю автора – казённому учреждению МВД России. Между тем законодателем также предусмотрена возможность возврата исключительного права автору-сотруднику (работнику) в случаях бездействия работодателя по истечении шестимесячного срока (для правоотношений, возникших до 1 января 2022 года – четырёхмесячного срока) после уведомления его сотрудником (работником) о создании охраноспособного результата интеллектуальной деятельности. Такой возврат может быть осуществлён, когда работодатель не подал заявку на получение патента, не передал право на получение патента другому лицу либо не сообщил сотруднику (работнику) о сохранении информации об охраноспособном решении в тайне.

Осуществляя свою деятельность как обычный участник гражданских правоотношений, казённое учреждение МВД России как работодатель наделено более властными полномочиями по отношению к автору-сотруднику (работнику). Несмотря на то, что законодателем предусмотрен возврат исключительного права на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец к автору в связи с легально установленными условиями, в служебно-правовых отношениях между автором-сотрудником (работником) и казённым учреждением МВД России такой возврат практически не осуществляется, равно как и не происходит заключения гражданско-правовых договоров по поводу осуществления прав на служебные разработки, в том числе ввиду специфики правового статуса участников рассматриваемых правоотношений. Это ведёт к злоупотреблению работодателем принадлежащими автору-сотруднику (работнику) правами на служебный результат творчества.

В свою очередь, принадлежность исключительного права на служебный результат творчества в силу п. 3 ст. 1228 ГК РФ и пп. 1 п. 2 ст. 1345 ГК РФ первоначально всё же определена за автором разработки. Переход принадлежащего автору исключительного права на служебный объект может быть обусловлен требованиями закона либо быть осуществлён по иным законодательно закреплённым основаниям, в том числе посредством заключения договора о распоряжении исключительными правами.

Представляется целесообразным проанализировать такие договорные конструкции по смыслу смоделированных правоотношений между автором-сотрудником (работником), являющимся правообладателем, и работодателем, являющимся приобретателем исключительного права в полном объёме либо в установленных договором пределах.

В качестве договора об отчуждении исключительного права, а также договора об отчуждении патента на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец по смыслу ст. 1365 ГК РФ выступают соглашения об обязательстве передать или непосредственной передаче правообладателем принадлежащего ему исключительного права на соответствующий служебный результат творчества в полном объёме приобретателю исключительного права. К договорам об отчуждении исключительного права, договорам об отчуждении патента применяются общие положения ГК РФ о договорах, обязательствах и сделках [3, с. 186].

В правоотношениях, связанных с распоряжением исключительным правом на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец в системе МВД России, сторонами договора об отчуждении выступают автор-сотрудник (работник) как правообладатель, и казённое учреждение МВД России как приобретатель исключительного права. Отчуждение исключительного права в свою очередь не предполагает переход личных неимущественных прав, их принадлежность сохраняется за автором-сотрудником (работником). В случае, когда правообладателями выступают несколько лиц, распоряжение принадлежащим им исключительным правом, по правилам п. 3 ст. 1229 ГК РФ, осуществляется совместно, если иное не предусмотрено ГК РФ.

Предмет договора об отчуждении исключительного права, договора об отчуждении патента признается его существенным условием и в качестве него выступает удостоверенное патентом исключительное право, передаваемое казённому учреждению МВД России в полном объёме. Если в договоре не указана передача исключительного права в полном объёме, такой договор признается лицензионным. Объём исключительного права определяется формулой изобретения и полезной модели, а также перечислением существенных признаков промышленного образца. При отчуждении казённому учреждению МВД России исключительного права правомочия автора-сотрудника по использованию служебного результата труда и запрету такого использования третьим лицам, а также распоряжению исключительным правом полностью прекращаются. Между тем в предмет договора, помимо личных неимущественных прав автора, не может входить и право на получение патента, и непосредственно сам патент как документ, обладающий имущественной ценностью. Не может быть предметом договора и исключительное право на служебное решение, которое будет раз-

рабатываться в будущем, и право на получение патента, которое может принадлежать нескольким лицам, в связи с отсутствием удостоверяющего исключительное право патента.

Законодательно утверждённые в ст. 1234 ГК РФ положения о договорах об отчуждении исключительного права, применяемые в отношении всех результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, не предусматривают обязательного указания наименования объекта охраны, в отношении которого происходит распоряжение правами, равно как и указания реквизитов правоустанавливающего документа [4, с. 17]. Между тем отсутствие указанных условий может ввести в заблуждение приобретателя исключительного права относительно дальнейшего его фактического использования, а также привести к злоупотреблению правами как одной, так и другой стороны.

Законодатель допускает как реальный, так и консенсуальный характер договора об отчуждении исключительного права, договора об отчуждении патента. В свою очередь, заключение реального договора необходимо связывать с моментом непосредственного перехода исключительного права от сотрудника (работника) к казённому учреждению МВД России, в то время как консенсуальный характер договора предопределяет достижение соглашения по всем существенным условиям.

Договор об отчуждении исключительного права, договор об отчуждении патента содержат права и обязанности обеих сторон и поэтому являются взаимными. Кроме этого, как договор об отчуждении исключительного права, так и договор об отчуждении патента по общему правилу имеют возмездный характер, если соглашением сторон не предусмотрено иное. Договор между сотрудником (работником) и казённым учреждением МВД России будет считаться незаключённым, если в нём отсутствует указание на безвозмездность или на размер и порядок определения вознаграждения, а все правовые последствия, реализуемые в соответствии с условиями договора об отчуждении исключительного права, будут являться незаконными. В случае, когда сторонами оговорен возмездный характер договора об отчуждении исключительного права, размер вознаграждения или порядок его определения являются существенными условиями такого договора. Для договора об отчуждении патента возмездный характер обуславливается не денежным вознаграждением, а встречным предоставлением [5, с. 98]. Исключение составляют безвозмездные договоры об отчуждении исключительного права в случаях, когда правообладателем выступает казённое учреждение МВД России и им принято решение о досрочном прекращении действия патента, а правоприобретателем является автор-сотрудник (работник).

Формы вознаграждения, определяемые для возмездного договора об отчуждении исключительного права, в силу п. 3 ст. 1234 ГК РФ, могут быть выражены в фиксированных разовых пла-

тежах, зафиксированных периодических платежах, отчислениях в процентах от дохода (выручки), а также в иных формах. Неисполнение приобретателем исключительного права обязанности выплаты вознаграждения, обусловленного договором, влечёт за собой возникновение у прежнего правообладателя юридически обеспеченной возможности требовать перевода исключительного права на себя, а также возможности отказаться от договора в одностороннем порядке с требованием возмещения причинённых расторжением договора убытков.

Законодателем предусмотрена письменная форма договора об отчуждении исключительного права и договора об отчуждении патента, несоблюдение которой влечёт недействительность договора. Заключение договора посредством составления одного документа является наиболее целесообразным. Вместе с тем по смыслу п. 2 ст. 434 ГК РФ письменная форма договора будет соблюдена и в случае обмена письмами, телеграммами, электронными документами и иными данными с соблюдением требований к содержанию сделки в неизменном виде и достоверным определением волеизъявляющих лиц (абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ). Переход к приобретателю по договору исключительного права на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец подлежит государственной регистрации (п. 2 ст. 1232 ГК РФ) и осуществляется непосредственно с момента государственной регистрации (п. 4 ст. 1234 ГК РФ). В случае нарушения условия о государственной регистрации отчуждения исключительного права договор также считается недействительным. Исключительное право передается на весь срок или на оставшийся срок действия патента.

Прекращение или изменение договора об отчуждении исключительного права, договора об отчуждении патента происходит в общеправовом порядке. Изменение договора происходит в той же форме, что и основной договор, и также подлежит государственной регистрации. Законодателем, по правилам ст. 450 ГК РФ, предусмотрены случаи принудительного изменения или расторжения договора по решению суда при существенном нарушении условий договора одной из сторон. При этом в судебном порядке вопросы изменения или расторжения договора об отчуждении исключительного права, договора об отчуждении патента рассматриваются при отказе другой стороны изменить или расторгнуть договор либо при неполучении ответа в установленный срок. По решению суда договор об отчуждении исключительного права, договор об отчуждении патента может также быть изменён или расторгнут не только в связи с существенным нарушением условий договора, но и существенным изменением обстоятельств, если иное не предусмотрено соглашением сторон (ст. 451 ГК РФ). В любом случае, изначально вопросы изменения или расторжения договора об отчуждении исключительного права, договора об отчуждении патента на служебную разработку

должны разрешаться сторонами по соглашению друг с другом.

Другим видом договора, опосредующего оборотоспособность исключительных прав на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец в системе МВД России, выступает лицензионный договор.

Лицензионный договор представляет собой самостоятельное соглашение сторон о распоряжении исключительным правом на служебную разработку, в соответствии с которым исключительное право не отчуждается в полном объеме, а предоставляются отдельные правомочия по использованию технического или художественно-конструкторского решения в порядке и на условиях, установленных в договоре. В силу ст. 1367 ГК РФ, по лицензионному договору одна сторона предоставляет или обязуется предоставить другой стороне удостоверенное патентом право использования служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца в установленных договором пределах. К лицензионным договорам применяются правила, определяющие общие требования к сделкам, договорам и обязательствам, утверждённые нормами ГК РФ, а также правила, установленные ст. 1235–1238, 1254 ГК РФ, регламентирующие требования к лицензионным договорам в сфере интеллектуальной собственности.

Сторонами лицензионного договора в системе МВД России являются лицензиар – правообладатель – автор служебной разработки (сотрудник, работник), и лицензиат – лицо, которому предоставляется право использования служебной разработки в определённых договором пределах (казённое учреждение МВД России). Распоряжение по лицензионному договору исключительным правом на служебное решение, принадлежащее нескольким лицам, осуществляется ими совместно, по правилам п. 3 ст. 1229 ГК РФ. При недостижении согласия между правообладателями решение может быть принято в судебном порядке.

Основной непосредственной характеристикой лицензионных договоров, отличающей их от договоров об отчуждении исключительных прав, служит возможность приобретения лицензиатом в отношении служебного решения не исключительного права в полном объеме, а лишь отдельных правомочий в целях использования служебной разработки в своей хозяйственной деятельности, в пределах которой допустимо такое использование [6, с. 86].

Осуществление лицензионных договоров предопределяется реализацией унифицированных для данного вида договоров правовых последствий и наличием у них специфических признаков. Легально презюмируется положение о том, что прямо не указанные в лицензионном договоре права не могут считаться предоставленными лицензиату – казённому учреждению МВД России. В свою очередь исключительное право, принадлежащее автору-сотруднику (ра-

ботнику), сохраняется за ним и становится объектом лицензионным договором, а казённое учреждение МВД России по отношению к автору-сотруднику (работнику) становится должником и правообладателем лишь в установленных договором пределах. В этих пределах у лицензиата по поводу использования служебного результата труда возникают абсолютные правоотношения с другими лицами, ограниченные сроком и территорией действия, в содержание которых также включено правомочие казённого учреждения МВД России предоставлять перешедшие к нему права другим лицам в порядке сублицензирования. Важно помимо этого, учитывать, что если иное не установлено договором, законодателем утверждена презумпция неисключительного характера лицензии.

Лицензионный договор о предоставлении служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца взаимный, консенсуальный, а также по общему правилу возмездный. В связи с этим по соглашению сторон в договоре должны быть отражены условия о денежном вознаграждении либо об ином встречном предоставлении. При этом условия о размере вознаграждения или о порядке его определения в возмездном лицензионном договоре, равно как и в договоре об отчуждении исключительного права, договора об отчуждении патента, являются существенными, и в случае их отсутствия договор будет признан незаключённым, вследствие чего не будут применяться и правила определения цены, предусмотренные п. 3 ст. 424 ГК РФ. Цена лицензионного договора определяется по соглашению сторон. В качестве вознаграждения может быть установлена единовременная выплата – паушальный сбор, либо периодические выплаты в зависимости от извлекаемой прибыли или цены запатентованной служебной разработки – роялти [7, с. 198].

К элементам лицензионного договора наряду с ценой относятся его предмет, срок, форма и содержание.

Предметом лицензионного договора выступает удостоверенное патентом право использования служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца в установленных договором пределах. Способы использования служебных объектов патентного права, открытый перечень которых утверждён законодателем в п. 2 ст. 1358 ГК РФ, являются существенным условием договора, без которого договор считается незаключённым. То есть, в отличие от договора об отчуждении, в лицензионном договоре должна быть отражена не только передача исключительного права на служебный объект, но и конкретные способы реализации исключительного права. В свою очередь содержание использования служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца определено легально в п. 3 ст. 1358 ГК РФ и зависит от признаков каждого из объектов. Пределы использования служебных решений определяют

ся соглашением сторон посредством указания территории, способов и срока использования, а также иных условий [8, с. 128].

Территория, на которой может быть использовано служебное решение, указывается в договоре. В отсутствие такого указания по смыслу п. 3 ст. 1235 ГК РФ лицензиат – казённое учреждение МВД России юридически обеспечен возможностью использовать служебную разработку на всей территории Российской Федерации.

Условие о сроке лицензионного договора обусловлено взаимной заинтересованностью сторон. Продолжительность времени, на которое лицензиар предоставляет лицензиату отдельные правомочия по использованию служебного результата творчества, непосредственно связана с продолжительностью срока действия патента и исключительного права, и не должна превышать его. По истечении срока действия исключительного права действие лицензионного договора прекращается, даже если он был заключён на более длительный срок [9, с. 8]. Если срок лицензионного договора не определён, по общему правилу следует считать его заключённым на пять лет (п. 4 ст. 1235 ГК РФ).

В литературе высказываются мнения о том, что в отношении объектов патентного права правила о территории и сроке действия лицензионного договора, предусмотренные ст. 1235 ГК РФ, не применяются [10, с. 165], что предопределено ограничением действия патента Российской Федерации по сроку и территории. Ряд авторов придерживаются противоположного мнения. Между тем некоторыми правоведами условия о сроке лицензионного договора рассматриваются как существенные. В свою очередь наряду с утверждёнными легально сторонами, по правилам п. 1 ст. 432 ГК РФ, могут рассматриваться в качестве существенных и иные условия. Ввиду исключения неоправданных рисков и недопущения возникновения споров по поводу действительности лицензионного договора, представляется необходимым в обязательном порядке указывать в нём вид и основные характеристики объекта, на который лицензиаром предоставляются правомочия по использованию, а также срок действия лицензионного договора, который не должен превышать срока действия исключительного права на разработку, посредством включения в договор основных реквизитов охранного документа. При прекращении действия исключительного права прекращается и лицензионный договор.

В зависимости от наличия или отсутствия запрета для автора-сотрудника (работника) предоставлять использование служебного решения другим лицам договор может носить характер простой (неисключительной) или исключительной лицензии. По условиям простой (неисключительной) лицензии за лицензиаром – автором-сотрудником (работником) сохраняется право выдачи лицензий другим лицам. В случае исключительной лицензии казённое учреждение МВД России предоставленные по

договору правомочия может осуществлять без сохранения за лицензиаром права выдачи лицензии другим лицам. Кроме этого, в силу исключительной лицензии, казённое учреждение МВД России может самостоятельно защищать права, полученные им на основании лицензионного договора, в порядке, установленном гражданским законодательством, в том числе способами, предусмотренными ст. 1250, 1252, 1253 ГК РФ. В свою очередь вне зависимости от вида лицензионного договора автор-сотрудник (работник) не лишён возможности по своему усмотрению использовать служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец. При этом лицензиару также юридически обеспечено право осуществления отчуждения принадлежащего ему исключительного права на служебную разработку, в том числе посредством договора об отчуждении, что не является основанием для изменения или расторжения уже заключённого с прежним правообладателем лицензионного договора. Условие о виде лицензии не является существенным, оно может отсутствовать в договоре, в связи с чем презюмируется неисключительный характер лицензионного договора. Кроме этого в отношении отдельных способов использования служебного решения в одном договоре могут быть предусмотрены разные виды лицензий. Такой договор будет считаться заключённым в смешанной форме.

Представляется важным отразить в лицензионном договоре ряд значительных условий. Главной обязанностью казённого учреждения МВД России (лицензиата) выступает выплата обусловленного лицензионным договором вознаграждения автору-сотруднику (работнику) за использование в установленных пределах служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца. В связи с этим в договоре должны быть закреплены порядок и условия предоставления отчётов по использованию служебных результатов труда, которые при отсутствии установленного срока их предоставления должны быть переданы правообладателю по его требованию.

В договоре также следует отразить условие о возможности предоставления лицензиатом сублицензий. Для реализации этого условия лицензиару необходимо выразить в письменном виде своё согласие, которое может быть выражено как в самом лицензионном договоре, так и в виде отдельного соглашения. В случае сублицензионного договора, если не предусмотрено иное, ответственность перед лицензиаром за действия сублицензиата несёт непосредственно лицензиат. К сублицензионному договору применяются требования, аналогичные требованиям к лицензионным договорам.

Таким образом, перечень существенных условий для лицензионного договора шире, чем для договора об отчуждении. Так, к существенным условиям лицензионного договора относятся условия о характере передаваемых прав и способах использования служебного решения,

цена, срок и порядок предоставления отчётов, а также вид объекта, на который предоставляются права.

В отношении лицензионных договоров аналогично договору об отчуждении исключительного права, договору об отчуждении патента неприменимо правило о заключении в устной форме. Допускается лишь письменная форма договора, несоблюдение которой влечёт его недействительность. Кроме этого, как и по договору об отчуждении, предоставление прав на служебный результат творчества подлежит государственной регистрации.

Расторжение и изменение лицензионного договора так же, как и договора об отчуждении, происходит в порядке ст.ст. 450, 451 ГК РФ и может быть разрешено в судебном порядке после отказа одной из сторон об изменении или расторжении договора, в том числе в случае неполучения ответа на предложение расторгнуть или изменить договор в установленный срок. Изменения осуществляются в письменной форме и подлежат государственной регистрации.

Казённое учреждение МВД России как лицензиат ответственно за нарушение исключительного права на служебное решение при осуществлении использования разработки за пределами условий, установленных лицензионным договором. Лицензиар в свою очередь

наделён правом одностороннего отказа от лицензионного договора и правом требования возмещения убытков в случае существенного нарушения условия о выплате утверждённого договором вознаграждения за предоставление права использования служебного результата интеллектуальной деятельности.

Таким образом, законодателем предусмотрены договорные конструкции об отчуждении исключительного права, об отчуждении патента и предоставлении права использования служебного решения в установленных договором пределах, отличающиеся друг от друга объёмом передаваемых правомочий и перечнем существенных условий. Легально установленное для лицензионных договоров обязательное условие об указании вида объекта, а также номера правоустанавливающего документа на результат труда, удостоверяющего исключительное право, не предусмотрено законодателем в отношении договоров об отчуждении исключительного права. В свою очередь целесообразность нормативного утверждения указанных условий для договоров об отчуждении исключительного права обусловлена осуществлением надлежащего исполнения обязательств по договору и исключения введения в заблуждение приобретателя исключительного права.

Список литературы

1. Баттахов П. П. Об условиях введения объектов промышленной собственности в хозяйственный оборот // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2015. – № 2. – С. 61–69.
2. Минбалеев А. В., Рахматуллина Р. Ш., Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Договоры, обеспечивающие оборот исключительных прав : монография. – Москва: ИГП РАН, 2018. – 184 с.
3. Гаврилов Э. П., Гульбин Ю. Т., Еременко В. И. Исключительное право правообладателя и интересы общества: пути достижения баланса : монография. – Москва: Юрсервитум, 2019. – 258 с.
4. Москаленко И. В., Молчанов А. А., Карпова С. И. Некоторые нововведения законодателя по интеллектуальному праву в части четвёртой ГК РФ // Нотариальный вестник. – 2008. – № 1. – С. 5–25.
5. Андрианова М. С. Правовые отношения в сфере распоряжения исключительными правами : монография. – Москва: Изд-во МБА, 2012. – 127 с.
6. Молчанов А. А. Казённые учреждения МВД России в контексте изменений гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 10. – С. 85–89.
7. Гульбин Ю. Т. Интеллектуальные права на результаты интеллектуальной деятельности. – Москва: ЮС «Юрсервитум», 2014. – С. 107–109.
8. Рузакова О. А. Система договоров о создании идеальных объектов и использовании исключительных прав на них. – Москва: Полиграфсервис: Легиста, 2006. – 334 с.
9. Рожкова М. А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. – 2014. – № 9 (213). – С. 5–11.
10. Кутайский В. Е. Получение прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы : монография. – 2-е изд. доп. – Москва: РПД, 2020. – 425 с.

References

1. Battakhov P. P. Ob usloviyakh vvedeniya ob'yektov promyshlennoy sobstvennosti v khozyaystvennyy oborot // Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2015. – № 2. – С. 61–69.
2. Minbaleyev A. V., Rakhmatullina R. SH., Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Dogovory, obespechivayushchiye oborot iskl'yuchitel'nykh prav : monografiya. – Moskva: IGP RAN, 2018. – 184 s.
3. Gavrilov E. P., Gul'bin Yu. T., Yeremenko V. I. Iskl'yuchitel'noye pravo pravoobladatelya i interesy obshchestva: puti dostizheniya balansa : monografiya. – Moskva: Yurservitum, 2019. – 258 s.

4. *Moskalenko I. V., Molchanov A. A., Karpova S. I.* Nekotoryye novovvedeniya zakonodatelya po intellektual'nomu pravu v chasti chetvortoї GK RF // *Notarial'nyi vestnik*. – 2008. – № 1. – S. 5–25.
5. *Andrianova M. S.* Pravovyye otnosheniya v sfere rasporyazheniya isklyuchitel'nymi pravami : monografiya. – Moskva: Izd-vo MBA, 2012. – 127 s.
6. *Molchanov A. A.* Kazënnyye uchrezhdeniya MVD Rossii v kontekste izmeneniї grazhdanskogo zakonodatel'stva // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. – 2015. – № 10. – S. 85–89.
7. *Gul'bin Yu. T.* Intellektual'nyye prava na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti. – Moskva: YuS «Yurservitum», 2014. – S. 107–109.
8. *Ruzakova O. A.* Sistema dogovorov o sozdaniі ideal'nykh ob'yektov i ispol'zovanii isklyuchitel'nykh prav na nikh. – Moskva: Poligraf servis: Legista, 2006. – 334 s.
9. *Rozhkova M. A.* O nekotorykh voprosakh oborota isklyuchitel'nykh prav i material'nykh nositelei ob'yektov intellektual'noi sobstvennosti // *Zhurnal rossiiskogo prava*. – 2014. – № 9 (213). – S. 5–11.
10. *Kitayskiy V. Ye.* Polucheniye prav na izobreteniya, poleznyye modeli, promyshlennyye obraztsy : monografiya. – 2-ye izd. dop. – Moskva: RPD, 2020. – 425 s.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 21.09.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted June 14, 2022; approved after reviewing September 21, 2022; accepted for publication September 23, 2022.

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-59-64

Елена Сергеевна Алексеева
кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0002-9505-0523>, alena2410@yandex.ru

Андрей Сергеевич Виноградов
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-2401-8251>, anvin80@inbox.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Юридическая техника норм, регламентирующих основания отказа в возбуждении уголовного дела и основания прекращения уголовного дела

Аннотация: В статье анализируются уголовно-процессуальные проблемы, связанные с правовой регламентацией оснований отказа в возбуждении уголовного дела и оснований для прекращения уголовного дела. Авторы отмечают, что в настоящее время подход законодателя к их систематизации, а также содержание отдельно взятых оснований являются причиной ряда проблем, возникающих в правоприменительной деятельности. В связи с этим констатируется необходимость совершенствования данных уголовно-процессуальных институтов. Целью исследования является выявление проблем правового регулирования оснований отказа в возбуждении уголовного дела и оснований прекращения уголовного дела и предложение возможных путей их решения. Для достижения указанной цели были использованы методы анализа, синтеза, а также формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. В работе, исходя из юридико-технических соображений, предлагается разделить основания для отказа в возбуждении уголовного дела и основания для его прекращения, закрепив их в отдельных статьях уголовно-процессуального закона. Также приводятся аргументы в пользу разграничения таких оснований как отсутствие события преступления и отсутствие в деянии состава преступления. На основании проведенного анализа предлагается авторский перечень оснований как для отказа в возбуждении дела, так и оснований для его прекращения. Сделаны выводы о том, что внесённые предложения будут способствовать совершенствованию юридической техники изложения этих оснований в уго-

ловно-процессуальном законе и, как следствие, повышению эффективности правоприменительной деятельности, направленной на реализацию некарательного аспекта назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела, прекращение уголовного дела, событие преступления, состав преступления

Для цитирования: Алексеева Е. С., Виноградов А. С. Юридическая техника норм, регламентирующих основания отказа в возбуждении уголовного дела и основания прекращения уголовного дела // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 59–64; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-59-64.

Elena S. Alekseeva

Cand. Sci (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-9505-0523>, alena2410@yandex.ru

Andrey S. Vinogradov

Cand. Sci (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-2401-8251>, anvin80@inbox.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Legal technique of the norms regulating the grounds for refusal to initiate a criminal procedure and the grounds for termination of a criminal procedure

Abstract: The article analyzes the criminal procedural problems associated with the legal regulation of the grounds for refusing to initiate a criminal case and the grounds for terminating a criminal case. The authors note that at present the legislator's approach to their systematization, as well as the content of individual grounds, are the cause of a number of problems that arise in law enforcement. In this regard, the need to improve these criminal procedure institutions is stated. The purpose of the study is to identify the problems of legal regulation of the grounds for refusing to initiate a criminal case and the grounds for terminating a criminal case and suggesting possible ways to solve them. To achieve this goal, methods of analysis, synthesis, as well as formal-logical, formal-legal, comparative-legal research methods were used. In the work, based on legal and technical considerations, it is proposed to separate the grounds for refusing to initiate a criminal case and the grounds for its termination, fixing them in separate articles of the criminal procedure law. Arguments are also given in favor of distinguishing between such grounds as the absence of an event of a crime and the absence of corpus delicti in an act. Based on the analysis, the author proposes a list of grounds for both refusal to initiate a case and grounds for its termination. Conclusions are drawn that the proposals made will contribute to the improvement of the legal technique for presenting these grounds in the criminal procedure law and, as a result, to increase the efficiency of law enforcement activities aimed at implementing the non-punitive aspect of the appointment of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, criminal justice process, initiation of criminal procedure, termination of criminal procedure, event of crime, elements of crime

For citation: Alekseeva E. S., Vinogradov A. S. Legal Technique of Norms Regulating Grounds for Refusal to Initiate Criminal Proceedings and Grounds for Termination of Criminal Proceedings // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 59–64; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-59-64.

В соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации назначением уголовного судопроизводства, помимо защиты прав и законных интересов потерпевших, является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Во многом реализации данного направления деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, служат институты отказа в возбуждении

уголовного дела и прекращения уголовного дела. Их применение связано с полным отказом стороны обвинения от процессуальной деятельности, направленной на привлечение лиц к уголовной ответственности по тем событиям, сообщение о которых стало поводом для начала этой процессуальной деятельности.

В настоящее время основания отказа в возбуждении уголовного дела и прекращения уголовного дела представляют собой единый пере-

чень, закрепленный в ч. 1 ст. 24 УПК РФ (при этом в ст. 25–28.1 УПК РФ предусмотрены дополнительные основания для прекращения уголовного дела и уголовного преследования). Подобный подход законодателя представляется не совсем удачным по ряду причин.

Во-первых, основания для отказа в возбуждении уголовного дела и прекращения уголовного дела логически не могут быть охвачены едиными формулировками, иначе прямая трактовка отдельных из них приводит к процессуальной бессмыслице. Так, основание, предусмотренное пунктом четвертым части первой ст. 24 УПК РФ и связанное со смертью подозреваемого и обвиняемого, никак не может быть одновременно и основанием для отказа в возбуждении уголовного дела, так как упомянутых участников ни при каких условиях на первой стадии уголовного процесса не существует. Таким образом, налицо нелогичность унификации перечня оснований для принятия двух разных видов процессуальных решений, наличествующих на разных этапах производства по уголовному делу. Более того, такой участник, как подозреваемый, может не появиться и на стадии предварительного расследования. Подобная ситуация может сложиться, например, в случае смерти лица вследствие совершения деяния, обладающего признаками преступления (например, предусмотренного ст. 264 УК РФ). В этой ситуации закон не предусматривает каких-либо механизмов надления его статусом подозреваемого, вследствие чего некорректно говорить о прекращении уголовного дела по причине его смерти.

Анализ зарубежного уголовно-процессуального законодательства, в первую очередь стран постсоветского пространства, показал, что законодатели большинства государств в данном вопросе пошли отличным от России путем, указав, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего (УПК Республики Беларусь, Кыргызстана, Таджикистана и др.). Данный подход видится нам более логичным, в связи с чем целесообразно рассмотреть вопрос о корректировании формулировки основания, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Вторая причина обусловливается требованиями такой правовой категории, как «законодательная техника», правила которой устанавливают, что изложение норм закона должно быть ясным, понятным, а также исключаящим неоднозначность, домысливание и аналогии со стороны правоприменителя. Именно соблюдение данных требований является одним из слагаемых эффективной реализации правовых норм. Вместе с тем следует констатировать, что нормы главы 29 УПК РФ, регламентирующие основания и порядок прекращения уголовного

дела, а именно, ст. 212 УПК РФ, перечисленным выше требованиям практически не соответствуют. Так, упомянутая ст. 212 УПК РФ по сути дублирует отдельные положения главы третьей, в связи с чем содержит множество отсылочных норм, что делает ее весьма сложной для восприятия и практически нечитаемой. В свою очередь, указанное обстоятельство в значительной степени затрудняет правоприменительную деятельность по реализации этих норм.

Исходя из ряда юридико-технических соображений, считаем целесообразным разделить основания для отказа в возбуждении уголовного дела и основания для его прекращения, закрепив их в разных статьях уголовно-процессуального закона.

Вызывает вопросы и место расположения оснований для отказа в возбуждении уголовного дела и прекращения уголовного дела в УПК РФ. Логика законодателя, закрепившего их вслед за уголовно-процессуальными принципами, вполне понятна – тем самым была подчеркнута важность восстановительного аспекта реализации назначения уголовного судопроизводства. Однако в последующих разделах УПК РФ имеются специальные главы, посвященные вопросам процессуальной деятельности по отказу в возбуждении уголовного дела (например, ст. 148), так и вопросам прекращения дела (например, ст. 212). Таким образом, в целях удобства правоприменения предлагаем рассмотреть вопрос о возможности переноса перечня оснований для отказа в возбуждении уголовного дела и оснований для прекращения уголовного дела в главы 20 и 29 УПК РФ соответственно. Кроме того, в статью 212 следует перенести и другие основания для прекращения уголовного дела, которые на сегодняшний день содержатся в статьях 25 и 25.1. В перспективе эту тенденцию можно распространить и на основания прекращения уголовного преследования (статьи 27–28.1 УПК РФ), переместив их в главу 29.

Безусловно, «перекраивание» уголовно-процессуального закона с переносом содержания одних статей в другие реализовать достаточно сложно. Это может привести к тому, что отдельные статьи окажутся пустыми, и их необходимо будет признавать утратившими силу. Но в качестве возможного направления совершенствования будущих редакций УПК РФ считаем возможным рассмотреть вопрос о переносе оснований для отказа в возбуждении уголовного дела и оснований для прекращения дела в соответствующие главы УПК РФ.

Следующей заслуживающей внимания проблемой является соотношение первых двух оснований, закрепленных в части первой статьи 24 УПК РФ, – отсутствие события преступления и отсутствие его состава. Следует отметить, что разграничение события и состава произошло несколько десятилетий назад и стало итогом разработок советской уголовно-процессуальной науки. На законодательном уровне впервые

данное обстоятельство нашло отражение в УПК РСФСР 1960 года. Предыдущие уголовно-процессуальные законы (1922 и 1923 года) говорили лишь об отсутствии состава преступления. Интересно, что после распада СССР УПК большинства стран сохранили подобный подход (Беларусь, Таджикистан, Кыргызстан, Армения и др.). Вместе с тем некоторые государства пошли иным путем. Так, небезынтесным видится опыт Эстонии, УПК которой в ч. 2 ст. 194 закрепляет норму, аналогичную УПК РФ (ч. 2 ст. 140): основанием для уголовного производства является установление признаков преступления в поводе для уголовного производства. При этом одним из обстоятельств, исключающих уголовное производство, является отсутствие основания для уголовного производства (п. 1 ч. 1 ст. 199 УПК Эстонии) без какой-либо конкретизации. Подразумевается, что подобный подход охватывает случаи отсутствия как состава, так и события преступления.

Отметим, что и в отечественной уголовно-процессуальной науке в последнее время периодически возникают дискуссии о целесообразности одновременного присутствия в законе данных оснований. Так, например, высказывается точка зрения о том, что состав преступления охватывает собой событие, являющееся выражением объективной стороны состава [1]. Во избежание неопределенности при выборе конкретного основания прекращения уголовного дела обосновывается необходимость уточнения такой законодательной формулировки, как «отсутствие события преступления». В качестве одного из вариантов предлагается понятие «отсутствии преступного деяния» [2].

Как уже было отмечено, на практике при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела зачастую возникают проблемы выбора между двумя этими основаниями. Это обусловлено тем, что закон не раскрывает значения каждого из оснований. Разумеется, в юридической науке существует немало работ по данному вопросу, однако каких-либо официальных критериев разграничения отсутствия состава и отсутствия события преступления в настоящее время не имеется. Ранее некоторые разъяснения на этот счёт содержались в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. № 4 «О судебном приговоре», где указывалось, в каких случаях выносился оправдательный приговор в связи с отсутствием состава преступления, а в каких – события. Однако в настоящее время этот документ утратил силу (хотя содержащиеся в нём разъяснения могут иметь определенное ориентирующее значение и сегодня).

С предложениями о включении понятия «событие преступления» в понятие «состав преступления» можно согласиться лишь частично, поскольку, как видится, различия между этими основаниями как с теоретической, так и с практической точек зрения все же есть.

Если допустить исключение такого основания, как отсутствие события преступления, это негативно отразится на всей системе уголовно-процессуального доказывания, которое имеет сквозной характер. Событие преступления – это фрагмент объективной реальности, имеющий пространственно-временные координаты, а состав преступления – его соответствие категориям уголовного права. В предмет доказывания, в соответствии со статьей 73 УПК РФ, то есть в направленность, в цель познавательного-удостоверительной деятельности, входит именно событие преступления. Что касается вывода о наличии или отсутствии состава преступления, то это является результатом юридической оценки фактических обстоятельств, которая лежит за пределами уголовно-процессуального доказывания. К примеру, именно в силу этого разделена компетенция между судьёй и коллегией присяжных заседателей: на вопрос о доказанности события ответ дают присяжные, а на вопрос о том, содержит ли оно состав преступления – профессиональный судья. Аналогично событие (деяние) и состав преступления четко разграничены и в статье 299 уголовно-процессуального закона, где содержатся вопросы, разрешаемые судьёй при постановлении приговора.

Позиции о целесообразности разграничения рассматриваемых оснований придерживаются многие авторы, при этом некоторые акцентируют внимание на необходимости дополнительного уточнения данных формулировок [3; 4]. На важность разделения события и состава преступления при решении вопроса об отказе от осуществления уголовно-процессуальной деятельности указывает и Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 13 мая 2021 года. Так, высший российский орган конституционного правосудия указал, что по делам частного обвинения неявка в суд потерпевшего обуславливает прекращение уголовного дела не по причине отсутствия состава, как это предусмотрено действующей редакцией статьи 249 УПК РФ, а в силу отсутствия события преступления.

Вопросу отграничения отсутствия события преступления от состава посвящено и ещё одно решение – постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П¹. В этом постановлении Суд пояснил, что если нет достаточных данных, которые бы указывали на совершение деяния, запрещенного Особенной частью уголовного закона, то отказывать в возбуждении дела (или прекращать уголовное дело) следует за отсутствием события преступления. Принятие такого решения в связи с отсутствием состава повлечет за собой подмену понятий: при

¹ По делу о проверке конституционности п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова : постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518/ (дата обращения – 28.02.2022).

недостаточности данных о совершении преступления. По факту тем не менее полагается, что заподозренное лицо причастно именно к совершению общественно опасного деяния. Неопределенность в содержании этих двух оснований ставит под сомнение правомерность поведения субъекта.

Таким образом, представляется, что отсутствие состава и события преступления должны существовать раздельно в качестве оснований как для отказа в возбуждении, так и прекращения уголовного дела, однако требуются дополнительные разъяснения об их разграничении на законодательном уровне либо на уровне постановления Пленума ВС РФ.

Очередная проблема правовой регламентации рассматриваемых институтов усматривается в том, что перечень оснований для отказа от обвинительной процессуальной деятельности нельзя признать исчерпывающим. Так, среди оснований отсутствуют обстоятельства, исключющие преступность и наказуемость деяния, предусмотренные главой восьмой российского уголовного закона – необходимая оборона, крайняя необходимость и др. Такие обстоятельства связаны с правомерным причинением вреда. Как отмечал А. А. Пионтковский, существуют такие обстоятельства, которые по своим внешним признакам схожи с признаками преступного посягательства, однако в реальности не содержат в себе общественной опасности, а даже напротив – несут в себе общественную полезность².

Специфика таких обстоятельств состоит в том, что в случае совершения соответствующих деяний событие и состав преступления присутствуют, но тем не менее эти обстоятельства исключают осуществление изобличающей процессуальной деятельности. В связи с этим представляется целесообразным предусмотреть в числе оснований для отказа в возбуждении дела, а также оснований для его прекращения такое основание, как «наличие обстоятельств, исключających преступность и наказуемость деяния».

С учётом сказанного, мы предлагаем:

1. Включить в статью 148 УПК РФ часть 1.2 и изложить её в следующей редакции:

«Уголовное дело не может быть возбуждено:

- 1) за отсутствием события преступления;
- 2) за отсутствием в деянии состава преступления;
- 3) при наличии обстоятельств, исключających преступность и наказуемость деяния;
- 4) за истечением сроков давности уголовного преследования;
- 5) в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для его реабилитации;

² Курс советского уголовного права: В 6 т. Часть общая. – Т. 2. Преступление / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашина, В. М. Чхиквадзе. – Москва: Наука, 1970. – С. 11–12.

6) при отсутствии заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 20 настоящего Кодекса;

7) при отсутствии заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 2 и 2.1 части первой статьи 448 настоящего Кодекса, либо отсутствии согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела в отношении одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3–5 части первой статьи 448 настоящего Кодекса».

2. Рассмотреть вопрос о переносе содержания положений ст. 24 УПК РФ в части оснований и порядка прекращения уголовного дела в ст. 212 УПК РФ, изложив эти основания в следующем виде:

Уголовное дело и уголовное преследование прекращаются:

- 1) за отсутствием события преступления;
- 2) за отсутствием в деянии состава преступления;
- 3) при наличии обстоятельств, исключających преступность и наказуемость деяния;
- 4) за истечением сроков давности уголовного преследования;
- 5) в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для его реабилитации;

6) при отсутствии заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 20 настоящего Кодекса;

7) при отсутствии заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 2 и 2.1 части первой статьи 448 настоящего Кодекса, либо отсутствии согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3–5 части первой статьи 448 настоящего Кодекса».

Представляется, что указанные предложения будут способствовать:

– совершенствованию оснований для отказа в возбуждении уголовного дела и прекращения уголовного дела, а также приведению их к потребностям практики;

– улучшению юридической техники изложения этих оснований в уголовно-процессуальном законе и, как следствие, повышению эффективности правоприменительной деятельности, направленной на реализацию некарательного аспекта назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. – Москва: Экзамен, 2003. – 352 с.
2. Фильченко А. П. К вопросу о соотношении уголовно-правовой категории «деяние» и уголовно-процессуальной конструкции «событие преступления» // Адвокат. – 2014. – № 2. – С. 19–23.
3. Артамонов А. Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления, непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления // Законодательство и практика. – 2015. – № 1 (34). – С. 71–78.
4. Провоторь Ю. А. Проблемы разграничения оснований для принятия процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события и отсутствием состава преступления / Крымские юридические чтения. Правонарушение и ответственность : сборник материалов научно-практической конференции. – Симферополь, 8 июня 2017 года. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 211–214.
5. Минеев Ю. В. Особенности принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 3 (13). – С. 81–85.
6. Баркалова Е. В., Стрюкова Е. Н. К вопросу об определении оснований отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела // Военное право. – 2019. – № 4 (56). – С. 247–254.
7. Мельников А. В. О сравнении отечественных и зарубежных правил отказа в возбуждении уголовного дела // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2019. – № 3 (25). – С. 141–143.
8. Вольнская О. В., Грашичева О. Н. Проблема разграничения оснований отказа в возбуждении уголовного дела и его прекращения в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ // Российский следователь. – 2017. – № 17. – С. 11–14.
9. Аристархов А. Л. О специальных основаниях прекращения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 3. – С. 79–84.
10. Дикаев С. У., Дикаева М. С., Рытченко А. В., Пономарева М. А. Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования : монография. – Санкт-Петербург: Трувор, 2019. – 103 с.

References

1. Khimicheva G. P. Dosudebnoye proizvodstvo po ugovolnym delam: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugovolno-protseessual'noy deyatel'nosti: monografiya. – Moskva: Ekzamen, 2003. – 352 s.
2. Filchenko A. P. K voprosu o sootnoshenii ugovolno-pravovoy kategorii «deyaniye» i ugovolno-protseessual'noy konstruksii «sobytiye prestupleniya» // Advokat. – 2014. – № 2. – S. 19–23.
3. Artamonov A. N. Prekrashcheniye ugovolnogo dela (ugovolnogo presledovaniya) v svyazi s ot-sut-stviyem sobytiya prestupleniya, ot-sut-stviyem v deyanii sostava prestupleniya, neprichastnost'yu podozrevayemogo ili obvinyayemogo k soversheniyu prestupleniya // Zakonodatel'stvo i praktika. – 2015. – № 1 (34). – S. 71–78.
4. Provotar' Yu. A. Problemy razgranicheniya osnovaniy dlya prinyatiya protseessual'nykh resheniy ob otkaze v vobuzhdenii ugovolnogo dela v svyazi s ot-sut-stviyem sobytiya i ot-sut-stviyem sostava prestupleniya / Krymskiye yuridicheskiye chteniya. Pravonarusheniye i otvet-stvennost' : sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Simferopol', 8 iyunya 2017 goda. – Simferopol': ООО «Izdatel'stvo Tipografiya «Ariyal», 2017. – S. 211–214.
5. Mineyev Yu. V. Osobennosti prinyatiya resheniya ob otkaze v vobuzhdenii ugovolnogo dela v svyazi s ot-sut-stviyem sobytiya prestupleniya // Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 3 (13). – S. 81–85.
6. Barkalova Ye. V., Stryukova Ye. N. K voprosu ob opredelenii osnovaniy otkaza v vobuzhdenii ugovolnogo dela ili prekrashcheniya ugovolnogo dela // Voyennoye pravo. – 2019. – № 4 (56). – S. 247–254.
7. Mel'nikov A. V. O sravnении otechestvennykh i zarubezhnykh pravil otkaza v vobuzhdenii ugovolnogo dela // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. – 2019. – № 3 (25). – S. 141–143.
8. Volynskaya O. V., Grashicheva O. N. Problema razgranicheniya osnovaniya otkaza v vobuzhdenii ugovolnogo dela i yego prekrashcheniya v sootvet-stvii s p. 4 ch. 1 st. 24 UPK RF // Rossiyskiy sledovatel'. – 2017. – № 17. – S. 11–14.
9. Aristarkhov A. L. O spetsial'nykh osnovaniyakh prekrashcheniya ugovolnogo dela v ugovolnom sudoproizvodstve // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. – 2019. – № 3. – S. 79–84.
10. Dikayev S. U., Dikayeva M. S., Rytchenko A. V., Ponomareva M. A. Prekrashcheniye ugovolnogo dela po rehabilitiruyushchim osnovaniyam v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya : monografiya. – Sankt-Peterburg: Truvor, 2019. – 103 s.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 14.07.2022.

The article was submitted April 1, 2021; approved after reviewing June 29, 2022; accepted for publication July 14, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.222
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-65-69

Римма Владимировна Беличенко
адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0003-0398-3703>, bel.ri@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, д. 1

Кара и гуманизм уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц

Аннотация: Уголовная ответственность ограниченно вменяемых лиц является одной из актуальных проблем общей части уголовного права. Автор поднимает вопрос, каким образом суды учитывают психическое расстройство, не исключающее вменяемости, при назначении наказания. Анализ судебной практики показывает, что применяемый в части учёта указанного обстоятельства при назначении наказания гуманистический подход не во всех случаях является эффективным. Анализируются представленные в теории уголовного права (в соответствии с действующим уголовным законодательством) варианты учёта соответствующего состояния психики при назначении наказания. Отмечается приоритетность направления усилий на повышение эффективности лечения ограниченно вменяемых лиц. Предлагается рассмотреть применение консеквенциалистского подхода к проблеме уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц. Автор приводит данные о применении указанного подхода в зарубежной науке при исследовании уголовно-правовых проблем, в частности, уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц.

Цель исследования заключается в выявлении наиболее эффективных путей решения проблемы уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц на основе консеквенциалистского подхода.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания. В ходе исследования применялись общенаучные (системный, логический, анализ, обобщение, интерпретация), частнонаучные (социологический (опрос), формально-юридический, сравнительно-правовой) методы.

В заключение предлагаются варианты использования консеквенциализма в отечественной уголовно-правовой теории и правоприменительной практике в части уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц.

Ключевые слова: ограниченная вменяемость, консеквенциализм, консеквенциалистская концепция права, гуманизм, нейпроправо, уголовная ответственность, уголовное наказание

Для цитирования: Беличенко Р. В. Кара и гуманизм уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 65–69; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-65-69.

Rimma V. Belichenko

Graduate

<https://orcid.org/0000-0003-0398-3703>, bel.ri@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Retribution and humanism of criminal responsibility of persons with diminished responsibility

Abstract: Criminal liability of persons with diminished responsibility is one of the actual problems of the general part of criminal law. The author points out how courts take into account diminished responsibility when sentencing. Analysis of court practice shows that humanist approach in this regard is effective not always. It is contained possible ways of taking into account diminished responsibility when sentencing in accordance with criminal law theory and current criminal legislation. It is drawn attention to focusing on enhancing the effectiveness of treatment of persons with diminished responsibility. The article offers to consider consequentialist approach to criminal liability of persons with diminished responsibility. The author shows how this approach is used in foreign science in the study of criminal law issues, in particular – problem of criminal liability of persons with diminished responsibility. It is stated how consequentialism can be used in criminal law theory and practice in regard of criminal liability of persons with diminished responsibility.

The study aims to identify effective ways to decide the problem of criminal liability of persons with diminished responsibility based on consequentialist approach.

The methodological basis of the research is dialectical method. General scientific methods (systematic, logical, analysis, generalization, interpretation) and particular scientific methods (sociological (survey), formal legal, comparative legal) were used.

Keywords: diminished responsibility, consequentialism, consequentialist conception of law, humanism, neurolaw, criminal liability, criminal penalty

For citation: Belichenko R. V. Retribution and humanism of criminal responsibility of persons with diminished responsibility // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 65–69; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-65-69.

Обоснование применяемых мер уголовно-правового воздействия к лицам, страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости, строится одновременно на карательных (ретрибутивных) и гуманистических основах. Ретрибутивизм заключается в применении к ограниченно вменяемым лицам наказания. Гуманистический подход проявляется в учёте соответствующего состояния психики при назначении наказания, когда такой учёт ведёт к смягчению наказания. По действующему уголовному закону возможен его учёт в качестве смягчающего обстоятельства в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ или характеризующего личность обстоятельства в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ¹. Гуманизм проявляется также в оказании лечебного воздействия на данных лиц (применении принудительных мер медицинского характера, далее – ПММХ). По крайней мере, зародилась идея о необходимости лечения душевнобольных преступников в свете развития гуманистических идей². Однако применяемые к ограниченно вменяемым лицам медицинские меры являются принудительными, что следует уже из их наименования. Таким образом, исключительно гуманистическими соображениями, на наш взгляд, обосновать применение данных мер не представляется возможным. Помимо этого, проблемы, существующие в судебной практике, показывают, что в дополнение к указанному необходим поиск иного, учитывающего большее количество факторов, подхода к уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц.

Мы проанализировали практику российских судов общей юрисдикции за 2015–2020 гг., касающуюся учёта психического расстройства, не исключающего вменяемости, при привлечении к уголовной ответственности (изучено 117 уголовных дел). Процент рецидива среди лиц, совершающих преступления в состоянии ограниченной вменяемости, высок (35 %). Нередки случаи, когда лицо вновь и вновь совершает преступления, и каждый раз суд признает факт наличия психического расстройства, не исключающего вменяемости (который устанавливается по каждому уголовному делу путём производства новой судебно-психиатрической экспертизы), смягчающим обстоятельством³. С позиций гуманизма такой подход представляется приемлемым, однако в подобных случаях общество постоянно подвергается риску негативных последствий в результате

совершения таким лицом нового преступления. Здесь мы видим сразу две проблемы: 1) факт, что лицо, страдающее психическим расстройством, которое ограничивает его уголовно-релевантные сознательно-волевые способности, вновь и вновь совершает преступления, означает, что применяемые к нему ПММХ неэффективны; 2) лицо, которое признается в ходе производства по каждому уголовному делу ограниченно вменяемым, что каждый раз учитывается судом в качестве смягчающего обстоятельства⁴ при назначении наказания, способно осознавать своё «привилегированное» положение по сравнению с полностью вменяемыми лицами. Данный фактор может играть значимую роль в принятии лицом решения о совершении нового преступления. Так, один из создателей отечественной судебной психиатрии Е. К. Краснушкин писал: «... признание уменьшенной вменяемости и смягчение меры социальной защиты у ... опасного психопата подчас преломляется в его сознании как признание за ним большего права на преступление, чем у здорового человека» [1, с. 32]. Таким образом, смягчение наказания ограниченно вменяемым лицам в таких ситуациях представляется несправедливым по отношению к обществу в случае, если лицо злоупотребляет осведомленностью о факте наличия у него соответствующего состояния психики при совершении преступления. В случае, если причиной совершения новых преступлений является отсутствие улучшений в психическом состоянии лица вследствие не оказания либо недостаточного оказания необходимой психиатрической помощи, несправедливым и негуманным представляется применение к нему карательной меры воздействия – уголовного наказания.

Помимо варианта учёта соответствующего состояния психики в качестве смягчающего обстоятельства возможен, как сказано выше, учёт в качестве характеризующего личность обстоятельства. Следует отметить, что суды в текстах приговоров редко указывают, что учитывают психическое расстройство, не исключающее вменяемости, именно в качестве характеризующего личность обстоятельства. При указании на учёт исследуемого обстоятельства суды либо осуществляют таковой формальным образом (не конкретизируя, как именно учитывается), либо учитывают реально. Реальный учёт происходит в совокупности с другими обстоятельствами и ведёт к смягчению наказания различными способами: путём назначения лицу более мягкого наказания в пределах санкции статьи; назначения наказания условно в соответствии со ст. 73 УК РФ; назначения более мягкого наказания, чем

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 9 марта 2022 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.03.2022).

² Иванов Н. Г. Проблемы уголовной ответственности лиц с психическими аномалиями: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Иванов Никита Георгиевич. – Москва, 1997. – С. 41.

³ См., напр., уголовное дело № 031061/2016. – Т. 2, 4. // Текст официально опубликован не был. – Архив Центрального районного суда г. Калининграда.

⁴ Либо характеризующего личность обстоятельства при условии реального учёта данного обстоятельства при смягчении наказания.

предусмотрено санкцией статьи, в соответствии со ст. 64 УК РФ. В ходе анкетирования и интервьюирования судей стало ясно, что в случаях, когда интересующее нас состояние психики учитывается в совокупности с другими и ведёт к смягчению наказания различными способами, оно учитывается в качестве характеризующего личность. В данном случае очевидно, что речь идёт о положительном для лица учёте данного обстоятельства.

Ранее в отечественной научной литературе высказывалась точка зрения о необходимости в ряде случаев учитывать ограниченную вменяемость лица в качестве отягчающего обстоятельства [см., например: 2, с. 57], в том числе в ситуациях, подобных описанной нами выше⁵. В настоящее время внесение таких изменений в уголовный закон представляется неприемлемым. Данное решение противоречило бы принципу гуманизма, который на текущем этапе развития общества относится к числу приоритетных. Анализ современного зарубежного уголовного законодательства показывает, что ограниченная вменяемость учитывается в обязательном либо не обязательном порядке лишь в качестве смягчающего обстоятельства, но не в качестве отягчающего. Тем не менее проблему уголовной ответственности ограничено вменяемых лиц, которые вновь и вновь совершают преступления, необходимо решать. Путь, по которому в ряде случаев идёт отечественная судебная практика – признание психического расстройства, не исключающего вменяемости, смягчающим либо «положительно» характеризующим личность обстоятельством – показывает свою неэффективность.

Нередко суды вовсе не учитывают психическое расстройство, не исключающее вменяемости, при назначении наказания. Но в соответствии с действующей редакцией ч. 2 ст. 22 УК РФ указанное состояние психики «учитывается судом при назначении наказания», а не «может учитываться», что свидетельствует об обязательности учёта данного обстоятельства.

Высказывается точка зрения о приемлемости учёта изучаемого состояния психики в качестве характеризующего личность обстоятельства «с отрицательной стороны» [3, с. 130]. На наш взгляд, факт наличия у лица определённого психического расстройства, которое ограничивает его уголовно-релевантные сознательно-волевые способности, нельзя ставить человеку в упрёк. Тем не менее именно об этом идёт речь, когда какое-либо качество личности подсудимого характеризуется отрицательно.

По действующему уголовному законодательству возможен вариант учёта факта злоупотребления осведомленностью о соответствующем состоянии психики при совершении умышленного преступления в качестве отрицательно характеризующего личность обстоятельства в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ. В таком случае суд даёт отрицательную оценку не факту наличия у лица отклонений в психике, а тому, каким образом оно использует свою осведомлённость о психическом состоянии при совершении преступления и о возможности смягчения ему наказания по

данному основанию. Надо отметить, что в ходе анализа судебной практики нами не было обнаружено ни одного подобного решения. Необходимо сделать оговорку, что для принятия такого решения в суде должна быть представлена доказательственная база факта злоупотребления подсудимым осведомлённостью о состоянии своей психики при совершении умышленного преступления и тем, что наличие такого состояния может быть основанием смягчения наказания.

Такое решение данной проблемы соответствует интересам общества и представляется более гуманным, чем учёт соответствующего состояния психики в качестве отягчающего обстоятельства. Существование института ограниченной вменяемости, спектр применяемых уголовно-правовых мер к ограниченно вменяемым лицам в целом могут быть обоснованы с позиций правового консеквенциализма (от англ. consequent – следствие). Надо отметить, что изначально консеквенциализм – этическая теория, согласно которой правильность действия определяется его последствиями (правильный поступок тот, который приведёт к наилучшему общему результату, если придавать равное значение интересам каждого члена общества) [4, с. 1]. В праве консеквенциализм понимается как концепция права [5, с. 14], принцип [6, с. 3]. В целях данного исследования имеем в виду консеквенциалистскую концепцию права. Сторонники данной концепции (Дж. Грин, Дж. Козн, Р. Сапольски и др.), распространённой в западной науке, в рамках уголовно-правового дискурса ставят вопрос о приоритете учёта последствий решений, которые принимаются судом, для общества; отказе от цели возмездия (воздаяния) за совершённые преступления и о первоочередности предупреждения преступлений, а также лечения лиц, совершающих общественно опасные посяательства вследствие психических расстройств [5, с. 14]. В отечественных исследованиях по уголовному праву консеквенциализм проявляется, на наш взгляд, в оценочной концепции вины [см., например: 7], концепции субъективно-объективного (объективно-субъективного) вменения С. В. Векленко [8, с. 20–31].

С позиции данной концепции смягчение наказания в какой-либо степени в вышеописанных ситуациях противоречит принципам общественной полезности и целесообразности. При этом в полной мере с данными принципами согласуется идея о необходимости расширения способов учёта психического расстройства, не исключающего вменяемости, при назначении наказания. Так, наряду с используемыми в судебной практике способами учёта 1) как смягчающего наказание обстоятельства; 2) «положительно» характеризующего личность обстоятельства – на текущем этапе исследования нами рассматриваются следующие варианты: 1) возможность не учитывать указанное обстоятельство при назначении наказания; 2) использовать предоставленную законодателем возможность учитывать факт злоупотребления осведомлённостью о своём психическом расстройстве при совершении умышленного преступления лицом, имеющим судимость, в качестве отрицательно характеризующего личность обстоятельства. Первое из предложенного нами может быть реализовано заменой в ч. 2 ст. 22 УК РФ слова «учитывается» словосочетанием «может учитываться».

⁵ Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Михеев Рудольф Иванович. – Москва, 1995. – С. 59.

В настоящее время, несмотря на обязательность учёта психического расстройства, не исключающего вменяемости, 29,7 % судей согласно проводимому нами опросу (с сентября 2021 г. по настоящее время) считают возможным учитывать данное обстоятельство только в части назначения ПММХ. Как говорилось выше, это выражается в том, что суды в ряде случаев игнорируют данное обстоятельство при назначении наказания (в 26, 5 % изученных уголовных дел).

Внесение поправки в уголовный закон, позволяющей суду не учитывать интересующее нас состояние психики при назначении наказания, может привести к ещё большей несогласованности судебной практики в вопросе учёта соответствующего состояния психики при назначении наказания, к более частому нарушению принципов справедливости и гуманизма. Предупредить претворение в реальность данных опасений возможно путём изложения в рамках Постановления Пленума Верховного Суда РФ подробных разъяснений по вопросу учёта психического расстройства, не исключающего вменяемости, при назначении наказания. Данные разъяснения в рассматриваемом нами контексте могут включать: 1) описание конкретных способов учёта указанного обстоятельства при назначении наказания; 2) регламентацию условий применения того или иного способа учёта; 3) границы смягчения (при признании смягчающим обстоятельством, «положительно» характеризующим личность обстоятельством), отягчения (при признании факта злоупотребления осведомлённостью о своём психическом состоянии при совершении преступлений) наказания.

Следует отметить, что направление усилий на совершенствование в целях повышения эффективности медицинских мер, применяемых к ограниченно вменяемым лицам, безусловно, должно являться приоритетом.

Одним из наиболее перспективных зарубежных научных направлений считаются так называемые нейронауки (neuroscience). В рамках данного направления активно изучаются в том числе и проблемы уголовного права. Выделилось отдельное нейронаучное направление – нейроправо (neurolaw). С помощью новейших методов нейровизуализации (магнитно-резонансная томография, функциональная магнитно-резонансная томография, компьютерная томография и т. д.) изучаются структура и функционирование головного мозга лиц (в том числе совершивших преступления).

Наиболее радикально настроенные представители данного направления, представляя результаты своих исследований, высказывают точку зрения о необходимости кардинального переосмысления уголовно-правовых институтов вины и вменяемости вследствие частичного либо полного отсутствия у человека свободы воли [см., например: 9, с. 1787–1794]. Данные исследователи указывают, что к лицам с психическими нарушениями неприемлемо применять институт уголовного наказания, настаивают на необходимости исключительно лечебного воздействия на

таких лиц. Р. Сапольски считает институт ограниченной вменяемости прогрессивным переходным шагом на пути к отказу от карательной модели правосудия, говоря, что применение лечебных мер к таким лицам наряду с наказанием является лучшим решением в сравнении с применением исключительно мер уголовной репрессии к лицам с нарушениями в психике.

Ранее мы высказывали мнение о том, что на данном этапе естественные нейронаучные направления не накопили достаточного объёма эмпирических данных для формулирования значимых для уголовно-правовой науки и закона выводов [10, с. 87]. Указанное интересует нас лишь в плане иллюстрации развивающейся на западе конвенционалистской тенденции и её конкретного направления. Гуманистические соображения в этом случае удачно сочетаются с целесообразностью, в том числе экономической. Обезопасить общество от совершения новых преступлений ограниченно вменяемыми лицами путём их лечения действительно кажется хорошим решением. Однако пока уровень развития психиатрии и нейробиологии не позволяет выявить точные диагностические критерии конкретных состояний психики, а также эффективно осуществлять лечение психических расстройств, которые ограничивают уголовно-релевантные сознательно-волевые способности. По этой причине на текущем этапе развития общества с позиций конвенционализма полный отказ от уголовного наказания ограниченно вменяемых лиц невозможен. Стоит отметить, что согласно принятой парадигме обладание уголовно-релевантными сознательно-волевыми способностями позволяет в определённой степени осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, а потому не может полностью исключать уголовную ответственность. При этом применение ПММХ к таким лицам не может быть полностью обосновано гуманистическими соображениями, ведь лечебные меры в данном случае носят принудительный характер, о чем говорилось ранее. С точки зрения конвенционализма применение ПММХ представляется обоснованным.

Таким образом, конвенционалистский подход позволяет обосновать 1) существование института ограниченной вменяемости в уголовном законодательстве; 2) необходимость его существования в нынешнем виде в отечественном уголовном законодательстве (в части учёта психического расстройства, не исключающего вменяемости, при назначении наказания и применения ПММХ); 3) применение более широкого спектра способов учёта психического расстройства, не исключающего вменяемости, при назначении наказания (в том числе возможности учитывать факт злоупотребления осведомлённостью о своём состоянии психики при совершении умышленного преступления лицом, имеющим судимость, в качестве отрицательно характеризующего личность обстоятельства); 4) принудительный порядок применения мер медицинского воздействия.

Список литературы

1. Краснушкин Е. К. Преступники и психопаты. – Москва: Изд-во 1-го Московского государственного университета, 1929. – 34 с.
2. Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа : монография. – Санкт-Петербург: Знание, СПб ИВЭСЭП, 2000. – 279 с.
3. Колосова В. И., Поднебесный А. Н. Проблема уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, в современном уголовном праве России // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 2. – С. 124–133.
4. Sheffleer S. Consequentialism and Its Critics. – Oxford: University Press, 1988, reprinted 2009. – 300 p.
5. Bigenwald A., Chambon V. Criminal Responsibility and Neuroscience: No Revolution Yet // Front Psychol. – 2019. – Jun 27. – Vol. 10. – P. 1–19; <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01406>.
6. Mathis K. Consequentialism in Law // Efficiency, Sustainability, and Justice to Future Generations. – Law and Philosophy Library. – Vol. 98. – 2012. – P. 3–29; https://doi.org/10.1007/978-94-007-1869-2_1.
7. Бавсун М. В. Целесообразность объективного вменения // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2005. – № 2 (22). – С. 15–18.
8. Векленко С. В., Бавсун М. В., Фаткуллина М. Б. Вина и ответственность в уголовном праве : монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2009. – 256 с.
9. Sapolsky R. M. The frontal cortex and the criminal justice system // Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences. – 2004. – № 359. – P. 1787–1796; <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1547>.
10. Векленко С. В., Беличенко Р. В. Векторы перемен в развитии уголовно-правовых институтов вины и вменяемости с учётом позиций современных нейронаук // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (60). – С. 84–87.

References

1. Krasnushkin E. K. Prestupniki psihopaty. – Moskva: Izd-vo 1-go Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 1929. – 34 s.
2. Milyukov S. F. Rossiiskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo. Opyt kriticheskogo analiza. – Sankt-Peterburg: Znanie, SPb IVESEP, 2000. – 279 s.
3. Kolosova V. I., Podnebesnyj A. N. Problema ugovolnoj otvetstvennosti lic s psihicheskim rasstrojstvom, ne iskljuchajushhim vmenjaemosti, v sovremennom ugovolnom prave Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Serija (Pravo). – 2001. – № 2. – S. 124–133.
4. Sheffleer S. Consequentialism and Its Critics. – Oxford University Press. – 1988, reprinted 2009. – 300 s.
5. Bigenwald A., Chambon V. Criminal Responsibility and Neuroscience: No Revolution Yet // Front Psychol. – 2019, Jun 27, vol. 10 – P. 1–19; <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01406>.
6. Mathis K. Consequentialism in Law // Efficiency, Sustainability, and Justice to Future Generations. – Law and Philosophy Library, Vol. 98. – 2012. – P. 3–30; https://doi.org/10.1007/978-94-007-1869-2_1.
7. Bavsun M. V. Celesoobraznost' ob#ektivnogo vmenenija // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2005. – № 2 (22). – S. 15–18.
8. Veklenko S. V., Bavsun M. V., Fatkullina M. B. Vina i otvetstvennost' v ugovolnom prave : monografija. – Omsk: Omskaja akademija MVD Rossii. – 2009. – 256 s.
9. Sapolsky R. M. The frontal cortex and the criminal justice system. // Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences. – 2004. – № 359. – P. 1787–1796; <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1547>.
10. Veklenko S. V., Belichenko R. V. Vektory peremen v razvitii ugovolno-pravovyh institutov viny i vmenjaemosti s uchetom pozicij sovremennyh nejronauk // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. Kaliningrad, Kaliningradskij filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 2 (60). – S. 84–87.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 15.07.2022.

The article was submitted February 24, 2022; approved after reviewing June 29, 2022; accepted for publication July 15, 2022.

Научная статья
УДК 343.3/.7
doi:10.35750/2071-8284-2022-3-70-79

Андрей Николаевич Берестовой

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0003-0805-900X>, andreyberestovoy@gmail.com

Павел Валерьевич Цветков

<https://orcid.org/0000-0002-1724-6125>, pavel.tsvetkov.71@mail.ru

Северо-Западный филиал ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5

Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230¹ и 230² Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация: Об актуальности темы свидетельствует тот факт, что с момента введения в 2016 году в УК РФ уголовной ответственности за склонение спортсмена, а также использование в отношении спортсмена допинга по настоящее время лишь один человек был осуждён за склонение несовершеннолетних спортсменов к употреблению запрещённых веществ (п. «б» ч. 2 ст. 230¹)¹. В то же время проблема использования допинга в спорте по-прежнему остается очень обсуждаемой не только в нашей стране, но и во всём мире. Предметом исследования являются международное и российское антидопинговые законодательства, нормы ст. 230¹, 230² УК РФ, доктринальные положения по теме работы. Цель данной работы состоит в анализе ст. 230¹ и 230² УК РФ, выявлении проблем квалификации и формулировании возможных мер по противодействию допингу в спорте. Методологическую основу данного исследования составили базовые положения диалектического метода познания, общенаучные и частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, конкретно-социологический, формально-логический, системный и исторический. В ходе работы проведено эмпирическое исследование в форме анкетирования. В результате исследования установлено, что отсутствие системного подхода и имеющиеся в научной среде разногласия по отдельным моментам, относящимся к признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 230¹, 230² УК РФ, являются одной из причин, которые могут влиять на выявление, расследование и раскрытие преступлений, связанных с использованием допинга в спорте.

Ключевые слова: спортивные соревнования, допинг, запрещённые методы, уголовная ответственность, проблемы квалификации

Для цитирования: Берестовой А. Н., Цветков П. В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230¹ и 230² Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 70–79; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-70-79.

Andrey N. Berestovoy

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-00030805-900X>, andreyberestovoy@gmail.com

Pavel V. Tsvetkov

<https://orcid.org/0000-0002-1724-6125>, pavel.tsvetkov.71@mail.ru

Northwestern branch of FGBUOVO «Russian State University of Justice»
5, Aleksandrovsky park str., 197046, Saint Petersburg, Russian Federation

---

© Берестовой А. Н., Цветков П. В., 2022

¹ Архангельский областной суд: Тренировавший несовершеннолетних спортсменов гражданин осуждён по исключительно редко применяющейся статье Уголовного кодекса Российской Федерации. – Новость от 19.02.2021 [Электронный ресурс]. – URL: http://oblsud.arh.sudrf.ru/modules.php?did=721&name=press_dep&op=1 (дата обращения: 01.03.2022).

Problems of qualification of crimes under Art. 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation

Abstract: The relevance of the topic is evidenced by the fact that since introduction of criminal liability for inducing an athlete in the Criminal Code of the Russian Federation in 2016 as well as the usage of doping against an athlete, only one person has been convicted for inducing underage athletes to use prohibited substances (p. «b» part 2 of article 230¹). At the same time the problem of doping in sports is still very much discussed not only in our country, but all over the world. The subject of the research is the international and Russian anti-doping legislation, the norms of Art. 230¹, 230² of the Criminal Code of the Russian Federation, doctrinal provisions on the topic of this work. The purpose of this work is to analyze Art. 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation, identifying qualification problems and formulating possible measures to combat doping in sports. The methodological basis of this study is the basic provisions of the dialectical method of cognition, general scientific and private scientific methods, such as comparative legal, concrete sociological, formal logical, systemic and historical. In the course of the work, an empirical study was carried out in the form of a questionnaire. As a result of the study, it was found that the lack of a systematic approach and the disagreements in the scientific community on certain points related to the signs of the offenses under Art. 230¹, 230² of the Criminal Code of the Russian Federation is one of the reasons that may affect the detection, investigation and disclosure of crimes related to the use of doping in sports.

Keywords: doping, criminal liability, sports competitions.

For citation: Berestovoy A. N., Tsvetkov P.V. Problems of qualification of crimes under Art. 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 70–79; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-70-79.

История противодействия допингу насчитывает даже не годы – десятилетия. Однако особое внимание на эту проблему специалисты обратили лишь в середине прошлого столетия. В 1989 году Советом Европы была принята Европейская конвенция против применения допинга², которая была ратифицирована в том числе и СССР. В приложении к данному документу содержится Перечень видов запрещённых фармакологических допинговых препаратов и методов допинга. Как следовало из Конвенции, государства-участники должны были принять законодательные меры по ограничению доступности допинга и применения в спорте запрещённых препаратов и методов. Через несколько лет, в 2002 году в Варшаве был подписан Дополнительный протокол к указанной Конвенции³.

Однако, несмотря на принятые документы, применение запрещённых методов и средств не только не сократилось, но и возросло. И только после скандала, связанного с Тур де Франс в 1999 г., когда команда «Фестина» в полном составе была снята с соревнований [1, с. 18], по

инициативе Международного олимпийского комитета в Лозанне состоялась Первая всемирная конференция о допинге в спорте, на которой была принята Лозаннская декларация о допинге в спорте⁴. Тогда же, в 1999 г., было учреждено Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА), деятельность которого вызывала и вызывает до сих пор серьёзные споры среди специалистов и учёных, таких как А. А. Арямов [2, с. 4–21], С. В. Курдюкова [3, с. 19–24], В. Н. Платонов [4, с. 64–90].

Основным документом, на котором основываются антидопинговые документы практических всех стран, в том числе России, является Всемирный антидопинговый кодекс или Кодекс ВАДА⁵, который постоянно уточняется и обновляется.

Наконец, важную роль среди антидопинговых документов в настоящее время играет Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте⁶, принятая 19 октября 2005 года на 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. К ней также приложен Запрещенный список – Международный стандарт (Приложение I) и Стандарты выдачи разрешений на терапевтическое использование (РТИ, Приложение II).

Российское антидопинговое законодательство постоянно обновляется и расширяется. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ

² Конвенция против применения допинга в спорте. ETS № 135 (Страсбург, 16 ноября 1989 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2000, февраль. – № 2. – С. 14.

³ Дополнительный протокол к Конвенции против применения допинга (СЕД № 188) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=188> (дата обращения 12.05.2022).

⁴ Лозаннская декларация о допинге в спорте. Принята Всемирной конференцией по борьбе с допингом в спорте; 4 февраля 1999 г., Лозанна, Швейцария / Антидопинговое пособие: РУСАДА, 2015. – С. 20–21.

⁵ Всемирный антидопинговый кодекс. Международный стандарт. Запрещенный список 2017 года – Всемирное антидопинговое агентство, Монреаль. – 2021. – 125 с.

⁶ Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (заключена в Париже 19 октября 2005) // Бюллетень международных договоров. – 2007. – № 9. – С. 20–46.

(в ред. от 2 июля 2021 г.) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – ФЗ о физической культуре)⁷ впервые установил виды нарушений антидопингового правила. Кроме того, указанный федеральный закон регламентирует статус Общероссийской антидопинговой организации и предусматривает меры по предотвращению применения допинга в спорте. Именно данный закон ввёл в научный и профессиональный оборот понятия «допинг», «допинговый контроль» и др. Непосредственно перечень допинговых средств и методов содержится в Приказе Минспорта РФ от 15 ноября 2021 г. № 893 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте»⁸. Но этого оказалось явно недостаточно для борьбы с использованием допинга спортсменами. В результате Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 413-ФЗ в Кодекс Российской Федерации «Об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ была введена статья 6.18 «Нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьба с ним»⁹, а после скандала 2016 года в рамках взятых на себя обязательств по борьбе с данным негативным явлением, пагубно отражающемся на имидже нашего государства, законодатель в краткие сроки ввёл в Уголовный кодекс РФ две статьи: 230¹ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и 230² «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»¹⁰.

Объект преступления. Характер вреда, который причиняется в результате совершения допинговых преступлений, вызывает широкие дискуссии в доктрине уголовного права, особенно в связи с определением основного непосредственного объекта.

Анализ научной литературы, касающейся допинговых преступлений, позволяет выделить несколько позиций. Так в качестве основного непосредственного объекта выделяют: общественные отношения, обеспечивающие здоровье

населения в спортивной сфере [5, с. 11–5]; общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья спортсменов [6, с. 97–105]; общественные отношения, обеспечивающие честную конкуренцию в спорте; общественные отношения, обеспечивающие защиту спортивных интересов, «связанные с использованием запрещённых в спорте средств», а также общественной нравственности¹¹.

Основной причиной такого расхождения в позициях, на наш взгляд, является то, что использование допинга в отношении спортсмена или склонение спортсмена к его употреблению оказывает негативное влияние одновременно и на организм спортсмена, и на конкуренцию в спорте посредством противозаконного улучшения характеристик спортсмена, и на результаты спортивных соревнований, и на отношение к спорту в принципе, в связи с провоцированием допинговых скандалов.

Ещё одной причиной расхождения мнений специалистов, на наш взгляд, может служить противоречие, связанное с расположением рассматриваемых статей в УК РФ и сущностью данных деяний. Несмотря на то, что ст. 230¹ и 230² УК РФ находятся в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», целью применения допинга, на наш взгляд, является не столько причинение вреда здоровью спортсмена, сколько влияние на характеристики спортсмена, которые в дальнейшем улучшают его результаты на спортивных соревнованиях, а следовательно, влияют на конечный итог соревнования. В этом преступлении, предусмотренные статьями 230¹ и 230² УК РФ, схожи с иным преступлением, совершаемым в сфере спорта – оказанием противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования, предусмотренным ст. 184 УК РФ.

К второстепенности значения негативного влияния на здоровье спортсмена в рамках допинговых преступлений можно отнести и то, что несмотря на доказанное негативное влияние практически любого допинга на организм спортсмена, есть допинговые средства и методы, которые запрещены исключительно в соревновательный период, но могут применяться при подготовке к участию в соревнованиях. В связи с этим полагаем, что в первую очередь влияние применения допинга должно рассматриваться как воздействие, оказанное на честность, беспристрастность и объективность результатов спортивного соревнования.

Поэтому, на наш взгляд, в качестве основных непосредственных объектов преступлений, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК РФ, следует рассматривать два равноправных типа общественных отношений: общественные от-

⁷ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50.

⁸ Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте: Приказ Минспорта РФ от 15 ноября 2021 г. № 893 [Электронный ресурс]. – URL: <https://resbol.mz19.ru/events/detail.php?id=10518> (дата обращения 12.05.2022).

⁹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 26 и 26.1 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: Федеральный закон «от 6 декабря 2011 г. № 413-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7355.

¹⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил): Федеральный закон от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 48 (часть 1). – Ст. 6732.

¹¹ Кутуев А. Р. Уголовная ответственность за склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Кутуев Адам Русланович. – Москва, 2019. – 24 с.

ношения, обеспечивающие беспристрастность и объективность подготовки, организации и проведения спортивных соревнований, что соответствует общественной нравственности (при этом речь идёт не только о спортсменах, тренерах и спортивном персонале, но и о зрителях) [8, с. 305–306]; общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья спортсмена.

Не менее спорным признаком рассматриваемых преступлений является их предмет. Следует сразу отметить, что легальная дефиниция допинга несколько отличается от общеупотребительной.

Федеральный закон о физической культуре и Общероссийские антидопинговые правила (утв. Министерством спорта РФ 24 июня 2021 г. № 464) в качестве допинга предусматривают нарушение антидопингового правила¹². Та же формулировка содержится во Всемирном антидопинговом кодексе ВАДА.

Но в уголовно-правовом значении под допингом понимаются не нарушения антидопинговых правил, а средства и методы, запрещённые для использования в спорте, изложенные в Перечне, утвержденном Министерством спорта. Иначе говоря, им придаётся иной смысл, нежели в ФЗ о физической культуре и Антидопинговых правилах.

Именно поэтому полагаем, что многие авторы ошибочно выделяют в качестве предмета преступлений, предусмотренных статьями 230¹ и 230² УК РФ, субстанции и (или) методы, запрещённые для использования в спорте [9, с. 126–131; 10, с. 34–39].

И аргументация в основном следующая: 1) предмет – материальные объекты, при воздействии на которые лицо посягает на общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона [11, с. 113]; 2) ст. 230¹ и 230² УК РФ связаны со ст. 230 УК РФ, в которой в качестве предмета выделяются наркотические средства.

С подобной позицией трудно согласиться. Под предметом преступления принято понимать объекты материального мира, на которые непосредственно направлено преступное посягательство. В случае если под предметом допинговых преступлений будут пониматься допинговые средства, речь будет идти о том, что преступления посягают именно на допинг, а точнее, на оборот допинговых субстанций и методов, но не на здоровье спортсмена или на честность и объективность результатов спортивных соревнований, что, в свою очередь, противоречит сути рассматриваемых преступлений. В связи с этим выделение допинга в качестве предмета представляется некорректным.

Распространение положений ст. 230 УК РФ на допинговые составы преступлений также, на

наш взгляд, спорно, тем более что некоторые специалисты наркотические средства относят не столько к предмету, сколько к средству совершения преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ¹³.

Отсюда возникает дискуссионный вопрос – является допинг предметом или же средством совершения преступления.

Как уже указывалось выше, допинг используется в целях улучшения характеристик спортсмена, основным результатом чего является получение определённых достижений в спорте, побочным – вред здоровью спортсмена. В связи этим полагаем, что допинговые субстанции и методы всё же относятся к средству совершения преступления, а не к предмету.

Не менее острый вопрос касается определения потерпевшего, которым в рамках рассматриваемых преступлений является спортсмен. Уголовным законом понятие «спортсмен» не раскрывается, но анализ действующего законодательства показывает, что дефиниции «спортсмена» в различных актах несколько отличаются. Рассмотрим несколько определений.

В п. 22 ст. 2 ФЗ о физической культуре содержится следующее определение: «спортсмен – физическое лицо, занимающееся выбранным видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях».

Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) в ст. 348¹ определяет спортсмена как «работника, трудовая функция которого состоит в подготовке к спортивным соревнованиям и участии в спортивных соревнованиях по определённому виду или видам спорта»¹⁴. То же определение можно увидеть в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2015 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров»¹⁵.

Некоторые отличия определения понятия «спортсмен» обусловлены прежде всего спецификой актов, в которых они содержатся. Но, исходя из вышеизложенного, можно выделить два основных признака спортсмена: 1) занятие одним или несколькими видами спорта; 2) участие в спортивных соревнованиях.

В то же время проблема потерпевшего не ограничивается необходимостью определения его признаков.

В первую очередь возникает вопрос об определении вида спорта, которым занимается спортсмен. Виды спорта, официально признанные в Российской Федерации, содержатся

¹² Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил : Приказ Минспорта России от 24 июня 2021 г. № 464 [Электронный ресурс]. – URL: <https://minsport.gov.ru/> (дата обращения 12.05.2022)

¹³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай; 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Инфра-М, 2021. – 407 с.

¹⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 22 ноября 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.

¹⁵ О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 52 // Российская газета. – 2015. – 30 нояб. – № 270 (6841).

во Всероссийском реестре видов спорта (в ред. от 20 сентября 2021 г.) (далее – ВРВС). При этом спортивные соревнования проводятся не только по тем видам спорта, которые содержатся в указанном реестре. В настоящее время в стране существуют спортивные федерации по дисциплинам, не содержащимся в реестре, по которым проводятся спортивные соревнования. В качестве примера можно привести «воздушную атлетику», в признании которой видом спорта было отказано в 2019 году¹⁶. При этом существует Федерация воздушной атлетики России, которая проводит соревнования, в том числе, по дисциплинам воздушной атлетики (воздушное кольцо, воздушные полотна).

В связи с этим возникает неясность в определении спортсмена по признаку принадлежности к конкретному виду (видам) спорта: возможно ли признание потерпевшим лица, занимающегося видом спорта, не находящимся в ВРВС? К сожалению, отсутствие практики применения ст. 230¹ и 230² УК РФ не позволяет дать однозначный ответ на данный вопрос. Но в любом случае представляется, что использование допинга в отношении спортсмена или склонение к его применению должно являться основанием для наступления ответственности вне зависимости от того, признан ли данный спорт официально или нет.

Признак участия в спортивных соревнованиях также неоднозначен. Здесь необходимо сказать несколько слов о видах и уровнях спортивных соревнований. По виду спортивных соревнований делятся на профессиональные (в том числе – спорт высших достижений) и любительские. Исходя из определения, данного в п. 10.3 ст. 2 ФЗ о физической культуре, основное отличие профессиональных соревнований – их направленность на получение прибыли. По уровню их можно разделить на международные, всероссийские, межрегиональные, региональные и муниципальные. Также соревнования проходят в рамках спортивных федераций, спортивных клубов.

Уголовный закон не конкретизирует ни вид, ни уровень соревнований, что также порождает дискуссии. Некоторые авторы считают, что для достаточности степени опасности нарушения антидопинговых правил потерпевшим в данном случае следует считать спортсмена, занимающегося спортом высших достижений, поскольку в указанном случае допинговые преступления в большей степени влияют на конкурентоспособность государства на международной спортивной арене, а также наносится вред репутации страны.

Но, на наш взгляд, в целях формирования так называемой «нулевой терпимости» следует

распространять положения рассматриваемых статей на любые виды и уровни спортивных соревнований. Тем более что это положение соответствует позиции ВАДА, которое включает любителей в категорию спортсменов, на которых распространяются всемирные антидопинговые правила¹⁷.

В связи с указанным выше полагаем, что необходимо дать легальное толкование термина «спортсмен», в целях более точного определения круга общественных отношений, которые охватываются ст. 230¹ и 230² УК РФ, а также определения типа и уровня спортивных соревнований для целей указанных статей.

Объективная сторона. Ст. 230¹ УК РФ в качестве уголовно наказуемого деяния признает действие, совершённое в форме склонения спортсмена к использованию средств, запрещённых для использования в спорте.

Вопрос о сущности склонения обсуждается в доктрине уголовного права не первый год, равно как и вопрос соотношения склонения и вовлечения. Хотя в одном из аспектов всё же проявляется единообразие: склонение имеет цель возбуждения у другого лица желания совершить то или иное деяние.

В случае со ст. 230¹ УК РФ под склонением понимаются любые действия, направленные на возбуждение у спортсмена желания использовать запрещённые субстанции и (или) методы.

Открытый перечень способов склонения приводится в примечании 1 к ст. 230¹ УК РФ, в котором законодатель в качестве склонения указывает такие умышленные действия, как обман, уговоры, советы, указания, предложения, предоставление информации и устранение препятствий к использованию. Из предложенных способов склонения наибольший интерес представляют последние два способа.

Предоставление информации о допинговых средствах – слишком широкое понятие. В качестве такого действия можно рассматривать и рассказ о типах, видах допинга и его влиянии на характеристики спортсмена на семинаре, что представляется излишним в рамках уголовного-правовой квалификации деяния. Поэтому, на наш взгляд, под предоставлением информации в качестве способа склонения к использованию запрещённых в спорте средств следует понимать: конкретное указание на субстанции и (или) методы с местом, где можно их приобрести, и инструкцией по применению (намёком на наличие такой инструкции), либо предоставление любого рода информации о запрещённых средствах с целью побуждения спортсмена к их использованию.

Устранение препятствий к использованию допинговых средств представляется в данном случае умышленными действиями, направленными на облегчение доступа спортсмена к за-

¹⁶ Об отказе в признании видами спорта : Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 12 декабря 2019 г. № 1056 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства спорта РФ. – URL: <https://minsport.gov.ru/documents/ministry-orders/34404/> (дата обращения 02.01.2022).

¹⁷ Всемирный антидопинговый кодекс [Электронный ресурс]. – URL: https://ruswimming.ru/sites/default/files/documents/antidoping/vsemirnyj_antidopingovyj_kodeks_2021.pdf (дата обращения 12.05.2022)

прещённым субстанциям и (или) методам. Возможно, к данным действиям можно отнести покупку дорогостоящего допингового средства или приобретение ограниченных к обороту (запрещённых) средств в целях оказания эффекта на спортсмена, который при доступности допинга пожелает его использовать.

При характеристике объективной стороны состава преступления следует также затронуть момент окончания анализируемого деяния. В ч. 1 ст. 230¹ УК РФ для квалификации деяния последствия не играют особой роли, в связи с чем можно сказать, что состав является формальным. То есть преступление будет считаться оконченным с момента склонения спортсмена к использованию допинговых средств, вне зависимости от того, принял спортсмен допинг в итоге или нет.

В ч. 2 ст. 230¹ УК РФ указывается, что склонение может сопровождаться применением шантажа, насилия или угрозой его применения, что также, на наш взгляд, должно считаться оконченным с момента начала действий, направленных на возбуждение у спортсмена желания использовать допинговые средства. В случае применения насилия предлагается дополнительно квалифицировать деяние по соответствующей статье гл. 16 УК РФ [12, с. 87], если оно не охватывается частью третьей рассматриваемой статьи.

Для квалификации деяния по ч. 3 ст. 230¹ УК РФ необходимо наличие общественно опасных последствий в виде смерти спортсмена или иных тяжких последствий, что позволяет говорить о материальном характере состава – то есть, оконченным указанное деяние будет считаться с момента наступления последствий в виде смерти спортсмена или иных тяжких последствий (например, тяжкого вреда здоровью).

Статья 230² УК РФ в качестве уголовно наказуемого деяния признает действие в форме использования допинга в отношении спортсмена. Иначе говоря, это непосредственное введение запрещённых субстанций в организм спортсмена (вне зависимости от способа) или использование запрещённых методов. Исключением в данном случае является отсутствие нарушения антидопингового правила, которое выражается в имеющемся разрешении на терапевтическое использование или использование допингового средства в незапрещённый антидопинговыми правилами период.

Применение допинга может быть как явным для спортсмена, так и тайным. При этом наказуемость применения не ставится в зависимость от согласия спортсмена, что подразумевает как насильственный, так и ненасильственный (договорной) характер данных действий. В случае насильственного характера применения запрещённых субстанций и (или) методов, а также причинения вреда здоровью спортсмена вследствие использования допинговых средств, не охватываемых диспозицией части 2 ст. 230² УК РФ, предлагается квалифицировать деяния в совокупности с соответствующей статьей главы 16 УК РФ.

Использование считается оконченным с момента ввода субстанции в организм спортсмена или же применения запрещённого метода вне зависимости от улучшения или отсутствия улучшения его характеристик при участии в спортивных соревнованиях.

По ч. 2 ст. 230² оконченным преступление будет считаться с момента наступления последствий в виде смерти спортсмена или иных тяжких последствий.

Дискуссионным пока остается вопрос совершения рассматриваемых деяний по отношению к несовершеннолетним, особенно малолетним спортсменам. Склонение несовершеннолетних к употреблению допинга выделено в качестве квалифицированного состава, однако возникает вопрос о том, насколько корректно употребление термина «склонение». Как уже было указано, под склонением в уголовно-правовом смысле подразумевается возбуждение желания совершения противоправных действий. Психологические особенности несовершеннолетних проявляются во многих аспектах, в том числе в большей по сравнению со взрослыми внушаемости и подверженности влиянию авторитета, и тем более авторитета тренера. Несовершеннолетние, особенно малолетние, в силу возраста не способны в полной мере осознавать совершенные в отношении них действия и последствия таких действий. Можно сказать, что в этом случае речь может идти не столько о склонении, сколько о применении насилия (физического или психического), которое, в свою очередь, может повлечь за собой негативные последствия для здоровья спортсмена [13, с. 139–153].

В ст. 230² УК РФ применение допинговых средств по отношению к несовершеннолетним в качестве квалифицированного признака полностью отсутствует, что, на наш взгляд, недопустимо, учитывая, что несовершеннолетние спортсмены, к примеру, под влиянием авторитета тренера могут самостоятельно принять любое средство, в том числе допинговое, не осознавая, что такие действия тренера впоследствии могут сказаться как на их здоровье, так и на их карьере.

Следует отметить также и то, что не всякое склонение к использованию допинга или его применение будет влечь за собой ответственность по рассматриваемым статьям. Поскольку перечень допинговых средств включает в себя и наркотические вещества, то в случае, если спортсмена склонили к употреблению допинга и в отношении него применили вещества, являющиеся наркотическими, деяние квалифицируется уже не по рассматриваемым статьям, а по иным статьям УК РФ (в частности, 228–228⁴, 230 и 234 УК РФ).

Субъективная сторона. Предполагается, что указанные в диспозициях ст. 230¹ и 230² УК РФ субъекты знают и понимают, что представляет собой нарушение антидопинговых правил, какие средства относятся к допинговым и какая ответственность установлена за

использование указанных средств. Профессиональные спортсмены так же, как и тренеры, ежегодно проходят антидопинговый онлайн-курс РУСАДА. В рамках программ среднего профессионального образования для будущих тренеров, педагогов по физической культуре читаются дисциплины, посвящённые антидопинговому обеспечению (например, «Основы антидопингового обеспечения» в Колледже физической культуры и спорта, экономики и технологии при СПбГУ)¹⁸. При содействии спортивных федераций проводятся отдельные семинары, посвящённые превенции и профилактике нарушений антидопинговых правил. На официальном сайте РУСАДА можно проверить любое лекарственное средство на предмет нахождения субстанций, входящих в запрещённый список.

Для анализа состояния информированности спортсменов об антидопинговом регулировании, а также проверки тезиса о нежелании спортсменов заявлять о случаях употребления допинга, нами было проведено исследование в форме анкетирования.

Анкета содержала в себе 22 вопроса, расположенных в трёх разделах. Первый раздел включал вопросы, позволяющие группировать респондентов в зависимости от возраста, пола, занятия профессиональным или любительским спортом, вида спорта. Вопросы второго раздела позволяли оценить информированность спортсменов о допинговых средствах и методах, источниках информирования, а также осведомлённость спортсменов об ответственности, установленной за применение допинга. Вопросы третьего раздела были посвящены оценке правосознания спортсменов, их способности или неспособности обратиться в компетентные органы при обнаружении нарушения антидопинговых правил, а также выявления более влиятельного, по мнению спортсменов, источника регулирования спортивных отношений.

В анкетировании приняли участие 50 спортсменов, представляющих несколько спортивных клубов Санкт-Петербурга. Результаты опроса показали относительно высокую информированность о допинговых средствах – лишь 5 из 50 спортсменов не знают, какие именно средства запрещены для использования в спорте.

Результаты третьего раздела позволяют сказать о том, что спортсмены, по большей части, сами не готовы (или не имеют желания) сообщать о допинговых правонарушениях:

– из 50 спортсменов только 14 гипотетически сообщили бы о факте использования допинга знакомым спортсменам;

– 32 спортсмена сообщили бы о факте применения допинга к спортсменам чужим тренером, своим тренером – 20;

– 4 признались, что им предлагали применить допинг для улучшения спортивных результатов.

Примечательно, что гипотетическая возможность о заявлении нарушения антидопингового правила (в виде использования запрещённой субстанции) ставится в зависимость от знакомства со спортсменом, тренером.

Вопросы, касающиеся применения допинга спортсменами, также представляют интерес в рамках оценки правосознания спортсменов: 7 из 50 опрошенных спортсменов указали, что в их окружении есть спортсмены, принимающие допинг; 3 ответа содержали информацию о практике использования допингового средства по незнанию; 5 спортсменов на вопрос, стали бы они принимать допинг для улучшения результатов, ответили: «Зависело бы от ситуации».

При этом допинг-контроль хоть раз проходили лишь 12 спортсменов, 9 спортсменов в этот момент не принимали участия в спортивных соревнованиях.

Ответы на вопрос, кто оказывает наибольшее влияние, и какие нормативные документы в наибольшей степени влияют на решение вопросов регулирования отношений, связанных с допингом, подтвердили нашу гипотезу о том, что спортивная система в основном регулируется за счёт корпоративных норм и авторитетов тренеров и руководителей спортивных организаций. Так, 17 опрошенных в качестве наиболее эффективного регулятора указали внутренние правила спортивной организации, 15 – авторитет тренеров и глав спортивных федераций, 13 – законодательство Российской Федерации. Оставшиеся предложили свои варианты ответа, в том числе государственную политику в сфере спорта.

Вышесказанное позволяет нам утверждать, что преступления, предусмотренные ст. 230¹ и 230² УК РФ, совершаются с прямым умыслом, за исключением ч. 3 ст. 230¹ УК РФ и ч. 2 ст. 230² УК РФ, где само деяние в форме склонения или использования допинговых средств является умышленным, но общественно опасные последствия возникли в результате неосторожности. Такой вывод можно сделать и на основании анализа примечания 1 к ст. 230¹ УК РФ, где под склонением понимаются именно умышленные действия.

Несмотря на то, что цель не является конструирующим элементом состава преступлений, предусмотренных статьями 230¹ и 230² УК РФ, из сущности данных деяний очевидно её наличие. Так, можно выделить единство двух целей: улучшение характеристик спортсмена и получение лучших результатов спортивного соревнования.

Субъект преступления. Диспозиции статей 230¹ и 230² УК РФ в качестве субъектов выделяют тренера, специалиста по спортивной медицине, иных специалистов в области физической культуры и спорта.

В общеупотребительном смысле под тренером понимается лицо, которое осуществляет учебно-тренировочную работу, занимается обучением и воспитанием своих подопечных, развивает их способности.

¹⁸ Расписание программы «Физическая культура» Колледжа физической культуры и спорта, экономики и технологии [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Расписание СПбГУ». – URL: <https://timetable.spbu.ru/SC/StudentGroupEvents/Attestation/276566> (дата обращения: 07.05.2022).

Понятие тренера в рамках спортивных отношений даётся в п. 24 ст. 2 ФЗ о физической культуре: «Тренер – физическое лицо, имеющее соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование и осуществляющее проведение со спортсменами тренировочных мероприятий, а также осуществляющее руководство их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов».

Однако в рамках спортивных отношений часто возникают ситуации, когда тренерской деятельностью занимаются лица, не имеющие высшего или среднего профессионального образования в области физической культуры. Такие лица могут иметь различные звания (кандидата в мастера спорта, мастера спорта и др.), создавать свои клубы, секции или приглашаться в уже созданные, чтобы проводить занятия и даже готовить спортсменов к соревнованиям. В связи с этим закономерен вопрос о возможности привлечения указанных лиц к ответственности по статьям 230¹ и 230² УК РФ, который остается без ответа ввиду отсутствия достаточного для анализа массива судебной практики.

На данный момент известно лишь об одном приговоре¹⁹, в котором статус лица, совершившего деяние, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 230¹ УК РФ, так до конца и не прояснён, а в части обвинения говорится о «склонении спортсмена иным специалистом в области физической культуры и спорта». Осуждённый занимался тренерской деятельностью (как указывается, в качестве инструктора), имел звание мастера спорта, в документации о соревнованиях указывался в качестве тренера, однако в рамках предварительного следствия осуждённый отрицал причастность к тренерской работе, указывая, что лишь следил за порядком.

Не меньший интерес представляет формулировка «специалиста по спортивной медицине». Перечни специалистов в области физической культуры и спорта приводятся в Приказе Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации»²⁰ (далее – Приказ от 16 апреля 2012 г. № 347), при этом

специалист по спортивной медицине в перечнях отсутствует. Однако есть иное лицо схожей специализации – врач по спортивной медицине. Можно предположить, что именно врач по спортивной медицине подразумевался законодателем в качестве одного из специальных субъектов рассматриваемых деяний, однако умышленно не назывался врачом во избежание возможного распространения на врачей иных специальностей.

Исчерпывающий перечень иных специалистов указан в Приказе от 16 апреля 2012 г. № 347. В качестве примера можно привести администратора тренировочного процесса, аналитика, инструктора, директора физкультурно-спортивной организации, хореографа и др.

С одной стороны, подобный круг субъектов оправдан в той мере, в которой именно указанные в диспозициях рассматриваемых статей лица в наибольшей степени имеют представление о запрете использования допинга в спорте и последствиях, к которым может привести использование допинга. С другой – влияние на спортсмена в части применения допинга могут оказывать и другие лица, при этом степень воздействия может быть большей. Другие спортсмены, которые, к примеру, в целях «избавления» от конкурентов могут склонить другого спортсмена к использованию допинга для последующего раскрытия факта использования запрещённых средств и дисквалификации соперника; спортивные агенты и менеджеры; продавцы спортивных магазинов; врачи; родственники – все эти лица также могут оказать влияние на спортсмена, так или иначе склонив его к использованию допинга, или применить по отношению к нему допинговые субстанции и (или) методы.

В связи с тем, что рассматриваемые деяния являются уголовно наказуемыми, перед правоприменителем стоит сложная задача: с одной стороны, необходимо учесть зависимость характера и степени общественной опасности от лица, которое совершает противоправное деяние, с другой – избежать перегибов и излишней уголовной репрессии.

По-прежнему остается спорным вопрос о спортсмене как субъекте уголовной ответственности. Хорошо известны ситуации, когда спортсмен самостоятельно использует запрещённые вещества со скрытым мотивом. Так, для получения призовых, которые в некоторых видах спорта, таких как теннис, гольф, бокс, могут исчисляться в миллионах или даже десятках миллионов долларов США. Например, американский гонщик Лэнс Армстронг, завоевавший призовые места, заработал более 10 миллионов долларов. Позже выяснилось, что ради всех своих побед на Тур де Франс он использовал наркотики и методы, которые были запрещены в спорте. В результате гонщик был дисквалифицирован и обязан вернуть все награды и призовые. Представляется, что подобные случаи следует рассматривать как мошенничество в сфере профессиональной деятельности.

¹⁹ Тренировавший несовершеннолетних спортсменов гражданин осужден по исключительно редко применяющейся статье Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Архангельского областного суда. – URL: http://oblsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=721 (дата обращения 07.05.2022).

²⁰ Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации : Приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ от 16 апреля 2012 г. № 347 // Российская газета. – 2012. – № 109.

Наиболее привлекательной в случае выделения субъекта рассматриваемых преступлений нам видится позиция М. С. Крутера и А. Р. Кутуева [14, с. 66–69], предлагающих выделять субъектов преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ, по целевому признаку субъективной стороны. По мнению

указанных авторов, субъектом указанных преступлений должно являться вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, совершающее рассматриваемые деяния с целью повысить конкурентоспособность спортсмена и оказать влияние на результат спортивных соревнований.

Список литературы

1. Орлов А. А. Борьба международного сообщества с допингом в спорте: роль и место ЮНЕСКО // Международная аналитика. – 2019. – № 3. – С. 16–29.
2. Арямов А. А., Кольванцева М. А. Деятельность Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) в призме норм и общепризнанных принципов международного права, гарантирующих права и свободы человека // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2017. – № 2. – С. 4–21.
3. Курдюкова С. В., Воротник А. Н. Международно-правовые аспекты ответственности за использование допинга в спорте // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2020. – № 4. – С. 19–24.
4. Платонов В. Н. Борьба с допингом в олимпийском спорте: кризис и пути его преодоления // Наука в олимпийском спорте. – 2016. – № 2. – С. 64–90.
5. Гельдибаев М. Х. Уголовная ответственность за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте // Наркоконтроль. – 2020. – № 4 (61). – С. 11–15.
6. Кошаева Т. О., Ямашева Е. В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге // Журнал российского права. – 2017. – № 6 (246). – С. 97–105.
7. Амиров И. М., Поезжалов В. Б. Совершенствование уголовного законодательства в сфере борьбы с допингом в спорте // Спорт: экономика, право, управление. – 2016. – № 4. – С. 8–10.
8. Цветков П. В., Гаврилова-Петрова Л. А. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности, предусмотренной статьями 230.1 и 230.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – № 4 (12). – С. 302–311. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-4-302-311.
9. Прокументов Л. М. Общая характеристика преступлений, посягающих на отношения, обеспечивающие здоровье населения в сфере спорта (ст. ст. 230.1, 230.2 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 33. – С. 126–131.
10. Федоров А. В. Уголовная ответственность за использование в отношении спортсмена допинга // Российский следователь. – 2017. – № 12. – С. 34–39.
11. Жеребченко А. В., Милин А. Е., Бадалова П. И. Допинг как предмет преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // Вестник экономической безопасности. Юридические науки. – 2018. – № 2. – С. 111–114.
12. Песков А. Н., Брусникина О. А. Проблемы борьбы с допингом в спорте : монография. – Москва: Проспект, 2016. – 128 с.
13. Rakhmanova, E. N., 2021. The abuse of underage athletes. *Pravosudie/Justice*, 3(2), pp. 139–153. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.2.139-153.
14. Крутер М. С., Кутуев А. Р. К вопросу о субъективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 230.1 УК РФ и 230.2 УК РФ // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2017. – № 3 (46). – С. 66–69.

References

1. Orlov A. A. Bor'ba mezhdunarodnogo soobshchestva s dopingom v sporte: rol' i mesto YUNESKO // *Mezhdunarodnaya analitika*. – № 3. – 2019. – S.16–29.
2. Aryamov A. A., Kolyvantseva M. A. Deyatel'nost' Vsemirnogo antidopingovogo agentstva (VADA) v prizme norm i obshchepriznannykh printsipov mezhdunarodnogo prava, garantiruyushchikh prava i svobody cheloveka // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region*. – 2017. – № 2. – S. 4–21.
3. Kurdyukova S. V. Vorotnik A. N. Mezhdunarodno-pravovyye aspekty otvetstvennosti za ispol'zovaniye dopinga v sporte // *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina*. – 2020. – № 4. – S. 19–24.
4. Platonov V. N. Bor'ba s dopingom v olimpiyskom sporte: krizis i puti yego preodoleniya // *Nauka v olimpiyskom sporte*. – 2016. – № 2. – S. 64–90.
5. Geldibayev M. Kh. Ugolovnaya otvetstvennost' za ispol'zovaniye v otnoshenii sportsmena substantsiy i (ili) metodov, zapreshchennykh v sporte // *Narkokontrol'*. – 2020. – № 4 (61). – S. 11–15.
6. Koshayeva T. O., Yamasheva Ye. V. K voprosu ob ustanovlenii ugolovnoy otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva o dopinge // *Zhurnal rossiyskogo prava*. – 2017. – № 6(246). – S. 97–105.
7. Amirov I. M., Poyezhalov V. B. Sovershenstvovaniye ugolovnogo zakonodatel'stva v sfere bor'by s dopingom v sporte // *Sport: ekonomika, pravo, upravleniye*. – 2016. – № 4. – S. 8–10.

8. *Tsvetkov P. V., Gavrilova-Petrova L. A.* Nekotoryye voprosy ugovovno-pravovoy otvetstvennosti, predusmotrennoy stat'yami 230.1 i 230.2 Ugolovnoy Kodeksa Rossiyskoy Federatsii // *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal*. – 2021. – № 4 (12). – S. 302–311. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-4-302-311.
9. *Prozumentov L. M.* Obshchaya kharakteristika prestupleniy, posyagayushchikh na otnosheniya, obespechivayushchiye zdorov'ye naseleniya v sfere sporta (st. st. 230.1, 230.2 UK RF) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. – 2019. – № 33. – S. 126–131.
10. *Fedorov A. V.* Ugolovnaya otvetstvennost' za ispol'zovaniye v otnoshenii sportsmena dopinga // *Rossiyskiy sledovatel'*. – 2017. – № 12. – S. 34–39.
11. *Zherebchenko A. V., Milin A. Ye., Badalova P. I.* Doping kak predmet prestupleniy protiv zdorov'ya naseleniya i obshchestvennoy npravstvennosti // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. Yuridicheskiye nauki*. – 2018. – № 2. – S. 111–114.
12. *Peskov A. N., Brusnikina O. A.* Problemy bor'by s dopingom v sporte: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2016. – 128 s.
13. *Rakhmanova, E. N.*, 2021. The abuse of underage athletes. *Pravosudie/Justice*, 3(2), pp. 139–153. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.2.139-153.
14. *Kruter M. S., Kutuyev A. R.* K voprosu o sub'yektivnoy storone prestupleniy, predusmotrennykh st. 230.1 UK RF i 230.2 UK RF // *Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*. – 2017. – № 3 (46). – S. 66–69.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted June 17, 2022; approved after reviewing August 19, 2022; accepted for publication September 20, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-80-85

Артем Андреевич Количенко

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-1962-197X>, kolichenkoa@mail.ru

Нижегородская академия МВД России

Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе

Аннотация: С появлением в науке уголовного процесса феномена электронных доказательств был ознаменован новый этап развития теории доказательств и доказывания. Особое внимание при этом получили вопросы, касаемые оценки электронных доказательств – применимости уже имеющихся критериев или же необходимости выработки новых уникальных критериев. Решение назревшей проблемы определения критериев оценки электронных доказательств требует концептуально новых взглядов, можно даже сказать потребности в выработке современной теории оценки электронных доказательств, которая бы заключила в себе весь спектр имеющихся знаний о данном феномене и позволила бы более эффективно и действенно решать задачи уголовного судопроизводства.

В рамках данной статьи автором проводится попытка определения применимости критерия допустимости в оценке электронных доказательств. Сформировано убеждение, что критерий допустимости электронных доказательств представляет собой правовое требование, соответствие которому означает возможность использования конкретного электронного доказательства в доказывании по уголовному делу. Для того, чтобы разобраться с содержанием и спецификой критерия допустимости электронных доказательств, в настоящей статье проводится анализ судебно-следственной практики, а также анализ мнений представителей научного сообщества, определяются конкретные требования допустимости электронных доказательств, предлагается уникальное определение критерия допустимости электронных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, уголовный процесс, оценка доказательств, критерии оценки, допустимость

Для цитирования: Количенко А. А. Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 80–85; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-80-85.

Artem A. Kolichenko

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-1962-197X>, kolichenkoa@mail.ru

*Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
3, Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation*

The admissibility of electronic evidence in modern criminal proceedings

Abstract: With the advent of the phenomenon of electronic evidence in the science of criminal procedure, a new stage in the development of the theory of evidence and proof was marked. Particular attention was paid to issues related to the evaluation of electronic evidence – the applicability of existing criteria or the need to develop new unique criteria. The solution of the urgent problem of determining the criteria for evaluating electronic evidence requires conceptually new views, one can even say the need to develop a modern theory of evaluating electronic evidence, which would encompass the entire spectrum of available knowledge about this phenomenon and would allow solving the tasks of criminal proceedings more effectively and efficiently.

Within the framework of this article, the author attempts to determine the applicability of the admissibility criterion in the evaluation of electronic evidence. The belief has been formed that the criterion

of the admissibility of electronic evidence is a legal requirement, compliance with which means the possibility of using specific electronic evidence in proving a criminal case. In order to understand the content and specifics of the criterion for the admissibility of electronic evidence, this article analyzes the judicial and investigative practice, as well as the analysis of the opinions of representatives of the scientific community, defines specific requirements for the admissibility of electronic evidence, and also offers a unique definition of the criterion for the admissibility of electronic evidence.

Keywords: electronic evidence, criminal proceedings, evaluation of evidence, evaluation criteria, admissibility

For citation: Kolichenko A. A. The admissibility of electronic evidence in modern criminal proceedings // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 80–85; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-80-85.

Введение

Оценка доказательств, являясь мыслительной деятельностью субъектов доказывания, во все времена выступала весьма интересным направлением для исследований. Не потеряла она свою актуальность и по сегодняшний день. «Под удар» научных дискуссий попали всеми признанные критерии относимости, допустимости и достоверности доказательств. Данный факт во многом определён появлением в уголовно-процессуальной науке такого феномена, как электронные доказательства, который потребовал от научного сообщества выработки новых научных знаний, раскрывающих специфику, форму и порядок работы с указанным элементом получения значимых доказательственных сведений.

Рамки данной статьи позволяют нам предпринять попытку анализа критерия допустимости доказательств и его применимости в оценке электронных доказательств. Помимо того, актуальность исследования заявленной проблематики подтверждает высказывание С. А. Пяшина: «В юридической науке не имеется общей точки зрения ученых-процессуалистов относительно понятия допустимости доказательств, а также единого понимания её сущности»¹. В свою очередь, такие критерии оценки доказательств, как относимость и достоверность, также не останутся без внимания, однако результаты их анализа будут приведены в последующих наших публикациях.

Как известно, для проведения качественного исследования требуется чёткая постановка проблемы. В нашем случае проблема, казалось бы, усматривается в самом названии данной статьи. И речь идёт не только о том, что действующая редакция УПК РФ не содержит указаний на такой источник получения доказательственных сведений, как электронные доказательства. Мы убеждены в необходимости консолидации знаний о свойстве допустимости как критерии оценки электронных доказательств, так как допустимость доказательств, без сомнения, играет ключевую роль в доказательственной парадигме.

В свете наших рассуждений нельзя оставить без внимания мнение В. В. Терехина: «Допустимость даёт бытие уголовно-процессуальному доказательству; допустимость структурирует, организует фактический материал в доказательственный; она отвечает за превращение информации в “процедурное” знание в ходе производства следственных, иных процессуальных действий, через отдельные процедуры и всё уголовное судопроизводство»². Действующая редакция УПК РФ по факту содержит в себе требования к допустимости доказательств, о чём свидетельствует содержание ст. 75. Однако в силу малоисследованности феномена электронных доказательств мы предполагаем наличие особых дополнительных условий, когда электронные доказательства должны признаваться допустимыми доказательствами по уголовному делу.

Методы исследования

Основу методологической базы настоящего исследования составили как общенаучные методы исследования (диалектико-материалистический метод познания, метод анализа и синтеза, дедукции и индукции), так и специальные методы исследования (функциональный метод, системный и сравнительно-правовой методы).

Основное исследование

Как можно заметить, в соответствии с упомянутой выше ст. 75 УПК РФ, а именно – ч. 1 данной статьи, недопустимыми являются доказательства, «полученные с нарушением требований УПК РФ»³. Таким образом, законодателем определены конкретные требования допустимости доказательств. Весьма примечательной по данному поводу выглядит точка зрения А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского. Учёные предлагают выделять ряд требований (именуемых правилами) к допустимости доказательств:

² Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этические аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Терехин Владимир Вячеславович. – Н. Новгород, 2016. – С. 16.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2022 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 01.02.2022).

¹ Пяшин С. А. О некоторых правилах оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 120.

- «правило о надлежащем источнике доказательств»;
- правило о надлежащем субъекте доказывания;
- правило о надлежащем виде способа собирания доказательств;
- правило законной процессуальной формы собирания доказательств;
- правило законной процедуры проверки доказательств»⁴.

Схожие критерии допустимости доказательств определяет и Н. М. Кипнис [1, с. 27]. Следует предположить, что любое электронное доказательство, полученное в установленной законом форме, будет признано допустимым доказательством. Интересна позиция М. И. Воронина, определяющего в своём исследовании условия признания такого электронного доказательства, как скриншот, допустимым доказательством. Исследователь устанавливает два условия: «Во-первых, это должна быть переписка (сообщение, аудиозапись) с участием самого представившего доказательство (носитель) лица; во-вторых, следствие должно изъять и осмотреть соответствующее доказательство при соответствующем процессуальном или следственном действии» [2, с. 49]. Помимо того, М. И. Воронин в подтверждение указанных условий, акцентирует внимание на практике Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой если скриншоты введены в процесс протоколом одного из предусмотренных УПК РФ следственных действий, то они допускаются в качестве доказательств по уголовному делу⁵. Аналогичная ситуация прослеживается и с признанием в качестве допустимых доказательств электронных документов⁶.

⁴ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Кнорус, 2008. – С. 186–190.

⁵ В подтверждение сказанного обратим внимание на судебную практику судов общей юрисдикции. См., например: приговор Тбилисского районного суда Краснодарского края № 1-91/2021 от 6 июля 2021 г. по делу № 1-91/2021 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/44y5vtVnGwLX/> (дата обращения: 14.12.2021); приговор Кировского районного суда г. Саратова Саратовской области № 1-123/2021 от 1 июня 2021 г. по делу № 1-123/2021 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GUmWjm7t58Qb/> (дата обращения: 14.12.2021); приговор Ленинского районного суда г. Саратова Саратовской области № 1-320/2021 от 4 июня 2021 г. по делу № 1-320/2021 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SdYaDdxd4ZK/> (дата обращения: 14.12.2021); приговор Багайского городского суда Ростовской области № 1-251/2020 от 10 декабря 2020 г. по делу № 1-251/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Система Юрист». – URL: <https://www.1jur.ru/#/document/98/63741170> (дата обращения: 14.12.2021).

⁶ См., например: приговор Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия) № 1-47/2021 от 3 июня 2021 г. по делу № 1-47/2021 [Электронный ресурс] // Сайт «Система Юрист». – URL: <https://www.1jur.ru/#/document/98/63767221> (дата обращения: 14.12.2021). В данном приговоре прослеживается процессуальный порядок признания электронного документа в качестве допустимого доказательства.

Следует также принять во внимание мнение К. К. Клевцова, рассуждающего о доказательственном значении переписок в мессенджерах. Указанный автор утверждает: «Для того, чтобы данные мессенджеров отвечали критериям допустимости доказательств, они должны быть изъяты и оформлены в соответствии с УПК РФ и другими законодательными актами» [3, с. 42]. Обратим внимание и на позицию М. Г. Янина и К. М. Кочедыковой, согласно которой «свойство допустимости электронных доказательств отражает требование, обращенное к форме доказательства, помимо того, данное свойство указывает на необходимость соблюдения формальных требований, предусмотренных законом» [4, с. 30]. По мнению автора настоящей статьи, подобный подход к определению критерия допустимости электронных доказательств следует позиционировать не иначе как классический (традиционный): он распространяется на все источники получения доказательственных сведений, предусмотренных законодателем в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Далее зададимся вопросом, чем оценка допустимости электронных доказательств отличается от оценки иных видов доказательств? Нам видится весьма привлекательной разработанная А. А. Балашовой авторская система критериев оценки допустимости доказательственной информации на электронных носителях. К числу таковых упомянутый автор относит: «Аутентичность информации как возможность достоверного установления источника ее происхождения; целостность информации как отсутствие изменений в ее составе, содержании и свойствах; достоверность информации – точное отражение определенных явлений, процессов, деятельности или фактов; доступность для восприятия с использованием надлежащего программного обеспечения и технических средств обработки, не влекущих внесение в нее изменений»⁷. Полагаем, что такой критерий оценки допустимости доказательственной информации на электронных носителях, как достоверность, здесь несколько неуместен, поскольку в ст. 88 УПК РФ уже имеется определенный законодателем критерий достоверности.

Рассматривая вопрос определения специфических особенностей оценки допустимости электронных доказательств, обратим внимание на мнение О. В. Желевой, согласно которому критерии допустимости электронных доказательств определяют такие обстоятельства, как неограниченный доступ к цифровой информации (следовательно, существует возможность фальсифицировать или даже полностью уничтожить информацию); многократный обмен информацией между пользователями, приложениями, компьютерными системами (возникают сомнения в подлинности информации); вероят-

⁷ Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Балашова Анна Александровна. – Москва, 2020. – С. 16.

ность утраты некоторых доказательств при включении компьютерной системы [5, с. 46] и др. Этот автор и вовсе утверждает, что «цифровые доказательства непрочны и непостоянны», но данный факт не ставит под сомнение значимость использования такого вида доказательств в доказывании преступлений. Полагаем, что приведённый довод более устоявшийся стереотип, нежели подтверждённый правоприменительной практикой факт.

В дополнение к сказанному хотелось бы обратить внимание на курс лекций по русскому уголовному процессу М. В. Духовского, где автор писал: следы преступления (в данном случае речь идёт о вещественных доказательствах) «говорят нередко лучше и рельефнее многих свидетелей»⁸. Полагаем, что при грамотной работе с электронными доказательствами, особенно на этапе их собирания и исследования, они покажут себя гораздо лучше иных источников получения значимой доказательственной информации по уголовному делу – как минимум из-за невозможности субъективного воздействия на электронную информацию.

Любой из регламентированных законодателем источников получения доказательственных сведений имеет свои особенности и свои «подводные камни», которые и предопределяют особенности их оценки. Говоря о допустимости электронных доказательств, отметим позицию С. В. Зуева. Учёный утверждает, что на цифровую информацию должны распространяться такие требования, как аутентификация, идентификация, верифицируемость и воспроизводимость сведений [6, с. 621]. Подобным требованиям, на наш взгляд, должны соответствовать как процесс проверки электронных доказательств, так и их оценка, в частности, с точки зрения критерия допустимости.

Исследование критерия допустимости электронных доказательств в практике современного уголовного судопроизводства поставило перед нами вопрос: нарушаются ли конституционные права граждан при фиксации их личной переписки? Если это является нарушением, то сведения, добытые из электронного носителя информации и получившие статус доказательства, впоследствии по решению суда могут быть признаны недопустимыми доказательствами. Отсюда вытекает следующий вопрос: каким образом субъекту, уполномоченному оценивать доказательства, проверить факт законности получения сведений о личной переписке? На эту проблему обратил внимание И. Г. Хисматуллин, утверждающий, что «при осмотре информации, содержащейся в памяти мобильных телефонов, нарушаются конституционные права участников уголовного процесса и иных лиц на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» [7, с. 137].

⁸ Духовской М. В. Русский уголовный процесс : издание для студентов. – Москва: Тип. А.П. Поплавского, 1910. – С. 247.

Отвечая на поставленные вопросы, целесообразно разобрать отдельные положения, закреплённые в определении Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г., где обращается внимание на нарушение следующих прав гражданина: тайны переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, так как такие действия «допускают возможность получения органом предварительного следствия информации о соединениях между абонентскими устройствами, текстов переписки, почтовых и иных сообщений в ходе производства осмотра и компьютерно-технических экспертиз изъятых абонентских устройств, без получения судебного решения»⁹. Изучив представленные материалы, Конституционный Суд РФ с отсылкой к УПК РФ обратил внимание на цель производства осмотра предметов, а именно – обнаружение следов преступления, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Суд акцентирует внимание на том, что проведение осмотра и экспертизы, находящейся в электронной памяти абонентских устройств и имеющей значение для уголовного дела информации, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. В данном контексте справедливым видится утверждение А. А. Хайдарова, констатирующего «наличие противоречия между необходимостью раскрыть преступление и соблюсти при этом конституционные права гражданина, в отношении которого производится оперативно-розыскная либо процессуальная деятельность» [8, с. 40].

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: электронные доказательства могут быть признаны допустимыми в том случае, если они получены строго на основании положений УПК РФ, регламентирующих порядок производства следственных и иных процессуальных действий. Отметим также позицию Н. Н. Гаас по вопросу необходимости получения судебного решения для производства осмотра мобильного устройства. По мнению указанного автора, «основным критерием оценки законности действий следователя, осмотревшего мобильное устройство и получившего доступ к находящейся в нём информации, является его правомерное изъятие с соблюдением требований действующего законодательства» [9, с. 30]. Тем самым законность и правомерность действий следователя, дознавателя, направленных на сбор электронных доказательств, становятся гарантом признания их допустимости.

Обсуждения и заключение

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на высказывание М. П. Полякова: «Важно чётко понимать, что уголовное судопроизвод-

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 года № 189-О // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/71875840/> (дата обращения: 19.01.2022).

ство меняется под напором разных, но отнюдь не произвольных обстоятельств» [10, с. 230]. На современном этапе уголовный процесс, несмотря на весь свой консерватизм, неизбежно столкнётся с необходимостью пересмотра отдельных положений, касающихся процесса и критериев оценки доказательств. Данный факт во многом предопределён появлением в уголовно-процессуальной науке феномена электронных доказательств. Мы убеждены в необходимости разработки новых подходов к определению критериев оценки, включая их содержание. Без сомнений, неправильная или даже ошибочная оценка электронных доказательств способна повлечь негативные последствия в виде неверных выводов о фактических обстоятельствах уголовного дела. Следовательно, перед научным юридическим сообществом стоит задача выработать новые научные знания, которые бы раскрывали сущность, значение и особенности оценки электронных доказательств.

Проведенный анализ содержания критерия допустимости электронных доказательств в современном уголовном судопроизводстве, в частности, требований, которым должно соответствовать уголовно-процессуальное доказательство, даёт нам возможность сформулировать содержание данного критерия оценки. Таким образом, критерий допустимо-

сти электронных доказательств – это правовое требование, определяющее соответствие полученного в ходе расследования уголовного дела электронного доказательства требованиям о надлежащем субъекте доказывания, источнике получения доказательственной информации, способе и процессуальной форме собирания доказательства, предусмотренных УПК РФ, соблюдении процедуры проверки доказательств, а также установление аутентичности, идентификации, верифицируемости и воспроизводимости электронной информации.

Предложенное определение, раскрывающее содержание критерия допустимости электронного доказательства, раскрывает его специфику, а также особенности, на которые в обязательном порядке лицо, уполномоченное на оценку доказательств, должно обратить внимание. Это особенно актуально, поскольку имеются случаи признания электронных доказательств недопустимыми доказательствами по уголовному делу.

Выработанный критерий допустимости электронных доказательств, на наш взгляд, представляет особый интерес, так как в научной доктрине отсутствуют подходы (в т. ч. правила), раскрывающие сущность и содержание данного критерия в уголовно-процессуальном доказывании.

Список литературы

1. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / отв. ред. П. А. Лупинская. – Москва: Юрист, 1995. – 127 с.
2. Воронин М. И. Недопустимая допустимость электронных доказательств. Судебная практика и пробелы в УПК // Уголовный процесс. – 2020. – № 10. – С. 46–55.
3. Клевцов К. К. Переписка в мессенджерах как доказательство. Способы получения и оформления // Уголовный процесс. – 2020. – № 10. – С. 42–45.
4. Янин М. Г., Кочедыкова К. М. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Управление в современных системах. – 2019. – № 2 (22). – С. 28–31.
5. Желева О. В. К вопросу о понятии электронных доказательств и критериях допустимости их использования // Уголовная юстиция. – 2021. – № 17. – С. 44–49.
6. Зуев С. В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 618–629.
7. Хисматуллин И. Г. Проблемные вопросы допустимости электронных доказательств в уголовном процессе России // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 65-2. – С. 136–139.
8. Хайдаров А. А. Незаконная практика фиксации личной переписки граждан на мобильных устройствах // Уголовный процесс. – 2017. – № 5. – С. 36–41.
9. Гаас Н. Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4. – С. 28–32.
10. Поляков М. П. Доказательства и цифровая подпись в уголовном процессе: ожидание волшебства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 229–231.

References

1. Kipnis N. M. Dopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve / otv. red. P. A. Lupinskaya. – Moskva: Yurist, 1995. – 127 s.
2. Voronin M. I. Nedopustimaya dopustimost' elektronnykh dokazatel'stv. Sudebnaya praktika i probely v UPK // Ugolovnyy protsess. – 2020. – № 10. – S. 46–55.
3. Klevtsov K. K. Perepiska v messendzherakh kak dokazatel'stvo. Sposoby polucheniya i oformleniya // Ugolovnyy protsess. – 2020. – № 10. – S. 42–45.
4. Yanin M. G., Kochedykova K. M. Problemy sbora, proverki i otsenki elektronnykh dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve // Upravleniye v sovremennykh sistemakh. – 2019. – № 2 (22). – S. 28–31.

5. *Zheleva O. V.* K voprosu o ponyatii elektronnykh dokazatel'stv i kriteriyakh dopustimosti ikh ispol'zovaniya // *Ugolovnaya yustitsiya.* – 2021. – № 17. – S. 44–49.
6. *Zuyev S. V.* O sovremennoy kontseptsii razvitiya informatsionnykh tekhnologiy v ugolovnom sudoproizvodstve (RITVUS) // *Permskiy yuridicheskiy al'manakh.* – 2019. – № 2. – S. 618–629.
7. *Khismatullin I. G.* Problemnyye voprosy dopustimosti elektronnykh dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossii // *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya.* – 2020. – № 65-2. – S. 136–139.
8. *Khaydarov A. A.* Nezakonnaya praktika fiksatsii lichnoy perezpiski grazhdan na mobil'nykh ustroystvakh // *Ugolovnyy protsess.* – 2017. – № 5. – S. 36–41.
9. *Gaas N. N.* Osmotr iz'yatogo mobil'nogo ustroystva: problemy pravoprimeneniya // *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* – 2019. – № 4. – S. 28–32.
10. *Polyakov M. P.* Dokazatel'stva i tsifropis' v ugolovnom protsesse: ozhidaniye volshebstva // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii.* – 2020. – № 1 (49). – S. 229–231.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 13.07.2022.

The article was submitted February 03, 2022; approved after reviewing June 29, 2022; accepted for publication July 13, 2022.

Научная статья
УДК 343.23
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-86-92

Дмитрий Олегович Ляпин

аспирант

<https://orcid.org/0000-0001-5967-6433>, dmitry150515@yandex.ru

*Российский государственный университет правосудия
Российская Федерация, 111558, Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69*

Правовая природа правомерного применения оружия как обстоятельства, исключающего преступность деяния

Аннотация: В статье правомерное применение оружия исследуется в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния. Такой подход не является традиционным для отечественной уголовно-правовой науки, в связи с чем тема исследования характеризуется невысокой степенью разработанности, что и обуславливает её актуальность.

Целью исследования выступает анализ правовой природы правомерного применения оружия как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Методологической основой являются: сравнительно-правовой метод, метод формальной логики, толкования правовых норм.

В статье формулируется ряд общих выводов, в том числе о соотношении понятий «обстоятельство, исключающее преступность деяния» и «обстоятельство, исключающее уголовную ответственность»; о материально-правовой природе норм о некоторых обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, содержащихся в процессуальном законодательстве, а также о том, что деяния, совершаемые при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, не утрачивают общественной опасности.

По итогам исследования автор приходит к следующим частным выводам, касающимся правомерного применения оружия. Правомерное применение оружия является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, поскольку нивелирует материально-правовые основания уголовной ответственности. Правомерное применение оружия относится к обстоятельствам, исключающим преступность деяния в силу того, что отвечает признакам данной группы обстоятельств: оно имеет в своей структуре внешний фактор, обуславливающий причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны, а лицо, причиняющее вред в результате правомерного применения оружия, не является общественно опасным.

Практическая значимость работы заключается в верном определении правовой природы правомерного применения оружия, что позволит избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и иных специальных субъектов за правомерное причинение уголовно релевантного вреда.

Ключевые слова: правомерное применение оружия; обстоятельства, исключающие преступность; специальный статус субъекта; правомерность причиняемого вреда; обстоятельства, исключающие ответственность

Для цитирования: Ляпин Д. О. Правовая природа правомерного применения оружия как обстоятельства, исключающего преступность деяния // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 86–92; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-86-92.

Dmitry O. Lyapin

Graduate

<https://orcid.org/0000-0001-5967-6433>, dmitry150515@yandex.ru

*Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation*

Legal nature of lawful use of weapons as a circumstance excluding criminality of an act

Abstract: The article examines the lawful use of weapons as an independent circumstance that excludes the criminality of the act. This approach is not traditional for domestic criminal law science, and therefore the research topic is characterized by a low degree of elaboration, which determines its relevance.

The purpose of the study is to analyze the legal nature of the lawful use of weapons as an independent circumstance that excludes the criminality of the act.

The methodological basis is: comparative legal method, method of formal logic, interpretation of legal norms.

The article formulates a number of general conclusions, including the relationship between the concepts of «circumstance precluding criminality of an act» and «circumstance precluding criminal liability»; about the substantive nature of the rules on certain circumstances precluding criminal liability contained in procedural legislation, as well as that acts committed in the presence of circumstances those who exclude the criminality of the act do not lose the public danger.

Based on the results of the study, the author comes to the following particular conclusions concerning the lawful use of weapons. The lawful use of weapons is a circumstance excluding criminal liability, since it levels the substantive grounds of criminal liability. The lawful use of weapons refers to circumstances that exclude the criminality of the act due to the fact that it meets the characteristics of this group of circumstances: it has an external factor in its structure that causes harm to the object of criminal protection, and the person causing harm as a result of the lawful use of weapons is not socially dangerous.

The practical significance of the work lies in the correct definition of the legal nature of the lawful use of weapons, which will avoid unjustified criminal prosecution of law enforcement officers, military personnel and other special subjects for the lawful infliction of criminally relevant harm.

Keywords: lawful use of weapons; circumstances precluding criminality; special status of the subject; legality of the harm caused; circumstances precluding liability

For citation: Lyapin D. O. The legal nature of the lawful use of weapons as a circumstance precluding the criminality of the act // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 86–92; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-86-92.

В теории права правовая природа определяется как «юридическая характеристика данного явления, выражающая его специфику, место и функции среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой» [1, с. 227]. Прежде чем приступить к анализу правовой природы правомерного применения оружия как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, каковым оно является в силу наличия уникальных условий правомерности причинения уголовного релевантного вреда¹, необходимо ответить на ряд общих вопросов, связанных с разграничением понятий более высокого порядка, отражающих предусмотренные законом случаи ненаступления уголовной ответственности.

Для обозначения ситуаций² причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, в рамках которых уголовная ответственность не наступает в силу предписаний материально-правовой природы, в науке уголовного права используются два понятия: «обстоятельство, исключающее уголовную ответственность» и «обстоятельство, исключающее преступность

деяния». Под обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность, понимаются «предусмотренные законодательством Российской Федерации ситуации, характеризующие деяние, сходное с преступлением, которые при наличии всех установленных законом условий делают невозможным наступление уголовной ответственности за его совершение» [3, с. 276]. Они включают в себя широкий круг обстоятельств: от невменяемости и отсутствия предмета преступного посягательства до необходимой обороны и исполнения закона.

Правомерное применение оружия является ситуацией, в рамках которой в силу прямого предписания закона причиняется (может быть причинён) вред объекту уголовно-правовой охраны. При этом соответствующий нормативный правовой акт предусматривает конкретные основания применения оружия и требования, предъявляемые к порядку его применения, то есть условия правомерности причинения уголовно релевантного вреда. Вместе с тем в доктрине уголовного права имеется точка зрения, согласно которой нормы о правомерном применении оружия, в отличие от норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, носят процессуальный характер [4, с. 163]. Такое положение дел препятствует отнесению правомерного применения оружия к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность. Од-

¹ О критериях самостоятельности обстоятельство, исключающих преступность деяния, подробнее см.: [2, с. 235–241].

² Здесь и далее обстоятельство, исключающее преступность деяния, будет определяться как ситуация. См., напр.: [3, с. 459].

нако вопрос о процессуальной или материальной природе норм о правомерном применении оружия, а также о материальной природе предписаний об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, требует более подробного рассмотрения.

Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, носят материально-правовой характер в том смысле, что при их наличии отсутствует основание привлечения к уголовной ответственности, прерогативу установления которого имеет уголовное право как материальная отрасль права. По данному критерию обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, отграничиваются от всех иных обстоятельств ненаступления уголовной ответственности, включающих все случаи, в которых лицо, совершившее преступление, не привлекается к уголовной ответственности (смерть виновного, отсутствие заявления о преступлении по делам частного или частно-публичного обвинения и иные)³.

В соответствии с положениями теории права, материальные нормы осуществляют правовое регулирование путём прямого, непосредственного воздействия на общественные отношения, в то время как процессуальные предусматривают процессуальные формы, предназначенные для реализации и защиты материальных норм⁴. Анализ конкретных нормативных предписаний, в частности, предусматривающих модели ситуаций правомерного причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, позволяет прийти к выводу, что одни и те же нормы могут рассматриваться и как материальные, и как процессуальные.

Так, Д. А. Дорогин относит ряд мер процессуального принуждения и следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ)⁵, которые предполагают причинение уголовно релевантного вреда, к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность. Например, действия лиц, осуществляющих в установленном законом порядке контроль телефонных переговоров, внешне схожи с преступлением, предусмотренным ст. 138 УК РФ. Однако очевидно, что должностные лица, осуществляющие контроль телефонных переговоров, действуют правомерно, в строгом соответствии с предписаниями, в данном случае процессуального закона, а по-

тому их действия не являются противоправными и, как следствие, отсутствуют материально-правовые основания для их привлечения к уголовной ответственности⁶.

Положения ст. 186 УПК РФ в той части, в какой они регламентируют процедурные аспекты осуществления предварительного расследования, в частности, проведения конкретного следственного действия, являются процессуальными. При этом в той части, в какой нормы о контроле телефонных переговоров предусматривают полномочие на правомерное причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны (общественным отношениям, связанным с реализацией права на тайну телефонных переговоров), они осуществляют непосредственное воздействие на регулируемые отношения и имеют материально-правовую природу, что позволяет отнести контроль телефонных переговоров к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность.

Вывод о том, что процессуальное законодательство может предусматривать обстоятельства материально-правового характера, исключающие уголовную ответственность, находит подтверждение и в зарубежной уголовно-правовой доктрине. Так, У. Хельманн отмечает, что «уполномочивающие уголовно-процессуальные нормы являются уголовно-правовыми основаниями, исключающими противоправность деяния» [5, с. 404].

Нормы о правомерном применении оружия предусматривают модели ситуаций правомерного причинения вреда с уникальными условиями правомерности и в этой части осуществляют прямое регулирование общественных отношений, наделяя военнослужащих, сотрудников полиции и иных специальных субъектов соответствующими полномочиями, в связи с чем эти нормы имеют материально-правовой характер. Таким образом, правомерное применение оружия отвечает всем признакам, содержащимся в приведённом определении обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, а потому относится к данной группе обстоятельств.

Вместе с тем, как уже было сказано, в доктрине уголовного права используется ещё одно понятие для отражения ситуации правомерного причинения вреда – «обстоятельство, исключающее преступность деяния». Данное понятие, в отличие от обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, является легальным – оно встречается как в УК РФ (наименование гл. 8), так и в УПК РФ – правда, в чуть изменённой формулировке – обстоятельство, исключающее преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1 ст. 73).

Ещё Ю. В. Баулин писал, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, входят в систему обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, в качестве компонента [6, с. 76]. Однако дискуссионным является вопрос, на основании каких критериев обстоя-

³ В рамках системы обстоятельств ненаступления уголовной ответственности помимо обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, можно выделить несколько групп обстоятельств. Подробнее см.: Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: проблемы теории и практики: учебное пособие. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – С. 20–21.

⁴ См., напр.: Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник / 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: Инфра-М, 2021. – С. 229; Кулапов В. Л. Теория государства и права. – Саратов: СГЮА, 2011. – С. 260.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

⁶ Дорогин Д. А. Указ. соч. – С. 89.

тельства, исключают преступность деяния, выделяются в отдельную подсистему.

Д. А. Дорогин полагает, что для выделения обстоятельств, исключают преступность деяния как подсистемы обстоятельств, исключают уголовную ответственность, отсутствуют достаточные основания, и все ситуации, в рамках которых правомерно причиняется вред объекту уголовно-правовой охраны, следует рассматривать как обстоятельства, исключают уголовную ответственность [3, с. 225].

Данная точка зрения представляется спорной. Анализ научной литературы, посвященной исследованию обстоятельств, исключают преступность деяния, позволяет выделить ряд признаков, на основании которых указанные обстоятельства могут быть отграничены от иных обстоятельств, исключают уголовную ответственность. Ключевым признаком выступает наличие в структуре обстоятельства, исключают преступность деяния, внешнего фактора, обуславливающего причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны [7, с. 84].

Причинение вреда в состоянии необходимой обороны вызвано общественно опасным посягательством, в состоянии крайней необходимости – опасностью, угрожающей охраняемым уголовным законом интересам, и т. д. В свою очередь, например, невменяемость как ситуация, характеризующая деяние, внешний фактор в качестве своего элемента не содержит и исключает уголовную ответственность в силу свойств самого лица, причинившего уголовно релевантный вред.

Внешним фактором в структуре правомерного применения оружия как обстоятельства, исключают преступность деяния, выступает одно из нормативно закрепленных оснований применения оружия, с наличием которого правовой акт связывает возникновение соответствующего полномочия.

Данный признак обстоятельств, исключают преступность деяния, обуславливает наличие еще одной характерной для них черты – отсутствие общественной опасности, антисоциальной направленности у лица, причиняющего уголовно значимый вред при их наличии. Так, применительно к причинению вреда в состоянии необходимой обороны В. В. Меркурьев отмечает, что побуждать лицо к оборонительным действиям могут различные мотивы, от чувства самосохранения до чувства долга, однако все их объединяет признак общественной полезности, которая отличает мотивацию обороняющегося лица от преступной мотивации [8, с. 127]. Отсутствие общественной опасности у лица, причинившего уголовно релевантный вред, само по себе не означает, что совершенное им деяние не является общественно опасным. Недаром уголовный закон разделяет категории «общественная опасность деяния» и «общественная опасность лица» (ст. 75, 80¹, примечание 1 ст. 134 УК РФ). Вопрос о том, устраняется ли общественная опасность деяния при наличии обстоятельства, исключают

его преступность, требует отдельного рассмотрения.

В доктрине советского уголовного права считалось, что обстоятельства, исключают преступность деяния, устраняют общественную опасность. Так, по мнению И. И. Слуцкого, при наличии рассматриваемых обстоятельств деяние, формально содержащее признаки какого-либо состава преступления, теряет признаки общественной опасности как универсальной категории, предопределяющей преступность поступка в целом [9, с. 11–12]. Из этого следует, что отсутствие общественной опасности как материального признака преступления автоматически означает и отсутствие его формального признака – противоправности. К такому выводу сегодня приходит А. В. Никуленко, который пишет, что «общественная опасность – коренной, генеральный признак преступления. При её отсутствии противоправность существовать не может, поскольку она, при всей её важности, лишь нормативная форма выражения общественной опасности деяния»⁷. С такой позицией трудно согласиться, поскольку в силу различных обстоятельств (интенсивное развитие общественных отношений, ошибка законодателя, политическая конъюнктура) общественно опасное деяние может быть правомерным, а социально полезное (нейтральное) – противоправным. В истории отечественного уголовного права имели место различные подходы к формулированию определения преступления, однако недаром уголовно-правовая доктрина остановилась на формально-материальной дефиниции⁸.

В свою очередь Ю. В. Баулин считает, что «единство материального (общественная полезность или приемлемость) и формального (правомерность) признаков поступков, подпадающих под внешние признаки какого-либо преступления, позволяет определить и уголовно-правовые последствия их совершения». Это означает, что действия (бездействие), совершенные при наличии обстоятельств, исключают преступность деяния, не являются преступными ни с формальной, ни с содержательной точки зрения, следовательно, такие обстоятельства исключают и общественную опасность, и противоправность как признаки преступления [6, с. 38].

Отсутствие общественной опасности в поступках, совершаемых при наличии обстоятельств, исключают преступность деяния, обосновывается тем, что по своей природе они (поступки) являются социально полезными или нейтральными [6, с. 32]. Однако правильно заметил В. А. Блинников, что уголовно-правовой оценке подлежит не сам факт обороны или крайней необходимости, а причиненный в ре-

⁷ Никуленко А. В. Обстоятельства, исключают преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Никуленко Андрей Вячеславович. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 302.

⁸ См.: Пудовочкин Ю. Е., Дорогин Д. А. Учение о преступлении и о составе преступления. – Москва: РГУП, 2017. – С. 6–7.

зультате действий лица вред объекту уголовно-правовой охраны. Общественная опасность, в свою очередь, и состоит в фактическом причинении или угрозе причинения такого вреда⁹.

Так, действия в состоянии необходимой обороны, в той части, в какой они защищают личность и права обороняющегося или других лиц, охраняемые законом интересы общества или государства, являются, безусловно, общественно полезными. Однако в той части, в какой они причиняют вред объекту уголовно-правовой охраны – жизни и здоровью посягающего – они являются общественно опасными, что следует из господствующего в настоящее время в науке уголовного права понимания общественной опасности как свойства деяния причинять или создавать угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям¹⁰. И то, что эти защитные действия осуществляются в социально полезных целях, никак не может влиять на тот факт, что они причиняют уголовно релевантный вред, следовательно, являются общественно опасными в научном понимании этого признака деяния.

Дополнительным аргументом в пользу данного вывода служит и тот факт, что подобный подход позволяет адекватно решить вопрос о возможности необходимой обороны от посягательства на жизнь при наличии «коллизии жизней», разрешаемой на основании количественного критерия.

«Коллизия жизней» – это ситуация, при которой для спасения одного человека или нескольких людей требуется причинить смерть одному или нескольким другим лицам [10, с. 61]. Оценка правомерности причиняемого вреда в данной ситуации осуществляется по правилам крайней необходимости. В науке уголовного права существуют два подхода к разрешению коллизии жизни: количественный и качественный. Согласно первому, лишение жизни меньшего количества людей для спасения большего является правомерным. На данный момент эта позиция является доминирующей в научной литературе¹¹. Вместе с тем ряд исследователей в области уголовного права исходят из того, что жизнь является абсолютной ценностью, а потому жизнь одного человека не может считаться менее важной, чем жизнь нескольких людей.

А. П. Дмитренко в качестве правового аргумента против использования количественного критерия при разрешении коллизии жизни указывает, что в этом случае лицо, на жизнь которого осуществляется посягательство иными лицами в целях спасения своих жизней, не будет находиться в состоянии необходимой

обороны, поскольку оборона от правомерных действий невозможна¹². Следует согласиться с данной точкой зрения в той части, что лицо, безусловно, должно признаваться находящимся в состоянии необходимой обороны в ситуации, когда два других человека совершают действия, направленные на лишение его жизни для собственного спасения.

Вместе с тем представляется, что отсутствием препятствия для признания правомерным посягательства на жизнь и одновременно правомерной защиты от него в рассматриваемой ситуации, если исходить из того, что действия, причиняющие уголовно релевантный вред в состоянии крайней необходимости, как и при наличии иных обстоятельств, исключают преступность, являются общественно опасными. Это обусловлено тем, что в ситуации необходимой обороны защита осуществляется от общественно опасного, а не преступного посягательства на охраняемые уголовным законом интересы. В связи с этим необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния, будет наличествовать и при защите от не преступного, но общественно опасного посягательства, как это имеет место, например, при защите от причиняющих уголовно релевантный вред действий невменяемого.

Таким образом, поскольку общественная опасность представляет собой свойство деяния, согласно которому оно служит источником вредоносности, выражающейся в причинении или создании угрозы причинения уголовно значимого вреда, она (общественная опасность) будет характеризовать всякое деяние, совершенное при наличии обстоятельства, исключающего преступность деяния, так как в каждой из статей гл. 8 УК РФ имеется указание на фактическое причинение уголовно релевантного вреда¹³. Следовательно, обстоятельства, исключающие преступность деяния, устраняют не общественную опасность, а иные признаки преступления, в результате чего нивелируется преступность деяния.

Рассмотрим данный тезис применительно к правомерному применению оружия. С одной стороны, очевидно, что с учётом летальных характеристик оружия, применяя его, уполномоченный субъект ставит под угрозу жизнь и здоровье лица, в отношении которого оружие применяется. Указанные блага, безусловно, являются объектами уголовно-правовой охраны, а потому даже в случае, если все требования, установленные законом к применению оружия, были соблюдены, но последствием действий субъекта по реализации соответствующего полномочия явилось причинение смерти или вреда

⁹ См.: Блинников В. А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Блинников Валерий Анатольевич. – Нижний Новгород, 2002. – С. 37.

¹⁰ См.: Пудовочкин Ю. Е., Дорогин Д. А. Указ. соч. – С. 8.

¹¹ См.: Блинников В. А. Указ. соч. – С. 240; Гехфенбаум Г. М. Крайняя необходимость в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00. 08 / Гехфенбаум Георгий Михайлович. – Ставрополь, 2002. – С. 148.

¹² См.: Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Дмитренко Андрей Петрович. – Москва, 2010. – С. 423.

¹³ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть : учебник / под ред. Н. Г. Иванова, С. И. Никулина, Б. В. Яценко. – Москва: Экономика, 2010. – С. 378.

здоровью, то такие действия будут общественно опасными.

С другой стороны, деятельность лиц, уполномоченных на применение оружия, направлена на обеспечение общественного порядка, охраняемых уголовным законом интересов и благ и, следовательно, социально полезные цели. Социально полезный характер деятельности не исключает совершения в её рамках действий, результатом которых является наступление общественно опасных последствий. Вместе с тем, применяя оружие в процессе отправления профессиональных функций, лицо действует в строгом соответствии с нормативным правовым актом, предусматривающим возможность (необходимость) причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны посредством применения оружия в конкретной ситуации, в связи с чем такие действия являются правомерными в силу их соответствия требованиям закона, а само лицо не обладает свойством общественной опасности.

Из изложенного следует, что правомерное применение оружия как ситуация правомерного причинения вреда отвечает признакам обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В связи с этим трудно согласиться с С. Е. Бязровым в том, что правовая природа причинения вреда в рамках обстоятельств, закрепленных в гл. 8 УК РФ, отличается от право-

вой природы причинения вреда при реализации полномочия на применение оружия, поскольку такое полномочие возникает в связи со специальным статусом субъекта. В свою очередь обстоятельства, исключающие преступность деяния, по мнению С. Е. Бязрова, предоставляют общее для всех граждан право на уголовно правомерное причинение вреда¹⁴.

Представляется, что ограниченность круга субъектов, на которых конкретное обстоятельство распространяет своё действие, не влияет на наличие или отсутствие у него исключительной преступности деяния природы. Поэтому справедливой представляется точка зрения Ю. В. Баулина, согласно которой некоторые обстоятельства, исключающие преступность деяния, могут характеризоваться очерченным кругом лиц, имеющих право совершить действия по причинению вреда в рамках этих обстоятельств [6, с. 18].

Таким образом, правовая природа правомерного применения оружия состоит в том, что оно является обстоятельством, исключающим преступность деяния, устраняющим противоправность как признак преступления.

¹⁴ См.: Бязров С. Е. Правомерное применение оружия военнослужащим как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бязров Сергей Ефимович. – Москва, 2013. – С. 39.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве : монография / ред. Л. А. Плеханов. – Москва: Юридическая литература, 1989. – 288 с.
2. Ляпин Д. О. К вопросу о критериях самостоятельности обстоятельства, исключающего преступность деяния, на примере правомерного применения оружия // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права : научные труды кафедры уголовного права. – Вып. 10. – Москва: РГУП, 2020. – С. 235–241.
3. Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 618 с.
4. Бязров С. Е. Некоторые вопросы соотношения правовой природы освобождения от уголовной ответственности при причинении вреда при применении оружия военнослужащими внутренних войск МВД России // Общество и право. – 2009. – № 1 (23). – С. 161–168.
5. Хелльманн У. Уголовно-процессуальные полномочия как уголовно-правовые основания исключения противоправности / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Международной научно-практической конференции. – Москва: Проспект, 2013. – С. 404–406.
6. Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – Харьков: Основа. Издво при Харьковском университете, 1991. – 360 с.
7. Клепицкий И. А., Понятовская Т. Г., Рарог А. И., Соктоев З. Б., Цепелев К. Ф. Качество уголовного закона: проблемы Общей части : монография / отв. ред. А. И. Рарог. – Москва: Проспект, 2016. – 288 с.
8. Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. – 216 с.
9. Слуцкий И. И., Шаргородский М. Д. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1956. – 118 с.
10. Плеваков А. М., Шкабин Г. С. Уголовно-правовая оценка ситуаций «коллизия жизней» / Наука уголовного права и совершенствование уголовного законодательства : сборник научных статей по итогам научно-практического семинара в Московском университете МВД России. – Москва: Московский университет МВД России, 2007. – С. 61–66.

References

1. Alekseyev S. S. Obshchiye dozvoleniya i zaprety v sovet-skom prave : monografiya / red. L. A. Plekhanov. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1989. – 288 с.

2. *Lyapin D. O.* K voprosu o kriteriyakh samostoyatel'nosti obstoyatel'stva, isklyuchayushchego prestupnost' deyaniya, na primere pravomernogo primeneniya oruzhiya // Aktual'nyye problemy ugovornogo prava, kriminologii i ugovornogo ispolnitel'nogo prava : nauchnyye trudy kafedry ugovornogo prava. – Vyp. 10. – Moskva: RGUP, 2020. – S. 235–241.
3. *Dorogin D. A.* Obstoyatel'stva, isklyuchayushchiye ugovornuyu otvetstvennost' : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2013. – 618 s.
4. *Byazrov S. Ye.* Nekotoryye voprosy sootnosheniya pravovoy prirody osvobozhdeniya ot ugovornoy otvetstvennosti pri prichinenii vreda pri primeneniі oruzhiya voyennosluzhashchimi vnutrennikh voysk MVD Rossii // Obshchestvo i pravo. – 2009. – № 1 (23). – С. 161–168.
5. *Khel'mann U.* Ugolovno-protseessual'nyye polnomochiya kak ugovorno-pravovyye osnovaniya isklyucheniya protivopravnosti / Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva: Prospekt, 2013. – S. 404–406.
6. *Baulin Yu. V.* Obstoyatel'stva, isklyuchayushchiye prestupnost' deyaniya. – Khar'kov: Osnova. Izd-vo pri Khar'kovskom universitete, 1991. – 360 s.
7. *Klepitskiy I. A., Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I., Soktoev Z. B., Tsepelev K. F.* Kachestvo ugovornogo zakona: problemy Obshchey chasti : monografiya / otv. red. A. I. Rarog. – Moskva: Prospekt, 2016. – 288 с.
8. *Merkur'yev V. V.* Sostav neobkhodimoy oborony. – Sankt-Peterburg: Yurid. tsentr Press, 2004. – 216 с.
9. *Slutskiy I. I., Shargorodskiy M. D.* Obstoyatel'stva, isklyuchayushchiye ugovornuyu otvetstvennost'. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1956. – 118 с.
10. *Pleshakov A. M., Shkabin G. S.* Ugolovno-pravovaya otsenka situatsiy «kolliziya zhizney» / Nauka ugovornogo prava i sovershenstvovaniye ugovornogo zakonodatel'stva : sbornik nauchnykh statey po itogam nauchno-prakticheskogo seminaru v Moskovskom universitete MVD Rossii. – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii, 2007. – S. 61–66.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was submitted May 25, 2022; approved after reviewing June 29, 2022; accepted for publication August 16, 2022.

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-93-97

Навали Магамедович Навалиев

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0001-8011-4849>, navali@inbox.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, д. 1

Нравственные основы привилегий и иммунитетов в уголовном судопроизводстве России

Аннотация: В статье рассматривается принцип равенства всех перед законом и судом. Анализируются исключения, допускаемые Конституцией РФ и УПК РФ из принципа равенства в виде уголовно-процессуальных иммунитетов. Установленные законом иммунитеты исследуются с позиции соответствия нравственным основам уголовного процесса с учётом того, что мерилем нравственности в вопросе соответствия ей уголовно-процессуальных иммунитетов, предоставленных отдельным категориям лиц, являются взаимосвязанные принципы справедливости и равенства. Изучается концепция формального равенства с позиции либертарно-юридической теории права, что позволяет прийти к выводу: неравенство может быть как справедливым, так и нет. В качестве справедливого неравенства выделяются правовые преимущества в виде льгот, предоставляемых лицам для повышения уровня правоспособности, достаточной для реализации общей правосубъектности. Несправедливыми исключениями из принципа равенства являются привилегии, предоставляемые отдельным лицам или категориям лиц. Уголовно-процессуальный иммунитет исследуется с точки зрения обеспечения равенства прав сторон в уголовном судопроизводстве и рассматривается как правовое преимущество перед обвинителем, обусловленное необходимостью обеспечения беспристрастной деятельности субъекта, им обладающего. На основе анализа сущности уголовно-процессуального иммунитета делается вывод, что иммунитет не является привилегией, следовательно, предоставляемые им правовые преимущества соответствуют нравственным основам уголовного процесса.

Ключевые слова: нравственность, справедливость, равенство, уголовный процесс, правовое преимущество, привилегия, льгота, иммунитет.

Для цитирования: Навалиев Н. М. Нравственные основы привилегий и иммунитетов в уголовном судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 93–97; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-93-97.

Navali M. Navaliev

Graduate

<https://orcid.org/0000-0001-8011-4849>, navali@inbox.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Moral foundations of privileges and immunities in criminal proceedings in Russia

Abstract: The article considers the principle of equality of all before the law and the court. The article analyzes the exceptions allowed by the Constitution of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation from the principle of equality in the form of criminal procedural immunities. The immunities established by law are examined from the position of compliance with the moral foundations of the criminal process. Despite the fact that the measure of morality in the question of compliance with criminal procedural immunities granted to certain categories of persons is the interrelated principles of justice and equality. The concept of formal equality is studied from the position of the libertarian-legal theory of law, which allows us to conclude that inequality can be either fair or not. As a fair inequality, legal advantages are highlighted in the form of benefits provided by a person to increase the level of legal capacity sufficient for the realization of general legal personality. Unfair exceptions to the principle of equality are privileges granted to individuals or categories of persons. Criminal procedural immunity is examined from the point of view of ensuring equality of rights of the parties in criminal proceedings and is considered as a legal advantage over the prosecutor, due to the need to ensure the impartial activities of the subject possessing it. Based on the analysis of the essence of criminal procedural immunity, it is concluded that immunity is not a privilege, therefore, the legal advantages provided to them correspond to the moral foundations of the criminal process.

Keywords: morality, justice, equality, criminal procedure, legal advantage, privilege, privilege, immunity.

For citation: Navaliev N. M. Moral foundations of privileges and immunities in criminal proceedings in Russia // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 93–97; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-93-97

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит положения, наделяющие ряд должностных лиц иммунитетами, которые в определённой мере исключают их из сферы действия норм уголовно-процессуального права, при этом в соответствии с частью первой статьи 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом.

В контексте нашего исследования данные положения Конституции РФ интересуют нас в той мере, в какой устанавливают равенство прав и свобод вне зависимости от должностного положения граждан, несмотря на ряд исключений из этого правила, обозначенных в ней самой. Конституционный Суд РФ, оценивая вопросы неприкосновенности судей, отметил: их неприкосновенность является исключением из принципа равенства всех перед законом и судом, что, исходя из позиции Конституционного Суда РФ, обусловлено следующим обстоятельством: общество и государство, предъявляя к указанным лицам и их профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить им дополнительные гарантии надлежащего осуществления их профессиональной деятельности¹.

Таким образом, Конституционный Суд РФ подтвердил правомерность наличия исключений из принципа равенства. Мы же хотим обратиться к вопросу соответствия обозначенных исключений из принципа равенства нравственным основам уголовного процесса Российской Федерации.

Начнём с того, что нравственность – это не только моральная, но и правовая категория [1, 2]. Основными элементами нравственности как правовой категории являются равенство и справедливость [3]. Соответственно, если существующий порядок не соответствует принципам справедливости и равенства, то он безнравственен. Это и будет основой нашей статьи.

Идея формального равенства, зародившаяся в недрах концепции естественного права, в российской правовой науке наибольшую степень разработанности получила в либертарно-юридической теории права. С точки зрения В. С. Нерсесянца, существенными свойствами права являются свобода, справедливость и равенство, причём, по мнению учёного, свобода и справедливость невозможны без равенства [4]. В свою очередь А. В. Поляков, анализируя это мнение, делает вывод, что для В. С. Нерсесянца справедлива лишь равная для всех мера и форма дозволений, запретов и т. д., не допускающая каких-либо привилегий [5, с. 69].

Однако наличие неравенства не означает автоматического признания нарушения принципа формального равенства. Неравенство может быть как справедливым (в этом случае оно понимается как расширение принципа формального равенства), так и несправедливым (и тогда оно предстаёт в виде привилегии) [5, с. 70].

На самом деле люди неравны от природы и неодинаковы ни телом, ни душой, ни духом, считает И. А. Ильин. По мнению учёного, равное отношение к неравным по своей природе людям есть залог несправедливости. Справедливость совсем не требует равенства, она требует предметно-обоснованного

неравенства. Поэтому справедливость есть искусство неравенства [6, с. 236–240]. Например, особый порядок привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, являющийся отступлением от принципа равенства, очевидно, справедлив и соответствует нравственным основам уголовного процесса.

В связи с этим интерес представляет позиция А. В. Красильникова, в соответствии с которой формальный подход к пониманию принципа равенства нельзя понимать как «арифметическое» тождество прав и обязанностей лиц. Формальное равенство предполагает предоставление равной возможности приобретения и осуществления прав и обязанностей для удовлетворения субъектами права своих интересов. Применительно к уголовно-процессуальному праву критерием правового равенства, по мнению учёного, необходимо считать равную праводеспособность².

С точки зрения А. В. Красильникова, необходимой гарантией формального равенства являются правовые нормы, направленные на обеспечение преимущественного положения лиц, уровень (объём) правоспособности которых не позволяет им реализовать правосубъектность, декларированную в общих предписаниях закона³.

Развивая обозначенные умозаключения, учёный делит нормы, предоставляющие права участникам процесса, на две категории: нормы-льготы и нормы-привилегии.

По мнению А. В. Красильникова, льготы призваны обеспечивать человеку возможности иметь и осуществлять предоставленные ему права наравне с другими людьми. То есть изменение объёма и содержания прав и обязанностей конкретного человека позволяет ему обеспечить уровень правоспособности, достаточный для реализации общей правосубъектности. Поэтому льготы необходимо рассматривать как нормы, обеспечивающие преимущественное правовое положение лиц, уровень (объём) правоспособности которых не позволяет им реализовать правосубъектность, декларированную в общих предписаниях закона⁴.

Например, часть 2 статьи 18 УПК РФ предоставляет участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведётся производство по уголовному делу, право бесплатно пользоваться помощью переводчика. Эта норма, устанавливая дополнительное преимущество для лиц, не владеющих русским языком, фактически уравнивает их в уровне правоспособности с лицами, владеющими русским языком, и поэтому она является не привилегией, а льготой.

А. В. Красильников рассматривает привилегию как правовую норму, обеспечивающую преимущественное положение лиц, априори обладающих реальной возможностью приобретения и осуществления прав и обязанностей для реализации общей правосубъектности⁵. При этом учёный приходит к выводу об идентичности понятий «привилегия» и «иммунитет». В его понимании иммунитет есть совокупность привилегий, обеспечивающих преимущественное положение лица, и без того обладающего уровнем праводеспособности, позволяющим

¹ См.: По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А. В. Барбаша : Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22965/ (дата обращения: 04.01.2022).

² Красильников А. В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Красильников Алексей Владимирович. – Москва, 2006. – 243 с. – С. 18–19.

³ Там же. – С. 25.

⁴ Там же. – С. 53.

⁵ Там же. – С. 54.

реализовать общую правосубъектность. Именно это обстоятельство, по его мнению, объединяет привилегии и иммунитеты и, соответственно, отличает их от льгот⁶.

Однако мы считаем, что иммунитет нельзя рассматривать как совокупность привилегий, исключаящих лицо из уголовно-процессуальных отношений. Иммунитет является правовым преимуществом, которым лицо обладает в силу своего должностного положения, однако его преодоление оставляет за этим лицом тот же набор правовых преимуществ, что и у остальных граждан. Уголовно-процессуальный иммунитет является элементом механизма обеспечения беспристрастной деятельности отдельных должностных лиц. Именно поэтому такие процессуальные преимущества нельзя рассматривать в качестве личных привилегий лиц. Так, Конституционный Суд РФ отметил, что судебская неприкосновенность, являясь определенным исключением из принципа равноправия, не означает освобождения от уголовной или иной ответственности, является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, прежде всего, интересов правосудия, призванного, согласно статье 18 Конституции Российской Федерации, обеспечивать права и свободы человека и гражданина⁷.

В данном решении Конституционный Суд РФ проводит границу между привилегией и иммунитетом. Наличие иммунитета обусловлено публичной функцией, выполняемой определённым человеком. Привилегия не обусловлена ничем. Хотя вынуждены заметить, что граница между иммунитетами, привилегиями и льготами подвижна и может меняться в зависимости от самых разнообразных факторов, которые можно проследить только в исторической ретроспективе.

Например, в Великобритании до сих пор сохранилась традиция, когда вновь избранного спикера парламента тащат к председательскому месту, а он делает вид, что сопротивляется. Этот обычай связан с обязанностью спикера передавать мнение палаты общин монарху. Раньше, если король или королева не соглашались с мнением палаты, спикер мог лишиться жизни. Согласитесь, что предоставление иммунитета такому лицу трудно назвать отступлением от принципов права, поскольку он (иммунитет) явился бы средством, ограждающим лицо, им наделённое, от произвола монарха.

В наши дни ситуация изменилась, но означает ли это, что иммунитет таких лиц перешёл в разряд привилегий, нам думается, что нет. Накал политических страстей порой приводит политиков к взаимным обвинениям в самых разных преступлениях, и лишение их иммунитета будет означать допустимость использования средств уголовной репрессии для достижения политических целей. Таких примеров в отечественной истории предостаточно.

Теперь попытаемся разобраться, что подразумевается под принципом равенства. На первый взгляд, ответ на этот вопрос очевиден: равенство –

это когда все равны. Однако применительно к праву, особенно уголовно-процессуальному, такой ответ неприемлем. Равны ли следователь и обвиняемый, прокурор и судья? Очевидно, не равны. Указанные субъекты выполняют разные уголовно-процессуальные функции, и их сравнение с позиции равенства лишено всякого смысла. Нельзя сказать, что наличие у следователя права предъявить обвинение и отсутствии такого права у обвиняемого или суда делают их неравными.

Неравными указанные субъекты будут в том случае, если, например, за совершение одного и того же преступления один из них будет привлечён к уголовной ответственности, а другой нет. Поэтому правовые нормы в совокупности должны обеспечивать формальное равенство лиц, представших перед судом, вне зависимости от их должностного статуса, имущественного положения и т.д.

Здесь вроде бы все очевидно – все люди должны быть равны перед судом. Наличие же у одного из них преимуществ по сравнению с любым другим человеком, попавшим в такую же ситуацию, а применительно к предмету нашей статьи, под подозрение в совершении преступления, говорит об отступлении от принципа равенства.

В соответствии с частью 3 статьи 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

В уголовном судопроизводстве это конституционное предписание нашло отражение в части 4 статьи 15 УПК РФ, где указано, что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Таким образом, принципиально важный для уголовно-процессуальной науки вопрос заключается не в том, равны ли все, а в том, как добиться равенства прав сторон уголовного процесса для обеспечения его состязательности, которая, в свою очередь, являясь неотъемлемым элементом принятия справедливого судебного решения, позволит суду установить истину по делу и разрешить возникший уголовно-правовой конфликт.

Доведя ситуацию до высшей точки условности, мы увидим, что человек, обвинивший другого человека в совершении преступления, не равен ему: они обладают разными правами и обязанностями, многие из которых даже не коррелируют друг с другом. Например, право заявить о преступлении не влечёт за собой обязанности опровергнуть сделанное заявление. Более того, в данной ситуации сторона защиты наделена куда большим объёмом прав и практически не имеет никаких обязанностей.

Однако юридическое неравенство людей, обусловленное их правовым статусом (обвиняемый или обвинитель), вряд ли кто-то будет рассматривать как отступление от принципа равенства, гарантированного статьёй 19 Конституции РФ. Обвинитель и обвиняемый должны быть равны перед судом – это аксиома, отступление от требований которой означает лишение права на справедливый суд, что не соответствует нравственным началам уголовно-процессуальной деятельности. Однако речь идёт не о фактическом равенстве, а о равенстве формальном.

К. Б. Калиновский считает, что существует соблазн провозгласить принципом состязательного процесса не формальное, а фактическое равенство сторон. Однако фактического равенства сторон быть не может, так как стороны обвинения и защиты всегда неравны. Никак нельзя признать равными государственный орган с его возможностями и частное лицо. Даже если обвинителем является потерпевший, то он всегда отличается от обвиняемого по целому ряду характеристик: психофизическим особенно-

⁶ Там же. – С. 56–68.

⁷ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г. Н. Белюсовой, Г. И. Зиминной, Х. Б. Саркитова, С. В. Семак и А. А. Филаговой : Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75322/ (дата обращения: 04.01.2022).

стям, социальному статусу, опыту, правосознанию, финансовым возможностям. К тому же следственная ситуация всегда благоприятна либо для защиты, либо для обвинения. А самое главное, что обвинение и защита не могут и не должны быть фактически равны в процессе прежде всего потому, что они утверждают разные тезисы, а истина одна⁸.

Таким образом, юридическое равенство сторон обвинения и защиты обеспечивается благодаря процессуальным преимуществам, предоставляемым стороне защиты. Процессуальные преимущества (*in favorem defensionis*), предоставляемые обвиняемому, можно рассматривать в качестве льгот, направленных на увеличение объёма его правоспособности до уровня, необходимого для отстаивания своей позиции с целью установления истины по делу [9; 10].

Возникает вопрос: все ли категории граждан должны обладать равным набором правовых преимуществ перед стороной обвинения? Очевидно, не все, и именно поэтому в Уголовно-процессуальный кодекс РФ включены особенности производства следственных и иных процессуальных действий в отношении отдельных категорий лиц, начиная с несовершеннолетних и заканчивая президентом, прекратившим исполнение своих обязанностей.

Конечно, можно вспомнить, что несовершеннолетним предоставляются уголовно-процессуальные льготы, а, например, президент, прекративший исполнение своих обязанностей, депутат или судья и без уголовно-процессуальных льгот имеют возможности осуществлять свои субъективные права наравне с другими лицами.

А. В. Красильников делает вывод, что фактически, указанные категории лиц изъяты из-под действия целого ряда общих предписаний уголовно-процессуального закона вопреки требованиям правового равенства⁹.

Позволим себе не согласиться с указанным мнением. Так, если рассматривать иммунитет того же судьи в контексте равноправия сторон обвинения

и защиты, то его наличие продиктовано не благодарностью за выполняемую им социально-важную функцию, как принято думать по этому поводу, а реальностью, в которой участники судебных разбирательств, недовольные решением судьи (а одна из сторон практически всегда остаётся неудовлетворённой решением суда), списывают это на коррупционную составляющую или же просто могут пойти на компрометацию судьи, которому, чтобы независимо и беспристрастно продолжить выполнять свои функции, требуются дополнительные гарантии защиты.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Нравственность – это правовая категория, основными элементами которой являются равенство и справедливость. Таким образом, если установленные законом уголовно-процессуальные иммунитеты не соответствуют принципам справедливости и равенства, то они безнравственны.

2. Принцип формального равенства, не допускающий наличия у определённых лиц или групп лиц каких-либо привилегий, не предполагает количественного подхода для определения наличия или отсутствия привилегий у таких лиц.

3. Принцип формального равенства предполагает равную правдееспособность, реализация которой обеспечивается наличием определённых правовых преимуществ, направленных на устранение фактического неравенства людей юридическими средствами.

4. Юридическое равенство сторон обвинения и защиты обеспечивается благодаря процессуальным преимуществам, предоставляемым стороне защиты.

5. Иммунитет нельзя рассматривать в качестве совокупности привилегий, исключающих лицо из уголовно-процессуальных отношений. Иммунитет является правовым преимуществом, которым лицо обладает в силу своего должностного положения, являясь элементом механизма обеспечения беспристрастной деятельности отдельных должностных лиц.

6. Можно сделать вывод, что наличие в уголовном судопроизводстве категорий должностных лиц, наделённых уголовно-процессуальным иммунитетом, соответствует принципам равенства и справедливости как основам нравственности уголовно-процессуальной деятельности.

⁸ Калиновский К. Б. Законность и типы уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Калиновский Константин Борисович. – Москва, 2006. – 207 с. – С. 76.

⁹ Красильников А. В. Указ. соч. – С. 68.

Список литературы

1. Антонов И. А., Антонова Л. Г. Концепция нравственного совершенствования уголовного судопроизводства: достижения науки и решение законодателя / Юридическая наука и юридическое образование : сборник научных трудов, посвящённый 55-летию профессора Э. П. Григониса. – Санкт-Петербург: ООО «Межотраслевой научно-издательский и образовательный центр», 2017. – С. 70–75.
2. Алексеева Е. Э. Нравственные основы уголовного судопроизводства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 87–91.
3. Антонов И. А. Уголовно-процессуальная деятельность: нравственно-правовые критерии её оценки // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2 (28). – С. 29–33.
4. Нерсисянц В. С. Типология правопонимания // Право и политика. – 2001. – № 10. – С. 4–14.
5. Поляков А. В. Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 6 (323). – С. 57–76.
6. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 3. – Москва: Русская книга, 1994. – 592 с.
7. Гребнева Н. Н. Нравственные основы доказывания в уголовном процессе России // Современные наукоёмкие технологии. – 2010. – № 10. – С. 245–247.
8. Кабельков С. Н., Захохов З. Ю. Моральные аспекты оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 68–72.
9. Алексеев И. М., Данильян А. С. Достижение истины как цель доказывания в уголовном судопроизводстве России // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 4 (42). – С. 39–42.

10. Алексеев И. М. Методологические основы единообразного применения законов в сфере уголовного судопроизводства / Теория и практика расследования преступлений : сборник трудов конференции. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 358–363.

References

1. Antonov I. A., Antonova L. G. Kontsepsiya npravstvennogo sovershenstvovaniya ugovolnogo sudoproizvodstva: dostizheniya nauki i resheniye zakonodatelya / Yuridicheskaya nauka i yuridicheskoye obrazovaniye : sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 55-letiyu professora E. P. Grigonisa. – Sankt-Peterburg: ООО «Mezhotraslevoy nauchno-izdatel'skiy i obrazovatel'nyy tsentr», 2017. – S. 70–75.

2. Alekseyeva Ye. E. Npravstvennyye osnovy ugovolnogo sudoproizvodstva // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. – 2021. – № 1. – S. 87–91.

3. Antonov I. A. Ugovolno-protsessual'naya deyatel'nost': npravstvenno-pravovyye kriterii yeyë otsenki // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 2 (28). – S. 29–33.

4. Nersesyants V. S. Tipologiya pravoponimaniya // Pravo i politika. – 2001. – № 10. – S. 4–14.

5. Polyakov A. V. Priznaniye prava i printsip formal'nogo ravenstva // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 2015. – № 6 (323). – S. 57–76.

6. Il'in I. A. Poyushcheye serdtse. Kniga tikhikh sozertsaniy // Sobraniye sochineniy: V 10 t. – T. 3. – Moskva: Russkaya kniga, 1994. – 592 s.

7. Grebneva N. N. Npravstvennyye osnovy dokazyvaniya v ugovolnom protsesse Rossii // Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii. – 2010. – № 10. – S. 245–247.

8. Kabel'kov S. N., Zakhokhov Z. Yu. Moral'nyye aspekty otsenki dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2010. – № 1 (12). – S. 68–72.

9. Kalinovskiy K. B. Zakonnost' i tipy ugovolnogo protsesa: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09 / Kalinovskiy Konstantin Borisovich. – Moskva, 2006. – 207 s.

10. Alekseyev I. M., Danil'yan A. S. Dostizheniye istiny kak tsel' dokazyvaniya v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (42). – S. 39–42.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 13.07.2022.

The article was submitted February 08, 2022; approved after reviewing June 29, 2022; accepted for publication July 13, 2022.

Научная статья
УДК 343.141
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-98-104

Екатерина Сергеевна Переверзева

кандидат экономических наук

<https://orcid.org/0000-0002-0062-1881>, katkatrin200@mail.com

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Андрей Васильевич Комов

<https://orcid.org/0000-0001-6388-389X>, kotoff.andrei2017@yandex.ru

УМВД России по Курской области

Российская Федерация, 305000, Курск, ул. С. Саровского, д. 2

Особенности предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности в виде компьютерных следов органу предварительного расследования по экономическим преступлениям

Аннотация: В последнее десятилетие наблюдается значительный рост преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, что требует проработать новый теоретический подход в понимании механизма слеодообразования виртуальных следов. По вышеуказанным причинам особую актуальность при выявлении, раскрытии и расследовании экономических преступлений приобретают компьютерные следы, специальные познания об особенностях которых могут повлечь уничтожение, повреждение или изменение имеющейся на них информации. В период 2010–2020 гг. количество преступлений, совершенных с использованием высоких технологий, выросло более чем в 35 раз при одновременном снижении количества совершённых экономических преступлений (на 162 %). Анализ этих статистических данных и причин, тому способствовавших, даёт возможность установить взаимосвязь между количественными изменениями совершённых экономических преступлений и преступлений, совершенных с использованием высоких технологий. В статье раскрыты наметившиеся тенденции развития экономической преступности в условиях компьютеризации общественных отношений, рассмотрена роль результатов оперативно-розыскной деятельности в виде компьютерных следов в процессе доказывания и особенности их предоставления с учётом устоявшейся судебной практики в зависимости от особенностей регионов.

Авторы приходят к выводу, что в настоящее время сформировалась устойчивая позиция, согласно которой результаты оперативно-розыскной деятельности сами по себе не являются доказательствами, а становятся таковыми лишь после придания им уголовно-процессуального статуса посредством производства следственных действий, и что необходимо внесение изменений в действующий совместный приказ, регламентирующий порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: компьютерные следы, экономические преступления, киберпреступность, слеодообразование, криминалистическое обеспечение.

Для цитирования: Переверзева Е. С., Комов А. В. Особенности предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности в виде компьютерных следов органу предварительного расследования по экономическим преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 98–104; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-98-104.

Ekaterina S. Pereverzeva

Cand. Sci. (Econ.)

<https://orcid.org/0000-0002-0062-1881>, katkatrin200@mail.com

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Andrey V. Komov

<https://orcid.org/0000-0001-6388-389X>, komoff.andrei2017@yandex.ru

UMVD of Russia across Kursk region
2, str. S. Sarovskogo, Kursk, 305000, Russian Federation

Features of providing the results of operational search activities in the form of materialized digital traces to the body of preliminary investigation of economic crimes

Abstract: Over the past decade, there has been a significant increase in crimes committed using high technologies, which requires working out a new theoretical approach to understanding the mechanism of the formation of virtual traces. For the above reasons, computer traces acquire special relevance in the identification, disclosure and investigation of economic crimes, special knowledge about the features of which may entail the destruction, damage or modification of the information available on them. In the period from 2010 to 2020, the number of crimes committed using high technologies increased by more than 35 times, while the number of economic crimes committed decreased (by 162%). In the course of a detailed analysis of statistical data and the reasons that contributed to this, it is possible to establish a relationship between quantitative changes in economic crimes committed and crimes committed with the use of high technologies. The article reveals the emerging trends in the development of economic crime in the conditions of computerization of public relations, examines the role of the results of operational investigative activities in the form of computer traces in the process of proving and the specifics of their provision, taking into account established judicial practice, depending on the characteristics of the regions.

The authors come to the conclusion that at present a stable position has been formed, according to which the results of operational-search activity in themselves are not evidence, but become such only after they have been given criminal procedural status through the production of investigative actions, and that it is necessary to amend the current a joint Order regulating the procedure for presenting the results of operational-search activities;

Keywords: computer traces, economic crimes, cybercrime, trace formation, forensic support.

For citation: Pereverzeva E. S., Komov A. V. Features of providing the results of operational search activities in the form of materialized digital traces to the body of preliminary investigation of economic crimes // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3. (95). – P. 98–104; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-98-104.

О значимости обеспечения экономической безопасности в системе национальной безопасности любой страны проведено сотни исследований, что не может не подчеркивать важность изучения особенностей противодействия экономическим преступлениям. В своём выступлении 12 января 2021 года глава МВД России В. А. Колокольцев указал на необходимость укрепления позиций в противодействии экономической преступности¹.

В январе-октябре 2020 года сотрудниками МВД России было выявлено 96,1 тыс. преступлений (по 86,3 тыс. преступлений вследствие обязательно), за аналогичный период 2019 года было выявлено 97,1 тыс. преступлений (по 86,8 тыс. преступлений вследствие обязательно). При аналогичном сравнении 2019 и 2018 годов также

следует, что произошло снижение выявленных преступлений экономической направленности (с 109,5 тыс. до 104,9 тыс.)².

При этом стоит обратить внимание на одно обстоятельство – на рост процентного содержания в общей структуре преступлений экономической направленности тех, по которым следствие обязательно. Так в 2018 году их соотношение составляло 88,8 %, в 2020 году – 89,8 %. Ряд экспертов связывает этот рост со скачкообразностью развития преступности в целом и в сфере экономики в частности. Однако нужно учесть, что в 2020 году по сравнению с 2019-м произошел резкий рост (на 75,1 %) преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, применение которых в последнее десятилетие активно внедряется в экономическую сферу страны

¹ Владимир Александрович Колокольцев: Рост тяжкой преступности в России обусловлен увеличением числа киберпреступлений [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – 2021. – 12 янв. – URL: <https://www.mvd.ru/speech/item/22548863> (дата обращения: 07.05.2022).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–октябрь 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – 2020. – 23 нояб. – Режим доступа: <https://mvd.ru/reports/item/21933965> (дата обращения: 07.05.2022).

(национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», федеральный проект «Цифровые технологии», федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»)³. Руководителем лаборатории компьютерной криминалистики международной компании Group-IB Валерием Баулиным также отмечалось, что количество экономических преступлений в Российской Федерации в последующие периоды возрастёт, и одним из факторов такого роста названо использование высоких технологий. Поэтому можно сделать вывод не о временном скачкообразном изменении экономической преступности в Российской Федерации, а о её усложнении и увеличении числа тяжких преступлений в связи с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Этим будет объясняться и рост тяжести данного рода преступлений (возросло также количество экономических преступлений, совершаемых в составе организованных преступных групп и группой лиц по предварительному сговору), а также общее снижение числа выявленных таких преступлений на фоне неэффективного снижения и эффективно проводимых профилактических мероприятий, а усложнения их выявления и документирования.

Специфика экономической преступности заключается в том, что главенствующее положение по отношению к раскрытию имеет выявление. В связи с тем, что экономические преступления совершают преимущественно лица, имеющие высокий профессиональный уровень, на фоне цифровизации общественных отношений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий их рост будет неизбежен. Следовательно, только уголовно-процессуальными мерами осуществлять противодействие данной разновидности преступности не представляется возможным, так как доказательственная база по большей части может быть собрана лишь при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Так как речь идёт о цифровизации общественных отношений и использовании информационно-телекоммуникационных технологий при совершении экономических преступлений, особое значение будут иметь компьютерные следы, обнаруженные в результате оперативно-розыскной деятельности, которые могут в себе нести информацию, имеющую доказательственное значение. Именно поэтому стоит рассмотреть порядок и особенности предоставления компьютерных следов по экономическим преступлениям органу предварительного расследования.

Перед этим необходимо разделить компьютерные следы в зависимости от значимости решаемых задач и согласиться со следующим вариантом, предложенным С. В. Зуевым с учетом терминологического несовпадения [7]:

³ Справочная информация: «Перечень национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/ (дата обращения: 07.05.2022).

а) первичная электронная оперативная информация, которая может быть получена оперативным сотрудником при изучении электронной почты, контактов мобильной телефонной связи, SMS-сообщений, интернет-пространства (страниц пользователей социальных сетей, сайтов, порталов) и т.д.;

б) электронная информация, получаемая в ходе оперативно-розыскных мероприятий (наблюдение с применением технических средств фиксации, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации, оперативный эксперимент или проверочная закупка, в рамках которых проводилась аудио- и видеозапись) [8].

Также необходимо обратить внимание на то, что, согласно п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, «результаты оперативно-розыскной деятельности – это сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом “Об оперативно-розыскной деятельности”⁴, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда»⁵. Данная формулировка понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» всячески оспаривается рядом учёных, но в связи с тем, что объектом данного исследования являются другие проблемы, носящие прикладной характер, мы будем придерживаться позиции, закреплённой в уголовно-процессуальном законодательстве.

Возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам закреплена в ст. 89 УПК РФ. Следует обратить внимание на формулировку диспозитивной части: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Ряд выдающихся криминалистов считает данную формулировку не достаточно подходящей. Так, А. Ф. Волынский замечает, что «в настоящее время наша страна, пожалуй, единственная даже из бывших союзных республик, в уголовно-процессуальном законодательстве которой фактически создан искусственный барьер во взаимодействии следователя с оперативно-розыскными аппаратами. А как еще можно рассматривать редакцию ст. 89 УПК РФ, в которой как главное – основное положение (с этого начинается ее содержание) обозначается: “В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности...” Правда, далее говорится об условиях, при которых все-таки допускается исключение из

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

этого “правила”. В таком виде она дезориентирует следователей и оперативных работников, негативно сказывается на их взаимодействии, на позитивной мотивации их совместной деятельности, а соответственно, на её результатах», подчёркивает автор [6]. С данной позицией А. Ф. Волынского следует согласиться и дополнить её нижеуказанными выводами.

Действительно, формулировка диспозитивной части, начинающаяся с указания на запрет, ставит определённый барьер и вносит неясность, что можно предоставлять, а что нет. В то же время, если подвергнуть анализу ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», результаты оперативно-розыскной деятельности органу предварительного расследования могут предоставляться в следующих случаях:

- подготовки и осуществления следственных действий;
- для проведения предварительной проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ;
- для использования в доказывании по уголовному делу.

Из данного нормативного правового акта становится понятна цель предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности. При этом стоит понимать различие в предоставлении цифровых носителей (оптические диски, флеш-накопители) и информации, содержащейся на них (аудио-, видеозаписи, фотоизображения, переписка и так далее), а также результатов оперативно-розыскных мероприятий, которые связаны с ограничением конституционных прав, и тех, которые были проведены без ограничения таких прав.

Абзац 4 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в части порядка предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности отсылает к ведомственному нормативному правовому акту, которым является Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г.⁶ (далее – Приказ).

Согласно п. 6 данного Приказа, результаты оперативно-розыскной деятельности предоставляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности. Думается, стоит более детально рассмотреть порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности со стороны следователя (дознвателя) как субъекта, фиксирующего и оценивающего компьютерные следы, исходя из чего, он делает вывод о содержащихся в них признаках состава преступления экономического характера.

⁶ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. (Зарегистрировано в Минюсте России 5 декабря 2013 г. № 30544) // Российская газета. – 2013. – 13 дек. – № 282.

Следователь (дознатель) при фактическом получении результатов оперативно-розыскной деятельности обязан проверить законность проведения оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых были и получены предоставляемые результаты, что отмечено в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8⁷. В первую очередь необходимо проверить законность проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивали конституционные права граждан. С этой целью оперативным сотрудником, предоставляющим результаты оперативно-розыскной деятельности, выдаются, согласно Приказу: заверенная копия судебного решения, которым ограничивается конституционное право гражданина; оригинал постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. При этом следователь (дознатель) должен убедиться, что данные постановления рассекречены (вынесены соответствующие постановления об их рассекречивании) и имеются в списке предоставляемых документов, указанных в постановлении о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности, а также в сообщении о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности.

В рассматриваемой ситуации следует обратить внимание на факты, имевшие место в практической деятельности, возможность возникновения которых нельзя исключить в дальнейшем. Согласно Приказу, сотрудник оперативного подразделения предоставляет именно копию судебного решения и оригинал постановления, вынесенного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. При этом результаты оперативно-розыскной деятельности (в частности, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативный эксперимент) были предоставлены частично, так как еще могли на момент предоставления проводиться, вместе с вышеуказанным оригиналом сопутствующего документа и, естественно, копии судебного решения. При предоставлении оставшейся части результатов проводимого оперативно-розыскного мероприятия, цель которого (предоставление) может быть иной (не для проведения проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ, а для использования в качестве доказывания по уголовному делу), согласно Приказу, необходимо снова предоставлять те же самые документы, которые были уже ранее предоставлены. Фактически это невозможно, так как, например, постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» уже было до этого рассекречено и предоставлено в орган предварительного расследования в оригинале. Получается абсурд, так как второй раз оперативный сотрудник оригинал предоставить не может. В данной

⁷ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 3 марта 2015 г.) // Российская газета. – 1995. – 28 дек. – № 247.

ситуации он либо предоставляет копию данного документа, либо вообще его не предоставляет, что более логично, так как он уже предоставлен и имеется в материале проверки или в материалах уголовного дела. В обоих случаях наблюдается неполное соответствие Приказу. Также повторное предоставление копий судебного решения теряет всякий смысл.

В связи с вышеизложенным, целесообразно в Приказ добавить абзац следующего содержания: «Основание проведения оперативно-розыскного мероприятия, а также копия судебного решения об ограничении конституционного права, в рамках одного и того же оперативно-розыскного мероприятия, предоставляется органу предварительного расследования один раз».

При принятии результатов оперативно-розыскной деятельности следователь (дознатель) также должен обратить внимание на формулировки и их содержание в тексте постановления о рассекречивании и предоставлении. Следует логически разделять цифровые объекты и информацию, содержащуюся на них. Поэтому рассекречены должны быть не только цифровые объекты, но и указанная информация. При предоставлении цифровых объектов в постановлении о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности, а также в постановлении о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, должен быть указан объём сначала рассекреченной, а затем уже и предоставляемой информации. Естественно он должен совпадать не только в постановлениях, но и фактически. В действующем Приказе отсутствует требование об указании объёма предоставляемой цифровой информации, что выглядит неправильным, так как на данное соответствие должен обращать внимание следователь (дознатель).

В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным добавить в Приказ абзац следующего содержания: «В постановлении о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну и их носителей, а так же в постановлении о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности, которыми рассекречиваются и предоставляются соответственно цифровые объекты, необходимо указывать объём содержащейся на них информации».

Следующим спорным вопросом, возникающим в практической деятельности при предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности по преступлениям экономической направленности, является подготовка стенограммы предоставляемых аудиозаписей, записанных на цифровых носителях информации. По факту данный процесс связан с переводом имеющихся компьютерных следов в материальные [7], то есть можно говорить о материализации данных следов, так как появляется возможность ознакомиться с информацией, содержащейся на них, без использования цифровых устройств. При этом стоит понимать, что объём данной информации будет неполным, так как материализовать эмоции, интонацию, посторонние шумы в привыч-

ной и понятной письменной форме невозможно. Одновременно с этим следует понимать, что преступления экономической направленности часто носят длящийся характер, совершаются в составе группы лиц по предварительному сговору или в составе организованных преступных групп или даже сообществ, что требует длительного периода документирования, в том числе и в негласном режиме, с использованием всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий. Именно поэтому объём аудиозаписей может исчисляться во временном интервале не часами, а даже сутками, и подготовка стенограмм к ним займёт длительное время. В межведомственном Приказе не указана обязанность предоставлять стенограммы аудиозаписей. При расследовании уголовного дела следователь (дознатель) в ходе проведения осмотра цифрового объекта (оптический диск, флеш-накопитель) в протокольной форме подготавливает стенограмму, что будет иметь уже доказательственное значение. Практика ряда субъектов Российской Федерации складывается таким образом, что где-то сотрудники оперативных подразделений подготавливают стенограмму и предоставляют её в орган предварительного расследования, а где-то это относится к прерогативе следователя (дознателя), но в любом случае следователь (дознатель) производит осмотр цифрового объекта, в ходе которого в протокольной форме будет отмечать стенограмму. Таким образом, именно следователь (дознатель) является ведущим в материализации компьютерных следов, так как стенограмма, предоставляемая оперативными сотрудниками, имеет информационно-ориентирующий характер, но не доказательственное значение, в отличие от протокола осмотра.

Стоит также обратить внимание на оспариваемость возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности, представляемых в виде компьютерных следов в качестве доказательств по уголовному делу. Для лучшего понимания использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам экономической направленности и оспариваемых моментов следует рассмотреть соответствующую судебную практику.

Так, гражданин Р. В. Хамзин оспаривал конституционность ст. 89 УПК РФ, указывая, что следует считать недопустимыми доказательствами результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные оперативными сотрудниками после того, как они были допрошены по уголовному делу, так как приобрели статус свидетелей⁸. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что действительно, согласно п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ судья, прокурор, следователь, начальник органа дознания, начальник подразделе-

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хамзина Рустама Валерияновича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 61, частью первой статьи 62 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2020 г. № 2601-О // СПС КонсультантПлюс.

ния дознания, дознаватель не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он является свидетелем по данному уголовному делу. Также было отмечено, что собирание доказательств в уголовном судопроизводстве осуществляется посредством производства следственных и иных процессуальных действий, а не посредством оперативно-розыскных мероприятий (ст. 86 УПК РФ). Проведение оперативно-розыскных мероприятий оперативными сотрудниками не означает, что они занимаются производством предварительного расследования и являются дознавателями (ст. 41 УПК РФ). Ст. 56 УПК РФ позволяет допрашивать в качестве свидетелей оперативных сотрудников, если им могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, что также ранее было отмечено в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 года № 1435-О. Конституционный Суд Российской Федерации по аналогичным жалобам неоднократно отмечал, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путём, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона⁹. Рассматриваемая ситуация имеет отношение прежде всего к дополнительно предоставляемым результатам оперативно-розыскных мероприятий, которые

предоставляются с целью использования в доказывании. По временным интервалам данное предоставление, а также само проведение оперативно-розыскных мероприятий, действительно может осуществляться уже после того, как были допрошены оперативные сотрудники. Подобная позиция суда имеет и практическое значение и не подрывает основы оперативного сопровождения при расследовании уголовных дел экономической направленности, так как их специфика такова, что после возбуждения уголовного дела лица, даже имеющие уже статус подозреваемых или обвиняемых, продолжают заниматься данной преступной деятельностью. Анализ показывает, что устоялась практика использования результатов оперативно-розыскной деятельности после придания им уголовно-процессуальной окраски посредством проведения следственных действий. Например, предоставляемый оптический диск с аудиозаписями как результат проведения оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» будет являться доказательством и использоваться в процессе доказывания лишь после проведения следственного действия «осмотр», о чём выше было уже сказано.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

- в настоящее время наблюдается и прогнозируется рост тяжести экономической преступности, её усложнение, что связано с цифровизацией общественных отношений;

- огромное практическое значение в процессе доказывания по уголовным делам экономической направленности имеют компьютерные следы, предоставляемые в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности;

- исходя из практических реалий, необходимо внесение изменений в действующий совместный приказ, регламентирующий порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности;

- анализ судебной практики показал, что сформировалась устойчивая позиция, согласно которой результаты оперативно-розыскной деятельности сами по себе не являются доказательствами, а становятся таковыми лишь после придания им уголовно-процессуального статуса посредством производства следственных действий.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Скворцовой Татьяны Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями части третьей статьи 56, части второй статьи 63 и пункта 1 части второй статьи 401.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № 1435-О // СПС КонсультантПлюс; По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О // СПС КонсультантПлюс; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шкабары Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2013 г. № 497-О // СПС КонсультантПлюс.

Список литературы

1. *Абдуллаева К. Н., Курбанова А. М.* Виды компьютерных сетей и их назначение / Дагестан-IT-2016 : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»; УДПО «Махачкалинский центр повышения квалификации». 2016. – С. 132–136.
2. *Борзенков П. Е.* К вопросу о внедрении категории «виртуальные следы преступления» в систему криминалистики / Современная наука: актуальные вопросы, достижения, инновации : сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2018. – С. 151–154.
3. *Ищенко Е. П.* Криминалистика: главные направления развития / Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. – Иркутск: Издательство БГУЭП, 2012. – С. 201–209.
4. *Кардашевская М. В.* Возможности использования информационных технологий при раскрытии преступлений / Компьютерные технологии в юриспруденции: генезис и перспективы : материалы I Международной межвузовской научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. – С. 62–64.

5. *Колычева А. Н.* Механизм слеодообразования в сетевом пространстве // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2019. – Т. 1. – № 1 (1). – С. 268–274.
6. *Волынский А. Ф.* Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. – 2016. – № 1. – С. 7–11.
7. *Комов А. В.* Понятие и сущность виртуальных следов / Белгородские криминалистические чтения : сборник научных трудов. – Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И. Д. Путилина, 2019. – С. 322–327.
8. Основы теории электронных доказательств : монография / под ред. С. В. Зуева. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – С. 312–313.
9. *Черкасов В. Н., Нехорошев А. Б.* Виртуальные следы в «кибернетическом пространстве» / Судебная экспертиза : межвуз. сб. науч. ст. – Вып. 2. – Саратов: СЮИ МВД России. 2003. – С. 28–33.
10. *Яблоков Н. П.* О некоторых особенностях криминалистической тактики расследования преступлений в условиях цифрового мира / Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам 12-й Всероссийской научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярская региональная общественная организация «Общественный комитет по защите прав человека», 2019. – С. 372–379.

References

1. *Abdullayeva K. N., Kurbanova A. M.* Vidy komp'yuternykh setey i ikh naznachenije / Dagestan–IT–2016 : sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Makhachkala: FGBOU VO «Dagestanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet»; UDPO «Makhachkalinskiy tsentr povysheniya kvalifikatsii». 2016. – S. 132–136.
2. *Borzenkov P. Ye.* K voprosu o vnedrenii kategorii «virtual'nyye sledy prestupleniya» v sistemu kriminalistiki / Sovremennaya nauka: aktual'nyye voprosy, dostizheniya, innovatsii : sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Penza: MTSNS «Nauka i prosveshcheniye», 2018. – S. 151–154.
3. *Ishchenko Ye. P.* Kriminalistika: glavnyye napravleniya razvitiya / Ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf. – Irkut-sk: Izdatel'stvo BGUEP, 2012. – S. 201–209.
4. *Kardashevskaya M. V.* Vozmozhnosti ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy pri raskrytii prestupleniy / Komp'yuternyye tekhnologii v yurisprudentsii: genezis i perspektivy : materialy I Mezhdunarodnoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2020. – S. 62–64.
5. *Kolycheva A. N.* Mekhanizm sleodoobrazovaniya v setevom prostranstve // Sovremennoye ugolovno-protsessual'noye pravo – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya. – 2019. – Т. 1. – № 1 (1). – S. 268–274.
6. *Volynskiy A. F.* Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy: problemy i puti resheniya // Rossiyskiy sledovatel'. – 2016. – № 1. – S. 7–11.
7. *Komov A. V.* Ponyatiye i sushchnost' virtual'nykh sledov / Belgorodskiy kriminalisticheskiye chteniya : sbornik nauchnykh trudov. – Belgorod: Belgorodskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. I.D. Putilina, 2019. – S. 322–327.
8. Основы теории электронных доказательств : монография / под ред. С. В. Зуева. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – С. 312–313.
9. *Cherkasov V. N., Nekhoroshev A. B.* Virtual'nyye sledy v «kiberneticheskom prostranstve» / Sudebnaya ekspertiza : mezhvuz. sb. науч. st. – Вып. 2. – Саратов: SYuI МВД Rossii. 2003. – S. 28–33.
10. *Yablokov N. P.* O nekotorykh osobennostyakh kriminalisticheskoy taktiki rassledovaniya prestupleniy v usloviyakh tsifrovogo mira / Yeniseyskiye politiko-pravovyye chteniya : sbornik nauchnykh statey po materialam 12-y Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnoyarsk: Krasnoyarskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Obshchestvennyy komitet po zashchite prav cheloveka», 2019. – S. 372–379.

Статья поступила в редакцию 23.11.2021; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 07.07.2022.

The article was submitted November 23, 2021; approved after reviewing May 11, 2022; accepted for publication July 07, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-105-110

Александр Николаевич Пирожников
<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

*Главное управление МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 50/52*

Правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации

Аннотация: Сформировавшаяся к сегодняшнему дню карательная система противодействия преступности согласно общепризнанной позиции является устаревшей, не отвечающей современным вызовам и в целом условиям реальной действительности. В сложившихся условиях иные меры уголовно-правового характера способны оказать дополнительный эффект на лиц, виновных в совершении преступления, хотя и не карательного, но тем не менее, крайне важного свойства. Данное направление развития уголовно-правового воздействия считается приоритетным, при этом достаточно сложным и крайне слабо проработанным с теоретической точки зрения. Особенно это касается направленности такого воздействия в зависимости от таких категорий, как, например, личность преступника или направленность совершённого преступления (против личности, основ конституционного строя и т.д.). К сожалению, следует констатировать, что отечественный законодатель пока что не обращает внимания ни на один из факторов, воздействуя на который, можно было бы получить реализацию принципа индивидуализации ответственности. Отсюда сама идея иного воздействия пока что носит максимально общий характер, а сами меры не находят соответствующего места в Уголовном кодексе Российской Федерации, имея схоластический характер своего происхождения и расположения в законе.

Ключевые слова: ответственность, иное воздействие, наказание, иные меры уголовно-правового характера, преступление

Для цитирования: Пирожников А. Н. Правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 105-110; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-105-110.

Alexander N. Pirozhnikov
<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

*The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in St. Petersburg and the Leningrad region
50/52, st. Suvorovsky ave., St. Petersburg, 191015, Russian Federation*

Legal nature of other measures of the criminal legal character related to the limitation of the rights of persons committing crimes against the interests of the Russian Federation

Abstract: The punitive system of combating crime that has been formed to date, according to the generally recognized position, is outdated, does not meet modern challenges and, in general, the conditions of reality. In the current conditions, other measures of a criminal law nature can have an additional effect on

the perpetrators of a crime, although not punitive, but nevertheless, of an extremely important nature. This direction of development of criminal law influence is considered a priority, while it is quite complex and extremely poorly developed from a theoretical point of view. This is especially true of the direction of such influence, depending on such categories as, for example, the personality of the offender or the direction of the crime committed (against the person, the foundations of the constitutional system, etc.). Unfortunately, it should be stated that the domestic legislator has not yet paid any attention to any of the factors that could be influenced by the implementation of the principle of individualization of responsibility. From here, the very idea of a different impact so far is of the most general nature, and the measures themselves do not find an appropriate place in the Criminal Code of the Russian Federation, having the scholastic nature of their origin and location in the law.

Keywords: responsibility, other impact, punishment, other measures of a criminal law nature, crime.

For citation: Pirozhnikov A. N. Legal nature of other criminal law measures related to the restriction of the rights of persons committing crimes against the interests of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 105-110; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-105-110.

Иное воздействие на лиц, совершивших преступление, в уголовно-правовой доктрине традиционно оценивается как абсолютно необходимое дополнение к наказанию, вполне при этом способное оказать больший эффект, чем сама кара. В этом отношении иные меры встречают серьёзную поддержку и у законодателя. Что характерно, такая поддержка находит соответствующее последовательное подтверждение как в историческом контексте рассмотрения данного вопроса, так и на современном этапе в различных правовых семьях на всём геополитическом пространстве. Вся совокупность тех средств уголовно-правового противодействия преступности, которая сегодня существует в законодательствах стран, их применяющих, имеет значительное многообразие, отличаясь часто по своим качественным и количественным признакам, функциональной и видовой принадлежности, объёму воздействия на осуждённого, а также компенсационному эффекту применительно к потерпевшему, и другим критериям, но при этом не отличающаяся по своей сути. Это всегда иное воздействие, находящееся за пределами таких категорий, как кара или возмездие, типичных для наказания, но всегда сосуществующее с таковым, нередко обеспечивая реализацию идей социального, воспитательного, медицинского, ограничительного, контролирующего и др. свойства.

Так называемое «удобство» такого воздействия заключается в неопределённости возможного объёма тех средств, которые можно применить к осуждённому, а также особенностей направлений его реализации, которые в любой момент (не будучи скованными карательной функцией) могут быть развёрнуты в любом из них, в зависимости от потребностей общества, в том числе, и возникших спонтанно (например, в условиях экстремальной обстановки, военного времени, иного рода угроз как внутреннего, так и внешнего характера и т. д.). Именно трансформация общественных отношений выступает в качестве движущей силы, обуславливающей фактор развития иных средств уголовно-правового противодействия преступности. Наказа-

ние, при всей его важности и значимости для реализации охранительной функции уголовного права, тем не менее остаётся более жёсткой и, соответственно, стабильной конструкцией. По крайней мере, в плане его качественной характеристики. Выполняя строго определённую роль, наказание невозможно переориентировать по своей сути, точно так же, как правовая природа иных мер способствует чуткому реагированию на те изменения, которые происходят в общественных отношениях.

Одним из таких направлений реагирования в условиях сложившейся геополитической обстановки в мире, внутривнутриполитической ситуации в стране, особенностей экономической реструктуризации общественных отношений, информационного противоборства и прочих факторов, способствующих подрыву основ государственности, является создание системы (или отдельных видов) иных мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления против Российской Федерации. Соответственно, вопрос об особой правовой природе происхождения именно данных мер, с учётом уже накопленного доктринального знания об иных мерах уголовно-правового воздействия в целом, а также их интегрированности в механизм уголовно-правового воздействия, представляет собой безусловный научный интерес, имея соответствующий потенциал для реализации в отечественном уголовном законодательстве.

В современной юридической литературе отмечается, что правовая природа происхождения иного воздействия в уголовном праве крайне неоднозначна [13]. Во многом такая неоднозначность связана с отсутствием внятного определения функциональной принадлежности данного средства воздействия на лицо, совершившее преступление. Сегодня ни в доктрине, ни в уголовном законе нет даже минимального представления о критериях разграничения наказания и иных мер уголовно-правового характера, и уж тем более какого-либо представления относительно разделения по каким-либо признакам самих мер между собой. Собственно,

подтверждение данного тезиса хорошо видно в УК РФ, а также в активной деятельности законодателя по его совершенствованию в этом направлении в последнее десятилетие. Появляющиеся при этом новые средства иного влияния на виновных лиц никак не связаны друг с другом, не взаимодействуют с наказанием, имеют свои причины разработки и включения в УК РФ, оставаясь, по сути, обособленными средствами иного воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений. Правовая природа всего института, не говоря уже о каждой из вновь появляющихся мер, сегодня не просто не определены, а в целом остаются без соответствующего анализа.

Следует при этом отметить, что в современной юридической литературе некоторые, и далеко небезуспешные, попытки разделения всех мер иного воздействия по реализуемым ими функциям предпринимаются. Так, К. Н. Карпов разделяет их на меры безопасности, стимулирующие (поощряющие) правомерное постпреступное поведение, и восстановительные, при нарушении экономических правоотношений. М. В. Бавсун указывает на иные меры уголовно-правового характера и меры безопасности, принципиально отделяя одни от других именно по тем функциям, которые они способны выполнять по отношению к общественным отношениям, в которых существуют, и формирование которых происходит в том числе посредством их реализации¹. Л. В. Иногамова-Хегай вообще все иные меры уголовно-правового характера разделяет на те, которые применяются в результате совершения преступлений, и те, которые реализуются в случае совершения деяний иного рода, не относящихся к категории общественно опасных [4]. Более того, ряд специалистов как раз по данному признаку все средства иного воздействия делят на (помимо указанных сейчас в уголовном законе): условное осуждение, судимость, отсрочку отбывания наказания беременным женщинам или женщинам, имеющим малолетних детей [10], и даже дополнительные виды наказаний, которые могут применяться по усмотрению суда независимо от того, определены они или нет в санкции за конкретное преступление [7], или отдельные средства административного надзора [3, с. 127]. Таким образом, функциональная принадлежность иных мер уголовно-правового характера выступает в качестве одного из дискуссионных факторов, не имеющего пока чёткого осмысления в отечественной уголовно-правовой доктрине. В этой дискуссии, безусловно, должна найти свое место и идея выделения самостоятельной группы иных мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации.

Более того, данный признак выступает в качестве одного из мотивирующих для отече-

ственного законодателя в современных условиях. Не останавливаясь пока на видовых особенностях конкретных мер, важно отметить, что выделение самостоятельной группы иных мер уголовно-правового характера в первую очередь основывается на тех функциях, которые они способны будут реализовывать, тем самым отличаясь и от других средств противодействия преступности. Вопрос – для чего они нужны, является определяющим в каждом из случаев разработки конкретных средств уголовно-правового воздействия на лиц, виновных в совершении преступления.

В этом отношении достаточно интересным представляется ответ на вопрос, который был задан судьям. Так, из 93 опрошенных респондентов² на вопрос «Какую роль Вы отводите иным мерам уголовно-правового характера в случае их назначения (применения) лицу виновному в совершении преступления?», 75 отметили, что это напрямую зависит от того, какая именно мера и в каком конкретном случае она применяется. При этом в отдельных комментариях к своему ответу ещё 41 человек указали, что видовая принадлежность иной меры уголовно-правового характера напрямую определяет и её значение в исправлении осуждённого, а также в общем объёме репрессии, реализуемом государством. Оставшаяся часть специалистов (18) отметили, что иные меры уголовно-правового характера являются дополнением к наказанию, не неся самостоятельной функциональной нагрузки. В данном случае часть респондентов (9) также указали на отсутствие в уголовном законе отдельно выделенных целей иных мер уголовно-правового характера, отсутствие какого-либо упоминания о них в общих началах назначения наказания, и в целом неопределённость их статуса в уголовном законе.

Следует отметить, что, несмотря на имеющееся разделение позиций по обозначенному вопросу, тем не менее доминирующей среди специалистов всё-таки остается точка зрения, согласно которой функциональная (целевая) принадлежность каждой из мер выступает в качестве главной при решении вопроса о потенциальном исправлении виновного в совершении преступления. Невзирая на имеющиеся недоработки законодателя в части определения статуса данных мер, их фактическое существование и применение не позволяет избежать постановки вопроса относительно их правовой природы, одним из критериев определения которой выступает именно данный критерий.

Пожалуй, уже один только этот аргумент вынуждает современных исследователей ставить вопрос о необходимости формулирования в тексте уголовного закона самостоятельных целей иных мер уголовно-правового характера, одновременно интегрируя их в механизм реали-

¹ Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бавсун Максим Викторович. – Омск, 2013. – 396 с.

² Анкетирование специалистов проводилось в период с 2020 по 2022 гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также в городах Псков, Выборг, Петрозаводск. Всего были опрошены 93 специалиста.

зации наказания (или в целом системы уголовно-правового воздействия) [2]. И в этом отношении абсолютно прав, по нашему мнению, А. С. Пунигов, отмечающий, что такие меры должны отражать индивидуальность уголовно-правового значения. Под этим он понимает независимость уголовно-правовых мер в применении друг от друга, их отличительность по характеру и содержанию, а также различие правовых последствий их применения [12, с. 21]. Вторят ему в этом отношении и другие авторы, в частности отмечая, что иные меры уголовно-правового характера «...обладают индивидуальным, оригинальным набором ограничений прав и свобод» [5, с. 27]. При этом коллектив авторов делает оговорку, согласно которой основанием применения таких мер является общественно опасное деяние. Полностью соглашаясь с учёными, тем не менее полагаем, что данный тезис должен быть дополнен не только правоприменительным, но и законотворческим аспектом, то есть речь должна идти о влиянии функциональной принадлежности иной меры не только в ходе её практической реализации, но и на более ранней стадии, установления её законодательных критериев на уровне правовой регламентации.

Собственно, именно данный признак (с соответствующим представлением о сфере приложения самой меры и возможном положительном эффекте от её реализации) и должен являться основополагающим в ходе принятия решения о необходимости его включения в УК РФ и последующего применения. И в этом отношении ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации, как явление (вне зависимости от конкретной формы выражения непосредственно в тексте) не может вызывать каких-либо вопросов.

Надо сказать, что ужесточение позиции государства по отношению к данной категории лиц находит поддержку и среди граждан. Так, в ходе проведенного в рамках настоящего исследования опроса 250 граждан, которым был задан единственный вопрос: «Как Вы считаете, в условиях современной геополитической обстановки требуется ли ужесточение карательного воздействия в отношении лиц, совершающих преступления или административные правонарушения против Российской Федерации?», были получены достаточно категоричные результаты. За дополнительное воздействие в отношении такой категории виновных высказалось 199 респондентов, еще 32 человека полагают такое ужесточение излишним, оставшиеся 19 опрошенных не имеют своей позиции по данному вопросу².

Что важно, этот же вопрос был задан уже другой категории респондентов – судьям, чья деятельность напрямую связана с реализацией уголовной политики государства, а их квалификация и объём знаний позволяют отвечать

в том числе и на этот вопрос на несколько ином уровне. Между тем итог если и отличается от данных, полученных в ходе опроса предыдущей категории респондентов, то немного. Из 93 специалистов, которым был задан этот вопрос, 76 указали на своевременность введения такой меры в действующее уголовное, а возможно, и в уголовно-процессуальное законодательство. Ещё 15 высказались против, лишь два респондента отметили, что не имеют сформулированной позиции по данному вопросу. В процентном соотношении судьи оказались в ответе на данный вопрос еще более категоричны, чем граждане, зачастую даже не имеющие юридического образования.

Потребность в таких ограничениях в современных условиях начинает все возрастать, что в свою очередь вынуждает говорить о втором факторе, обуславливающем саму постановку вопроса необходимости разработки иных мер уголовно-правового характера именно с такой функциональной принадлежностью. Речь идёт об основаниях их включения в УК РФ с позиции обстоятельств, объясняющих необходимость дополнительной охраны интересов Российской Федерации средствами исключительного и экстраординарного характера. И здесь нельзя не обратить внимание на события, происходящие на уровне геополитического пространства начиная с 2014 года, которые при этом напрямую связаны с Российской Федерацией. Не вдаваясь в подробности общеполитических моментов, можно лишь констатировать факт вовлечённости России в происходящие процессы, масштабность которых не вызывает сомнений. Более того, уголовный законодатель активно реагирует на такие изменения, причём зачастую быстро и максимально жёстко. Так, М. В. Бавсун пишет по этому поводу следующее: «В период с 2012 по 2015 г. отечественным законодателем в УК РФ, по сути, было внесено беспрецедентное количество изменений, направленных на увеличение объема репрессии за преступления против основ конституционного строя и государственной власти. В указанный отрезок времени, в результате правотворческой деятельности, в нормы, предусмотренные гл. 30 УК РФ, было внесено 20 поправок. Начиная с 1996 года (с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации) по 2011 г. включительно, законодатель в общей сложности 18 раз корректировал данную главу. То есть в период, в пять раз превышающий рассматриваемый, законодательная активность в данном направлении была несоизмеримо ниже. И если в последние три года те или иные изменения в главу, регламентирующую ответственность за посягательства на основы конституционного строя, вносились в среднем порядка семи раз в год, то до этого момента активность правотворца равнялась 1,15 изменений в год.

Из этого следует неизбежный вывод о произошедшей трансформации подхода законодателя к правовой регламентации целого ряда аспектов ответственности за посягательства на

³ Опрос проводился в период 2021–2022 гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

данную группу общественных отношений. И эта трансформация не может быть объяснима с позиции лишь внутривнутриполитических изменений или изменений экономического, социального, а равно иного свойства. Крайне важную роль в проявленной активности законодателя сыграли как раз факторы геополитического характера, возникновение которых пришлось именно на рассматриваемый период — начиная с 2011 г. и завершая годом 2015-м» [1].

Чуть ранее об этом писала Н. А. Лопашенко, которая отметила, что история последних месяцев продемонстрировала нам наличие такого фактора, оказывающего влияние на уголовно-правовое воздействие, как изменение международной обстановки [8]. Вторит ей в этом отношении и Е. В. Кобзева, совершенно справедливо утверждая, что «угроза нарушения национальных интересов в результате преступной деятельности не менее, а иногда и более опасна, чем при совершении преступлений внутри страны» [6]. Следует отметить, что, несмотря на датирование указанных работ 2014–2015 гг., тем не менее высказанные в них идеи сегодня не только не потеряли своей актуальности, а наоборот, многократно её усилили на фоне событий, происходящих уже в 2020–2022 гг.

Современное геополитическое пространство, и роль России в происходящих в нём тектонических сдвигах в последние годы такова, что данный фактор стал все больше выступать в качестве прямого основания принимаемых решений на государственном уровне, в том числе и в части трансформации уголовного законодательства. Соответственно, и международный фактор, включая в чистом виде его внешнеполитическую составляющую, в ходе корректирования уголовно-правовой политики государства с последующим совершенствованием отечественного уголовного законодательства не может оставаться недооценённым [1, с. 484].

Соответственно основания для разработки системы мер иного воздействия, направленных на ограничение прав и свобод лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации, в последнее десятилетие стали носить всё более объективный (в данном случае внешний) характер. Это вполне естественно, так как доминирование внешнеполитического фактора оказывает серьёзное влияние на все сферы деятельности государства, в том числе влияя и на уголовно-правовую сферу регулирования общественных отношений. Изменение политической конъюнктуры, агрессивность настроений в отношении России, попытки международной изоляции, элементы поддержки (включая её открытые и откровенные формы, в том числе и в публичной сфере) внутри страны, а также ряд других факторов свидетельствуют о серьёзных изменениях принципиального свойства, которые произошли и продолжают происходить в нашем обществе. И если ещё до 2012 года (до событий, произошедших на Болотной площади в Москве) говорить о данной проблематике не приходилось, прежде всего из-за отсутствия

к этому достаточных предпосылок, то сейчас о данном способе защиты государства от подобного рода процессов не вести речь уже опасно. Игнорирование проблемы становится опасным для государства в целом, расшатывание устоев которого, как показывает история, в таких условиях происходит очень быстро и эффективно. И в этом отношении уголовно-правовая сфера регулирования наряду с административно-правовой оказываются максимально чуткими, способными быстро реагировать на трансформацию происходящих процессов и купировать их негативные тенденции. Безусловно, особое место с позиции реализации именно жёсткости (непримиримости и бескомпромиссности) самой идеи введения особых ограничений прав и законных интересов лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации, должно отводиться уголовному законодательству. Особенно это важно потому, что указанная сфера правового регулирования общественных отношений имеет конечный характер (пик карательного давления, возмездия за совершённое общественно опасное деяние) и способна объединить в своём содержании по сути любые, в том числе и максимально жёсткие, а иногда и откровенно ситуативные и в некоторой степени экстремальные средства воздействия на виновных.

В то же время все авторы, обращая внимание на данную проблематику, находятся в плоскости исследования. Особенной части уголовного закона, не задаваясь вопросом относительно реальной возможности усиления в этом направлении и соответствующих институтов Общей части. Как известно, подобное возможно как раз за счёт трансформации двух составляющих, одна из которых связана с увеличением карательного потенциала Уголовного кодекса (наказания), а другая с реализацией потенциала иных мер уголовно-правового характера в максимально широком представлении о таковых⁴.

И в этом отношении, с учётом сложившейся геополитической обстановки и возникших в связи с этим угроз для России, предложение о включении в УК РФ дополнительных средств воздействия целевого характера в отношении отмеченной категории виновных имеет под собой все соответствующие основания. С учётом приведённых выше данных эмпирического характера относительно оснований разработки и включения в УК РФ мер подобного рода сам факт постановки проблемы каких-либо сомнений вызывать не может, требуя дальнейшей научной реализации.

⁴ См. об этом более подробно: Бавсун М. В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия. В кн.: Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 томах. Т. I. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. – Кн. I. Понятие уголовного наказания / под ред. Н. А. Лопашенко. – Москва: Юрлитформ, 2020. – С. 369.

Список литературы

1. Бавсун М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 483–493.
2. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография – Омск: Омская академия МВД России, 2014. – 248 с.
3. Гребёнкин Ф. Б. Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера / Системность в уголовном праве : материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – Москва: Проспект, 2007. – С. 125–127.
4. Иногамова-Хегай Л. В. Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Международной научно-практической конференции. – Москва: Проспект, 2013. – С. 197.
5. Есаков Г. А., Понятовская Т. Г., Рарог А. И., Чучаев А. И. Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А. И. Рарога. – Москва: Проспект, 2012. – 228 с.
6. Кобзева Е. В. Об уголовной политике (под влиянием научных взглядов Н. А. Лопашенко) // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 3. – С. 20–28.
7. Келина С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 51–58.
8. Лопашенко Н. А. Изменение уголовно-правового воздействия и его влияния на меняющийся мир (в качестве постановки проблемы) // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 3. – С. 13–19.
9. Музенник А. К. Дифференциация уголовной ответственности: формы и виды. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2005. – С. 6–7.
10. Непомнящая Т. В. Наказание и меры уголовно-правового характера в системе мер противодействия преступности / Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Российского Конгресса уголовного права. – Москва: Проспект, 2008. – С. 86–87.
11. Нечепуренко А. А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования : монография – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – 176 с.
12. Пунигов А. С. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, виды, общая характеристика: монография. – Владимир, 2007. – 188 с.
13. Щедрин Н. В., Терещенко А. И. Меры безопасности в уголовном законодательстве России и некоторых европейских стран / Правовая реформа и зарубежный опыт : сборник научных статей. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 2000. – С. 102–123.
14. Щедрин Н. В. Меры уголовно-правового характера / Актуальные проблемы уголовного права. – Омск, 2010. – С. 66–67.

References

1. Bavsun M. V. Vliyaniye faktorov geopoliticheskogo kharaktera na izmeneniye ugotovno-pravovoy politiki gosudarstva // Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – № 3. – S. 483–493.
2. Bavsun M. V. Ugotovno-pravovoye vozdeystviye: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii : monografiya – Омск: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2014. – 248 s.
3. Grebonkin F. B. Ponyatiye, priznaki i vidy inykh mer ugotovno-pravovogo kharaktera / Sistemnost' v ugotovnom prave : materialy II Rossiyskogo Kongressa ugotovnogo prava, sostoyavshegosya 31 maya – 1 iyunya 2007 g. – Moskva: Prospekt, 2007. – S. 125–127.
4. Inogamova-Khegay L. V. Ugotovnaya otvetstvennost' i inyye mery ugotovno-pravovogo kharaktera / Ugotovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva: Prospekt, 2013. – S. 197.
5. Yesakov G. A., Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I., Chuchayev A. I. Ugotovno-pravovoye vozdeystviye: monografiya / pod red. A. I. Raroga. – Moskva: Prospekt, 2012. – 228 s.
6. Kobzeva Ye. V. Ob ugotovnoy politike (pod vliyaniem nauchnykh vzglyadov N. A. Lopashenko) // Biblioteka ugotovnogo prava i kriminologii. – 2014. – № 3. – S. 20–28.
7. Kelina S. G. Nakazaniye i inyye mery ugotovno-pravovogo kharaktera // Gosudarstvo i pravo. – 2007. – № 6. – S. 51–58.
8. Lopashenko N. A. Izmeneniye ugotovno-pravovogo vozdeystviya i yego vliyaniya na menyayushchiysya mir (v kachestve postanovki problemy) // Biblioteka ugotovnogo prava i kriminologii. – 2014. – № 3. – S. 13–19.
9. Muzenik A. K. Differentsiatsiya ugotovnoy otvetstvennosti: formy i vidy. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. – S. 6–7.
10. Nepomnyashchaya T. V. Nakazaniye i mery ugotovno-pravovogo kharaktera v sisteme mer protivodeystviya prestupnosti / Protivodeystviye prestupnosti: ugotovno-pravovyye, kriminologicheskiye i ugotovno-ispolnitel'nyye aspekty : materialy III Rossiyskogo Kongressa ugotovnogo prava. – Moskva: Prospekt, 2008. – S. 86–87.
11. Nepochurenko A. A. Ugotovnaya otvetstvennost': evolyutsiya ponyatiya i perspektivy zakonodatel'nogo regulirovaniya : monografiya – Омск: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2014. – 176 s.
12. Punigov A. S. Inyye mery ugotovno-pravovogo kharaktera: ponyatiye, vidy, obshchaya kharakteristika : monografiya – Vladimir, 2007. – 188 s.
13. Shchedrin N. V., Tereshchenko A. I. Mery bezopasnosti v ugotovnom zakonodatel'stve Rossii i nekotorykh yevropeyskikh stran / Pravovaya reforma i zarubezhnyy opyt : sbornik nauchnykh statey. – Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 2000. – S. 102–123.
14. Shchedrin N. V. Mery ugotovno-pravovogo kharaktera / Aktual'nyye problemy ugotovnogo prava. – Омск, 2010. – S. 66–67.

Статья поступила в редакцию 28.06.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 07.09.2022.

The article was submitted June 28, 2022; approved after reviewing July 29, 2022; accepted for publication September 07, 2022.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-111-117

Александр Васильевич Пучнин
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-8754-9650>, lex-puch@yandex.ru

Павел Витальевич Миненко
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-2792-8066>, pv.minenko@icloud.com

*Воронежский институт МВД России
Российская Федерация, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, д. 53*

Цифровое оружие совершения преступлений XXI века: предмет, средство, орудие

Аннотация: Статья посвящена определению нового предмета преступления – цифрового оружия, анализу степени и характера общественной опасности деяний, совершаемых с его использованием. Исследуется возникший в результате проникновения информационно-телекоммуникационных технологий в повседневную жизнь феномен цифровых средств, орудий, предметов совершения преступлений. Предпринята попытка сформулировать новые категории, определяющие недостоверное поведение в сети интернет и интегрировать их в действующие нормы законодательства Российской Федерации. Обсуждается своевременность и социальная обусловленность криминализации оборота цифровых данных, используемых для совершения преступлений, и установления уголовной ответственности за совершение деяний с использованием цифрового оружия, предлагаются основные меры, направленные на противодействие такого рода преступлениям. Исследуется правовая природа и основные принципы функционирования информационных инструментов совершения преступлений. В исследовании в качестве примера цифрового оружия рассматриваются массивы недостоверных учётных записей пользователей информационно-телекоммуникационных сетей, ставится вопрос о необходимости криминализации отдельных цифровых технологий, образующих инструментарий преступников в цифровой среде. С учётом поднятых в статье проблем авторами сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в виде новой нормы особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: боты, компьютерная преступность, интернет, информационно-телекоммуникационные технологии, массивы учётных записей, национальная безопасность, недостоверное поведение, фейковые аккаунты, фермы аккаунтов, цифровая преступность

Для цитирования: Пучнин А. В., Миненко П. В. Цифровое оружие совершения преступлений XXI века: предмет, средство, орудие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 111–117; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-111-117.

Alexander V. Puchnin
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-8754-9650>, lex-puch@yandex.ru

Pavel V. Minenko
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-2792-8066>, pv.minenko@icloud.com

*Voronezh Institute of the MIA of Russia
53, Patriotov str., Voronezh, 394065, Russian Federation*

Digital crime weapons of the XXI century: object, means, tools

Abstract: The article is devoted to the definition of a new subject of crime - digital weapons, the analysis of the degree and nature of the public danger of acts committed with its use. The phenomenon of digital means, tools, objects of crimes that arose as a result of the penetration of information and telecommunication technologies into everyday life is investigated. An attempt was made to formulate new categories that define inaccurate behavior on the Internet and integrate them into the current legislation. The question is raised about considering digital weapons as a threat to the national security of the Russian Federation. The timeliness and social conditionality of the criminalization of the circulation of digital data used to commit crimes and the establishment of criminal liability for the commission of acts using digital weapons are substantiated, the main measures aimed at counteracting such crimes are proposed. The legal nature and basic principles of the functioning of information tools for committing crimes are investigated. The study considers arrays of inaccurate user accounts of information and telecommunication networks as an example of a digital weapon. The article raises the question of the need to criminalize certain digital technologies that form the tools of criminals in the digital environment. Taking into account the problems raised in the article, the authors formulated proposals for improving the current legislation in the form of a new norm of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: bots, computer crime, Internet, information and communication technologies, arrays of accounts, national security, inauthentic behavior, fake accounts, account farms, digital crime

For citation: Puchnin A.V., Minenko P.V. Digital crime weapons of the XXI century: object, means, tools // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 111–117; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-111-117.

Современный уровень цифровизации коммуникации в обществе ставит вопрос: скоординированное недостоверное поведение – свобода или преступление?

Совершение квалифицированных, профессиональных преступлений сопровождается использованием специфических средств, орудий и оружия. На стадиях приготовления и покушения, в ходе их приискания, они могут выступать в качестве предмета предиктивных преступлений.

Современное состояние регистрируемой преступности указывает на то, что наиболее распространенными, сложными с позиций раскрытия и предупреждения преступлений являются те из них, которые совершаются в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, а также с использованием таких технологий для достижения преступной цели. Этот неоспоримый тезис ставит перед законодателем и правоприменителем вопрос о криминализации отдельных цифровых технологий, образующих инструментарий преступников в цифровой среде.

В теории уголовного права существуют различия между орудием и средством совершения преступления. Под орудиями совершения преступления принято понимать предметы материального мира, приспособления, применяемые для усиления физических возможностей лица, совершающего общественно опасное деяние (например, применение лома для вскрытия дверей гаража); средствами же являются предметы, наркотические средства, химические и ядовитые вещества, химические и физические процессы и т. д., при помощи которых совершается преступление, т. е. оказывается преступное

воздействие на общественные отношения, охраняемые уголовным законом¹.

В современной литературе, как правило, средства и орудия совершения преступления не разграничиваются, а, говоря о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, провести такую демаркацию просто невозможно, что позволяет использовать эти понятия в нашем исследовании как тождественные. Так, например, в парадигме приведенной позиции отнести вредоносное программное обеспечение к одному из названных элементов объективной стороны состава преступления будет затруднительно даже специалистам в области цифровой юриспруденции.

Использование орудий или средств совершения преступления существенно повышает степень его общественной опасности и зачастую используется законодателем в качестве квалифицирующего признака, отягчающего уголовную ответственность. В некоторых случаях общественная опасность последствий их использования высока настолько, что правовыми нормами установлен запрет на их оборот или ограничения путем лицензирования деятельности субъектов, наделённых правом к ним прикасаться.

Вопрос о криминализации плодов использования и эксплуатации цифровых технологий непрост, однако в свете названных обстоятельств настоятельно требует постановки по ряду причин.

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / Ю. В. Грачёва, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рагоза, А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Контракт, Инфра-М, 2008. – 560 с.

Необходимо признать, что в настоящий момент виртуальная среда не только заменила традиционные способы коммуникации между людьми, но и сформировала новые, став специфичным и неотъемлемым элементом повседневной жизни. Особенность современных информационных технологий, заключающаяся в их доступности, возможностях мгновенного обмена информацией между участниками и сохранения анонимности, привела к диффузии между традициями, обычаями, языками и т. д., образовав цифровую среду обитания человека, цифровую мультикультуру и цифровые общественные отношения.

В связи с этим возникла целая когорта людей, которые стали использовать цифровые технологии и результаты их эксплуатации в преступных целях и которые образовали своими действиями отдельную специфическую цифровую компьютерную преступность [6].

Несмотря на то, что часть совершаемых ими деяний охватывается имеющимися в Особенной части УК РФ составами преступлений (например, ст. 159з, п. «г» ч. 3 ст. 158) и правоохранительная система адаптируется, вырабатывая методологию противодействия им, приходится констатировать, что «под носом» общества и государства совершаются действия с использованием цифровых технологий, которые, по нашему мнению, создают угрозу государственной, военной, экономической, информационной и экологической безопасности Российской Федерации, обладая такой степенью общественной опасности, что следует осознать их криминальный характер и рассматривать через призму уголовного законодательства.

Проблема осознания общественной опасности таких действий и инструментов кроется в непонимании субъектами законотворчества и правоприменения природы этих явлений, тенденций и направлений развития цифровой криминальной среды, возможностей применения существующих цифровых инструментов и технологий в общественных отношениях. Из этого вытекает задача научного анализа и разработки категориального аппарата, позволяющего обосновать опасность и криминальность таких действий, явлений, технологий, которые, без всякой экзaggerации, можно назвать современным цифровым оружием.

Авторы специально используют термин «оружие» понимая, что в юридической терминологии ему семантически соответствует главным образом понятие, приведенное в ФЗ «Об оружии», которое трактует его как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов². Однако толковый словарь С. И. Ожегова позволяет рассматривать данный термин в контексте проводимого исследования шире,

а именно как «всякое средство, технически пригодное для нападения или защиты, а также совокупность таких средств»³.

Примером цифрового оружия является администрирование массивов недостоверных учётных записей пользователей (ферм аккаунтов) в глобальной сети интернет, под которыми авторы предлагают понимать совокупность учётных записей пользователей, в том числе объединённых взаимными связями в одну группу, созданную с помощью специальных алгоритмов и автоматизированного программного обеспечения, действующего на основе возможностей нейронных сетей и позволяющего осуществлять одновременное управление ими.

Данное явление распространяется стремительно, активно используется в масс-медиа, а также видными публичными личностями, в том числе политическими деятелями.

По данным компании-разработчика программного обеспечения SparkToro, объём фейковых учётных записей, подписанных на официальный аккаунт президента США Джо Байдена в Twitter, составляет 49,3 % от общего числа (22,2 млн пользователей), что позволяет владельцам данной совокупности фейковых учётных записей путём скоординированного недостоверного поведения воздействовать на вторую половину подписчиков (реальных пользователей), влиять на их гражданскую позицию и пр.

Стремление пользователей информационных ресурсов к расширению охвата аудитории в глобальной сети обусловлено частью возможностей, предоставляемых интернетом, обеспечивающих повседневное общение между людьми, которое всё чаще реализуется посредством социальных сетей и форумов. С их помощью возможен обмен информацией, организованный различными способами по времени и типу сообщений между широким кругом лиц, в том числе незнакомых. В данном случае традиционные средства массовой информации уступают создаваемым в социальных сетях «пабликам» и сообществам, имеющим значительное количество участников и подписчиков. На начальных этапах их возникновения и развития интерес к ним в основном проявляло молодое поколение (лица в возрасте от 14 до 28 лет). В настоящее время в социальных сетях зарегистрированы люди разных возрастов и социальных групп. Результаты анализа этих лиц скорее введут в заблуждение, нежели позволят систематизировать полученную информацию, поэтому подробный портрет действительного пользователя интернет-пространства нами не исследовался.

Для организации общения и обеспечения возможности идентификации пользователей сети интернет в социальных сетях, форумах,

² Об оружии : Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ [Электронный ресурс]// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2022).

³ Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] // Сайт «Словарь Ожегова». – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18744> (дата обращения: 15.04.2022).

мессенджерах и иных ресурсах необходима регистрация учётной записи (аккаунта)⁴. Это правило возникло практически одновременно с появлением социальных сетей. Отсутствие необходимости подтверждения личных данных приводит к тому, что пользователи создают учётные записи под вымышленными именами или используют данные других лиц, получая возможность действовать анонимно.

В процессе развития информационно-коммуникационной среды были созданы неформальные сообщества с уникальным набором инструментов общения, передачи и получения информации, выражения своего мнения, оценки чего-либо, в том числе анонимно или под псевдонимом, имеющие своей целью воздействие на массовое мнение при восприятии информации.

Поведение и реакция групп людей на ту или иную информацию сильно влияют на мнение остальных. Данное явление в современной психологии получило название «психология толпы». Науке известно, что человек, действующий не самостоятельно, а в рамках группы других людей, чувствует иной уровень свободы действий. Такое состояние, присущее отдельным личностям в группе, приводит к тому, что вместе они становятся единой силой, которая способна производить социальные изменения, обходя привычные механизмы поведения.

Такое поведение свойственно и современному человеку, активному пользователю сети. Это наглядно демонстрирует анализ новостей, связанных с актуальными для общества вопросами, в первую очередь политическими. При этом новости, как правило, сопровождаются потоком негативных комментариев. В результате человек, который анализирует общественное мнение, становится жертвой и попадает под влияние откликов. Зачастую он включается в этот процесс и тоже становится активным участником обсуждения, которое может привести к негативным последствиям – от ошибочности оценки события до вовлечения в преступную деятельность.

В отечественном сегменте интернета наиболее популярной является социальная сеть «ВКонтакте», при этом в ней используются алгоритмы защиты от учётных записей, за которыми скрываются программы-роботы (боты)⁵, имеющие своей целью распространение спама⁶ и массовых бот-аккаунтов, позволяющих манипулировать мнением иных пользователей,

⁴ Учётная запись (от англ. account) — хранящаяся в компьютерной системе совокупность данных о пользователе, необходимая для его опознавания (аутентификации) и предоставления доступа к его личным данным и настройкам. В качестве синонима используются также «аккаунт».

⁵ Робот, или бот, а также интернет-бот, бот-аккаунт и пр. (англ. bot, сокращение от чеш. robot) – специальная программа, выполняющая автоматически и (или) по заданному расписанию какие-либо действия через интерфейс, предназначенные для людей.

⁶ Спам (англ. spam) – массовая рассылка корреспонденции рекламного характера лицам, не выразившим желания её получить, а также рассылка массовых сообщений.

осуществляя информационные вбросы на страницах ресурса. Именно это явление среди пользователей и администраций интернет-ресурсов образует массивы недостоверных учётных записей пользователей (фермы аккаунтов) в глобальной сети.

Создание массивов недостоверных учётных записей пользователей (ферм аккаунтов) не криминализировано действующим законодательством Российской Федерации, если при этом не используются персональные данные конкретного лица⁷ и сведения о его частной жизни, составляющие личную или семейную тайну, и в соответствии с действующим законодательством может рассматриваться лишь как этап подготовки к противоправным действиям.

Задача администратора массивов недостоверных учётных записей пользователей⁸ – создать, правильно их развивать, придавать им вид используемых реальными людьми определённой, при необходимости конкретной социально-демографической группы, максимально продлевать период существования и обеспечивать попадание в категорию имеющих уровень высокого доверия (трастовости)⁹.

На ресурсах интернета регулярно появляются новые алгоритмы выявления недостоверных учётных записей.

Для этого администратором постоянно должны осуществляться следующие действия:

- подбор и наполнение учётной записи информационным материалом вместе с графическими изображениями;
- удаление ежедневно нежелательных записей (спама);
- удаление нецензурных и оскорбительных комментариев;
- инициализация переходов на сайты;
- ведение общения и ответы на вопросы реальных пользователей;
- поддержание дружеской атмосферы среди друзей, подписчиков и в группах;
- стимулирование общения (инициализация комментариев).

В связи с этим администратору приходится использовать специальные программы, которых на ресурсах сети интернет немало.

Учётная запись, в том числе недостоверная, в цифровом пространстве может быть использована для решения локальных задач конкретного пользователя: распространение информации, идей, влияние на других пользователей и пр.

Для достижения желаемого результата администраторы создают сеть таких недосто-

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. ст. 13.11 «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных», ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2022).

⁸ Создающие, распространяющие и использующие такие учётные записи лица (администраторы) именуется в сети Интернет «фермерами».

⁹ Трастовость (от англ. trust rate — уровень доверия).

верных учётных записей, которые путём взаимодействия между собой имитируют общение и вовлекают реальных пользователей. В результате ресурсы глобальной сети используются не только в целях рекламы и распространения товаров и услуг, но и для продвижения экстремистских и прочих деструктивных идей и взглядов.

Таким образом, интегрированные в сообщества реальных пользователей недостоверные учётные записи могут использоваться как в законных целях (сбор информации о востребованности товаров, услуг и их групп, сбор статистических сведений с целью изучения социально значимых вопросов и др.), так и в противоправных. При этом возникает угроза не только интересам отдельных физических, юридических лиц, но и информационной, государственной безопасности.

Массивы учётных записей пользователей сети интернет могут использоваться злоумышленниками в целях:

- обмана физических лиц и представителей юридических лиц при предоставлении некачественных услуг маркетинга в социальных сетях¹⁰, в том числе в части качества товаров и услуг посредством введения в заблуждение;
- недобросовестной конкуренции путём распространения ложной информации;
- обмана в ранжировании значимости новостного события;
- романтизации преступного образа жизни и распространения его идеалов;
- дискредитации органов государственной власти;
- подготовки населения к «цветным революциям»;
- поиска физических лиц, которые могут выступить в качестве активистов и официальных представителей «цветных революций»;
- провокации и управления массовыми беспорядками;
- разжигания религиозной, расовой, социальной нетерпимости в определённой группе людей или государстве.

Отметим, что невозможно определить исчерпывающий перечень неправомерных направлений и целей использования объединённых недостоверных учётных записей в глобальной сети.

В результате гарантируется попадание в ленту важных новостей охваченных пользователей информации, размещаемой администратором за счёт возможностей управления страницами «фермы аккаунтов» и создания искусственного обсуждения, в том числе видимости одобрения продвигаемых им сведений.

Действия с физическими учётными записями в социальных сетях осуществляются по следующим направлениям:

1) скоординированное «недостоверное поведение» в интересах внутренних негосударственных субъектов;

2) скоординированное «недостоверное поведение» в интересах внешних негосударственных субъектов;

3) скоординированное «недостоверное поведение» в интересах иностранного государственного субъекта.

С помощью такого цифрового оружия, как массивы недостоверных учётных записей сети интернет, в настоящее время совершается значительное количество преступлений с различными объектами посягательства и способами их совершения, например, доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ), клевета (ст. 128¹ УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ), нарушение права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание или пропаганда терроризма (ст. 205² УК РФ), публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 280³ УК РФ). Данный список можно дополнить иными составами.

Злоумышленникам для реализации объективной стороны названных составов преступлений необязательно самостоятельно создавать и развивать недостоверные учётные записи пользователей интернета (в том числе и их массивы), так как существует рынок предоставления доступа к ним, на котором можно приобрести готовые учётные записи или заказать их создание с заданными параметрами.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в настоящее время налажен и широко используется оборот исследуемого феномена, который является неотъемлемой частью механизма совершения преступлений и в связи с этим обладает самостоятельной общественной опасностью, аналогично традиционным предметам и орудиям, таким как огнестрельное и холодное оружие, наркотические средства и психотропные вещества, специальные технические средства для негласного получения информации и т. п.

Производство, изготовление, переработка, хранение, учёт, отпуск, реализация, продажа, распределение, перевозка, пересылка, приобретение, использование, ввоз, вывоз, уничтожение

¹⁰ Задача маркетинга в социальных сетях (от англ. Social Media Marketing) – привлечение внимания аудитории к своему товару с целью его продажи.

последних жёстко контролируется правоохранительными органами, регулируется путем лицензирования и в случае нарушения карается в соответствии с действующим законодательством, в том числе уголовным.

Авторы полагают, что настало время подобные правила распространить и на цифровое оружие, признав его предметом преступления, когда речь идёт о его обороте или оно является орудием преступления, когда речь идёт о его использовании для совершения иных преступлений, установив ответственность, в том числе уголовную, за скоординированное недостоверное поведение в информационно-телекоммуникационном пространстве.

В связи с этим считаем необходимым наряду с разработкой механизма контроля и лицензирования цифрового оружия:

1. Дополнить главу 28 УК РФ составом преступления следующего содержания:

«Статья 273¹. Оборот и администрирование недостоверных учётных записей пользователей в информационно-телекоммуникационных сетях.

1. Создание и администрирование недостоверных учётных записей пользователей в информационно-телекоммуникационных сетях, предназначенных для публичного манипулирования мнением людей посредством ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей, путём распространения дезинформации, создающее угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации и её граждан.

2. Сбыт, приобретение в целях сбыта или использования для публичного манипулирования мнением людей посредством ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей путём распространения дезинформации, создающие

угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации и её граждан.

Примечание 1. Под учётной записью пользователя понимается уникальный набор компьютерной информации, используемый для идентификации пользователя услуг связи при доступе к сети передачи данных и телематическим услугам связи.

Примечание 2. Под недостоверной учётной записью пользователя понимается уникальный набор компьютерной информации, используемый для идентификации пользователя услуг связи при доступе к сети передачи данных и телематическим услугам связи, анонимности или введения в заблуждение относительно личности создающего или эксплуатирующего его лица».

2. Предусмотреть в качестве квалифицирующего признака составов преступлений, связанных с распространением недостоверной информации, способ, связанный с использованием для этого недостоверных учётных записей пользователей информационно-телекоммуникационных сетей.

Предложенные авторами тезисы, безусловно, носят дискуссионный характер, их цель – привлечь внимание к появлению новых феноменов, которые характеризуются общественной опасностью, поскольку они стали частью механизма совершения значительного количества преступлений.

В связи со сложностью рассматриваемого феномена цифрового оружия в статье исследован лишь один его вид – недостоверные учётные записи пользователей информационно-телекоммуникационных сетей, что предполагает необходимость широкого обсуждения поднятой в исследовании темы.

Список литературы

1. Поликарпов В. С., Палеев А. В., Поликарпова Е. В., Шибанов В. Е. Интернет как киберфизическое оружие: монография / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. – 107 с.
2. Щекотихин В. М. [и др.]. Информационная война. Информационное противоборство: теория и практика : монография / под общ. ред. В. М. Щекотихина; Акад. Федеральной службы охраны Российской Федерации, Центр анализа террористических угроз. – Москва: Акад. ФСО России, 2011. – 999 с. – ISBN 978-5-7295-0297-4.
3. Корсаков Г. Б. Роль информационного оружия в военно-политической стратегии США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – № 1 (505). – С. 39–60.
4. Маруев А. Ю. Проблемы обеспечения информационной безопасности России и ведения информационного противоборства // Стратегическая стабильность. – 2007. – № 3 (40). – С. 56–64.
5. Мелешенко В. А. Информационная война и современные аспекты информационного противоборства // Научный резерв. – 2021. – № 1 (13). – С. 73–79.
6. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность. Теория и практика борьбы : монография. – Омск, Омская академия МВД России, 2009. – 480 с.
7. Попова А. К. Информационные войны как новая угроза цифрового общества / Возможности и угрозы цифрового общества : сборник научных статей / под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой. – Ярославль: Цифровая типография, 2019. – С. 116–119.
8. Стадник А. Н., Лозовский В. В. Информационное противоборство разработка рекомендаций по подготовке военных специалистов по защите от информационных воздействий в киберпространстве // Вестник военного образования. – 2021. – № 2 (29). – С. 33–39.
9. Хачидогов Р. А. Кибертерроризм в глобальном информационном пространстве: новые вызовы и меры противодействия // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 362–366.

10. Чуцаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Цифровизация и её уголовно-правовые риски // Правосудие. – 2019. – Т. 1. – № 2. – С. 133–155. – DOI 10.17238/issn2686-9241.2019.2.133-155.

References

1. Polikarpov V. S., Paleyev A. V., Polikarpova Ye. V., Shibanov V. Ye. Internet kak kiberfizicheskoye oruzhiye: monografiya / Yuzhnyy federal'nyy universitet. – Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzhnyy federal'nyy universitet, 2020. – 107 s.
2. Shchekotikhin V. M. [i dr.]. Informatsionnaya voyna. Informatsionnoye protivoborstvo: teoriya i praktika : monografiya / pod obshch. red. V. M. Shchekotikhina; Akad. Federal'noy sluzhby okhrany Rossiyskoy Federatsii, Tsentr analiza terroristicheskikh ugroz. – Moskva: Akad. FSO Rossii, 2011. – 999 s. – ISBN 978-5-7295-0297-4.
3. Korsakov G. B. Rol' informatsionnogo oruzhiya v voyenno-politicheskoy strategii SShA // SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. – 2012. – № 1 (505). – С. 39–60.
4. Maruyev A. Yu. Problemy obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti Rossii i vedeniya informatsionnogo protivoborstva // Strategicheskaya stabil'nost'. – 2007. – № 3 (40). – С. 56–64.
5. Meleshenko V. A. Informatsionnaya voyna i sovremennyye aspekty informatsionnogo protivoborstva // Nauchnyy rezerv. – 2021. – № 1 (13). – С. 73–79.
6. Osipenko A. L. Setevaya komp'yuternaya prestupnost'. Teoriya i praktika bor'by : monografiya. – Omsk, Omskaya akademiya MVD Rossii, 2009. – 480 s.
7. Popova A. K. Informatsionnyye voyny kak novaya ugroza tsifrovogo obshchestva / Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva : sbornik nauchnykh statey / pod obshch. red. A. V. Sokolova, A. A. Vlasovoy. – Yaroslavl': Tsifrovaya tipografiya, 2019. – С. 116–119.
8. Stadnik A. N., Lozovskiy V. V. Informatsionnoye protivoborstvo razrabotka rekomendatsiy po podgotovke voyennykh spetsialistov po zashchite ot informatsionnykh vozdeystviy v kiberprostranstve // Vestnik voyennogo obrazovaniya. – 2021. – № 2 (29). – С. 33–39.
9. Khachidogov R. A. Kiberterrorizm v global'nom informatsionnom prostranstve: novyye vyzovy i mery protivodeystviya // Obrazovaniye i pravo. – 2021. – № 6. – С. 362–366.
10. Chuchayev A. I., Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Tsifrovizatsiya i yeyo ugolovno-pravovyye riski // Pravosudiye. – 2019. – Т. 1. – № 2. – С. 133–155. – DOI 10.17238/issn2686-9241.2019.2.133-155.

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 13.09.2022.

The article was submitted June 23, 2022; approved after reviewing September 6, 2022; accepted for publication September 13, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.9.01
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-118-123

Екатерина Николаевна Рязанова

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-1666-1968>, spbryazanova@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Ответственность за распространение персональных данных как способ противодействия правонарушениям в сфере информационно-коммуникационных технологий

Аннотация: В данной статье исследуется проблема хищения персональных данных, совершаемого как непосредственно в виртуальном пространстве, так и с использованием средств информационно-коммуникационных технологий. Киберпространство стало не только местом работы для большинства граждан, но и средством организации досуга и развлечений, а также способом реализации бытовых потребностей (покупка продуктов питания и товаров повседневного спроса, получение услуг).

В ходе совершения таких действий на всевозможных сайтах происходит ввод персональных данных, что может повлечь за собой их раскрытие и завладение третьими лицами. В настоящее время ИТ-решения интенсивно внедряются во все сферы жизни общества: онлайн-банкинг и другие сервисы финансово-кредитных организаций; приложения по предоставлению государственных услуг; электронные дневники для учащихся; всевозможные приложения интернет-магазинов и т. д. Все это создает возможности для утечки персональных данных.

Параллельно с совершенствованием ИТ-сферы развивается и сфера защиты персональных данных.

Цель работы заключается в исследовании проблемных вопросов защиты персональных данных.

Автором использованы следующие методы исследования: статистический, сравнительно-правовой, анализа, формальной логики.

В качестве результатов исследования выделяются факторы, способствующие росту краж персональных данных, а также рекомендации по предотвращению злоупотреблений в указанной сфере.

Научная новизна выражается в изучении процесса правовой защиты информации в меняющихся условиях.

Практическая значимость работы заключается в выработке предложений по введению норм, предусматривающих ответственность за незаконное распространение и ненадлежащее хранение персональных данных.

Важно отметить, что способы кражи персональных данных чаще всего сопряжены с халатностью при их хранении и передаче, поэтому осведомленность о возможностях их сохранности является важной составляющей финансовой безопасности граждан.

Ключевые слова: хищение, персональные данные, информационно-коммуникационные технологии, кража, личность

Для цитирования: Рязанова Е. Н. Ответственность за распространение персональных данных как способ противодействия правонарушениям в сфере информационно-коммуникационных технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 118–123; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-118-123.

Ekaterina N. Riazanova

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-1666-1968>, spbryazanova@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Responsibility for the dissemination of personal data as a way to counteract offenses in the field of information and communication technologies

Abstract: This article examines the problem of personal data theft committed both directly in the virtual space and using information and communication technologies. Virtual or cyberspace has become not only a place of work for most citizens, but also a means of organizing leisure and entertainment, as well as a way to realize household needs (buying food and everyday goods, receiving services).

During the commission of such actions, personal data is entered on various sites, which may entail their disclosure and possession by third parties. Currently, there is an intensive implementation of IT solutions in the social spheres of society: online banking and other services provided by financial and credit organizations; applications for the provision of public services; electronic diaries for students; various applications of online stores, etc. All this will create opportunities for personal data leakage.

Accordingly, in addition to improving the IT sphere, the sphere of personal data protection is also developing, which deserves special attention in the future.

The purpose of the work is to study problematic issues of personal data protection.

The author uses the following research methods: statistical, comparative legal, analysis, formal logic.

As the results of the study, the factors contributing to the growth of personal data theft, as well as recommendations for the prevention of abuse in this area, are highlighted.

Scientific novelty is expressed in the study of the process of legal protection of information in changing conditions.

The practical significance of the work lies in the development of proposals for the introduction of norms providing for liability for illegal distribution and improper storage of personal data.

It is important to note that the methods of personal data theft are most often associated with the negligence of their storage and transfer, therefore, awareness of citizens about the possibilities of their safety is an important component of their financial security.

Keywords: theft, personal data, information and communication technologies, theft, identity

For citation: Ryazanova E. N. Responsibility for the dissemination of personal data as a way to counteract offenses in the field of information and communication technologies // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 118–123; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-118-123.

По мере развития информационных технологий всё большую актуальность приобретает проблема хищения персональных данных и последующего их использования в преступных целях.

В эпоху современных технологий и бурного развития компьютеризации происходит построение информационного общества, что способствует появлению и развитию новых форм преступности. При этом совершению преступлений в сфере экономики с использованием информационно-коммуникационных технологий в отдельных случаях способствует хищение персональных данных потенциальных жертв.

Первый известный факт взлома коммуникационного устройства (телефона) отмечен в выпуске газеты «The Tech» в 1963 году¹. За последние шестьдесят лет коммуникационные системы приобрели глобальные масштабы, превосходящие возможности человечества по защите информации.

Данные, в том числе персональные, становятся для нового тысячелетия практически тем,

чем было электричество в XIX веке, – мощным импульсом для дальнейшего технологического развития, «новым природным ресурсом» [7]. По экспертным данным, к 2025 году в мире с использованием возможностей информационно-коммуникационных технологий будет храниться около 200 зеттабайт данных. По мере увеличения объема информации будет расти количество «слепых зон» в безопасности².

Ежедневно новые пользователи информационно-коммуникационных ресурсов вводят свои персональные данные на различных сайтах, приложениях и устройствах, становясь таким образом потенциальными жертвами преступников.

Кража личных данных может быть совершена полностью или частично с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), исключая тем самым физический контакт между преступником и жертвой, позволяя совершать такие деяния на расстоянии [4].

¹ Lichstein Henry. Telephone hackers active. The Tech 24.11.1963 [Электронный ресурс] – URL / <http://tech.mit.edu/V83/PDF/V83-N24.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).

² Steve Morgan On Hackers: «Cyber Crime Is The Greatest Threat To Every Company In The World». [Электронный ресурс] – URL / <https://www.forbes.com/sites/stevemorgan/2015/11/24/ibms-ceo-on-hackers-cyber-crime-is-the-greatest-threat-to-every-company-in-the-world/?sh=4dd69f7a73f0> (дата обращения: 27.01.2022).

Исторически совершение хищения путём мошенничества предполагало общение злоумышленника и пострадавшего лицом к лицу, поскольку без непосредственного контакта такого вида деяние совершить было невозможно. Распространение информационно-коммуникационных технологий оказало глубокое влияние на природу преступности, изменились механизмы совершения преступного деяния. Сейчас преступники могут совершать такие преступления в сфере экономики, как мошенничество, используя для этого рассылку электронных писем, поддельные интернет-сайты, сообщения в мессенджерах и социальных сетях. Они обманывают десятки тысяч людей по всему миру и затрачивают для этого значительно меньше усилий, чем их предшественники. Такие преступления сложнее раскрываются сотрудниками правоохранительных органов, поскольку совершаются дистанционно. При этом их общественная опасность существенно выше, чем у контактных преступлений. Люди, у которых были украдены персональные данные, затрачивают потом длительное время для устранения неприятных последствий, созданных преступниками. Им приходится в лучшем случае менять свои документы, сим-карты, в худшем случае инициировать судебные разбирательства относительно легитимности оформленных на их имя кредитов.

В 2021 году было взломано 5,1 млрд записей о данных граждан по всему миру³. Кроме того, каждый год, начиная с 2001-го, денежный ущерб, причиняемый такого вида преступлениями, увеличивается в геометрической прогрессии. Например, в 2020 году он составил около 4,2 млрд американских долларов⁴. И это цифры только зарегистрированных случаев преступных деяний. Прогнозируемый экспертами финансовый вред составит в 2025 году примерно 10,5 трлн долларов⁵.

Согласно проведенному в США исследованию⁶ о преступлениях, которых больше всего боялись американцы в 2021 году, 74 % респондентов беспокоились о том, что у них могут украсть их личную информацию, кредитную карту или финансовую информацию, 72 % опасались кражи персональных данных. При этом

стать жертвой ограбления боятся только 33 % респондентов⁷.

Дальнейшее развитие технологий будет способствовать возникновению принципиально новых угроз для общества. В связи с этим некоторые исследователи настроены ещё глубже рассматривать проблему «кражи личности», привязывая её к социальным ролям индивида, имея в виду использование преступниками не только персональных данных, документов и внешности, но и черт характера, переживаемых эмоций [3], манеры поведения. Таким образом, преступник, завладевший конфиденциальной информацией, начинает эксплуатировать не только имя человека, но и его личность.

В футуристических литературных произведениях герои часто примеряют на себя чужие образы, меняют личность. В современной виртуальной реальности с каждым годом растёт число людей, выдающих себя за других. Полагаем, многие сталкивались со взломом личной страницы или страницы друга в социальной сети «Вконтакте», когда злоумышленники делают рассылку от имени существующего аккаунта с просьбой перечислить денежные средства.

Сейчас появились программные продукты, способные создавать с помощью искусственных нейронных сетей изображения и звуки, которые воспринимаются как реальные, представляя человека в существующем изображении. И если в настоящее время данные программы находятся в зачаточном состоянии и используются в основном для развлечений, то с их развитием до достаточного уровня достоверности создаваемого контента возрастёт заинтересованность в них преступного мира.

Вероятнее всего, злоумышленники станут активно использовать подобные методы работы с изображением для совершения преступных деяний в сфере экономики. Считаем, что уже сегодня законодатель должен рассматривать вопросы, посвящённые защите от хищения не только персональных данных, но и личности в целом.

Понятие «кража личности» (дословный перевод с английского «identity theft») было введено в оборот в 1950-х годах английским психологом Эриком Эриксоном. Однако, по нашему мнению, точнее было бы толковать этот термин как кражу идентификационных данных (личных или персональных данных).

В Российской Федерации создана нормативная правовая база документов, регламентирующих защиту персональных данных, среди которых: Федеральный закон «О персональных данных»; Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Указ Президента «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера»; постановления Правительства «Об утверждении требований к материальным носителям

³ Ирвин Люк. Утечки данных и кибератаки в 2021 году: 5,1 миллиарда взломанных записей. [Электронный ресурс] – URL / <https://www.itgovernance.co.uk/blog/data-breaches-and-cyber-attacks-in-2021-5-1-billion-breached-records> (дата обращения: 26.01.2022).

⁴ Исследовательский центр «Финансы онлайн». [Электронный ресурс] – URL / <https://financesonline.com/cybercrime-statistics/> (дата обращения: 22.01.2022).

⁵ Морган Стив. К 2025 году киберпреступность будет обходить миру в 10,5 трлн долларов в год. [Электронный ресурс] – URL / <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damages-6-trillion-by-2021/> (дата обращения: 26.01.2022).

⁶ Статистическая консалтинговая компания Statista. [Электронный ресурс] – URL / <https://www.statista.com/statistics/339735/crime-worries-in-the-united-states/> (дата обращения: 22.01.2022).

⁷ Исследование проводилось с 1 по 19 октября 2021 года в США методом телефонного интервьюирования. Охват составил 823 респондента в возрасте от 18 лет.

биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных»; «Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации»; «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных».

Помимо этого, стоит упомянуть документы, разъясняющие некоторые вопросы, касающиеся работы с персональными данными граждан, как, например, приказ Роскомнадзора по их обезличиванию [8].

С позиций криминологического подхода интересно рассмотреть факторы, способствующие росту краж персональных данных.

Одним из основных факторов является время, поскольку, во-первых, между непосредственной кражей персональных данных и хищением, совершённым с их использованием, может пройти значительное время. Гражданин, в отношении которого будет совершено преступное деяние, не всегда сможет осознать, как преступники завладели его персональными данными, когда это произошло. Во-вторых, чем больше времени пройдет с момента утраты персональных данных в пользу третьих лиц до момента обнаружения этого факта, тем значительнее могут быть негативные последствия для жертвы в результате совершенного хищения. Этим пользуются лица, получившие доступ к таким данным в силу своих должностных обязанностей, в частности, операторы офисов обслуживания физических лиц, которые, используя персональные данные клиентов, в течение длительного времени похищают с их счетов небольшие суммы. Такие действия совершаются в основном до обнаружения службой безопасности финансово-кредитных организаций, операторов связи, почтовых отделений.

Так, например, в апреле 2021 года Советским районным судом г. Орла вынесен приговор № 1-47/2021 (1-252/2020) о признании гражданки А. виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 272 и п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ. Данная гражданка на протяжении полугода работала специалистом офиса ПАО «Вымпел-Коммуникации», где из программы «1CRetail» ей стали известны персональные данные клиентов, в том числе их лицевые счета. Воспользовавшись инструкцией, которую она нашла в сети интернет, из корыстных побуждений, с помощью проведения процедуры поэтапной модификации сим-карт она осуществила вывод денежных средств с лицевых счетов абонентов ПАО «ВымпелКом» («Билайн»). Фактически используя персональные данные абонентов, гражданка А. в течение 6 месяцев оформляла на них сим-карты, о существовании которых они не догадывались и не могли ими соответственно воспользоваться. Получала сим-карты в своё пользование и выводила через них деньги с сим-карт абонентов. Таким образом, семеро пострадавших не знали о доступе

к их персональным данным третьих лиц и о своём статусе потерпевших до момента вызова их в полицию для дачи показаний. Сумма ущерба составила 35 тыс. рублей.

Следующим фактором обозначим доступность персональных данных в интернете, деловой переписке, в приложениях, на сайтах. Зачастую пользователи сети регистрируются на различных сайтах, не знакомясь с политикой их конфиденциальности и безопасности, давая согласие на манипуляцию со своими персональными данными, которая может привести к их недобросовестному использованию или хищению. Также существует возможность использования персональных данных в преступных целях сотрудниками телекоммуникационных, кредитно-финансовых и других организаций, в чьём доступе они находятся [1]. При этом компании и организации не несут никакой ответственности за распространение информации о своих клиентах. Более того, оформляя с согласия граждан скидочные карты, карты постоянного покупателя, они завладевают данными и могут использовать их по своему усмотрению, в том числе продавая сторонним организациям [6]. Впоследствии граждане начинают получать звонки и смс-сообщения от незнакомых абонентов с рекламными предложениями, а также рассылку на адрес электронной почты. К тому же большинство людей не проявляют должной бдительности в вопросах защиты своих личных данных и сами предоставляют доступ к ним, не задумываясь о возможных последствиях.

Третьим фактором, на наш взгляд, является уровень материального благосостояния и образованности жертвы. Лица с более низким уровнем материального благосостояния склонны обращаться в сомнительные организации для получения микрофинансовых займов, не только сообщая там свои персональные данные, но и оставляя свои документы, удостоверяющие личность. Для работников подобных организаций в силу специфики их морально-деловых качеств, оформление на попавших в финансовое затруднение лиц микрокредитов о которых последние не будут знать, является распространённой практикой. В силу недостаточной образованности таким жертвам требуется больше времени, чтобы обнаружить и сообщить в правоохранительные органы о преступном деянии, совершенном в отношении их. Иногда граждане делают это только после начала преследований со стороны коллекторских компаний или возникших банковских проблем, связанных с вызовом в суд в связи с невыплатами по кредиту. Дела о признании таких кредитных договоров ничтожными рассматриваются в рамках гражданского судопроизводства. Однако пострадавшая сторона вправе обратиться в правоохранительные органы с заявлением о совершении в отношении неё мошеннических действий.

Четвёртым фактором можно назвать доступность в интернете информации, содержащей инструкции по доступу к персональным данным граждан и пошаговые руководства по

совершению хищений с использованием таких сведений.

В отечественной уголовно-правовой практике при квалификации хищения персональных данных применяется норма, регламентирующая либо неприкосновенность частной жизни, либо нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, либо неправомерный доступ к компьютерной информации. Кроме того, существует статья, предусматривающая ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Судами при вынесении приговоров деяния, связанные с кражей персональных данных и последующим их использованием, квалифицируются по двум статьям УК РФ.

В октябре 2020 года Одинцовский городской суд Московской области вынес обвинительный приговор № 1-627/2020 в отношении гражданина А., который, являясь специалистом офиса продаж ООО «Русская Телефонная Компания», действуя из корыстных побуждений, осуществил неправомерный доступ к персональным данным клиентов (фамилии, имена, отчества, адреса регистрации, серии и номера паспортов, номера лицевого счета, сведения об остатках денежных средств на абонентских номерах), фотографировал и передавал их третьему лицу за вознаграждение. Давая юридическую оценку, суд квалифицировал его действия по ч. 3 ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации с использованием служебного положения) и по ч. 3 ст. 183 УК РФ (сбор сведений, составляющих коммерческую тайну и их разглашение). Судом было назначено наказание в виде 2 лет 6 месяцев условного лишения свободы, с испытательным сроком три года. Таким образом, фактически гражданин А. не понёс существенного наказания за свои действия. К тому же, если юридическое лицо, сотрудником которого он являлся, не проявит должной степени ответственности и просто наймёт другого работника, подобная ситуация не исключена в последующем. Каким образом могут быть использованы украденные данные и какие последствия возникнут для их обладателей, в данной ситуации никого не интересует, даже если это способствует правонарушению. Доказать же связь между деянием гражданина А., передавшего персональные данные третьим лицам, и, например, мошенничеством, совершённым в отношении обладателей этих данных, практически невозможно.

Обратим внимание на законодательство зарубежных стран, в частности, США, где введена уголовная ответственность непосредственно за кражу персональных (личных) данных. Под таким деянием подразумевается «сознательная передача или использование без права на то персональных данных лица с намерением совершить или способствовать совершению преступного деяния»⁸. За такое преступление предусмотрено

наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет, а также штраф и конфискация личного имущества, используемого для совершения преступления. Под личными данными понимаются не только имя жертвы, ее дата рождения, номер социального страхования, но и адрес проживания и девичья фамилия матери.

В Стратегии безопасности Европейского Союза на 2020–2025 годы обращается внимание на разработку инновационных мер защиты персональных данных, где особое значение придается изучению возможных рисков хищения персональных (личных) данных [9].

Как мы уже отмечали, можно установить прямую связь между развитием информационно-коммуникационных технологий и возрастающим риском кражи персональных данных. Хищение персональных данных может иметь серьёзные последствия для граждан, начиная от кражи денег с лицевых счетов, оформления на них банковских кредитов и заканчивая в обозримом будущем возможностью завладения личностью, используя её персональные данные.

Существует множество рекомендаций, как обезопасить себя от хищения персональных данных. Конечно, бдительность при совершении любых действий, связанных с передачей личной информации, является некоторым барьером для возможных злоупотреблений. Однако не всегда психоэмоциональное состояние жертвы позволяет ей оставаться внимательной и исключить случаи совершения в отношении неё преступных деяний. Например, распространённый вид мошенничества в отношении граждан, совершаемого посредством оказания оккультных услуг (гадания). Жертвами становятся вполне уверенные в себе и собранные люди. В настоящее время преступники также применяют методы психологического воздействия на потенциальную жертву [2]. При выполнении таких манипуляций потенциальный потерпевший может не сразу осознать совершение в отношении него преступления. Но, даже осознавая данный факт, жертва может пребывать в уверенности, что ей удастся избежать негативных последствий.

Важно отметить, что способы кражи персональных данных чаще всего сопряжены с халатностью при их хранении и передаче, поэтому осведомлённость граждан о возможностях их сохранности является важной составляющей финансовой безопасности.

Хищение персональных данных видится нам достаточно серьёзной проблемой в обозримом будущем, поскольку такое деяние может принимать различные формы [4]: от кражи данных должностным лицом кредитной организации или отделения почты для несанкционированного снятия со счетов граждан денежных средств до хищения полных данных о человеке и присвоения себе его «личности».

Рассмотрев проблемы сохранности персональных данных в современном мире, считаем,

⁸ Закон о предотвращении кражи личных данных от 1998 г. 18 USC §1028(a) (7) (свод законов США) [Электрон-

ный ресурс] – URL: <https://www.justice.gov/criminal-fraud/identity-theft/identity-theft-and-identity-fraud> (дата обращения: 22.01.2022).

что необходимо введение в отечественное уголовное законодательство нормы, регламентирующей ответственность как граждан, так и юридических лиц за незаконное распространение, ненадлежащее хранение персональных данных.

Однако при разработке такой нормы законодателью стоит обратить внимание, что кража личных данных будет образовывать преступное деяние лишь тогда, когда такая информация используется для совершения других незаконных действий.

Список литературы

1. Антоненко А. Д. Защита персональных данных как основа экономической безопасности в банковской сфере // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 5-2 (33). – С. 140–144.
2. Антонова Т. С., Смирнов В. М. Фишинг как неизученное киберпреступление // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 6. – С. 69–75.
3. Атагимова Э. И., Потёмкина А. Т., Цопанова И. Г. «Кража личности» как самостоятельное преступление или разновидность мошенничества // Правовая информатика. – 2017. – № 3. – С. 14–22.
4. Борисова Е. С., Белоусов А. Л. Инновации как инструмент обеспечения информационной безопасности и повышения эффективности деятельности банковской системы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 1330–1342. – DOI 10.21202/1993-047X.13.2019.3.1330–1342.
5. Денисова А. В. Уголовная ответственность за преступления в сфере финансовых рынков по законодательству Сингапура // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 1. – С. 148–156. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.148–156.
6. Кузьмин Ю. А. Кража персональных данных (криминологический аспект) [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. – 2020. – № 3. – С. 48–57. – DOI: 10.47026/2499-9636-2020-3-48-57.
7. Озеров И. Н., Озеров К. И. Новые способы совершения мошеннических действий в сфере IT-технологий в период коронавирусной инфекции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2021. – № 1. – С. 24–28.
8. Салимова Т. А., Атнабаева Ю. В. Особенности обеспечения безопасности персональных данных в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11-1 (62). – С. 119–123. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-11-1-119-123.
9. Терентьева Л. В. Критерий «направленной деятельности» применительно к отношениям, связанным с защитой персональных данных // Правовая информатика. – 2021. – № 1. – С. 61–69. – DOI 10.21681/1994-1404-2021-1-61-69.
10. Тучков А. В. Криминологическая характеристика хищений, совершаемых с использованием информационных и телекоммуникационных технологий // Академическая мысль. – 2019. – № 2 (7). – С. 57–61.

References

1. Antonenko A. D. Zashchita personal'nykh dannykh kak osnova ekonomicheskoy bezopasnosti v bankovskoy sfere // Skif. Voprosy studencheskoy nauki. – 2019. – № 5-2(33). – S. 140–144.
2. Antonova T. S., Smirnov V. M. Fishing kak neizuchennoye kiberprestupleniye // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 6.
3. Atagimova E. I., Potemkina A. T., Tsopanova I. G. «Krazha lichnosti» kak samostoyatel'noye prestupleniye ili raznovidnost' moshennichestva // Pravovaya informatika. – 2017. – № 3. – S. 14–22.
4. Borisova Ye. S., Belousov A. L. Innovatsii kak instrument obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti i povysheniya effektivnosti deyatel'nosti bankovskoy sistemy // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. – 2019. – Т. 13. – № 3. – S. 1330–1342. – DOI 10.21202/1993-047X.13.2019.3.1330–1342.
5. Denisova A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere finansovykh rynkov po zakonodatel'stvu Singapura // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 1. – S. 148–156. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.148–156.
6. Kuz'min Yu. A. Krazha personal'nykh dannykh (kriminologicheskii aspekt) [Elektronnyy resurs] // Oeconomia et Jus. – 2020. – № 3. – S. 48–57. – DOI: 10.47026/2499-9636-2020-3-48-57.
7. Ozerov I. N., Ozerov K. I. Novyye sposoby soversheniya moshennicheskikh deystviy v sfere it-tekhnologiy v period koronavirusnoy infektsii // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. – 2021. – № 1. – S. 24–28.
8. Salimova T. A., Atnabayeva Yu. V. Osobennosti obespecheniya bezopasnosti personal'nykh dannykh v Rossiyskoy Federatsii // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. – 2021. – № 11-1 (62). – S. 119–123. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-11-1-119-123.
9. Terent'yeva L. V. Kriteriy «napravlennoy deyatel'nosti» primenitel'no k otnosheniyam, svyazannym s zashchitoy personal'nykh dannykh // Pravovaya informatika. – 2021. – № 1. – S. 61–69. – DOI 10.21681/1994-1404-2021-1-61-69.
10. Tuchkov A. V. Kriminologicheskaya kharakteristika khishcheniy, sovershayemykh s ispol'zovaniyem informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Akademicheskaya mysl'. – 2019. – № 2(7). – S. 57–61.

Статья поступила в редакцию 23.02.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 17.08.2022.

The article was submitted February 23, 2022; approved after reviewing June 29, 2022; accepted for publication August 17, 2022.

Научная статья
УДК 343.121, 347.965
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-124-130

Анастасия Александровна Сафонова

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-2223-0195>, safonova-nasta@mail.ru

Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 6б.

Назначение защитника в уголовном деле: правовая сущность и процессуальный порядок

Аннотация: Наличие адвоката в уголовном процессе является наиболее эффективным средством защиты подозреваемого (обвиняемого), поскольку именно защитник может оказать квалифицированную юридическую помощь.

Проблемные вопросы участия защитника в уголовном деле изучаются на протяжении длительного времени. Вместе с тем многогранность рассматриваемой темы объективно обуславливает то обстоятельство, что не все вопросы изучены исчерпывающим образом. В частности, продолжают оставаться спорными отдельные аспекты приглашения и назначения защитника, процессуального оформления действий следователя по предоставлению защитника обвиняемому (подозреваемому).

Основная цель статьи заключается в разрешении проблемных вопросов назначения и вступления защитника в уголовное дело. Порядок вступления данного участника в уголовный процесс осложнен двойственной природой: в процессуальном плане момент начала участия защитника неразрывно связан с деятельностью следователя (дознавателя), а в организационных вопросах – с решением адвокатского сообщества, уполномочивающего адвоката на осуществление защиты. В связи с существованием двух способов появления защитника в уголовном деле в статье представлено разграничение сущности защиты по соглашению и по назначению. Также рассматриваются актуальные вопросы процессуального оформления статуса защитника в уголовном процессе. Автором предложены рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части, регламентирующей порядок вступления защитника и его деятельность в рамках уголовного процесса, предприняты попытки унификации правоприменительной практики по вопросам процессуального закрепления момента начала участия защитника.

Ключевые слова: адвокат, защитник по приглашению, защитник по назначению, вступление в дело, квалифицированная юридическая помощь, стадия предварительного расследования, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Сафонова А. А. Назначение защитника в уголовном деле: правовая сущность и процессуальный порядок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 124–130; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-124-130.

Anastasia A. Safonova

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-2223-0195>, safonova-nasta@mail.ru

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
66, Korepin str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

Appointment of a defense counsel in a criminal case: legal essence and procedural order

Abstract: The presence of a lawyer in a criminal process is the most effective means of protecting the suspect (accused), since it is the defender who can provide qualified legal assistance. The problematic issues of the participation of a defense counsel in a criminal case have been studied for a long time. At the same time, the versatility of the topic under consideration objectively determines the fact that not all issues have been studied in an exhaustive way. In particular, certain aspects of inviting and appointing a defense lawyer, the procedural registration of the actions of the investigator to provide a defense counsel to the accused (suspect) continue to be controversial. The main purpose of the article is to resolve the problematic

issues of the appointment and entry of a defense counsel into a criminal case. The procedure for the entry of this participant into the criminal process is complicated by a dual nature: in the procedural plan, the moment the defense attorney begins to participate is inextricably linked with the activities of the investigator (interrogating officer), and in organizational matters - with the decision of the legal community authorizing the lawyer to defend. In connection with the existence of two ways of the appearance of a defense counsel in a criminal case, the article presents a distinction between the essence of defense by agreement and by appointment. Topical issues of procedural registration of the status of a defender in criminal proceedings are also considered. The author proposes recommendations for improving the criminal procedural legislation in terms of regulating the procedure for the entry of a defense counsel and his activities in the framework of the criminal process, attempts are made to unify law enforcement practice on the procedural fixing of the moment the defense attorney begins to participate.

Keywords: lawyer, defense counsel by invitation, defense counsel by appointment, intervention in a case, qualified legal assistance, stage of preliminary investigation, criminal proceedings

For citation: Safonova A. A. Appointment of a defense counsel in a criminal case: legal essence and procedural order // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 124–130; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-124-130.

Защитник является ключевой фигурой на всём протяжении предварительного расследования, он предоставляется лицу сразу после начала уголовного преследования. Участие защитника в уголовном процессе необходимо в первую очередь для оказания обвиняемому (подозреваемому) квалифицированной юридической помощи, защиты данного лица, реализации гарантированных законом прав. Вместе с тем предоставление обвиняемому (подозреваемому) защитника на стадии предварительного расследования положительно сказывается на эффективности работы сотрудников, осуществляющих расследование уголовных дел, поскольку защитник, не имея задачи содействовать установлению истины по делу, фактически способствует более полному установлению обстоятельств совершённого преступления, подвергая критике версии следствия и представляя значимые сведения. Иными словами, именно участие защитника мобилизует предварительное расследование на всестороннее и тщательное собирание доказательств.

В данной статье проведён детальный анализ сущности и порядка участия защитника в уголовном деле, рассмотрены вопросы процессуального закрепления статуса защитника. Задачами исследования являются выявление различий между способами участия защитника по соглашению и по назначению, установление определённого субъекта, полномочного на назначение адвоката для осуществления квалифицированной юридической помощи в качестве защитника по уголовному делу.

Проблемные вопросы участия защитника в уголовном деле изучаются на протяжении длительного времени. Ранее исследованиями в данном направлении занимались такие учёные, как В. А. Богдановская [1, с. 50–57], О. В. Гладышева [2, с. 10–20], И. Н. Кондрат [3, с. 76–83], Я. А. Кострица [4, с. 97–101], В. В. Ларин [5, с. 21–25], Р. Г. Мельниченко [6, с. 30–39], О. В. Отчерцова [7, с. 44–49] и многие другие. В их трудах подробно и обстоятельно рассмотрены многие аспекты порядка предоставления защитника обвиняемому (подозреваемому), объёма прав за-

щитника, особенностей взаимодействия защитника с органами расследования. Вместе с тем многогранность рассматриваемой темы объективно обуславливает то обстоятельство, что не все вопросы изучены исчерпывающим образом. В частности, продолжают оставаться спорными отдельные аспекты приглашения и назначения защитника, процессуального оформления действий следователя по предоставлению защитника обвиняемому (подозреваемому).

По общему правилу, закреплённому в ч. 2 ст. 49 УПК РФ, в качестве защитника по уголовному делу может быть допущен только адвокат, то есть лицо, которое получило данный статус в установленном законом порядке. Необходимо учитывать, что обеспечить квалифицированную юридическую помощь в состоянии именно адвокат, а не любое другое лицо.

Вместе с тем из общего правила есть два исключения, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 49 УПК РФ. Исключение первое состоит в том, что в судебных стадиях уголовного процесса совместно с адвокатом в качестве защитника могут участвовать близкий родственник обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Исключение второе касается дел частного обвинения, в которых близкий родственник обвиняемого или иное лицо по ходатайству обвиняемого может быть допущено в качестве защитника вместо адвоката.

Таким образом, участие в качестве защитника лица, не имеющего статуса адвоката, совместно с профессиональным адвокатом или даже вместо него возможно только при рассмотрении дела в суде. На стадии предварительного расследования, где осуществляется сбор основного массива доказательств, функцию защиты вправе осуществлять только адвокат [8, с. 43–44].

Регламентация процедуры начала участия защитника в уголовном деле в недавнем прошлом претерпела некоторые изменения. До 2017 года в ч. 4 ст. 49 УПК РФ использовалось выражение «адвокат допускается к участию в деле». Федеральным законом от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ в данной норме слово «допускается»

заменено на словосочетание «вступает в уголовное дело в качестве защитника». Эти изменения объяснялись тем, что предыдущая редакция ч. 4 ст. 49 УПК РФ порождала противоречия во взглядах учёных по данному вопросу. Одни процессуалисты считали, что процедура вступления защитника в уголовное судопроизводство носила разрешительный характер, то есть под допуском следовало понимать письменное разрешение следователем (дознавателем) на участие конкретного адвоката в уголовном деле [9]. Другие авторы интерпретировали допуск как уведомление адвокатом лица, осуществляющего предварительное расследование, о намерении участвовать в качестве защитника по уголовному делу [10, с. 84].

Следует учитывать, что в правоприменительной практике допуск как письменное разрешение следователя адвокату участвовать в деле никогда не применялся. Участие адвоката в качестве защитника носило, по сути, явочный характер. Адвокат представлял следователю ордер и адвокатское удостоверение, после чего принимал участие в процессуальных действиях. С учётом изложенного нельзя сказать, что корректировка ч. 4 ст. 49 УПК РФ была направлена на изменение сложившейся негативной практики. Скорее всего, новая редакция анализируемой нормы преследовала цель уточнить, что защитник начинает участвовать в уголовном деле не по разрешению следователя, а в результате достижения договорённости с обвиняемым (подозреваемым), и что следователь не вправе произвольно не допустить адвоката для защиты лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование [11, с. 110]. В конечном итоге изменения закона направлены на повышение значимости защиты, акцентируют внимание на самостоятельности защитника, важности его участия в уголовном процессе.

В связи с этим весьма показательна позиция А. С. Есиной, О. Е. Жамковой, А. В. Борбата, которые отмечают, что в результате замены слова «допуск» на «вступление» в УПК РФ сущность данной процедуры не изменилась, поскольку и в предыдущей редакции ч. 4 ст. 49 УПК РФ под «допуском» надо было понимать не право субъекта расследования разрешать защитнику оказывать квалифицированную юридическую помощь обвиняемому (подозреваемому), а обязанность осуществлять проверку наличия у адвоката действительного удостоверения и ордера. Если же все необходимые документы находились в порядке, следователь просто подтверждал право адвоката участвовать в качестве защитника в конкретном уголовном деле [12, с. 17–21].

Мы придерживаемся схожей позиции по данному вопросу. Поправки, внесённые в ч. 4 ст. 49 УПК РФ, принципиально не изменили сущность и порядок вступления защитника в уголовное дело, а лишь акцентировали внимание на невозможность произвольного недопущения следователем адвоката к участию в расследовании в качестве защитника обвиняемого (подозреваемого).

В настоящее время закон предусматривает два способа появления защитника в уголовном деле: по соглашению и по назначению (ст. 50 УПК РФ) При этом сущность защитной деятельности вне зависимости от того, каким образом защитник стал участвовать в деле, полностью идентична. В том и другом случае защитник должен быть профессионалом в своём деле, осуществлять защитную деятельность качественно и добросовестно, только с помощью законных способов и средств, соблюдать этические нормы поведения адвоката [13, с. 25–30].

Вместе с тем требует более глубокого уяснения сущность привлечения защитника к участию в деле по соглашению и по назначению.

По общему правилу защитник должен быть приглашён обвиняемым (подозреваемым) либо другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого (подозреваемого). Законодательное закрепление данного правила отнюдь не случайно и объясняется нежеланием освободить органы предварительного расследования от действий по поиску защитника. Участие защитника рассматривается не как элемент деятельности органов уголовного преследования, а напротив, как законный способ оппонирования этой деятельности. В силу этого именно обвиняемый (подозреваемый) должен подыскивать защитника, договариваться с ним об условиях защиты, вырабатывать позицию и тактику поведения в судопроизводстве. Такое разделение защиты и уголовного преследования наиболее оптимально, поскольку право на защиту лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, реализуется и в свободе выбора защитника, которого желает видеть обвиняемый (подозреваемый). Выбрав себе подходящего защитника и заключив с ним соглашение, подзащитный сможет ему доверять в полной мере, поэтому защитная позиция будет выстроена качественным образом.

Ключевым моментом в осуществлении защиты по соглашению является заключение соглашения (договора) об оказании юридической помощи. Согласно словарю С. И. Ожегова, под «соглашением» понимается договор, устанавливающий какие-нибудь условия, взаимоотношения, права и обязанности сторон¹. Данное определение в достаточном объёме отражает сущность соглашения, которое заключается между подозреваемым (обвиняемым) и защитником. В этом соглашении указываются данные адвоката, предмет поручения, условия и размер выплат вознаграждения адвоката, компенсация затрат адвоката, размер и характер его ответственности. Чаще всего деятельность защитника носит возмездный характер. В некоторых случаях по собственному усмотрению приглашённый обвиняемым (подозреваемым) или

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – Москва: Оникс, 2010. – С. 438; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940. – URL: <https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117>.

другими лицами в интересах обвиняемого (подозреваемого) защитник может оказывать юридическую помощь бесплатно.

При этом важно, что адвокат не должен предоставлять лицу, осуществляющему расследование по уголовному делу, заключённое с доверителем соглашение. Содержащаяся в этом соглашении информация, в том числе материально-денежные условия осуществления защиты, является адвокатской тайной и разглашению не подлежит. Соответственно, следователь не вправе требовать от адвоката предъявить соглашение с обвиняемым (подозреваемым) и приобщать это соглашение к материалам дела, содержащаяся в нем информация относится к конфиденциальной.

Следующий способ участия защитника в уголовном деле – по назначению. По смыслу закона этот порядок привлечения защитника используется, когда обвиняемый (подозреваемый) по каким-либо причинам не сумел заключить с защитником соглашение, или когда явка защитника, с которым заключено соглашение, невозможна в установленный законом срок. Иными словами, назначение защитника – не свободная, а вынужденная альтернатива участию защитника по соглашению.

Защиту граждан в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в 2017 году осуществляли 39 094 адвоката (48,9 % от общего числа адвокатов)², что свидетельствует о широком распространении этого порядка участия защитника в уголовном деле.

УПК РФ использует весьма неоднозначную терминологию, в результате чего не вполне ясно, на кого возлагаются обязанности по назначению защитника. С одной стороны, в ч. 4 ст. 50 УПК РФ говорится о том, что в случае невозможности обеспечения явки защитника, с которым заключено соглашение, следователь принимает меры по назначению защитника. В ч. 5 ст. 50 УПК РФ также использована формулировка «адвокат участвует в производстве предварительного расследования по назначению». С другой стороны, в ч. 3 ст. 51 УПК РФ закреплено, что «следователь обеспечивает участие защитника в деле». При этом в УПК РФ не затрагивается вопрос о порядке назначения конкретного адвоката в качестве защитника адвокатским сообществом.

В словаре Д. Н. Ушакова термин «назначение» трактуется как «постановка на какую-либо должность, работу»³. Кроме того, необходимо исходить из правовой природы оказания квалифицированной юридической помощи. Как было отмечено, право обвиняемого (подозреваемого)

на её получение закреплено на конституционном уровне. При этом оказывает квалифицированную юридическую помощь только адвокат. Системный анализ указанных положений позволяет сделать однозначный вывод: следователь обеспечивает участие защитника только в том аспекте, что осуществляет вызов адвоката из органа адвокатского сообщества, а уполномочивает конкретного адвоката для участия в деле именно этот орган [14, с. 44–48]. Иными словами, следователь не вправе произвольно назначить того или иного адвоката для оказания защиты.

Возникает вопрос, какой же субъект принимает решение о назначении защитника по конкретному уголовному делу? Очевидно, что данный процесс включает в себя несколько этапов.

Во-первых, следователь получает от обвиняемого (подозреваемого) информацию о возможности заключить соглашение с адвокатом. Порядок сообщения данных сведений законодательно не регламентирован. Это может быть облечено в форму письменного заявления, а может произойти и в устной форме. Поскольку право обвиняемого (подозреваемого) пользоваться квалифицированной юридической помощью (то есть применительно к уголовному судопроизводству – иметь защитника в ходе расследования и судебного разбирательства) является базовым и носит характер презумпции, обвиняемый (подозреваемый) не должен каким-либо образом отдельно ходатайствовать о предоставлении защитника. В любом случае предполагается, что процессуальные действия с обвиняемым (подозреваемым) должны производиться с участием защитника, что обуславливает наличие у следователя обязанности выяснить, заключено ли соглашение с адвокатом. Поскольку получение сведений о данном обстоятельстве носит сугубо предварительный характер, строгий порядок сообщения этих сведений законодательно не установлен.

Во-вторых, следователь направляет запрос в орган адвокатского сообщества о предоставлении защитника. По смыслу закона, следователь не вправе требовать, чтобы для участия в деле был направлен конкретный адвокат, поскольку иное означало бы наличие какой-либо неформальной связи между следователем и соответствующим адвокатом, ставило бы под сомнение эффективность оказания данным адвокатом юридической помощи обвиняемому (подозреваемому). Вместе с тем следователь не только вправе, но и обязан указать, какие адвокаты не могут принимать участие в деле в качестве защитника, если эти препятствия установлены законом. Так, по делу о групповом преступлении следователь должен известить орган адвокатского сообщества о том, какие адвокаты осуществляют защиту других соучастников, чтобы исключить одновременное участие адвоката в качестве защитника нескольких лиц, интересы которых противоречат друг другу.

В-третьих, орган адвокатского сообщества по результатам рассмотрения запроса по-

² Информационная справка о состоянии адвокатуры и адвокатской деятельности в 2017 году. // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов. – URL: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/>.

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940. – URL: <https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117>.

ручает конкретному адвокату принять участие в уголовном деле. Вместе с тем такое поручение ещё не означает, что адвокат начал участвовать в деле. Он лишь направлен к следователю для решения данного вопроса.

В-четвёртых, следователь принимает ордер адвоката. Именно в этот момент происходит то, что ранее закон именовал «допуск адвоката в дело», а сейчас – «вступление в дело». Следователь предоставляет адвокату для ознакомления установленные законом материалы уголовного дела, и обеспечивает реальное начало участия адвоката в деле. Важно подчеркнуть, что при этом следователь не «разрешает» адвокату начать осуществлять защиту, а как бы «вводит» защитника в дело.

С учётом изложенного представляется, что назначение защитника носит двуединый характер. Оно включает в себя два относительно самостоятельных и в то же время неразрывно связанных действия – выделение адвоката органом адвокатского сообщества и принятие следователем ордера адвоката. Таким образом, в назначении защитника участвует и следователь (поскольку принимает решение об обращении в орган адвокатского сообщества о предоставлении защитника), и орган адвокатуры (поскольку удовлетворяет запрос следователя и выделяет конкретного адвоката для участия в деле). Поскольку данная процедура логически завершается в момент прибытия адвоката к следователю и именно следователь принимает решения по уголовному делу, более правильно говорить о том, что назначение адвоката производится органом предварительного расследования, но следует учитывать, что термин «назначение защитника следователем» носит весьма условный характер и подразумевает, что предоставление конкретного адвоката находится в исключительной компетенции адвокатуры.

По действующему законодательству принятие мер по назначению защитника в случаях, не предусмотренных ч. 1 ст. 51 УПК РФ, не означает обязанность органов предварительного расследования обеспечивать участие защитника в каждом уголовном деле. Защитник по назначению должен обязательно участвовать в том случае, когда у обвиняемого (подозреваемого) нет возможности заключить с защитником соглашение, а также когда обвиняемый (подозреваемый) отказывается от защитника, однако его участие в деле является обязательным в соответствии со ст. 51 УПК РФ.

Представляется, что с учётом достаточно существенной разницы правовой природы двух отмеченных способов привлечения защитника к участию в деле целесообразно закрепить в УПК РФ понятия «защитник по соглашению» и «защитник по назначению».

Необходимо в ст. 5 УПК РФ п. 12.1 внести дополнения следующего содержания: «Защитник по соглашению – лицо, приглашённое стороной защиты, осуществляющее на основании соглашения об оказании юридической помощи защиту прав и интересов подозреваемого (обви-

няемого, подсудимого)». В данном определении следует использовать термин «лицо», а не адвокат, поскольку в качестве защитника по соглашению могут участвовать не только адвокаты, но и иные лица наряду с адвокатом и даже единолично (при производстве у мирового судьи).

Также следует дополнить ст. 5 УПК РФ п. 12.2, в котором будет сформулировано следующее определение: «Защитник по назначению – адвокат, назначенный в установленном порядке адвокатским образованием по обращению следователя, дознавателя или суда для защиты прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) и оказания ему квалифицированной юридической помощи на безвозмездной основе (за счет средств федерального бюджета)».

Сформулированные определения позволяют уяснить разницу между осуществлением адвокатом защиты по назначению и по приглашению, поскольку в УПК РФ характерные особенности указанных способов детально не регламентированы. Также в законодательстве не совсем полно раскрыта сущность назначения защитника для участия в уголовном деле и защиты прав лица. Поскольку оперирование указанными понятиями в науке и практике уголовно-процессуальной деятельности происходит практически ежедневно, их нормативное закрепление будет способствовать единообразному применению данных понятий, упростит сущность понимания их различий для лиц, желающих воспользоваться услугами адвоката-защитника в уголовном процессе.

Определённый интерес представляет вопрос о документальной фиксации начала участия адвоката в уголовном деле в качестве защитника. В УПК РФ по этому поводу указано, что адвокат должен представить следователю удостоверение и ордер. Удостоверение подтверждает наличие у его обладателя адвокатского статуса, оно лишь предъявляется следователю и к материалам уголовного дела не приобщается. По общему правилу следователь не должен предпринимать каких-либо особых мер по проверке подлинности адвокатского удостоверения. В случае возникновения сомнений следователь должен свериться с реестром адвокатов, размещённым на официальном сайте адвокатской палаты субъекта Российской Федерации. Ордер, напротив, приобщается к материалам уголовного дела. Именно в ордере, помимо прочих сведений, указывается основание вступления адвоката в дело – соглашение или назначение. Это обстоятельство имеет важное значение, поскольку предопределяет возможность либо невозможность приглашения для участия в отдельных следственных действиях другого защитника.

Приобщив ордер адвоката к уголовному делу, следователь обеспечивает его участие в качестве защитника при производстве процессуальных действий. По результатам анкетирования следователей и дознавателей органов внутренних дел в Пермском крае, Свердловской

области, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре установлено, что 96 % опрошенных сотрудников для закрепления момента вступления защитника в уголовный процесс лишь приобщают к материалам дела ордер адвоката, но не выносят постановление о назначении адвоката в качестве защитника⁴. Следует отметить, что в УПК РФ также отсутствуют указания на необходимость составления таких процессуальных документов, как постановление о назначении адвоката в качестве защитника, в отличие, например, от обязательного составления постановления о признании потерпевшим или постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Вместе с тем в некоторых территориальных органах внутренних дел сформировалась иная практика. Так, в ряде следственных подразделений Челябинской области при участии в деле защитника по назначению выносятся следующие процессуальные документы. Во-первых, составляется постановление об участии в деле адвоката по назначению. Во-вторых, выносятся постановления о допуске защитника, в резолютивной части которого указываются сведения о конкретном адвокате, назначаемом защитником обвиняемого (подозреваемого)⁵. Смысл составления указанных процессуальных документов в следующем. Первое постановление фиксирует, что обвиняемый (подозреваемый) не заключил соглашение с адвокатом, и поэтому участие защитника обеспечивается следователем. Второе постановление содержит указание на конкретного адвоката, осуществляющего защиту. Как полагают следователи, в результате вынесения

данных постановлений упорядочивается и приобретает определенную «прозрачность» способ участия защитника в деле, становятся наглядными сведения о конкретных задействованных адвокатах. При этом вынесение данных постановлений инициировано не столько следственными органами, сколько органами адвокатского сообщества, которым наличие подобных постановлений помогает упорядочить отчетность участия адвокатов в уголовных делах и оплату труда адвокатов.

Вместе с тем очевидно, что вынесение таких постановлений УПК РФ прямо не предусмотрено. Разумеется, их составление не является процессуальным нарушением, поскольку не приводит к наложению на каких-либо лиц не предусмотренных законом обязанностей, но при этом не имеет практической необходимости. Вынесение подобных постановлений следует расценивать исключительно как местную, весьма своеобразную практику, которая не противоречит закону, но и не заслуживает дальнейшего распространения, поскольку влечёт неоправданные усложнения уголовного судопроизводства.

Таким образом, вступление защитника в уголовно-процессуальную деятельность можно ограничить лишь приобщением ордера адвоката к уголовному делу, а составление иных процессуальных документов, таких как постановление о назначении адвоката в качестве защитника (на примере правоприменительной практики Челябинской области) представляется нам излишним. Хотелось бы обратить внимание на необходимость законодательного закрепления двух способов осуществления защиты: по назначению и по соглашению, поскольку в настоящий момент в УПК РФ перечислены только отдельные признаки указанных понятий, а их сущность не раскрыта.

⁴ Результаты анкетирования подразделений следствия и дознания за 2022 г.

⁵ Уголовное дело № 12201750010000028 (в производстве следственного отдела Межмуниципального отдела МВД России «Южноуральский» Челябинской области).

Список литературы

1. *Богдановская В. А.* Проблема «пассивной защиты» в рамках осуществления права на получение квалифицированной юридической помощи // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. – 2019. – Т. 15. – С. 50–57.
2. *Гладышева О. В.* Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве: современные проблемы и пути их решения / Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Краснодар, Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 10–20.
3. *Кондрат И. Н.* Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь в сфере уголовного процесса // Законодательство. – 2012. – № 4. – С. 76–83.
4. *Кострица Я. А.* Право подозреваемого (обвиняемого) на квалифицированную юридическую помощь как элемент права на защиту / Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А. В. Зиновьева) : сборник материалов региональной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. – С. 97–101.
5. *Ларин Е. Г.* Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 4. – С. 21–25.
6. *Мельниченко Р. Г.* Качество юридической помощи адвоката «по назначению» // Уголовный процесс. – 2013. – № 5. – С. 30–39.
7. *Отчерцова О. В.* Неправомерные действия защитников по назначению // Уголовный процесс. – 2016. – № 8. – С. 44–49.

8. Овчинников Ю. Г., Кузора С. А. Проблемы участия «иного» лица в качестве защитника в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2014. – № 11. – С. 43–44.
9. Костанов Ю. А. О неотложных изменениях и дополнениях УПК РФ // Сайт «Права человека в России: электронный архив материалов». – URL: <http://www.hro.org/docs/expert/kostanov-upk-0302.php>, 2002 (дата обращения: 27.07.2022).
10. Глисков А. Г., Глисков А. А., Забейворота А. И. Справочник адвоката по уголовным делам. Защита подозреваемых. Представление интересов потерпевших. Образцы процессуальных документов : монография / под ред. С. Н. Бабурина. – Москва: Книжный мир, 2011. – 367 с.
11. Отчерцова О. В. Проблема допуска адвоката к участию в уголовном деле // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 7. – С. 107–123.
12. Есина А. С., Жамкова О. Е., Борбат А. В. Как правильно понимать новые правила о вступлении адвоката в уголовное дело? // Российский следователь. – 2017. – № 20. – С. 17–21.
13. Ендольцева А. В. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 4. – С. 25–30.
14. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы реализации конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 4. – С. 44–48.

References

1. Bogdanovskaya V. A. Problema «passivnoy zashchity» v ramkakh osushchestvleniya prava na polucheniye kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi // Uchenyye zapiski Kazanskogo filiala Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya. – 2019. – Т. 15. – С. 50–57.
2. Gladysheva O. V. Obespecheniye prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v ugolovnom sudoproizvodstve: sovremennyye problemy i puti ikh resheniya // Effektivnoye protivodeystviye prestupnosti v usloviyakh globalizatsii: problemy i perspektivy : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – 2020. – С. 10–20.
3. Kondrat I. N. Obespecheniye prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v sfere ugolovnogo protsessa // Zakonodatel'stvo. – 2012. – № 4. – С. 76–83.
4. Kostritsa Ya. A. Pravo podozrevayemogo (obvinyayemogo) na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' kak element prava na zashchitu // Prava cheloveka i pravookhranitel'naya deyatel'nost' (pamyati professora A. V. Zinov'yeva) : sbornik materialov regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – 2017. – С. 97–101.
5. Larin Ye. G. Obespecheniye prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v ugolovnom sudoproizvodstve // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2013. – № 4. – С. 21–25.
6. Mel'nichenko R. G. Kachestvo yuridicheskoy pomoshchi advokata «po naznacheniyu» // Ugolovnyy protsess. – 2013. – № 5. – С. 30–39.
7. Otchertsova O. V. Nepravomernyye deystviya zashchitnikov po naznacheniyu // Ugolovnyy protsess. – 2016. – № 8. – С. 44–49.
8. Ovchinnikov Yu. G., Kuzora S. A. Problemy uchastiya «inogo» litsa v kachestve zashchitnika v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva // Rossiyskaya yustitsiya. – 2014. – № 11. – С. 43–44.
9. Kostanov Yu. A. O неотложных изменениях и дополнениях УПК РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hro.org/docs/expert/kostanov-upk-0302.php>, 2002.
10. Gliskov A. G., Gliskov A. A., Zabeyvorota A. I. Spravochnik advokata po ugolovnym delam. Zashchita podozrevayemykh. Predstavleniye interesov poterpevshikh. Obraztsy protsessual'nykh dokumentov : monografiya / pod red. S. N. Baburina). – Moskva: Knizhnyy mir, 2011. – 367 s.
11. Otchertsova O. V. Problema dopuska advokata k uchastiyu v ugolovnom dele // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2016. – № 7. – С. 107–123.
12. Yesina A. S., Zhamkova O. Ye., Borbat A. V. Kak pravil'no ponimat' novyye pravila o vstuplenii advokata v ugolovnoye delo? // Rossiyskiy sledovatel'. – 2017. – № 20. – С. 17–21.
13. Yendol'tseva A. V. Realizatsiya konstitutsionnogo prava na polucheniye kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. – 2019. – № 4. – С. 25–30.
14. Stel'makh V. Yu. Nekotoryye problemy realizatsii konstitutsionnogo prava na okazaniye kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2015. – № 4. – С. 44–48.

Статья поступила в редакцию 02.06.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted June 2, 2022; approved after reviewing, August 28, 2022; accepted for publication September 27, 2022.

Научная статья
УДК 343.9; 343.2/.7
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-131-137

Маргарита Николаевна Урда

кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-1711-3031>, urda.ru@rambler.ru

*Юго-Западный государственный университет
Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94*

Криминогенный потенциал Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников *

Аннотация: Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников придаётся стратегическое значение как инструменту преодоления демографического кризиса и связанных с ним социально-экономических проблем. В то же время эта программа не лишена недостатков организационно-правового характера, которые не только препятствуют её эффективной реализации, но и могут послужить катализатором развития незаконной миграции. Цель исследования – выявить факторы Программы, создающие предпосылки для противоправного поведения и возможных злоупотреблений полномочиями в миграционной сфере. Выдвинутая гипотеза подтверждается анализом и обобщением судебной практики, фиксирующей развитие преступных схем создания каналов организации незаконной миграции с использованием возможностей Программы и вовлечением должностных лиц. Контент-анализ миграционной обстановки в Калужской области, долгое время реализовывавшей проект, показал усиление социальной напряжённости в регионе вследствие чрезмерной концентрации иностранного контингента, не желающего адаптироваться в принимающем государстве. По результатам исследования автор делает вывод о серьёзных просчётах миграционной политики. К ним относятся: идея добровольного переселения соотечественников без оценки сопутствующих и (или) производных криминогенных рисков – незаконной миграции и коррупции в миграционной сфере; нестабильность и разобщённость регулятивного законодательства, нуждающегося в криминологической экспертизе; проблемы правовой оценки миграционных правонарушений и др. В краткосрочной перспективе с учётом резко ухудшившейся политической обстановки на востоке Украины в феврале 2022 года и последовавшей за этим эвакуацией мирного населения в Россию из ДНР и ЛНР целесообразно провести мониторинг региональных Программ с возможной последующей их адаптацией под решение конкретной задачи – переселение соотечественников из самопровозглашённых республик.

Ключевые слова: добровольные переселенцы, организация незаконной миграции, криминогенный потенциал, миграционная политика, коррупция в миграционной сфере

Для цитирования: Урда М. Н. Криминогенный потенциал Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 131–137; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-131-137.

Margarita N. Urda

Cand. Sci. (Jurid.) Docent
<https://orcid.org/0000-0002-1711-3031>, urda.ru@rambler.ru

*Southwestern State University
94, 50 years of October str., Kursk, 305040, Russian Federation*

© Урда М. Н., 2022

* Работа выполнена в рамках государственного задания на 2022 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-20200033).

Criminogenic Potential of the State Program to Assist Voluntary Resettlement of Compatriots

Abstract: The state program to assist the voluntary resettlement of compatriots is given strategic importance as a tool to overcome the demographic crisis and related socio-economic problems. At the same time, this program is not without organizational and legal shortcomings, which not only hinder its effective implementation, but can also serve as a catalyst for the development of illegal migration. The purpose of the study is to identify the factors of the Program that create prerequisites for illegal behavior and possible abuse of power in the migration sphere. The hypothesis put forward is confirmed by the analysis and generalization of judicial practice, which fixes the development of criminal schemes for creating channels for organizing illegal migration using the possibilities of the Program and involving officials. A content analysis of the migration situation in the Kaluga region, which has been implementing the project for a long time, showed an increase in social tension in the region due to an excessive concentration of foreign contingent that does not want to adapt in the host state. Based on the results of the study, the author concludes that there are serious miscalculations in migration policy. These include: the idea of voluntary resettlement of compatriots without assessing the accompanying and (or) derivative criminogenic risks - illegal migration and corruption in the migration sphere; instability and disunity of regulatory legislation that needs criminological expertise; problems of legal assessment of migration offenses, etc. In the short term, taking into account the sharply deteriorating political situation in the east of Ukraine in February 2022 and the ensuing evacuation of the civilian population to Russia from the DPR and LPR, it is advisable to monitor regional programs with their possible subsequent adaptation to address a specific tasks - the resettlement of compatriots from the self-proclaimed re-publics.

Keywords: voluntary migrants, organization of illegal migration, criminogenic potential, migration policy, corruption in the migration sphere

For citation: Urda M. N. Criminogenic Potential of the State Program to Assist Voluntary Resettlement of Compatriots // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – 131–137; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-131-137.

В настоящее время Российская Федерация переживает демографический кризис, усугубившийся пандемией коронавирусной инфекции COVID-19.

По итогам 2020 года Росстат зафиксировал рекордное за 15 лет снижение численности населения России – более полумиллиона человек¹. В 2021 году темпы падения увеличились. На начало года ведомство зафиксировало 146171015 человек, на 1 января 2022 года – 145478097. Убыль, таким образом, составила 692 918 человек².

На фоне критического сокращения коренного населения стратегическое значение российскими властями придается иммиграции иностранных граждан, прежде всего из бывших республик СССР, оказавшихся после его распада за пределами Российской Федерации, но желающих вернуться на историческую родину³.

С 2006 года действует Государственная программа по оказанию содействия добровольному

переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом⁴ (далее – Программа). В научной литературе не единожды обсуждались проблемы её реализации на федеральном [1; 2; 3; 4; 5] и региональном уровнях [6; 7; 8; 9; 10], но вне связи и обусловленности с её возможными криминальными угрозами. Цель настоящей статьи – восполнить этот пробел и выявить сопутствующие и производные криминогенные риски Программы. Задачами исследования являются: изучение положений регулятивного законодательства с определением недостатков, влияющих на возникновение соответствующих рисков; выявление преступных схем организации незаконной миграции с использованием возможностей Программы путём анализа и обобщения судебной практики; контент-анализ миграционной обстановки в Калужской области, активно использовавшей этот проект для решения демографических и социально-экономических проблем региона; формулирование предложений по снижению уровня возможных криминальных угроз Программы и совершенствованию миграционной политики в целом.

¹ Общий прирост постоянного населения [Электронный ресурс] // Сайт «Витрина статистических данных» (официальный сайт Росстата). – URL: <https://showdata.gks.ru/report/278934/> (дата обращения: 14.02.2022).

² Росстат сообщил о снижении численности населения на 0,7 млн человек по итогам 2021 года [Электронный ресурс] // Сайт «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/obschestvo/13561573> (дата обращения: 19.02.2022).

³ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы : Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГУ МВД по Иркутской области. – URL: <https://38.mvd.rf/document/18118847> (дата обращения: 16.02.2022).

⁴ О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Российской газеты». – URL: <https://rg.ru/2006/06/28/ukaz-pereselenie.html> (дата обращения: 14.02.2022).

Обсуждение исследования

По замыслу разработчиков, Программа должна была стать одним из важнейших инструментов преодоления демографического кризиса и решения связанных с ним социально-экономических проблем в нашей стране. Это единственная подобного рода программа, которая финансируется из средств федерального бюджета. Ежегодно на ее реализацию выделяется 2812961,3 тыс. руб.⁵

За время своего существования Программа претерпела множество корректировок, направленных на её либерализацию и повышение привлекательности для мигрантов из стран ближнего зарубежья. С 2012 года она носит бессрочный характер. Увеличен срок действия свидетельства участника с трёх до пяти лет, расширен круг лиц, определяемых как члены его семьи. Регионы наделены специфическими правами разрабатывать свои собственные Программы содействия добровольному переселению соотечественников, исходя из местных социально-экономических условий и потребностей в кадрах соответствующей квалификации и их количестве, создавать центры временного размещения переселенцев, компенсировать их затраты на приобретение жилья и др.⁶ В настоящее время в её реализацию вовлечено большинство субъектов Российской Федерации. Исключения составляют крупные мегаполисы и области, где достаточно высокая рождаемость и нет недостатка в трудовых ресурсах: Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская области и некоторые другие.

Программа ориентирована на лиц, способных к адаптации в нашем обществе: воспитанных в традициях российской культуры и владеющих русским языком, заинтересованных в трудоустройстве на условиях, предложенных соответствующим субъектом Российской Федерации.

При переселении участник и члены его семьи получают социальную поддержку от государства. Им оплачивается стоимость переезда на постоянное место жительства, компенсируются

расходы на уплату государственной пошлины за оформление соответствующих документов, выплачивается единовременное пособие на обустройство («подъёмные»), осуществляются ежемесячные выплаты. Региональные власти могут устанавливать дополнительные гарантии таким лицам.

После выполнения всех необходимых процедур и регистрации по месту пребывания или проживания участник Программы и члены его семьи вправе получить гражданство Российской Федерации в сокращённые сроки и упрощённом порядке. В частности, они освобождаются от необходимости документального подтверждения владения русским языком и законного источника средств к существованию. Право обратиться с соответствующим заявлением возникает у них сразу после получения разрешения на временное проживание и оформления регистрации по месту жительства или постановки на учёт по месту пребывания на территории субъекта Российской Федерации, выбранного ими для постоянного проживания. Получение вида на жительство в данном случае не является обязательным. Для сравнения: по общему правилу иностранные граждане и лица без гражданства получают такое право в случае непрерывного проживания на территории государства в течение пяти лет с момента получения вида на жительство (статья 13, часть 7 статьи 14 Федерального закона от 31 мая 2002 г. №62-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) «О гражданстве Российской Федерации»⁷).

Несмотря на кажущуюся привлекательность, за время существования Программы ею воспользовались всего около миллиона человек⁸, в то время как изначально планировалось, что по ней будут возвращаться по 300 тысяч человек ежегодно⁹.

Слабую эффективность проекта связывают с недостатками процедуры реализации Программы и нормативно-концептуальными проблемами, обусловленными структурой законодательства, регулирующего вопросы участия в ней. К первым относится персонафицированное толкование сотрудниками миграционных органов и консульских учреждений на местах соответствующих нормативных правовых актов, ведущее к искажению информации, отказу в приёме документов, задержке их рассмотрения и пр. [2, с. 26–27]. Ко вторым – слабая сопряжённость федеральной и региональных Программ содействия переселению соотечественников. Например, может быть отказано

⁵ Об утверждении плана мероприятий по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2020–2022 годы : распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 декабря 2019 года № 2917-р [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой информации «Консорциум кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/564042482?marker=65801P> (дата обращения: 14.02.2022).

⁶ О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 1289 (в ред. от 24 марта 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 38. – Ст. 5074; О некоторых вопросах реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : Указ Президента РФ от 12 мая 2020 г. – № 322 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 20. – Ст. 3159.

⁷ Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.

⁸ Из интервью «Российской газете» начальника Главного управления по вопросам миграции МВД России В. Л. Казаковой [Электронный ресурс] // Сайт «Интерфакс». – URL: <https://www.interfax.ru/russia/731533> (дата обращения: 14.02.2022).

⁹ Русские не идут. Программа переселения соотечественников действует уже 13 лет. Есть ли эффект? [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Коммерсант». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4031954> (дата обращения: 14.02.2022).

в участии в связи с отсутствием или нехваткой вакансий в регионе вселения, необходимого стажа работы или профильного (специального) образования [2, с. 26–27]. Проблемы вызывают: необходимость постановки на миграционный учёт и регистрация по месту проживания, а также недостаток выделяемых средств на её реализацию. В зависимости от региона «подъёмные» варьируются от 10 до 240 тысяч руб. Этих средств явно недостаточно. Только стеснённый жизненными обстоятельствами человек готов при таких обстоятельствах перебраться в Россию. Вряд ли высококвалифицированных специалистов заинтересует возможность переселения в Россию на таких условиях. Иными словами, это не добровольное, а вынужденное переселение.

Указанные противоречия имеют и обратную сторону. Они являются питательной средой для развития высокодоходного преступного бизнеса, специализирующегося на создании каналов организации незаконной миграции с использованием возможностей этой Программы.

Преступные схемы в таких случаях обычно включают процедуру фиктивной постановки на учёт по месту пребывания иностранных граждан, их регистрацию по месту жительства с целью создания видимости законности их нахождения на территории государства, получения разрешения на временное проживание, свидетельств участников Государственной программы и гражданства России в упрощённом порядке. Зачастую для реализации преступных намерений используются подложные документы об образовании, специальности, опыте работы потенциальных участников Программы, оформляются фиктивные трудовые договоры с ними¹⁰.

Не ориентируясь в чужой стране и не зная тонкостей российского миграционного законодательства, испытывая трудности при оформлении необходимых документов, мигранты охотно прибегают к услугам посредников, готовых помочь им за денежное вознаграждение легализовать незаконное пребывание на территории Российской Федерации.

Как показало изучение следственно-судебной практики подобного рода преступления обычно совершаются длительно существующей организованной группой с вовлечением в неё должностных лиц. Как правило, это сотрудники территориальных органов миграционного учёта – УВМ УМВД России (ранее территориальных органов – ФМС России, которая была упразднена в 2016 году). В соответствии со своими должностными полномочиями они организуют

работу соответствующих отделов и осуществляют контроль за подчинёнными, дают им указания по постановке на миграционный учёт и (или) оформлению регистрации по месту жительства иностранных граждан с проставлением соответствующих штампов в национальные паспорта последних, принимают заявления по вопросам гражданства Российской Федерации, организуют и контролируют работу по реализации на территории региона Программы.

Интересно, что процедура постановки на учёт по месту пребывания или проживания – первый этап легализации иностранных граждан на территории Российской Федерации – носит не разрешительный, а уведомительный характер. Должностные лица органов миграционного учёта не наделены полномочиями по проведению экспертизы представленных документов и не вправе отказывать в фиксации необходимых сведений в системе учёта¹¹, например, по месту массовой регистрации или по адресу нахождения аварийного жилья. Это существенно упрощает реализацию преступных намерений.

В состав организованной группы могут входить также специалисты Комитета по труду и занятости населения, взаимодействующие с работодателями и участвующие в формировании Банка вакансий, имеющие в силу этих обстоятельств фактическую возможность влиять на принятие решений о согласовании кандидатур участников Программы. Иногда в совершение подобных преступлений вовлекаются члены межведомственной комиссии, координирующей деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, заинтересованных учреждений, организаций и работодателей по вопросам реализации Программы. Деятельность таких уполномоченных органов осуществляется на основании локальных нормативных актов.

Другие члены преступной группы, не обладающие признаками должностного лица, обычно выполняют частные поручения: осуществляют поиск иностранных граждан, заинтересованных в легализации их незаконного пребывания на территории государства, вербовку лиц, по месту жительства и (или) регистрации которых предполагается фиктивная постановка на миграционный учёт, от их имени заполняют соответствующие уведомления, при необходимости подделывают иные документы и пр.

В некоторых случаях легализацию незаконного пребывания потенциальных участников Программы предваряет легализация их незаконного въезда, например, в случаях, когда истекают сроки их законного нахождения на территории государства. В соответствии с частью 1 статьи 5 Федерального закона от 25 июля 2002 года №115-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «О пра-

¹⁰ См., например: приговор Северного районного суда г. Орла № 1-112/2020 от 27 мая 2020 г. по делу № 1-112/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2022); приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области № 1-361/2020 от 3 ноября 2020 г. по делу № 1-361/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹¹ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 30. – Ст. 3285.

вовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹² непрерывный срок пребывания в России иностранного гражданина, прибывшего из государств безвизового режима (к ним относятся республики постсоветского пространства, за исключением стран Балтии), не может превышать девяносто суток одновременно или суммарно в течение каждого периода в сто семьдесят суток. По завершении указанного срока пребывания он должен покинуть российскую территорию как минимум на девяносто суток. Практика так называемого «обновления» миграционной карты иностранного гражданина, когда его вывозят за пределы российского государства, а затем обратно ввозят без разрыва во времени представляет собой не что иное, как нарушение правил пересечения государственной границы [11]. Несмотря на это, правоохранительные органы индифферентно относятся к этим нарушениям и не предпринимают мер для их выявления и пресечения. Напротив, пропускают на границе таких иностранцев, проставляя в их паспорте отгиск с датой въезда, с которой формально связано начало течения срока легального пребывания на территории государства.

Известны случаи, когда заинтересованные в легализации незаконного пребывания иностранные граждане указанным способом в регион вселения даже не въезжали, фактически проживая и осуществляя незаконную трудовую деятельность в иных субъектах Федерации¹³. Как правило, это Москва и Московская область, не участвующие в Программе.

В Курской области в течение 5 лет с использованием такой схемы было легализовано незаконное пребывание свыше 120 иностранных граждан¹⁴; в Хабаровске в течение трёх лет – свыше 70¹⁵. Это примерно 20 процентов от числа лиц, воспользовавшихся этой Программой, согласно официальным данным.

Стоимость услуг преступной группы по организации незаконной миграции одного человека в зависимости от достигнутой с ним договорённости и разработанного преступного плана варьировалась в Курской области от 50 000 рублей до 250 000 рублей¹⁶; в Хабаровске – от 8 000

рублей до 83 000 рублей¹⁷; в Тамбовской области она составила не менее 80 000 рублей¹⁸.

Такие группы отличает длительность существования, согласованность действий, тщательное планирование преступлений, знание миграционного законодательства и наличие опыта работы в соответствующей сфере, техническая оснащённость, применение при совершении преступлений средств компьютерной и иной цифровой техники, адресов электронной почты в информационно-телекоммуникационной сети интернет, использование в общении между собой средств сотовой связи для повышения мобильности, применение мер конспирации. Это затрудняет изобличение преступников правоохранительными и контролирующими органами и одновременно позволяет расширять круг обращающихся иностранных граждан за счёт рекламы оказания услуг в сфере миграции.

Следственно-судебная практика зафиксировала использование подобных схем преступной деятельности в легализации незаконного пребывания иностранных граждан в Орловской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Ростовской, Брянской, Воронежской, Тверской, Свердловской, Липецкой, Калужской, Саратовской, Самарской областях, Алтайском, Пермском и Хабаровском краях, республиках Карелия, Мордовия, Хакасия, Татарстан¹⁹.

Губернатор Калужской области В. Шапша заявил о выходе из Программы возглавляемого им региона. В пресс-службе администрации губернатора пояснили, что изначально предполагалось использование упомянутой программы русскоговорящими соотечественниками. С 2007 года по ней в регион их прибыли более 90 тысяч. Но после анализа актуальных данных было выявлено, что к 2021 году доля таковых снизилась до 17 %. Программа перестала достигать первоначально поставленных целей. В последние годы в регион в основном переезжали этнические мусульмане из стран Средней Азии, не владеющие русским языком и не желающие интегрироваться в российское общество. Особо сложная миграционная ситуация сложилась в г. Обнинск Калужской области. Это известный научный центр, первый наукоград в России. Из 117 тысяч человек, зарегистрированных в городе, 38 тысяч – иностранцы, выходцы из Таджикистана, Узбекистана, Армении²⁰. Такая

¹² Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

¹³ См.: приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области № 1-361/2020 от 3 ноября 2020 г. по делу № 1-361/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁴ См.: приговор Ленинского районного суда г. Курска от 14 мая 2020 г. по делу № 1-259/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁵ См.: приговор Центрального районного суда г. Хабаровска от 15 ноября 2019 г. по делу №1-325/2019 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁶ См.: приговор Ленинского районного суда г. Курска от 14 мая 2020 г. по делу № 1-259/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁷ См.: приговор Центрального районного суда г. Хабаровска от 15 ноября 2019 г. по делу №1-325/2019 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁸ См.: приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области № 1-361/2020 от 3 ноября 2020 г. по делу № 1-361/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁹ Репрезентативная выборка судебных актов по делам рассматриваемой категории осуществлялась по данным сайта «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

²⁰ «Россия перестанет быть православной страной, если ничего не делать с мигрантами» [Электронный ресурс] // Сайт «Газета.ru». – 2022. – 12 фев. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/02/12/14524621.shtml> (дата обращения: 15.02.2022).

концентрация мигрантов вызывает беспокойство у жителей города, способствует повышению степени социальной напряжённости и росту миграционной преступности в регионе. Все это привело к тому, что в конечном итоге власти региона реализовали социальный запрос на ужесточение миграционной политики.

Заключение

Выявленные в рамках настоящего исследования возможности криминальных угроз Программы свидетельствуют не только и не столько о завышенных ожиданиях власти от её использования в решении демографических и социально-экономических проблем, сколько о концептуальных, организационных и правовых недостатках миграционной политики. К ним относятся: идея добровольного переселения соотечественников без оценки сопутствующих и (или) производных криминогенных рисков – незаконной миграции и коррупции в миграционной сфере – взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов, требующих консолидированного подхода в решении; нестабильность и разобщённость регулятивного законодательства, которое остро нуждается в криминологической экспертизе; проблемы правовой оценки миграционных правонарушений; низкий уровень квалификации сотрудни-

ков правоохранительных органов, отсутствие надлежащего контроля за участниками и членами их семей после реализации Программы и др.

Модернизация миграционной политики в рассматриваемом аспекте должна строиться на мониторинге миграционной обстановки в каждом регионе и фиксации не только положительных, но и отрицательных последствий реализации Программы, включая «побочные эффекты» в виде развития миграционной преступности и коррупции.

В краткосрочной перспективе с учётом резко ухудшившейся политической обстановки на востоке Украины в феврале 2022 года и последовавшей за этим эвакуацией мирного населения из ДНР и ЛНР в Россию (ожидается прибытие нескольких сотен тысяч человек более чем в половину субъектов Российской Федерации) целесообразно провести мониторинг региональных Программ с возможной последующей их адаптацией под решение конкретной задачи – переселения соотечественников из самопровозглашенных республик. Несмотря на сохраняющуюся возможность их участия в Программе, в Россию они чаще всего приезжают, получая временное убежище, и в редких случаях – статус беженца, предполагающие возможность репатриации в страну исхода.

Список литературы

1. Бувака Н. А. О некоторых вопросах адаптации и интеграции иностранных граждан при переселении в Российскую Федерацию // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2021. – №11-2. – С. 42–44.
2. Гаева А. С. Проблемы реализации программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Россию // *Постсоветский материк*. – 2020. – № 3 (27). – С. 20–32.
3. Крамаренко А. С. Проблемы в сфере труда, с которыми сталкиваются участники программы содействия добровольному переселению соотечественников в Россию // *Постсоветский материк*. – 2021. – № 3 (31). – С. 33–49.
4. Яковлев В. А., Прудникова Т. А. Современные проблемы реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2014. – № 7. – С. 234–237.
5. Прудников А. С., Яковлев В. А. О некоторых проблемах реализации Программы добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2016. – № 2. – С. 81–83.
6. Неживых О. В. Программа добровольного переселения соотечественников как механизм восполнения дефицита трудовых ресурсов на примере Свердловской области // *Human Progress*. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 4.
7. Пискунов А. В., Пискунова С. И. Республика Мордовия как участник государственной Программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников // *Регионология*. – 2015. – № 3 (92). – С. 33–41.
8. Филатов В. А., Андреева Ю. А. Совершенствование Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (на материалах социологического исследования) // *Омский научный вестник*. – 2012. – № 3 (109). – С. 65–68.
9. Халиулина В. В., Данько Х. А. Общественное мнение о переселении в Кемеровскую область соотечественников, проживающих за рубежом // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2014. – № 1 (119). – С. 87–95.
10. Фофанова К. В. Методология оценки эффективности государственной программы «Оказание содействия добровольному переселению в республику Мордовия соотечественников, проживающих за рубежом» // *Гуманитарные и политико-правовые исследования*. – 2019. – №1 (4). – С. 9.
11. Соловьев В. С., Урда М. Н. Значение сети Интернет в детерминации незаконной миграции и миграционных преступлений // *Актуальные проблемы российского права*. – 2019. – № 12 (109). – С. 114–122.

References

1. *Buvaka N. A.* O nekotorykh voprosakh adaptatsii i integratsii inostrannykh grazhdan pri pereselenii v Rossiyskuyu Federatsiyu // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk.* – 2021. – № 11-2. – S. 42–44.
2. *Gayeva A. S.* Problemy realizatsii programmy po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu sootchestvennikov v Rossiyu // *Postsovetskiy materik.* – 2020. – № 3 (27). – S. 20–32.
3. *Kramarenko A. S.* Problemy v sfere truda, s kotorymi stalkivayutsya uchastniki programmy sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu sootchestvennikov v Rossiyu // *Postsovetskiy materik.* – 2021. – № 3 (31). – S. 33–49.
4. *Yakovlev V. A., Prudnikova T. A.* Sovremennyye problemy realizatsii Gosudarstvennoy programmy po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu sootchestvennikov // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2014. – № 7. – S. 234–237.
5. *Prudnikov A. S., Yakovlev V. A.* O nekotorykh problemakh realizatsii Programmy dobrovol'nogo pereseleniya v Rossiyskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2016. – № 2. – S. 81–83.
6. *Nezhiviykh O. V.* Programma dobrovol'nogo pereseleniya sootchestvennikov kak mekhanizm vospolneniya defitsita trudovykh resursov na primere Sverdlovskoy oblasti // *Human Progress.* – 2017. – Т. 3. – № 2. – S. 4.
7. *Piskunov A. V., Piskunova S. I.* Respublika Mordoviya kak uchastnik gosudarstvennoy Programmy po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu sootchestvennikov // *Regionologiya.* – 2015. – № 3 (92). – S. 33–41.
8. *Filatov V. A., Andreyeva Yu. A.* Sovershenstvovaniye Gosudarstvennoy programmy po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiyskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom (na materialakh sotsiologicheskogo issledovaniya) // *Omskiy nauchnyy vestnik.* – 2012. – № 3 (109). – S. 65–68.
9. *Khaliulina V. V., Dan'ko Kh. A.* Obshchestvennoye mneniye o pereselenii v Kemerovskuyu oblast' sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny.* – 2014. – № 1 (119). – S. 87–95.
10. *Fofanova K. V.* Metodologiya otsenki effektivnosti gosudarstvennoy programmy «Okazaniye sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu v respubliku Mordoviya sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom» // *Gumanitarnyye i politiko-pravovyye issledovaniya.* – 2019. – №1 (4). – S. 9.
11. *Solov'yev V. S., Urda M. N.* Znachenkiye seti Internet v determinatsii nezakonnoy migratsii i migratsionnykh prestupleniy // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava.* – 2019. – №12 (109). – S. 114–122.

Статья поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted March 02, 2022; approved after reviewing June 07, 2022; accepted for publication September 27, 2022.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-138-142

Юлия Александровна Шутова

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0003-1943-0820>, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Основания криминализации некоторых современных форм психического насилия (на материалах конкретного социологического исследования)

Аннотация: Борьба с посягательствами против личности является основным направлением уголовной политики, проводимой Российской Федерацией. Преступные посягательства на права личности, а именно на жизнь и здоровье, открывают Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако существуют проблемы в практике применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации, если речь идёт об уголовно-правовой охране психического здоровья человека. Ввиду широкого распространения интернета появляются новые опасные виды психического насилия. К таким видам относятся stalking и bullying. В статье проводится анализ вышеуказанных общественно опасных явлений. В ходе изучения «сталкинга» и «буллинга» обосновывается их высокая степень общественной опасности как одного из критериев криминализации. К таким выводам автор приходит на основании результатов собственного социологического исследования. Исследование проводилось методом анкетирования. Респондентами выступили сотрудники органов внутренних дел (100 человек): дознаватели, следователи, участковые уполномоченные полиции, инспекторы по делам несовершеннолетних, оперативные дежурные. По результатам исследования автор пришёл к следующим выводам:

1. В последние три года наблюдается тенденция к увеличению случаев психического насилия в межличностных отношениях (травля, навязчивое преследование, издевательства, жестокость).
2. Сотрудники органов внутренних дел всё чаще сталкиваются в практической деятельности с обращениями граждан о навязчивом преследовании (сталкинг), травле несовершеннолетних (буллинг), в том числе в интернете.
3. В настоящее время нет чёткого правового механизма обеспечения защиты граждан от таких общественно опасных явлений, как сталкинг и буллинг, из-за чего граждане, подвергшиеся такому психическому насилию, остаются незащищёнными.

Ключевые слова: психическое здоровье, психическое насилие, сталкинг, буллинг, общественная опасность

Для цитирования: Шутова Ю. А. Основания криминализации некоторых современных форм психического насилия (на материалах конкретного социологического исследования) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 138–142; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-138-142.

Julia A. Shutova

Graduate

<https://orcid.org/0000-0003-1943-0820>, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Grounds for criminalization of some modern forms of mental violence (based on the materials of a specific sociological study)

Abstract: The fight against encroachments against the person is the main direction of the criminal policy pursued by the Russian Federation. Criminal encroachments on individual rights, namely on life and health, open a special part of the Criminal Code of the Russian Federation. However, there are problems in the law enforcement practice of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation when it comes to the criminal legal protection of human mental health. Due to the widespread use of the Internet, new dangerous types of mental violence are emerging. These types include: stalking and bullying. The article analyzes the data of socially dangerous phenomena. In the course of studying «stalking» and «bullying», their high degree of public danger is justified as one of the criteria for criminalization. The author comes to these conclusions by conducting his own sociological research. This study was conducted by the questionnaire method. The respondents were employees of the internal affairs bodies in the number of 100 people, namely: interrogators, investigators, district police commissioners, juvenile inspectors, operational duty officers. According to the results of the study, the author came to the following conclusions:

1. Over the past 3 years, there has been a tendency to increase the facts of mental violence in interpersonal relationships (bullying, obsessive harassment, bullying, cruelty).

2. Law enforcement officers are increasingly confronted in practice with citizens' appeals about obsessive harassment (stalking), harassment of minors (bullying), including on the Internet.

3. Currently, there is no clear legal mechanism to ensure the safety of citizens from such socially dangerous phenomena as stalking and bullying, which means that citizens who have been subjected to such mental violence remain unprotected.

Keywords: mental health, mental violence, stalking, bullying, public danger

For citation: Shutova Yu. A. Grounds for the criminalization of some modern forms of mental violence (on the materials of a specific sociological study) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 138–142; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-138-142.

В современной структуре преступности против личности наблюдается тенденция перехода от физических форм насилия к психическим. Об этом свидетельствует и анализ современного уголовного законодательства. Так, по нашим данным, в УК РФ насчитывается 52 состава преступлений с признаками психической угрозы. Росту таких преступлений способствуют технический прогресс и развитие виртуальных средств связи, осуществляемых в сети интернет. На этой почве появляются новые формы опасного психического воздействия на личность, которые ещё недостаточно исследованы уголовно-правовой наукой. Примерами таких опасных форм психического насилия над личностью являются stalking и bullying.

Термин «stalking» происходит от английского глагола «to stalk», что означает «подкрадываться» [1, с. 87]. В науке первым, кто использовал термин «stalking» для описания навязчивого преследования на почве личной сексуальной заинтересованности, был французский психиатр Гаэтан Гасьян де Клерамбо в 1921 году в трактате «Любовный психоз» [2, с. 11].

В целях демонстрации высокой степени общественной опасности этой формы психического насилия мы проинтервьюировали жертву stalking. Гражданка П. стала жертвой stalking на почве личной интимной заинтересованности со стороны преследователя, гражданина А. Преследование продолжается на протяжении 5

лет и выражается в следующих действиях: постоянные телефонные звонки с разных номеров, отслеживание в магазинах, высказывание как лично, так и в социальных сетях различных оскорблений и угроз, преследование на автомобиле, «подрезание» автомобиля гражданки П., что создаёт аварийные ситуации на дороге, следование на автомобиле за гражданкой П. во время её пеших прогулок. Гражданка П. регулярно обращается за помощью в полицию, однако встречает непонимание относительно характера поступающих угроз. В результате актов преследования гражданка П. находится в постоянной психотравмирующей ситуации, оказывающей сильное влияние на её психическое здоровье. Она боится отвечать на неизвестные телефонные номера, опасается одна передвигаться по улицам, пребывает в состоянии постоянного страха за свою жизнь и здоровье, у жертвы преследования очень страдает качество жизни. Однако привлечь к ответственности stalkера правоохранительные органы не могут ввиду отсутствия должного правового регулирования вышеописанного противоправного поведения. Таким образом, следует иметь в виду, что именно комплекс опасных и противоправных продолжающихся действий со стороны stalkера образует высокую степень общественной опасности.

Во время быстро развивающихся телекоммуникационных технологий и интернета проблема stalking не теряет своей актуаль-

ности, а напротив, трансформируется в виртуальную среду. Это явление получило название киберсталкинг или онлайн-преследование. Этот общий термин обозначает широкий спектр вредных форм межличностного поведения, использующих онлайн-платформы, мобильные телефоны и другие электронные устройства связи. В США проводился Национальный опрос интимных партнёров и жертв сексуального насилия, который показал, что каждая шестая женщина (16,0 %, или 19,1 миллиона) и 5,8 % мужчин в США были жертвами преследования в какой-то момент своей жизни [3, с. 124]. Примерно 25 % жертв преследования сообщили, что данному явлению они подверглись в интернет-пространстве, а именно, по электронной почте (83 %) или по обмену мгновенными сообщениями (35 %) [4, с. 15]. Кроме того, онлайн-преследованию, по-видимому, чаще всего подвергаются молодые люди, чья жизнь тесно связана с интернетом и цифровыми инструментами: примерно 70 % молодых людей и 40 % взрослых сталкивались с онлайн-преследованием [5, с. 74]. Интернет становится неотъемлемой частью нашей личной и профессиональной жизни, киберпреступление в целом и киберсталкинг в частности влияют на жизнь все большего числа людей и становятся растущей проблемой, которая должна решаться компетентными органами путём принятия соответствующих правовых решений об ответственности за противоправное поведение такого рода.

Еще одной опасной формой современного психического насилия, которая набирает в обществе обороты – также в связи с широким развитием сети интернет, являются буллинг и кибербуллинг. Термин «буллинг» происходит от английского слова «bully», что означает хулиган, драчун, задира.

Среди всех разновидностей буллинга нами выделяется буллинг несовершеннолетних, распространённый в подростковой среде (возраст от 14 до 18 лет). На наш взгляд, он является наиболее опасным по ряду причин. Во-первых, это связано тем, что именно в этот период жизни человека происходит формирование ценностных установок и ориентиров, которых он будет в дальнейшем придерживаться во взрослой жизни. Во-вторых, в старшей подростковой среде дети наиболее остро, категорично, эмоционально реагируют на происходящие события, (так называемый «юношеский максимализм»). В-третьих, у подростков снижается доверие к родителям и возникает потребность в общении со сверстниками, в их уважении и поддержке. Е. И. Беспалов в своих исследованиях указывает, что «при обсуждении гипотетического поведения при возникновении неприятной ситуации, в том числе в сети интернет, 77 % 6–9-летних детей отвечают, что обратятся за помощью к родителям, а среди 14–18-летних 54 % планируют справиться с проблемой самостоятельно или при помощи сверстников» [6, с. 219]. В-четвёртых, именно в данном возрасте подростки являются наиболее активными поль-

зователями различных цифровых площадок, социальных сетей и сайтов интернета. В связи с этим буллинг из реального мира переходит в виртуальную среду (кибербуллинг).

В условиях цифровизации общества явление «кибербуллинга» стремительно развивается. Это обусловлено рядом факторов: анонимность, широкий охват (социальные сети, групповые чаты, интернет-сайты), высокая пользовательская активность подростков, доступность, низкий уровень информированности о потенциально опасном контенте, повышенный уровень агрессии [3, с. 120]. Буллинг и кибербуллинг являются взаимотрансформирующимися явлениями. Реальный буллинг продолжается в виртуальной среде, а кибербуллинг не ограничивается виртуальным пространством и также переходит в реальный мир в виде физического и психического насилия. Особая опасность кибербуллинга заключается в его круглосуточном характере. Подросток подвергается непосредственной и виртуальной травле не только в образовательной организации. Виртуальная травля продолжается и дома, и в иных внешкольных местах. В связи с этим подросток пребывает в состоянии постоянного стресса, в результате чего страдает не только его психическое здоровье, но и физическое (он быстрее утомляется, психосоматика вызывает различные простудные и вирусные заболевания). Вместе с этим разрушаются его социальные отношения как со сверстниками, так и с родителями [7, с. 41]. Таким образом, кибербуллинг приводит к очень серьёзным последствиям – таким как тревожность, депрессия и суицидальное поведение (вплоть до самого акта суицида).

Буллинг и кибербуллинг являются детерминантами девиантного поведения как агрессора, так и жертвы. Лица, которые являются организаторами и исполнителями актов буллинга, самоутверждаются за счёт унижения заведомо слабых жертв. Это обстоятельство формирует в агрессорах склонность к насилию, которая во взрослой жизни может выражаться в совершении преступлений, связанных с физическим и психическим насилием. Это подтверждает исследование, проведённое в 2018 году кандидатом психологических наук, доцентом кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета Л. Р. Аптикеевой. Подростки в возрасте от 14 до 18 лет, состоящие на учете в подразделении по делам несовершеннолетних, подлежали опросу и анкетированию на предмет участия в буллинге. В результате исследования было выявлено, что 65 % респондентов являлись инициаторами буллинга и совершали насильственные действия в отношении жертвы [7, с. 44]. Таким образом, буллинг в подростковой среде формирует у агрессора ощущение безнаказанности, что в дальнейшем приводит к совершению различных противоправных действий вплоть до преступлений.

Жертвы буллинга также склонны к асоциальному поведению. В результате актов буллинга у них формируются низкая самооценка, чувство подавленности и одиночества, обида,

озлобленность и желание отомстить обидчикам [8, с. 28]. Одним из опасных результатов подросткового буллинга является «скулшутинг» (стрельба в образовательной организации). Яркими примерами являются казанский и пермский стрелки. В результате расследования данных преступлений было установлено, что оба стрелка подвергались буллингу и кибербуллингу со стороны своих сверстников. Таким образом, негативная обстановка в образовательной организации, буллинг и кибербуллинг, являются одними из основных факторов деструктивного поведения подростка-жертвы, которое может привести к жестоким массовым преступлениям.

Вышеописанные явления stalking и буллинга в настоящее время не нашли должного правового регулирования в Российской Федерации. В связи с этим нами было проведено социологическое исследование в форме анкетирования. Респондентами выступили 102 сотрудника органов внутренних дел, а именно, следователи (10 %), дознаватели (24 %), участковые уполномоченные полиции (22 %), инспекторы по делам несовершеннолетних (20 %), оперативные дежурные (24 %). Целью данного исследования послужила необходимость практикоориентированной экспертной оценки современных форм психического насилия (stalking и буллинг). На вопрос «Как вы считаете, за последние 3 года наблюдается ли тенденция к увеличению фактов психического насилия в межличностных отношениях (травля, навязчивые преследования, издевательства, жестокость)?» 73,3 % респондентов ответили: «Да, такая тенденция прослеживается». Далее нами задавались вопросы, направленные на выявление случаев обращения граждан в полицию по фактам stalking и киберstalking. 55,9 % респондентов сталкивались с обращениями граждан о навязчивом преследовании, которое выражалось в психическом воздействии на потерпевшего, совершаемом путём систематических оскорблений, шантажа, демонстраций агрессии или иных действий и причинившего потерпевшему нравственные страдания, а к 47,5 % респондентов граждане обращались с проблемой киберstalking. Следующие вопросы касались выявления случаев обращения граждан о буллинге и кибербуллинге несовершеннолетних. Так, согласно результатам анкетирования, 49 % респондентов встречались в практической деятельности с обращениями граждан о буллинге несовершеннолетних, а с обращениями граждан о кибербуллинге столкнулись 25 % респондентов. Таким образом, учитывая мнение экспертов о новых видах психического насилия, таких как stalking и буллинг, можно прийти к выводу, что в нашей стране недостаточно выработан механизм правовой защиты граждан от данных явлений, однако они имеют высокую степень общественной опасности и широкий охват распространения.

В век цифровых технологий, широкого развития интернета и СМИ нельзя игнорировать зарубежный опыт, касающийся правового регулирования вопросов stalking и буллинга.

Stalking во многих западных странах является преступлением, за которое наступает уголовная ответственность.

В качестве примера уголовной нормы, закрепляющей уголовную ответственность за stalking, можно привести главу 25 раздела 7а Уголовного кодекса Финляндии. Согласно данной норме: «Человек, который постоянно угрожает, наблюдает, контактирует или иным сопоставимым образом необоснованно преследует человека так, что это ведёт к развитию страха или беспокойства у преследуемого человека, наказывается за преследование штрафом или лишением свободы на срок до двух лет». Таким образом, стоит отметить, что большинство западных стран активно борется с психическим насилием и stalkingом.

Вопрос правовой защиты от буллинга и кибербуллинга в зарубежных странах начал прорабатываться сравнительно недавно. Рассмотрим правовые меры защиты на примере отдельных стран. В 2014 году Сингапур ввёл уголовную ответственность за кибербуллинг в рамках широкого набора законов, направленных на борьбу с антисоциальным поведением, которые распространяются и на образовательные организации. Кибербуллинг влечёт за собой наказание в виде штрафа в размере до 5000 шведских долларов или одного года тюремного заключения [10].

В Российской Федерации вопросы правовой защиты от буллинга и кибербуллинга проработаны слабо. В настоящее время отсутствуют какие-либо законодательные акты, запрещающие данные опасные явления и защищающие жертв буллинга и кибербуллинга. Также не принята ни одна антибуллинговая государственная программа. Из наиболее доступной и распространённой информации можно отметить интернет-сайт «Травли.NET», где рассказывается об опасности буллинга и кибербуллинга, приводится алгоритм действий для родителей и учителей.

Буллинг и кибербуллинг набирают стремительные обороты в Российской Федерации. Согласно социологическим исследованиям, проведённым Общероссийским народным фронтом в конце 2020 года, каждый третий ребёнок в России сталкивается с буллингом в школе, при этом каждый десятый никому об этом не говорил [11].

Вопрос о криминализации описанных выше современных форм психических угроз и преследований должен решаться на основе их научного изучения. При этом в целом следует руководствоваться национальными интересами государства в деле защиты психического и физического здоровья законных прав и интересов граждан России. Объективная оценка характера и степени общественной опасности изучаемого явления, его распространённости в виртуальной среде и взаимосвязи с другими опасными проявлениями преступности, противоречие нормам общественной морали, невозможность обеспечить борьбу другими способами – эти и другие научные критерии криминализации деяний должны стать надёжными ориентирами исследовательского процесса.

Список литературы

1. *Meloy J. R.* The psychology of stalking // Academy press. San Diego, California. – 1998. – P. 152.
2. *Mullen P. E., Pathé M., Purcell R.* Stalking: New constructions of human behavior // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. – 2001. – № 35. – P. 9–16. doi: 10.1046/j.1440-1614.2001.00849.x.
3. *Goodno N. H.* Cyberstalking, a new crime: Evaluating the effectiveness of current state and federal laws // Mo. L. Rev. – 2007. – № 72. – P. 110–125.
4. *Lenhart A., Michele L. Ybarra, Myeshia Price-Feeney.* Online Harassment, Digital Abuse, and Cyberstalking in America // Data&Society Research institute. – 2016. – 59 p.
5. *Olweus D.* Bullying at school: What we know what we can do // Malden, MA: Blackwell Publishing. New York. – 1993. – 162 p.
6. *Королева Д. О.* Всегда онлайн: использование мобильных технологий и социальных сетей современными подростками дома и в школе // Вопросы образования. – 2016. – № 1. – С. 205–224.
7. *Антикиева Л. Р.* Буллинг как преморбид асоциальной направленности личности подростка // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2018. – №2(214). – С. 39–46.
8. *Guelke J., Sorel T.* Violations of privacy and law // The case of stalking. Law, Ethics and Philosophy. – 2016. – № (4). – P. 32–60.
9. *Сторубленкова Е. Г., Самуткин В. Л.* Сталкинг: синдром навязчивого преследования // Проблемы в российском законодательстве. – 2017.– № 6.– С. 278–281.
10. Руководство по всемирным законам о буллинге // [Электронный ресурс]: <http://www.thelocal.se/20050513/1428> (дата обращения 15.02.2022).
11. Юристы, психиатры, педагоги и представители НКО на площадке ОНФ обсудили школьную травлю и механизмы ее профилактики [Электронный ресурс] // Сайт «Общероссийский народный фронт». – 2020 – 15 дек. // : <https://onf.ru/2020/12/15/yuristy-psihiatry-pedagogi-i-predstaviteli-nko-na-ploshchadke-onf-obsudili-shkolnuyu/> (дата обращения 16.02.2022).

References

1. *Meloy J. R.* The psychology of stalking // Academy press. San Diego, California. – 1998. – P.152.
2. *Mullen P. E., Pathé M., Purcell R.* Stalking: New constructions of human behavior // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. – 2001. – № 35. – P. 9–16. doi: 10.1046/j.1440-1614.2001.00849.x.
3. *Goodno N. H.* Cyberstalking, a new crime: Evaluating the effectiveness of current state and federal laws // Mo. L. Rev. – 2007. – № 72. – P. 110–125.
4. *Lenhart A., Michele L. Ybarra, Myeshia Price-Feeney.* Online Harassment, Digital Abuse, and Cyberstalking in America // Data&Society Research institute. – 2016. – 59 p.
5. *Olweus D.* Bullying at school: What we know what we can do // Malden, MA: Blackwell Publishing. New York. – 1993. – 162 p.
6. *Koroleva D. O.* Vsegda onlayn: ispol'zovaniye mobil'nykh tekhnologiy i sotsial'nykh setey sovremennymi podrostkami doma i v shkole // Voprosy obrazovaniya. – 2016. – № 1. – S. 205–224.
7. *Aptikiyeva L. R.* Bulling kak premorbid asotsial'noy napravlenosti lichnosti podrootka // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – №2(214). – S. 39–46.
8. *Guelke J., Sorel T.* Violations of privacy and law // The case of stalking. Law, Ethics and Philosophy. – 2016. – № (4). – P. 32–60.
9. *Storublenkova Ye. G., Samutkin V. L.* Stalking: sindrom navyazchivogo presledovaniya // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2017.– №6.– S. 278–281.
10. Rukovodstvo po vsemirnym zakonam o bullinge // [Elektronnyy resurs]: <http://www.thelocal.se/20050513/1428> (data obrashcheniya 15.02.2022).
11. Obshcherossiyskiy narodnyy front // [Elektronnyy resurs]: <https://onf.ru/2020/12/15/yuristy-psihiatry-pedagogi-i-predstaviteli-nko-na-ploshchadke-onf-obsudili-shkolnuyu/> (data obrashcheniya 16.02.2022).

Статья поступила в редакцию 26.03.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 02.09.2022.

The article was submitted March 26, 2022; approved after reviewing June 29, 2022; accepted for publication September 02, 2022.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-143-151

Олеся Сергеевна Яхонтова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-3434-2370>, sia_russia@mail.ru

Валерий Николаевич Трабо

<https://orcid.org/0000-0003-1195-8161>, topgun24196503@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Причинный комплекс и направления профилактики организованной преступности

Аннотация: В настоящее время потребность в реализации комплексных мер, направленных на предупреждение организованной преступности, очевидна. На это указывают многие специалисты, в том числе в области криминологической науки.

Целью исследования является анализ детерминирующих факторов организованной преступности и разработка системных мер по её профилактике. В связи с этим в работе рассматриваются различные точки зрения учёных-правоведов по указанной тематике с представлением альтернативных взглядов представителей криминологической науки на обозначаемую проблему. Авторы делают акцент на сравнительном анализе статистических данных по организованной преступности, начиная с 2018 года и до настоящего времени. Это особенно актуально, поскольку развитие нормотворческой деятельности в связи с запросами российского общества и общемировыми тенденциями выходит на новый уровень и возникает множество спорных ситуаций. На основе сравнительного анализа в статье предпринимается попытка упорядочения научных позиций по вопросам предупреждения организованной преступности.

В заключительной части работы обосновывается авторское мнение по вопросу соотношения актуальных причин и условий организованной преступности и вопросов профилактики преступности данного вида, делаются выводы о перспективах развития рассматриваемых институтов для криминологической науки.

Ключевые слова: организованная преступность, детерминанты, профилактика, правоохранительные органы, криминология, профилактика, преступность, статистика, преступная деятельность.

Для цитирования: Яхонтова О. С., Трабо В. Н. Причинный комплекс и направления профилактики организованной преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 143–151; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-143-151.

Olesja S. Yakhontova

Cand. Sci (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-3434-2370>, sia_russia@mail.ru

Valery N. Trabo

<https://orcid.org/0000-0003-1195-8161>, topgun24196503@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Causal complex and directions of organized crime prevention

Abstract: This article discusses the determinants of organized crime and measures to prevent it. To date, the need to implement comprehensive measures aimed at preventing organized crime is obvious. This is pointed out by many experts, including those in the field of criminological science. The paper

analyzes various points of view of legal scholars on this topic with the presentation of alternative views of representatives of criminological science on the designated problem.

The authors focuses on a comparative analysis of organized crime statistics from 2018 to the present.

This is especially true when the development of rule-making activity in connection with the demands of the Russian society and global trends reaches a new level and many controversial situations arise. Based on a comparative analysis, the article attempts to streamline the author's and scientific positions on the prevention of organized crime.

The author's opinion is substantiated on the issue of the relationship between the actual causes and conditions of organized crime and the prevention of this type of crime, conclusions are drawn regarding the prospects for the development of the institutions under consideration for criminological science.

Keywords: organized crime, determinants, prevention, law enforcement agencies, criminology, prevention, crime, statistics, criminal activity

For citation: Yakhontova O. S., Trabo V. N. Causal complex and directions of organized crime prevention // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 143–151; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-143-151.

В настоящее время повышенная общественная опасность организованной преступности, а равно сложность решения задачи качественной и системной профилактики обуславливают значимость исследования данного преступного явления.

Согласно статистическим данным, в России за последние несколько лет ситуация с организованной преступностью в существенной степени осложнилась.

1. В 2018 году организованными группами или преступными сообществами совершено 15,1 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+ 17,6 % к аналогичному периоду прошлого года)¹.

2. В 2019 году организованными группами или преступными сообществами совершено 15,6 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+ 3,1 % к аналогичному периоду прошлого года)².

2020 год также не стал исключением – общий уровень организованной преступности вырос на 8,8 %³, в исследуемом периоде 2021 года – на 25,4 %⁴. На основании представленных данных можно сделать вывод о недостаточной эффективности деятельности по профилактике организованной преступности.

На актуальность темы исследования организованной преступности также оказывает влияние ряд дополнительных факторов.

Во-первых, это оценка руководством государства проблемы организованной преступности. Организованная преступность называется в числе основных угроз национальной безопасности, приоритетным направлением противодействия экстремистской и террористической деятельности⁵. Президент Российской Федерации неоднократно высказывался об этой проблеме, ставя перед правоохранительными органами конкретные задачи по ее разрешению⁶.

Во-вторых, это распространённость организованной преступности по отдельным видам противоправной деятельности. Речь прежде всего идёт о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков (рост количества деяний, совершаемых организованными преступными группами, преступными сообществами составляет около 15 %), а также совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (рост около 25 %).

Развитие организованной преступности угрожает всем значимым государственным и общественным интересам, обладает существенной степенью латентности (прежде всего в связи с использованием приёмов конспирации, а также развитием коррупционных связей).

Разработка качественно новых подходов к профилактике данных преступлений – одна из наиболее актуальных задач современного этапа развития.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 25.03.2022).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 25.03.2022).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 25.03.2022).

⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/26023627/> (дата обращения: 25.03.2022).

⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2021. – 3 июля. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru, № 0001202107030001 (дата обращения: 25.03.2022); Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2021. – 29 мая. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru, № 001202005290036 (дата обращения: 25.03.2022); О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

⁶ Заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/62860> (дата обращения: 25.03.2022).

Полагаем, без чёткого понятийного аппарата рассматривать тематику настоящей научной статьи невозможно, поскольку не будут ясны и определены границы исследуемого объекта – организованной преступности.

Определение понятия организованной преступности в нашей стране было в значительной степени затруднено. Вызвано это особенностями политического строя, идеологии советского государства. В СССР не могло быть организованной преступности по определению. В этой связи любые формы её проявления просто отрицались как государством, так и обществом в целом. В связи с этим на протяжении длительного периода понятие «организованная преступность» вообще не использовалось в научном дискурсе. Однако к 80-м годам XX века реальная правоприменительная ситуация в области организованной преступности привела к появлению первых научных исследований в данной сфере. Как отмечено А. В. Староверовым, организованная преступность «к концу 80-х гг. прошлого столетия приобрела масштабы, о которых официальные власти уже не могли не говорить» [16, с. 109].

В научной литературе указывается, что правовые подходы не отображают всей сути организованной преступности, а лишь формально перечисляют её признаки. Правового подхода недостаточно для того, чтобы сформировать правильное и полное представление об организованной преступности, и потому согласимся с тем, что именно криминологический подход к определению организованной преступности наиболее правильный и объективно необходимый [8, с. 171].

Многие учёные-криминологи подчёркивают социальный характер организованной преступности, предполагающий её плотную связь с обществом, существенную степень вовлечённости в его институты.

Что ещё более важно, в определении рассматриваемого явления должны отражаться несколько плоскостей понимания организованной преступности.

Во-первых, это социальная плоскость. Как было отмечено выше, организованная преступность – это социальное явление. Она детерминируется самим обществом, связями, которые в нём появляются и находят свое утверждение.

Во-вторых, это плоскость содержания деятельности. Она может быть как преступной, так и не преступной. Преступная деятельность предполагает совершение конкретных видов преступлений, а также действия по легализации тех доходов, которые были получены в результате их совершения. Не преступная деятельность предполагает создание легальных организаций, бизнес-структур, которые, опираясь на ранее заработанные и легализованные средства, приносят доход. Также не преступная деятельность может осуществляться на политическом поле – члены преступных групп, организаций и сообществ могут занимать государственные должности, становиться политиками и через использование

служебных полномочий лоббировать интересы своих организованных преступных структур.

В-третьих, это организационная плоскость, в рамках которой подчёркивается специфика организации деятельности преступных структур, их иерархические связи, особенности взаимоотношений и другие аспекты.

Помимо прочего, в определении организованной преступности не может не учитываться целевая направленность, особенности действий членов преступных структур по нейтрализации противодействия своей деструктивной деятельности.

Таким образом, под организованной преступностью следует понимать негативное социальное явление, представляющее собой преступную (а в некоторых случаях и не преступную) деятельность для получения, приумножения и легализации преступных доходов, а также совокупность иерархически построенных организованных преступных формирований, использующих для достижения поставленных целей коррупционные связи и обладающих наивысшей степенью латентности в результате функционирования собственной системы нейтрализации всех форм социального контроля⁷.

Важнейшим показателем, характеризующим современное состояние организованной преступности, представляется уровень противодействия данному преступному явлению. В Российской Федерации противодействие организованной преступности осуществляется многими органами и подразделениями. Например, подразделения ФСИН России осуществляют противодействие организованной преступности в пределах исправительных учреждений. Подразделения ФСБ России обеспечивают противодействие отдельным видам организованной преступности, угрожающей основам конституционного строя Российской Федерации. Вместе с тем наибольший вклад в противодействие организованной преступности, на наш взгляд, обеспечивает вся система МВД России и подразделения органов внутренних дел (ОВД) в частности. Это соотносится с общей ролью органов внутренних дел в противодействии преступности в целом. Ежегодно ОВД выявляется до 95 % всех регистрируемых преступлений. Например, в 2021 году ОВД было выявлено 1919970 преступлений, что составило 93,9 % от общего числа преступных деяний, которые были зарегистрированы в отчетном периоде⁸.

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод об основных тенденциях раскрытия (расследования) организованной преступности.

⁷ Христюк А. А. Противодействие организованной преступности на региональном уровне : учебное пособие. – Москва: Юрлитинформ, 2011. – С. 5, 21.

⁸ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 28.03.2022).

Во-первых, наблюдается общая положительная динамика. Количество расследованных преступлений по рассматриваемой квалификации не только растёт, но иногда превышает прирост показателей организованной преступности. Это достигается за счёт раскрытия и расследования указанных преступлений прошлых лет.

Во-вторых, данные об удельном весе как количества привлечённых к уголовной ответственности лиц, так и предварительно расследованных преступлений, совершённых в составе организованной группы или преступного сообщества (организации), свидетельствуют о возрастающем профессионализме специализированных подразделений по документированию и расследованию организованной преступной деятельности.

Важной характеристикой современного состояния организованной преступности видится её структура в зависимости от вида совершаемых преступлений, а также особенности формирования личности преступника.

Криминологическая характеристика личности преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью, имеет большое практическое значение как для теории, так и для правоприменительной деятельности. А. В. Кудрявцев считает, что анализ свойств и качеств личности преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью, «необходим при разработке мер предупреждения преступлений, совершаемых в организованных формах»⁹. А. М. Чеченов считает, что без знания данных о личности преступника обеспечить эффективную индивидуальную профилактику организованной преступности невозможно [17, с. 101]. Д. Л. Севастьянов также ставит в прямую зависимость наличие проанализированных данных о личности организованного преступника и результативность действий по профилактике организованной преступности: «меры профилактики будут только тогда эффективными, когда при их разработке и применении будут учитываться личностные особенности организованной преступности» [9, с. 96].

Криминологической наукой выработан подход к изучению личности преступника. В соответствии с ним всю совокупность признаков подразделяют на несколько групп. Как правило, это группы социально-демографических, уголовно-правовых и нравственно-психологических признаков. В отдельных случаях могут быть рассмотрены и другие группы, например, уголовно-исполнительные. В рамках нашей статьи возьмем за основу классическую систему признаков.

Долгое время считалось, что организованная преступность – это исключительно деятельность лиц мужского пола. Этому во многом способствовал сложившийся в 1990-е годы образ организованной преступности в целом и

отдельных её представителей в частности. Женщины в подобной системе вообще не могли быть субъектами, вовлечёнными в значимые процессы деятельности организованных преступных формирований. Это подтверждалось и статистическими данными¹⁰. Женщины чаще всего фигурировали как спутницы криминальных авторитетов, лидеров преступных групп, организаторов преступных сообществ. Безусловно, встречались случаи участия женщин в организованной преступности, однако чаще всего они выполняли второстепенные, пособнические функции.

Однако со временем ситуация стала меняться. Нужно отметить общую тенденцию возрастания роли женщин в преступной деятельности. Например, доля женщин в общем числе осуждённых к 2011 году достигла максимальных значений и составила около 15 %. После 2011 года общее число женщин, а также их доля в числе осуждённых стали постепенно снижаться, однако до сих пор последний показатель не опускается ниже отметки в 13,8 %.

Развитие организованной женской преступности не в полной мере соответствовало представленным статистическим тенденциям. С одной стороны, её количественные показатели в существенной степени возросли в начале 2000-х годов, что в целом соответствовало общим тенденциям женской преступности. По оценке Х. А. Асатряна и А. А. Христюк, в 2002 году удельный вес женщин в общем количестве участников организованных преступных формирований был равен 10,7 % [2, с. 40]. В данном случае нужно говорить о соответствии общим тенденциям. Однако в настоящий момент уровень участия женщин в организованной преступности не только не падает, он, напротив, достигает наибольших величин. По оценкам специалистов, сегодня удельный вес женщин в общем количестве участников организованных преступных формирований составляет примерно 20 % [6, с. 80–85].

Согласно статистике, подавляющее большинство лиц, занимающихся организованной преступной деятельностью, находятся в возрасте от 25 до 39 лет. Высок уровень участия молодых людей от 18 до 24 лет. Участие лиц старше 40 лет не столь значительно. Вместе с тем, по данным специалистов, как правило, представители данной возрастной группы в большей степени организуют деятельность преступных формирований, являются их лидерами. Уровень участия несовершеннолетних в организованной преступности невысок. Согласно статистическим данным, в общем числе выявленных лиц их доля составляет менее 1 %¹¹. Однако невысокий уровень участия несовершеннолетних в организованных преступ-

¹⁰ Количество преступлений в России по годам и по видам // Сайт «Справочные таблицы и схемы для учёбы и работы». – URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/944-kolichestvo-prestuplenij-v-rossii#hcq=XPxdoNs> (дата обращения: 31.03.2022).

¹¹ Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 29.03.2022).

⁹ Криминология (Особенная часть) : учебник для бакалавриата и специалиста / под общ. ред. А. Е. Михайлова, А. В. Кудрявцева. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2021. – С. 156.

ных формированиях не означает отсутствия общественной опасности такого участия. Как правило, несовершеннолетними в составе таких групп совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления, имеющие крайне тяжёлые и общественно опасные последствия.

Как и данные о личности преступника, сведения о причинах и условиях организованной преступности – это важное подспорье, основа для организации профилактики активности организованных преступных формирований.

В научной литературе высказываются различные мнения относительно детерминант организованной преступности. Одни учёные соотносят их с рецидивной и профессиональной преступностью, ссылаясь на то, что в основе организованной преступности лежат именно два указанных явления [3, с. 126]. Другие учёные предполагают единство детерминант организованной преступности как явления и вида преступлений, которые ее составляют [12, с. 113]. В таком ракурсе исследуются организованная экономическая, общеуголовная преступность, преступность в области незаконного оборота наркотиков, оружия и так далее. Третья группа учёных настаивает на самоидентификации организованной преступности по признаку её детерминант. Сторонники данного подхода считают, что, как и любое преступное явление, организованная преступность детерминируется совокупностью своих собственных, не похожих на другие, причин и условий [13, с. 281]. В отдельных случаях учёные приходят к выводу о дифференцированном характере причин и условий организованной преступности. Такой подход предполагает выделение детерминант в зависимости от ситуации и обстановки, в рамках которых получает своё развитие организованная преступная деятельность. Ярким примером может служить исследование детерминант организованной преступности, развивающейся в рамках пенитенциарной системы [10, с. 53].

На наш взгляд, в определённой степени верными являются все названные подходы. Считаем, что такой сложный структурированный феномен, как организованная преступность, требует соответствующего подхода к своему осмыслению. Речь идёт о комплексном подходе. На наш взгляд, в основе организованной преступности лежат относительно самостоятельные комплексы причин и условий.

Первый комплекс – причины и условия преступности в целом. Организованная преступность – это в первую очередь преступность. В связи с этим она подвержена общей детерминации, характерной для всех преступлений в целом.

Второй комплекс – это причины и условия рецидивной и профессиональной преступности. Действительно, основу организованной преступности составляют два указанных вида. В этом суть и специфика организованной преступности. При этом наблюдается систематическое обоюдное влияние. Например, большая

часть членов организованных преступных формирований – профессиональные преступники, которые совершают преступления систематически; то есть, они рецидивисты. Вместе с тем профессионализм во многом приходит к указанным преступникам именно вследствие постоянных рецидивов совершения преступления. В то же время и получение профессиональных навыков, и совершение повторных преступлений – это результат участия в организованной преступности. В свою очередь, организованные преступные формирования нуждаются в профессионалах и рецидивистах. Как видим, наблюдается весьма сложное многоуровневое взаимодействие всех трёх явлений.

Третий комплекс – это причины и условия конкретных видов преступлений, которые составляют основу деятельности преступных формирований. Организованная экономическая преступность будет отличаться по комплексу детерминант от организованного занятия торговлей людьми.

Четвёртый комплекс – отдельные условия и обстоятельства. Безусловно, в условиях пенитенциарных учреждений – это детерминация организованной преступности. На организованную преступность могут оказывать существенное влияние такие факторы, как уровень развития информационных технологий и даже эпидемиологическая обстановка [5, с. 119].

Суть комплексного подхода, однако, не заключается в простом перечислении всех указанных комплексов. Согласно с А. В. Кудрявцевым, который указывает, что детерминанты различных комплексов «зачастую усиливаются в силу концентрации в составе организованных групп и преступных сообществ лиц, заинтересованных в опоре на данные факторы»¹². Иными словами, нужно говорить о таком феномене, как самодетерминация организованной преступности. В рамках данной научной статьи необходимо отметить наиболее значимые самодетерминирующие факторы организованной преступности.

Экономические детерминанты. В большей степени они проявляются в вовлеченности организованных преступных формирований в теневую экономику. Нелегальная экономическая деятельность при этом, находясь вне правового поля и механизмов государственного регулирования, как правило, становится объектом криминального интереса преступных сообществ, которые могут как облагать субъектов незаконного хозяйствования данью (рэкет), так и сливаться с ними. Криминальная составляющая теневой экономики является предметом деятельности организованной преступности – незаконный оборот наркотиков, незаконный оборот оружия, торговля людьми, человеческими органами и тканями и т. п. Организованная преступность, заинтересованная в существова-

¹² Криминология (Особенная часть): учебник для бакалавриата и специалитета / под общ. ред. А. Е. Михайлова, А. В. Кудрявцева. – С. 161.

нии данных отношений, всячески поддерживает и развивает теневую экономику [7, с. 267].

Из культурно-нравственных детерминант в данном случае основополагающее значение в самодетерминации организованной преступности играет криминальная субкультура, которая не только формирует среду существования и развития организованной, рецидивной и профессиональной преступности, но и популяризирует преступный мир – как сообщество лиц, вовлечённых в преступный промысел, закрепляет структуру, значение и принципы криминальной иерархии, на которых зачастую основываются преступные сообщества и на которые опирается в целом преступный мир России.

Интерес представляют и социально-психологические детерминанты, которые проявляются в:¹³

1) формировании среди населения страха перед организованной преступностью;

2) ложном ощущении её вседозволенности и безнаказанности;

3) чувстве недоверия органам официальной власти, что также используется организованной преступностью в своих целях.

В последние годы активно нагнетало эту атмосферу в молодежной среде движение АУЕ (организации которого признаны в Российской Федерации экстремистскими).

Среди политических детерминант организованной преступности специфическое значение приобретает коррупция. Причем коррупционные отношения в организованной преступной деятельности носят не разовый характер, связанный с решением отдельных вопросов, – представители организованной преступности стремятся установить прочные коррупционные связи с правоохранительными органами и чиновниками на основе постоянства и взаимовыгодности. Это является закономерным результатом развития преступного мастерства и позволяет, с одной стороны, обеспечить безопасность и долговременность существования организованных групп и преступных сообществ, избегаая изблечения, а с другой – «решать вопросы», связанные с легальными материальными фондами преступных сообществ [15, с. 57].

В причинный комплекс организованной преступности также следует включать и отдельные, специфические детерминанты.

Например, существенное влияние на организованную преступность оказывают миграционные процессы. Речь идёт о миграционных потоках, которые вызваны перемещением части населения как внутри страны, так и между странами. Именно межгосударственная миграция представляет из себя наиболее сложные с точки зрения контроля и возрастания затрачиваемых сил и средств как экономики, так и правоохранительных органов государства с целью устранения причин и условий порождения преступности.

Для профилактики преступности мигрантов особо важно совершенствовать взаимодействие как между подразделениями органов внутренних дел, так и между различными ведомствами. Необходимо расширить возможности обмена информацией о состоянии иммиграционной обстановки, об организаторах незаконной миграции, иностранных гражданах и лицах без гражданства, подозреваемых в противоправных действиях, о физических и юридических лицах, привлекающих иностранных граждан с нарушением закона [18, с. 307].

Изучая миграцию как социальный феномен, некоторые авторы отмечают, что миграция, в том числе незаконная, ухудшает социальную обстановку, создает базу для формирования общеуголовных, экстремистских, террористических организаций, являющихся угрозой безопасности прежде всего для страны пребывания, дестабилизирует криминогенную обстановку во многих субъектах Российской Федерации [4, с. 189].

Наглядным примером наличия рассматриваемого рода проблем служит ситуация с мигрантами, сложившаяся в некоторых европейских странах, где в связи с достаточно высоким уровнем жизни, либеральным законодательством в части приема населения, а также исторически сложившимися мультикультурными традициями происходит рост приезжего населения, что зачастую сопровождается различным рода конфликтами, включая совершение преступлений, как самими мигрантами, так и в отношении них ультранастроенными местными гражданами¹⁴.

Ещё одним фактором, влияющим на существование организованной преступности, является её повышенная в отличие от других видов и форм преступности латентность, то есть сокрытие от правоохранительных органов и широких общественных масс факта совершения преступных деяний со стороны членов организованных преступных групп. Именно допустимость безнаказанного воздействия и получения таким образом доходов и благ позволяет организованной преступности: формировать новые «кадры»; не отвечать перед законом; повышать уровень авторитета лидеров преступных формирований; расширять сферы преступного влияния и др.

В рамках изучения причин и условий латентности организованной преступности А. А. Христюк в своей работе провел научное исследование, включающее опрос сотрудников органов внутренних дел в части причин и условий, по которым деятельность организованной преступности остается скрытой от следствия и суда. Были выявлены следующие причины:

¹⁴ Зарубежная Европа: обострение межнациональных отношений [Электронный ресурс] // Портал «Учебники – бесплатно». – URL scicenter.online/mirovaya-geografiya-scicenter/zarubejnaya-evropa-obostrenie-mejnatsionalnyih-39326.html. (дата обращения: 15.03.2022).

¹³ Там же. – С. 163.

1) равнодушие населения к проблеме ликвидации организованной преступности (14 % респондентов);

2) оправданные риски и возможные угрозы для жизни и здоровья граждан и их родственников, обладающих доказательствами преступной деятельности организованных групп (62 % респондентов);

3) коррупция (55 % респондентов);

4) отсутствие должного уровня материально-технического обеспечения правоохранительных органов, осуществляющих предупреждение и выявление организованных преступных групп (44 % респондентов);

5) низкий уровень и отсутствие требуемого количества квалифицированных кадров среди сотрудников органов внутренних дел иных правоохранительных органов (40 % респондентов).

Другие авторы приводят следующие факторы, лежащие в основе латентности организованной преступности:

1) высокая степень латентности преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами;

2) коррупционная составляющая;

3) слабые оперативные позиции правоохранительных органов в работе по выявлению и документированию преступлений данной категории;

4) низкий профессиональный уровень подготовки сотрудников [11, с. 182].

Таким образом, фактор латентности организованной преступности выражается в фактическом проценте неучтённых преступных деяний, а значит, уголовных дел, которые по ряду причин, в том числе отмеченных выше, не стали известны органам следствия и суда. Все это приводит к невозможности восстановления правовой справедливости в отношении потерпевших, а также снижению уровня доверия населения к работе правоохранительных органов и государства в целом.

Ещё одним криминологическим фактором организованной преступности является повышение информационно-телекоммуникационных и иных технических средств, которые зачастую начинают использовать криминальные структуры. В сегодняшних реалиях компьютерные технологии начинают играть значительную роль в управлении многими сферами деятельности человека, а также обеспечивать сбор, хранение и анализ данных. В связи с этим необходимость повышения информационной безопасности, устранение угроз и реальных кибератак является одной из первоочередных задач государственной политики страны. Это также объясняется предопределёнными последствиями осуществления преступных замыслов, реализующих риски подрыва экономической, конституционной и политической основы государства, внутреннего и внешнего суверенитета.

При этом, как в случае транснациональной преступностью, единственным эффективным условием существования и совершенствования преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (при их использо-

вании) является её организационный характер, то есть применение приёмов и методов, характерных для организованной преступности. Т. В. Плотникова и О. В. Котельникова отмечают, что киберпреступления в современном мире являются перспективным вектором развития преступного мира. Рассматриваемые противоправные деяния направлены практически на все сферы общественной жизни. Разновидности и масштабы данного вида преступлений постоянно растут [14, с. 141].

При этом необходимо понимать, что непосредственные исполнители преступлений, для которых существенное значение имеют информационные технологии, априори предусматривают детальное разделение обязанностей по: проектированию преступного умысла; обеспечению соответствующими информационными ресурсами; обеспечению информационной безопасности и возможности избежать ответственности за содеянное; сбыту и получению выгоды. Логичным представляется наличие организованной преступности в сфере использования информационных технологий, что позволяет в более успешных формах исполнять все обозначенные действия.

В судебной практике имеется немало примеров уголовных дел, подсудимыми по которым выступают представители организованных преступных формирований, занимающихся кибератаками и в целом использованием информационных средств. Таким образом, количественная характеристика показывает, что основным направлением противодействия организованной преступности, требующим совершенствования, является профилактика.

Подводя итог, можно с уверенностью заявить, что органы внутренних дел занимают ключевую позицию в предупреждении организованной преступности, реализуя данную деятельность по общему, индивидуальному и специальному направлениям.

Основной целью и одновременно сутью мер предупреждения организованной преступности является создание таких социальных, культурных, политических, экономических, правовых и иных условий развития общества, при которых существование организованной преступности будет невыгодно, нецелесообразно для подавляющего числа членов общества. Достижение поставленной цели возможно только при условии реализации соответствующих мероприятий в максимально возможном количестве значимых сфер жизни общества.

Поэтому в основу профилактической деятельности органов внутренних дел по направлению предупреждения организованной преступной деятельности должен быть положен комплекс мероприятий, направленных на определение причин и условий организованной преступности, а также на анализ детерминант преступности в целом, отдельных видов преступлений, которые составляют организованную преступность, причин и условий рецидивной и профессиональной преступности, а также отдельных условий и обстоятельств.

Список литературы

1. *Абаева Ф. В.* Характеристика личности лидера организованной преступности // *Наукосфера*. – 2021. – № 9-2. – С. 113–116.
2. *Асатрян Х. А., Христюк А. А.* Характеристика личности преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. – 2014. – № 3. – С. 40–48.
3. *Бытко С. Ю.* Рецидив преступлений в ряду детерминант организованной преступности / *Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности : тезисы доклада конференции*. – Москва: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2019. – С. 126–131.
4. *Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н.* Экстремистская среда – ресурсная база терроризма // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2019. – № 2. – С. 188–194.
5. *Бондарь М. М., Жукова С. С.* COVID-19 как детерминанта развития организованной преступности // *Общество: политика, экономика, право*. – 2020. – № 12 (89). – С. 119–123.
6. *Вакуленко Н. А.* Характерные криминологические особенности личности лидера преступной группы // *Юрист-Правовед*. – 2021. – № 3 (98). – С. 80–85.
7. *Козодаева О. Н., Юрьев И. А.* «Беловоротничковая преступность» в условиях современной российской криминогенной обстановки: криминологический аспект / *Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается) : сборник трудов конференции / отв. редактор О. В. Моисеева*. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – С. 267–272.
8. *Староверов А. В.* К вопросу о понятии организованной преступности // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2017. – № 1. – С. 171–173.
9. *Севастьянов Д. Л.* Личность организованного преступника (ст. 210 УК РФ) // *Человек: преступление и наказание*. – 2020. – № 4 (79). – С. 96–99.
10. *Леготина У. С.* Детерминация формирования организованных преступных групп в пенитенциарных учреждениях // *Юридический факт*. – 2020. – № 83. – С. 53–55.
11. *Маджидзода Д. З.* Организованная преступность государств – участников СНГ: причины, условия и факторы // *Вестник таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук*. – 2017. – № 2/10. – С. 182–191.
12. *Майстренко Г. А.* Детерминанты и основные признаки российской организованной преступности // *Вопросы российского и международного права*. – 2020. – Т. 10. – № 10-1. – С. 113–118.
13. *Оболенский Ю. Б.* Вопросы противодействия организованной преступности // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. – 2021. – № 2. – С. 281–285.
14. *Плотникова Т. В., Котельникова О. В.* Феномен киберпреступности в условиях XXI века // *Право: история и современность*. – 2020. – № 3 (12). – С. 141–150.
15. *Таилова А. Г., Абдуллаева У. А.* Специфика детерминации и причинности вооружённой организованной преступности / *Наука сегодня: история и современность : материалы Международной научно-практической конференции: в 2 частях*. – Вологда: ООО «Маркер», 2016. – С. 57–58.
16. *Христюк А. А.* Понятие и признаки организованной преступности. Организованная преступная деятельность // *Вестник Томского государственного университета*. – 2010. – № 335. – С. 109–112.
7. *Чеченов А. М.* Характеристика личности членов организованных преступных групп // *Теория и практика общественного развития*. – 2015. – № 19. – С. 101–103.
18. *Яхонтова О. С.* Особенности превентивной деятельности ОВД в миграционной среде / *Деятельность органов внутренних дел по противодействию криминальным проявлениям в миграционной среде : материалы внутриведомственного круглого стола Санкт-Петербургского университета МВД России*. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 304–307.
19. *Яхонтов Р. Н.* Отдельные аспекты управления деятельностью органов внутренних дел по профилактике преступности / *Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития : сборник трудов конференции*. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. – С. 159–162.

References

1. *Abayeva F. V.* Kharakteristika lichnosti lidera organizovannoy prestupnosti // *Naukosfera*. – 2021. – № 9-2. – S. 113–116.
2. *Asatryan Kh. A., Khristyuk A. A.* Kharakteristika lichnosti prestupnika, zanimayushchegosya organizovannoy prestupnoy deyatel'nost'yu // *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. – 2014. – № 3. – S. 40–48.
3. *Bytko S. Yu.* Retsidiv prestupleniy v ryadu determinant organizovannoy prestupnosti / *Bor'ba s organizovannymi proyavleniyami prestupnosti i obespecheniye natsional'noy bezopasnosti : tezisy doklada konferentsii*. – Moskva: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya «Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya», 2019. – S. 126–131.

4. Bogdanov A. V., Il'inskiy I. I., Khazov Ye. N. Ekstremistskaya sreda – resursnaya baza terrorizma // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 2. – S. 188–194.
5. Bondar' M. M., Zhukova S. S. COVID-19 kak determinanta razvitiya organizovannoy prestupnosti // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. – 2020. – № 12 (89). – S. 119–123.
6. Vakulenko N. A. Kharakternyye kriminologicheskiye osobennosti lichnosti lidera prestupnoy gruppy // Yurist'-Pravoved». – 2021. – № 3 (98). – S. 80–85.
7. Kozodayeva O. N., Yur'yev I. A. «Belovorotnichkovaya prestupnost'» v usloviyakh sovremennoy rossiyskoy kriminogennoy obstanovki: kriminologicheskiy aspekt / Stanovleniye i razvitiye professii yurista: naslediye pokoleniy (pamyati yuristov-frontovikov posvyashchayetsya) : sbornik trudov konferentsii / otv. redaktor O. V. Moiseyeva. – Tambov: Izdatel'skiy dom «Derzhavinskiy», 2021. – S. 267–272.
8. Staroverov A. V. K voprosu o ponyatii organizovannoy prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 1. – S. 171–173.
9. Sevast'yanov D. L. Lichnost' organizovannogo prestupnika (st. 210 UK RF) // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. – 2020. – № 4 (79). – S. 96–99.
10. Legotina U. S. Determinatsiya formirovaniya organizovannykh prestupnykh grupp v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh // Yuridicheskiy fakt. – 2020. – № 83. – S. 53–55.
11. Madzhidzoda D. Z. Organizovannaya prestupnost' gosudarstv – uchastnikov SNG: prichiny, usloviya i faktory // Vestnik tadzhikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya sotsial'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk. – 2017. – № 2/10. – S. 182–191.
12. Maystrenko G. A. Determinanty i osnovnyye priznaki rossiyskoy organizovannoy prestupnosti // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2020. – T. 10. – № 10-1. – S. 113–118.
13. Obolenskiy Yu. B. Voprosy protivodeystviya organizovannoy prestupnosti // Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2021. – № 2. – S. 281–285.
14. Plotnikova T. V., Kotel'nikova O. V. Fenomen kiberprestupnosti v usloviyakh XXI veka // Pravo: istoriya i sovremennost'. – 2020. – № 3 (12). – S. 141–150.
15. Tailova A. G., Abdullayeva U. A. Spetsifika determinatsii i prichinnosti vooruzhonnoy organizovannoy prestupnosti / Nauka segodnya: istoriya i sovremennost' : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyakh. – Vologda: OOO «Marker», 2016. – S. 57–58.
16. Khristyuk A. A. Ponyatiye i priznaki organizovannoy prestupnosti. Organizovannaya prestupnaya deyatel'nost' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 335. – S. 109–112.
17. Chechenov A. M. Kharakteristika lichnosti chlenov organizovannykh prestupnykh grupp // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2015. – № 19. – S. 101–103.
18. Yakhontova O. S. Osobennosti preventivnoy deyatel'nosti OVD v migratsionnoy srede / Deyatel'nost' organov vnutrennikh del po protivodeystviyu kriminal'nym proyavleniyam v migratsionnoy srede : materialy vnutrivedomstvennogo kruglogo stola Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 304–307.
19. Yakhontov R. N. Otdel'nyye aspekty upravleniya deyatel'nost'yu organov vnutrennikh del po profilaktike prestupnosti / Sistema profilaktiki prestupnosti: sovremennoye sostoyaniye, problemy i perspektivy razvitiya : sbornik trudov konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2015. – S. 159–162.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 07.09.2022.

The article was submitted April 04, 2021; approved after reviewing June 29, 2022; accepted for publication September 07, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Методология и технология профессионального образования

Научная статья

УДК 378

doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-152-160

Максим Викторович Бавсун

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Оксана Николаевна Миронкина

кандидат педагогических наук

<https://orcid.org/0000-0002-2881-5012>, madam.oksana-79@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Ирина Владимировна Сидорова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-9599-4113>, sidorova.81@mail.ru

Омская академия МВД России

Российская Федерация, 644092, Омск, пр. Комарова, д. 7

Проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) в условиях перехода на федеральные государственные требования

Аннотация: Процесс подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации на современном этапе переживает очередной переходный период. Отказ от федеральных государственных образовательных стандартов и возврат к федеральным государственным требованиям, несмотря на свою позитивную направленность, тем не менее сопровождается значительным количеством новых проблем. Неизбежность таковых не обсуждается. Наиболее остро стоит вопрос об их своевременном выявлении и адекватном реагировании как залого успеха для всех, начиная от адъюнктов (аспирантов) и заканчивая всей российской наукой. Как всегда, в эпоху перемен наиболее пострадавшим является конкретный человек, группа людей. В нашем случае это молодые учёные, только начинающие делать первые шаги на данном поприще. Их восприятие новых правил пока что выглядит крайне болезненным, ибо сами они являются продуктом прежней образовательной системы. Однако именно от изменения их подхода к происходящему во многом будет зависеть и конечный результат всей реформы, суть которой сводится к реинкарнации научной компоненты.

В свою очередь, её фактическое претворение в жизнь ещё предстоит, и зависит оно при этом от многих составляющих, в том числе от позиции образовательных организаций, научных руководителей, начальников (заведующих) кафедр и других специалистов, принимающих участие в процессе подготовки адъюнктов.

Ключевые слова: адъюнктура, кадры высшей квалификации, подготовка, диссертация, диплом, свидетельство, квалификация, федеральные государственные требования, научный компонент

Для цитирования: Бавсун М. В., Миронкина О. Н., Сидорова И. В. Проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) в условиях перехода на федеральные государственные требования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 152–160; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-152-160.

Maksim V. Bavsun

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Oksana N. Mironkina

Cand. Sci. (Ped.)

<https://orcid.org/0000-0002-2881-5012>, madam.oksana-79@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Irina V. Sidorova

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-9599-4113>, sidorova.81@mail.ru

Omsk Academy of the MIA of Russia

7, Komarova Ave., Omsk, 644092, Russian Federation

Problems of training scientific and scientific-pedagogical personnel in graduate school (adjuncture) in conditions of transition to federal government requirements

Abstract: The process of training highly qualified scientific and pedagogical personnel at the present stage is going through another transitional period. The rejection of federal state educational standards and the return to federal state requirements, despite its positive direction, nevertheless, is accompanied by a significant number of new problems. The inevitability of such is not discussed. The most acute issue is their timely detection and adequate response, as a guarantee of success for everyone, from adjuncts (graduate students) to all Russian science. As always, in an era of change, the most affected is a specific person, a group of people. In our case, these are young scientists who are just starting to take their first steps in this field. Being a product of the old educational system, their perception of the new rules so far looks extremely painful. However, the final result of the entire reform, the essence of which boils down to the reincarnation of the scientific component, will largely depend on the change in their approach to what is happening. In turn, its actual implementation is yet to be, depending on many components, including the position of educational institutions, supervisors, heads (heads) of departments and other specialists involved in the process of preparing adjuncts.

Keywords: postgraduate studies, highly qualified personnel, training, dissertation, diploma, certificate, qualification, federal state requirements, scientific component

For citation: Bavsun M. V., Mironkina O. N., Sidorova I. V., Problems of training scientific and scientific-pedagogical personnel in graduate school (adjuncture) in the context of the transition to federal state requirements // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 152–160; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-152-160.

С 1 марта 2022 г. в ходе подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) стали использоваться вместо федеральных образовательных стандартов (далее – ФГОС) федеральные государственные требования (далее – ФГТ). В то же время переход от одних правил к другим, во-первых, не может быть одномоментным, что уже само по себе порождает возникновение целого ряда проблем, а во-вторых, не стал безболезненным как для тех, кто занимается организацией подготовки данной категории обучающихся, так и для самих аспирантов (адъюнктов). Интерес при этом представляет тот факт, что возникающие в этом случае проблемы зачастую относятся не только к нормативному или организационному уровням, но и – как это ни парадоксально – носят в том числе и психологический характер.

Между тем в этом нет ничего удивительного: такова плата за эксперимент протяженностью практически в десять лет. Отказ от одной идеи – подготовка и защита диссертации, в пользу другой – обучение и диплом преподавателя-исследователя, с последующим возвратом к первоначальной модели подготовки кадров высшей квалификации в отмеченный промежуток времени не мог не сказаться на всех уровнях данного процесса. Отсюда и пострадавшая психология самих аспирантов (адъюнктов), которые успели окончить высшие учебные заведения, какое-то время поработать, и прийти в адъюнктуру под совершенно новую идею, не видя и не ставя перед собой высшую цель – подготовку и защиту диссертации. «Погоня» за очередным дипломом, который при этом открывает двери в аудиторию, но теперь уже в качестве преподавателя, обеспечивая таким образом возможность трудоустройства вне зависимости от достижения цели-максимума, сыграла ту пагубную роль, последствия которой мы наблюдаем сегодня и будем наблюдать еще долго в полном объеме.

Демотивированные аспиранты (адъюнкты), особенно второго и третьего курсов (если речь вести об очной форме обучения) и, соответственно третьего и четвертого курсов (если говорить о заочной форме обучения), оказались к тому же дезориентированными в образовательном и научном пространстве. По большому счёту их лишили первоначальной цели, того, ради чего они пришли в адъюнктуру, то есть получить еще одно образование. Не спасает даже то, что у уже поступивших и обучающихся по-прежнему сохраняется теоретическая возможность получения диплома преподавателя-исследователя (многое сейчас зависит от руководства конкретной образовательной организации). Изменившийся общий вектор в сторону научной компоненты, и как следствие, обозначенный акцент на подготовку диссертации и её защиту, уже сейчас оказывают именно дезориентирующее воздействие на соискателя учёной степени.

Произошла смена вектора, который теперь находится за пределами понимания значительного числа соискателей, выросших уже в другой среде. Они воспитаны другой системой образо-

вания, принципы построения которой и оценка результата также были иными. В совокупности ужесточение подхода к соблюдению сроков выполнения диссертации, дальнейшее обязательное её сопровождение (что усиливает ощущение контроля), реальная возможность по итогам окончания обучения остаться без диплома, без преподавательской деятельности и даже её перспектив как раз и оказывают серьёзный психологический эффект на значительную часть аудитории, о которой ведётся речь.

В сложившихся условиях от судорожных попыток всё-таки защитить то, что, по глубокому убеждению адъюнкта, представляет собой диссертацию, до принятия решения о досрочном отчислении, основанном на полном отсутствии мотивации к дальнейшему обучению, особенно при отсутствии хотя бы требуемого по объёму текста, расстояние незначительно. Выбор диссертанта очевиден, хотя он также и плачевен. Однако нельзя не признать, что такая крайность появилась не на пустом месте, а вполне объяснима именно метаниями государства в области образовательной концепции.

В ближайшие несколько лет в связи с этим ожидается, что психология соискателей стабильно будет находиться в зоне турбулентности, поиска идентичности и формирования собственного отношения к новым реалиям. Однако уже сейчас мы наблюдаем первые реакции на состоявшийся (хотя и только с юридической точки зрения) переход. Имеется в виду достаточно серьёзный (существенно возросший) процент отчисляющихся со всех курсов обучения адъюнктов. Это как раз те люди, которые решили получить образование, оценивая диссертацию именно как выпускную научно-квалификационную работу, которая может быть по своему уровню чуть выше (но не более того), чем дипломное или магистерское исследование. Уже первые столкновения с предъявляемыми требованиями к диссертации у адъюнкта с такой психологией вызывают серьёзные душевные терзания, нередко отторжение, полное непонимание. Основной вопрос – почему такие высокие требования к обычной письменной работе в традиционном для него образовательном процессе? Вопрос, кстати, вполне закономерный, так как с позиции образования столь жёсткие критерии к итоговой письменной работе (как формального, так и содержательного свойства) предъявляться не могут и не должны. Но тем не менее они предъявляются, а уход от них в одностороннем порядке невозможен. Сейчас ситуация усугубляется отсутствием все того же диплома об окончании адъюнктуры. Круг замкнулся, и логика аспиранта приводит его зачастую к единственному, но увы, ложному заключению, отчислению как единственному способу избавления от непонятного теперь для него статуса и еще менее понятного последующего результата пребывания в данном статусе.

Безусловно, пострадавшими в случае сохранения такого тренда будут все. Это и сами несостоявшиеся учёные, и образовательные

организации, которые при успешно проведенной вступительной кампании по итогам обучения останутся без соответствующего кадрового потенциала вследствие неадекватно высокого уровня отчисления, и в целом российская наука, оставшись нереализованной в определенном сегменте и в определенный период. Возможное купирование проблемы в переходном периоде будет происходить на местном уровне и в каждой образовательной организации самостоятельно, и включать в себя различные вариации предпринимаемых шагов, направленных на минимизацию последствий как для абитуриентов, так, собственно, и для самих организаций.

Между тем большая часть вопросов, которые ещё только предстоит осмыслить для их соответствующего решения, будет касаться тех, кто в конечном итоге останется, а также придёт в ходе проведения предстоящих вступительных кампаний. С учётом того, что в условиях действия федеральных государственных требований научная компонента становится основной, то и большинство возникающих моментов спорного характера будет связано с последующей реализацией именно данной составляющей подготовки специалистов высшей квалификации.

Первое, с чем столкнулись уже сегодня как сами обучающиеся, так и сотрудники, ответственные за организацию подготовки научно-педагогических кадров, – это соотнесение ранее сданных экзаменов кандидатского минимума с новой номенклатурой научных специальностей, а также организацией их приёма и оценки в условиях объединения некоторых из них. И если первая проблема, несмотря на ее изначальную сложность, на данный момент получила свое решение на уровне писем Минобрнауки РФ¹, то вторая полностью отдана на откуп образовательных организаций. И именно им уже сейчас приходится разрабатывать абсолютно необходимый в таких случаях алгоритм действий, касающийся процедур формирования комиссий по приёму кандидатских экзаменов и билетов, по которым должна осуществляться оценка ответов обучающихся.

И то и другое пока что представляет собой проблему, однозначного решения которой не существует. Так, по ряду научных специальностей по юридическим наукам в результате трансформации номенклатуры произошло объединение нескольких предыдущих научных специальностей, существенно повлияв в том числе и на обозначенные выше аспекты. Речь, в частности, идёт о таких специальностях, как 5.1.2 – Публично-правовые науки и 5.1.4 – Уголовно-правовые науки, каждая из которых впитала в себя значительное число ранее самостоятельных научных специальностей. Например, уголовно-правовая отрасль теперь объединила в себе, помимо ранее к ней относившихся криминоло-

гии и уголовно-исполнительного права, также уголовный процесс, криминалистику (включая криминалистическую экспертизу) и оперативно-розыскную деятельность. Ничуть не проще ситуация и с публично-правовыми науками, куда также вошло значительное число ранее не относившихся к данной группе специальностей (аграрное право, трудовое право и пр.).

Вполне логичными в такой ситуации будут два вопроса – как принимать и что спрашивать? Формирование комиссий, как и билетов, уже не может происходить в рамках одной, максимум двух кафедр. Например, традиционно – уголовного права и криминологии. В состав оценивающих необходимо включать специалистов всех отраслей знаний, составляющих научную специальность. В противном случае итог экзамена почти наверняка будет необъективным (а возможно, и незаконным) в силу некомпетентности самой комиссии. В то же время формально нигде не отражено требование обязательного присутствия доктора наук по профилю, отражающему узкое направление по специальности. Такой вывод является не более чем умозаключением, направленным на создание для абитуриентов одинаково объективных условий при сдаче ими кандидатского экзамена. Однако здесь мы сталкиваемся с другой проблемой. Создание комиссии по той же специальности 5.1.4 без изменений в приказе Минобрнауки № 247 не может обеспечить присутствие на экзамене специалистов по всем направлениям, входящим в неё, так как на данный момент общее число экзаменаторов, согласно его положениям, не может быть более пяти², в то время как в данном случае их требуется как минимум шесть.

Ещё сложнее ситуация с экзаменационными билетами, баланс вопросов в которых, во-первых, должен соответствовать квалификации самой комиссии, когда оценивающие в достаточной степени владели бы материалом, а во-вторых, не превышал бы тех требований, которые должны предъявляться абитуриенту, особенно с учётом специфики тематики подготавливаемой им диссертации. К сожалению, достижение соответствия первому тезису невозможно априори. При формировании билета по принципу «от каждой отрасли по вопросу» глубину ответа соискателя на каждый из них будет понимать лишь один из членов комиссии – тот, кто является специалистом в данном направлении. И здесь уже масса вопросов к самим учёным, причём от организационных до морально-этических. Как можно что-либо оценивать, будучи самому бесконечно далёким от проблематики освещаемого вопроса? Если же билет формировать по принципу тематики подготавливаемой диссертации, то тогда неизбежно нарушение паспорта научной специальности, согласно которому

¹ См., например: Письмо Минобрнауки от 18 апреля 2022 г. № МН-3/3874; Письмо Минобрнауки от 7 апреля 2022 г. № МН-3/3548.

² Об утверждении Порядка прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечня: Приказ Минобрнауки от 28 марта 2014 г. № 247 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

собственно специальность представляет собой объединение различного рода ранее существовавших отраслей знаний и науки. В итоге, выражаясь шахматным языком – цугцванг: что ни сделай, всё равно будет хуже. Либо аспирант не будет способен подготовиться к экзамену должным образом, либо члены комиссии не смогут объективно оценить экзаменуемого, либо будет нарушение паспорта научной специальности. Все последствия чреваты, и выбор в ущерб соискателю становится весьма вероятным с учётом очевидной недопустимости последнего варианта развития ситуации, когда билет будет формироваться, что называется, под диссертацию адъюнкта (например, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и других направленностей, если речь идёт о научной специальности 5.1.4).

Поэтому сложно согласиться с правильным по сути тезисом, который выдвигает Н. В. Астафьев, что «при формулировании направленности (профиля) программы адъюнктуры необходимо обеспечить её (его) соответствие направлению исследования паспорта научной специальности и основным направлениям научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, которые определены соответствующим приказом МВД России» [1]. Действительно верное суждение в условиях начала функционирования новой номенклатуры научных специальностей далеко не всегда способно выдержать соответствующее подтверждение в ходе его практической реализации. В большей степени это относится к наиболее объединяемым специальностям (укрупняемому) на примере юридической отрасли науки. Речь идёт всё о тех же – 5.1.2, 5.1.4, включающих в себя наибольшее количество предыдущих специальностей и, следовательно, требующих серьёзнейших знаний адъюнкта, сдающего экзамен, что позволяет усомниться в самой возможности обеспечения требуемого соответствия, которое становится если и не невозможным, то, по крайней мере, невероятно сложным. В итоге на экзамене мы можем получить фикцию, которая будет соответствовать всем критериям федеральных государственных требований, но при этом содержательно находиться именно на обозначенном уровне. В юриспруденции существует такое явление, как правовая фикция [4]. В данном случае появляется риск вывести новое явление и в педагогике – педагогическую фикцию, когда при полном соответствии всех документов, направленных на обеспечение образовательного процесса (в данном конкретном случае – приём квалификационного экзамена), фактически мы не будем добиваться качественного результата. При этом если содержание программы действительно можно сформировать с учётом как паспортов специальностей, так и, в случае с требованиями МВД России, основных направлений деятельности, то требовать с адъюнкта на экзамене подготовки в точном соответствии с паспортом специальности (а соответственно, и программой) крайне сложно.

Ещё, кстати, сложнее затем сформулировать тему диссертации в соответствии с основными направлениями научного обеспечения МВД России, при этом придерживаясь точного соответствия паспорту научной специальности.

Между тем, согласно федеральным государственным требованиям именно диссертация вновь стала апофеозом всей подготовки научно-педагогических кадров. С учётом того, что адъюнкт (аспирант) должен по итогам обучения получить заключение организации, на базе которой подготавливалась работа (ч. 7.1 ст. 60 Федерального закона РФ «Об образовании»), то последний год пребывания в адъюнктуре должен быть полностью посвящён не просто её завершению, но и рецензированию, а также обсуждению (как правило, неоднократному) на кафедре. Соответственно, это работа над замечаниями, последующая обработка текста редактором, внедрение научной продукции в образовательный процесс и в практическую деятельность, подготовка автореферата и прочие моменты, направленные на получение конечного продукта, который может быть направлен в диссертационный совет для последующей защиты. Это работа, которая наряду с творческим началом всё больше начинает приобретать организационный (а нередко и чисто технический) характер, и далеко не всегда проста.

Осознать этот факт ещё только предстоит, причём это в равной степени касается как тех, кто обучается, так и тех, кто обучает. Своевременное обоснование и доведение до сознания адъюнкта трансформированного подхода необходимо всем. И только это, наряду с предпринятыми вполне конкретными мерами (например, установление жёстких сроков в индивидуальном плане), позволит обеспечить увеличение показателя защищённых диссертаций в установленные сроки, сняв вопросы об эффективности самого факта обучения (особенно если мы ведём речь об адъюнктах, априори находящихся на службе в органах внутренних дел и, соответственно, государственном финансировании). Однако уже сейчас можно прогнозировать, что осознание данного факта не будет простым, а значит, и быстрым. Во многом это обусловлено причинами, перечисленными выше, и уже утвердившимся мнением о защите диссертации как о возможном, но вовсе не обязательном событии в подготовке каждого адъюнкта.

Пожалуй, наиболее серьёзным новшеством в данном вопросе является так называемое сопровождение диссертации. Представляется, что уже сам факт обозначения такого явления должен оказать позитивное влияние на процесс её защиты адъюнктом после окончания обучения. Сопровождение уже само по себе звучит как некая обязанность оказать всю необходимую помощь соискателю ученой степени в достаточно сложной процедуре представления работы в диссертационный совет, её защиты и направления аттестационного дела в Департамент аттестации научных и научно-педагогических

кадров Минобрнауки России³. Таким образом, просматриваются элементы комплексного подхода к реализации процедуры подготовки научно-педагогических кадров в стране – от отбора кандидатов на стадии поступления в адъюнктуру (аспирантуру) до получения диплома кандидата наук. Безусловно, всё это должно дать соответствующие плоды в ближайшем будущем, особенно при условии устранения тех проблем, которые уже возникли и ещё будут возникать при переходе от федеральных образовательных стандартов к федеральным государственным требованиям.

Вопрос теперь лишь в отработке самой процедуры сопровождения, которая в Положении о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) лишь обозначена. При этом собственно её регулирование отдано на откуп образовательным и научным организациям и их локальным актам (п. 56). Следовательно, в самое ближайшее время мы увидим значительное многообразие объединённых единой идеей, но отличающихся в деталях механизмов помощи соискателям учёных степеней, причём руководителям данного процесса придётся дать ответ на примерно одинаковые вопросы, касающиеся такого сопровождения. В первую очередь речь должна идти об определении в данном процессе роли научного руководителя и закреплении за ним обязанностей в выборе диссертационного совета и представлении туда работы своего ученика, подборе оппонентов, ведущей организации и пр. Важно определить роль начальника кафедры с учётом возможного повторного рассмотрения диссертации на заседании в течение года после окончания адъюнктуры. По решению организации это могут быть и другие сотрудники (работники) образовательной организации, на которых будут возложены отдельные функции по сопровождению. Важна при этом и сама процедура закрепления таких функций. Это может быть сделано посредством заключения договора на безвозмездной основе, подписание которого может происходить ещё в момент поступления. Это могут быть и другие формы закрепления взаимоотношений между адъюнктом и образовательной организацией. В любом случае они нужны, и также в любом случае они будут определяться в каждой организации самостоятельно.

В то же время в ходе решения перечисленных в данной работе вопросов, относящихся к главной сегодня компоненте – научной, нельзя забывать и о второй, никуда не исчезнувшей составляющей – образовательной. Её трансформация в соответствии с федеральными го-

сударственными требованиями, безусловно, существенна. Именно этот факт и вынуждает обратить на неё особое внимание, упредив по возможности возникновение искусственных проблем в ходе её реализации.

Вероятно, главное изменение образовательного компонента состоит в смене вектора подготовки в адъюнктуре (аспирантуре). Если ранее первые же строки каждого федерального государственного образовательного стандарта говорили о «получении образования», а также об «обучении», то федеральные государственные требования полностью подчиняют сохранившийся образовательный компонент науке. Дух ФГТ, а также Постановления Правительства № 2122⁴, устанавливающего требования к реализации программ, проникнуты научной составляющей. Кроме того, у организаций, реализующих программы аспирантуры (адъюнктуры), появляются обязанности осуществлять научную (научно-исследовательскую) деятельность и обладать научным потенциалом по группам научных специальностей, по которым реализуются программы аспирантуры (адъюнктуры), чего ФГОС никак не отражал.

Существенно меняется отношение к диссертации, которая по ФГОС – это лишь элемент третьего блока структуры образовательной программы из четырёх. А значит, далеко не самый основной. При этом само название – научно-квалификационная работа (диссертация) психологически настраивало на то, что это обычная письменная работа, похожая на диссертацию, не являющаяся каким-то фундаментальным трудом.

Об изменении вектора подготовки научных и научно-педагогических кадров говорит и то, что в индивидуальном плане работы именно планирование научной деятельности теперь стоит на первом месте, так же, как и научный компонент в самой программе аспирантуры (адъюнктуры). Об изменении нацеленности программ адъюнктуры с защиты выпускной научно-квалификационной работы и получения диплома преподавателя-исследователя на защиту диссертации и получение диплома кандидата наук уже сейчас обращается внимание специалистами [7].

Интересно, что ФГТ ни разу не используют понятие «обучающийся», а только «аспирант» или «адъюнкт». Положение о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) использует понятие «обучающийся» только один раз. Это также, на наш взгляд, трансформирует восприятие статуса лиц, осваивающих программы аспирантуры (адъюнктуры), от студентов или слушателей к молодым учёным.

³ В п. 53 Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 2122 от 30 ноября 2021 г. сопровождение определяется как возможная процедура. Остается лишь выразить надежду, что при наличии подготовленной качественной работы, аспирант (адъюнкт) будет данную услугу получать всегда.

⁴ Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) : Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2122 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 49 (часть II). – Ст. 8308.

Все эти и другие изменения создают трудности при организации перевода реализации образовательного компонента с ФГОС на ФГТ. В первую очередь это определение момента (конкретной календарной даты), который зависит от согласия адъюнктов (аспирантов), поступивших в адъюнктуры (аспирантуры) ещё по старым требованиям, и сопоставление учебных планов в этом случае. Согласие является основополагающим, так как у адъюнкта (аспиранта) есть право продолжить обучение по тем же образовательным программам, по которым он поступал, но тогда возникает проблема для кафедр и адъюнктуры (аспирантуры) на несколько лет вперёд, когда обучение будет проводиться одновременно по разным требованиям и учебным планам. В данном случае существует опасность возникновения путаницы и как результат – нарушение как ФГОС, так и ФГТ.

При одновременном переводе всех обучающихся адъюнктов на ФГТ вместе с поступающими некоторую сложность может создать зачёт результатов освоения дисциплин (модулей), практики в форме перезачёта или переквалификации. Однако при внимательном подходе к разработке новых учебных планов можно минимизировать возможные сложности. Вполне закономерный вопрос «как быть?» возникает при ситуации, когда 1–2 человека отказались переходить на ФГТ. Ответ, конечно, однозначный – предоставить право индивидуального продолжения освоения основной профессиональной образовательной программы по ФГОС. При небольшом штате переменного состава адъюнктуры, возможно, это и вообще не будет проблемой, однако если адъюнктов 50 или 200–300, то перевод даже части из них в индивидуальный режим может сильно затруднить процесс организации их подготовки в адъюнктуре.

Однако такая ситуация вполне укладывается в новые требования к Индивидуальному учебному плану, которые предусматривают, что освоение образовательного компонента программы аспирантуры (адъюнктуры) должно базироваться на основе индивидуализации его содержания с учётом особенностей и образовательных потребностей конкретного аспиранта (адъюнкта)⁵. Но как реализовать эти требования? Как определить потребности адъюнкта? Подразумевает ли это, что для каждого адъюнкта разрабатывается отдельный учебный план? Если так, крайне сложно себе представить, что в адъюнктуре одновременно реализуется 200–300 отличающихся друг от друга учебных планов. Конечно, индивидуализация будет достигнута за счёт выбора элективных и факультативных дисциплин, как это было и при программах, разработанных на основе ФГОС.

Однако, как показывает практика, в результате выработывался учебный план, реализуемый в рамках одной специальности, и все адъюнкты, осуществляющие по нему подготовку диссертации, осваивали одни и те же дисциплины и практики. При этом ФГОС не содержал требование индивидуализации учебного плана для каждого адъюнкта. Можно предположить, что в реальности адъюнктов обяжут делать выбор в пользу рекомендованных им элективных или факультативных дисциплин, и это вновь приведёт к унификации обучения в адъюнктуре (аспирантуре), отдаляя от реальной индивидуализации. Глобальное исследование ведущих университетов выявило высокую степень унификации подготовки аспирантов как характерную черту российских научно-педагогических кадров. При этом исследователями она определяется как препятствие для дифференциации траектории подготовки диссертации аспирантами в зависимости от специфики темы научного исследования (по сути, являющейся той самой индивидуализацией), как фактор, ограничивающий возможности реализации практических результатов диссертационного исследования и сужающий потенциал профессионального роста выпускников аспирантуры.

В этом свете введение требования индивидуализации вполне актуально, однако комментарии или разъяснения по его реализации нормативные документы не дают. Также нет чёткого разъяснения о направленности (профиле) именно программ адъюнктур, исходя из требований ФГТ, что в какой-то степени может обеспечить индивидуализацию.

Федеральный закон «Об образовании» определяет направленность (профиль) образования как «ориентацию образовательной программы на конкретные области знания и (или) виды деятельности, определяющие её предметно-тематическое содержание, преобладающие виды учебной деятельности обучающегося и требования к результатам освоения образовательной программы»⁶. Применительно к подготовке научных и научно-педагогических кадров это определение можно интерпретировать как обеспечение привязки к кафедре учебных планов, разработанных по объединённым специальностям. Например, по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки направленность может быть определена, исходя из содержания вошедших в неё «старых» научных специальностей или отраслей материального и процессуального права. Установление направленности (профиля) программы может значительно упростить планирование учебного процесса и распределение нагрузки между кафедрами образовательной организации. Но обеспечивает ли направленность (профиль) программы индивидуализацию? На наш взгляд – всё-таки нет,

⁵ Ст. 23 Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2122 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 49 (часть II). – Ст. 8308.

⁶ Пункт 25 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7598.

так как она должна учитывать индивидуальные потребности отдельного адъюнкта.

Ещё мало кто осознал, что законодатель не сохраняет высший статус программ аспирантуры и адъюнктуры в иерархии высшего образования, так как свидетельство об окончании аспирантуры (адъюнктуры) не подтверждает получения профессионального образования уровня подготовки кадров высшей квалификации. На этом уровне остаются только ординатура и ассистентура-стажировка, оставшиеся в рамках ФГОС⁷. Однако свидетельство об окончании аспирантуры (адъюнктуры), так же, как и диплом кандидата наук, являются подтверждением получения второго или последующего высшего образования⁸. О чём может говорить это понижение статуса программ аспирантур (адъюнктур) – пока не очень ясно. Этот же уровень образования можно получить и без освоения программ адъюнктур, подготовив диссертацию и защитив её.

В свою очередь, свидетельство об окончании адъюнктуры представляет собой не что иное, как документ об образовании и (или) квалификации. Выдаётся он лицам, успешно прошедшим итоговую аттестацию. То, что адъюнктура даёт высшее образование, в целом понятно, в то время как с квалификацией пока ясности нет. Понятие квалификации, содержащееся в Федеральном законе «Об образовании», определяет её как «уровень знаний, умений, навыков и компетенции, характеризующий подготовленность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности»⁹. Но какую квалификацию будут давать программы адъюнктуры по ФГТ, совершенно не ясно. Как принято считать, компетенции – это однозначно ФГОС. Приказ Минобрнауки от 12 сентября 2013 г. № 1061 также до сих пор остаётся ориентирован на ФГОС и не позволяет определить, какую квалификацию будет давать адъюнктам освоение программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в адъюнктуре, разработанных по ФГТ¹⁰.

Получаемые в настоящее время образовательными организациями переформленные лицензии вообще не содержат указания на квалификацию выпускников аспирантур и адъюнктур. В такой ситуации остаётся неясным,

на основании чего образовательным организациям разрабатывать образцы свидетельств об окончании адъюнктуры? Усугубляет ситуацию непонимание, на какой вид профессиональной деятельности будут направлены программы адъюнктур. Напрашиваются выводы о том, что нужно менять либо определение квалификации, либо определение свидетельства, либо приводить в соответствие с федеральным законом «Об образовании» нормативное регулирование вопроса получаемых квалификаций.

Необходимо отметить, что в 2014–2016 годах переход от ФГТ к ФГОС также вызывал дискуссию. Специалисты говорили о бюрократизации обучения и высказывали беспокойство, что «качество превращается в количество, но не наоборот» [3]. Эксперты от Минобрнауки России выявили ряд серьёзных проблем, которые связывали «с отсутствием методических материалов, в первую очередь – примерных основных образовательных программ (ПООП) аспирантуры, ... с концептуальной незавершенностью самой модели “новой” аспирантуры, а также с имеющимися в некоторых нормативных документах некорректными формулировками» [6].

Прошедшие годы эксперимента применения ФГОС в подготовке кадров высшей квалификации привели к его отмене. На наш взгляд, новые ФГТ позволят значительно снизить документооборот, сопровождающий учебный процесс, упростить многие процедуры реализации программ аспирантур (адъюнктур), сориентировав их на развитие науки в конкретной области и по конкретным научным проблемам. Однако проблемы, озвученные экспертами, актуальны и в настоящее время и приводят к дезориентации уже не адъюнктов и аспирантов, а должностных лиц, организующих подготовку научных и научно-педагогических кадров.

Решению этих и многих других вопросов будут посвящены ближайшие несколько лет, а выработка единой или хотя бы схожей позиции по большинству из них может не произойти и вовсе. Тем не менее, постановка проблемы важна уже с позиции её осознания, совершенно необходимого для последующего её преодоления. Ключевой при этом представляется, трансформация восприятия происходящих изменений, которая должна произойти на всех уровнях, от адъюнкта (аспиранта) до Минобрнауки Российской Федерации. Без соответствующей переоценки организация процесса подготовки специалистов высшей квалификации будет сталкиваться с серьёзными трудностями организационного характера, пропорционально увеличивая переходный период от федеральных государственных образовательных стандартов к федеральным государственным требованиям.

⁷ Там же. Пункт 7 и 7.1 статьи 60.

⁸ Там же. Подпункт 4 пункта 8 статьи 69.

⁹ Там же. Пункт 5 статьи 2.

¹⁰ Приложение № 5 к приказу Минобрнауки от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» // Российская газета. – 2013. – 1 нояб. – № 247.

Список литературы

1. Астафьев Н. В. Организационно-методические основы научной деятельности педагогического работника образовательной организации системы МВД России. – Тюмень, 2022. – С. 88.
2. Бодров А. В., Нарутто С. В., Фатхуллин Р. Р. Аспирантура: возвращение к федеральным государственным требованиям // Законодательство. – 2021. – № 7. – С. 76–80. – EDN WIADEC.

3. Бочкова Е. В., Авдеева Е. А., Назаренко В. А. Аспирантура в системе высшего образования России: новые правила и новые проблемы // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 51-6. – С. 17–23. – EDN VTLFJJ.
4. Панько К. К. К вопросу о фикциях уголовно-правовых и процессуальных // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2012. – № 1 (12). – С. 417–436.
5. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Шатилов А. Б., Парма Р. В. Параметры и векторы развития педагогической аспирантуры в России и в мире: результаты глобального исследования ведущих университетов // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. – № 1. – С. 24–41. – DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-1-24-41. – EDN ACOOZH.
6. Караваева Е. В., Маландин В. В., Пилипенко С. А., Телешова И. Г. Первый опыт разработки и реализации программ подготовки научно-педагогических кадров как программ третьего уровня высшего образования: выявленные проблемы и возможные решения // Высшее образование в России. – 2015. – № 8–9. – С. 5–15. – EDN VBBWGX.
7. Хамаганова И. В. Новая модель реализации программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре / Педагогические технологии для реализации современных образовательных стандартов : сборник статей международной научно-методической конференции. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2021. – С. 15–18. EDN DDIGWC.

References

1. Astaf'ev N. V. Organizatsionno-metodicheskiye osnovy nauchnoy deyatel'nosti pedagogicheskogo rabotnika obrazovatel'noy organizatsii sistemy MVD Rossii. – Tyumen', – 2022. – S. 88.
2. Bodrov A. V. Aspirantura: vozvrashcheniye k federal'nyim gosudarstvennym trebovaniyam / A. V. Bodrov, S. V. Narutto, R. R. Fatkhullin // Zakonodatel'stvo. – 2021. – № 7. – S. 76–80. – EDN WIADEC.
3. Bochkova Ye. V. Aspirantura v sisteme vysshego obrazovaniya Rossii: novyye pravila i novyye problemy / Ye. V. Bochkova, Ye. A. Avdeyeva, V. A. Nazarenko // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2016. – № 51-6. – S. 17–23. – EDN VTLFJJ.
4. Pan'ko K. K. K voprosu o fiktsiyakh ugolovno-pravovykh i protsessual'nykh // Vestnik VGU. Seriya Pravo. – 2012. – № 1 (12). – S. 417–436.
5. Parametry i vektory razvitiya pedagogicheskoy aspirantury v Rossii i v mire: rezul'taty global'nogo issledovaniya vedushchikh universitetov / Ye. V. Brodovskaya, A. Yu. Dombrovskaya, A. B. Shatilov, R. V. Parma // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. – 2022. – Т. 31. – № 1. – S. 24–41. – DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-1-24-41. – EDN ACOOZH.
6. Pervyy opyt razrabotki i realizatsii programm podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov kak programm tre'yego urovnya vysshego obrazovaniya: vyjavlennyye problemy i vozmozhnyye resheniya / Ye. V. Karavayeva, V. V. Malandin, S. A. Pilipenko, I. G. Teleshova // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. – 2015. – № 8–9. – S. 5–15. – EDN VBBWGX.
7. Khamaganova I. V. Novaya model' realizatsii programm podgotovki nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture / Pedagogicheskiye tekhnologii dlya realizatsii sovremennykh obrazovatel'nykh standartov : sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. – Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskiy gosudarstvennyy universitet tekhnologiy i upravleniya, 2021. – S. 15–18. EDN DDIGWC.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 07.09.2022.

The article was submitted May 19, 2022; approved after reviewing July 15, 2022; accepted for publication September 07, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 159.923
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-161-165

Пётр Васильевич Кустов
кандидат педагогических наук, доцент
kustov.petr@mail.ru

Николай Николаевич Силкин
доктор педагогических наук, профессор
silkin_nn@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Использование психологического тренинга для повышения профессионального самосознания сотрудников ОМОН

Аннотация: Ключевую роль в профилактике негативных личностных изменений играет устойчивое профессиональное самосознание сотрудников ОМОН. При сниженном уровне профессионального самосознания возможны либо превышение должностных полномочий, что в свою очередь спровоцирует значительные негативные последствия, либо несвоевременность, нестабильность реализации профессиональных навыков, что также снизит показатели выполнения служебных задач.

К настоящему времени проблема развития профессионального самосознания у сотрудников ОМОН остается малоизученной и требует дальнейшего исследования. Одним из эффективных путей развития профессионального самосознания может стать психологический тренинг.

Цель исследования состоит в разработке социально-психологического тренинга развития профессионального самосознания сотрудников ОМОН.

В статье раскрыта проблема поиска путей повышения профессионального самосознания сотрудников специальных подразделений Росгвардии на примере отряда мобильного особого назначения.

Авторы на основе анализа психолого-педагогической литературы сформулировали определение профессионального самосознания сотрудника и описали его структуру. На основе предложенной модели профессионального самосознания разработан и успешно апробирован тренинг, направленный на формирование и развитие подструктур самосознания. В статье приведены данные экспериментального исследования.

Анализ ведущих методологических подходов изучения феномена «профессионального самосознания» позволил прийти к выводу, что эффективность профессиональной деятельности сотрудников ОМОН зависит не только от профессиональных знаний, умений и навыков, но и от целого ряда психологических факторов, участвующих в регуляции этой деятельности.

Эффективность программы тренинга повышения профессионального самосознания сотрудников подтверждается статистически значимым развитием её составляющих, что позволяет рекомендовать её для практического использования.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, Я-концепция, профессиональное мастерство, психологические факторы, тренинг, сотрудники

Для цитирования: Кустов П. В., Силкин Н. Н. Использование психологического тренинга для повышения профессионального самосознания сотрудников ОМОН // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 161–165; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-161-165.

Pyotr V. Kustov
Cand. Sci. (Ped.)
kustov.petr@mail.ru

Nikolay N. Silkin
Dr. Sci. (Jurid.), Professor

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

The use of psychological training to increase the professional self-awareness of OMON officers

Abstract: A key role in the prevention of negative personal changes is played by the stable professional self-awareness of OMON officers. With a reduced level of professional self-awareness, either excess of official authority is

possible, which in turn will provoke significant negative consequences, or untimeliness, instability in the implementation of professional skills, which will also reduce the performance of official tasks.

To date, the problem of developing professional self-awareness among OMON officers remains poorly understood and requires further study. Psychological training can be one of the effective ways of developing professional self-awareness.

The purpose of the study is to develop a socio-psychological training for the development of professional self-awareness of OMON officers.

The article reveals the problem of finding ways to increase the professional self-awareness of employees of special units of the Russian Guard, using the example of a special mobile detachment.

Based on the analysis of psychological and pedagogical literature, the authors formulated the definition of an employee's professional self-awareness and described its structure. On the basis of the proposed model of professional self-consciousness, a training was developed and successfully tested, aimed at the formation and development of substructures of self-consciousness. The article presents data from an experimental study.

An analysis of the leading methodological approaches to studying the phenomenon of «professional self-awareness» led to the conclusion that the effectiveness of the professional activities of OMON officers depends not only on professional knowledge, skills and abilities, but also on a number of psychological factors involved in the regulation of this activity.

The effectiveness of the training program for increasing the professional self-awareness of employees is confirmed by the statistically significant development of its components, which allows us to recommend it for practical use.

Keywords: professional self-awareness, self-concept, professional skills, psychological factors, training, employees

For citation: Kustov P. V., Silkin N. N. The use of psychological training to increase the professional self-awareness of OMON officers // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 161–165; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-161-165.

Специальные подразделения Росгвардии привлекаются для решения задач, связанных с обеспечением правопорядка и общественной безопасности, в том числе предотвращения массовых беспорядков, несанкционированных митингов. Профессиональная деятельность сотрудников отряда мобильного особого назначения (далее ОМОН) предполагает частое применение физической силы, огнестрельного оружия и специальных средств. Таким образом, служба в силовых федеральных ведомствах представляет собой вид экстремальной профессиональной деятельности, характерной особенностью которой является то, что она проходит под влиянием постоянно действующего стрессора. К такому стрессору относится прежде всего опасность, которая может быть как реальной, так и потенциальной. Длительное влияние данного фактора на психику сотрудника может привести к искажению мотивационной структуры, выражающемуся в замене мотива выполнения служебных задач на мотив самосохранения за счёт избегания опасных ситуаций в ущерб эффективности. На место целесообразным и ситуативно обусловленным формам поведения приходят инстинктивные, практически неуправляемые реакции, а именно: испуг, боязнь, заторможенность, ужас, что в свою очередь ведёт к эмоциональному выгоранию и профессиональной деформации личности сотрудника. На наш взгляд, ключевую роль в профилактике негативных личностных изменений играет устойчивое профессиональное самосознание сотрудников ОМОН. При сниженном уровне профессионального самосознания возможны либо превышение должностных полномочий, что в свою очередь провоцирует значительные негативные последствия; либо несвоевременная, нестабильная реализация профессиональных навыков, что также снизит показатель выполнения служебных задач.

Однако, несмотря на возросшую актуальность проблемы профессионального самосознания сотрудников ОМОН в свете напряжённой внешней и внутривнутриполитической ситуации в стране, данный феномен не изучен с позиции системного подхода, отсутствуют практические рекомендации и разработки, направленные на формирование и развитие самосознания. Социально-психологический тренинг как метод повышения профессионального самосо-

знания сотрудников ОМОН наиболее эффективен, а также может быть адаптирован для отработки навыков в конкретной сложившейся профессиональной ситуации.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что профессиональное самосознание представляет собой один из структурных компонентов общего самосознания. Большинство научных работ в данной сфере носит выраженный прикладной характер и фокусирует внимание на проблемах повышения эффективности мероприятий психолого-педагогического сопровождения на различных этапах профессионализации (Э. Ф. Зеер, А. Р. Фонарев, Н. С. Пряжников, Н. Е. Касаткина, Т. В. Кудрявцев, П. А. Шавир, Ю. П. Поваренков, Е. А. Климов, Л. М. Митина, В. И. Обносов, Н. Н. Чистяков и др.), а в рамках акмеологии феномен «профессионального самосознания» рассматривается как вершина онтогенетического развития человека (А. А. Деркач, А. А. Бодалев, А. К. Маркова, Л. М. Митина) [3].

Вопрос о структуре профессионального самосознания в науке является достаточно дискуссионным.

В своём диссертационном исследовании О. Б. Беляев приходит к выводу, что под профессиональным самосознанием офицера Росгвардии понимается «целостное, многокомпонентное, двухуровневое динамическое образование личности, определяющее своеобразие интегральной индивидуальности и успешность профессиональной деятельности»¹. Данный феномен включает два взаимосвязанных уровня, которые в свою очередь объединяют когнитивные и аффективные стороны осознания офицером себя в профессии.

Первый уровень отражает представление о собственных профессиональных способностях.

На втором уровне профессионального самосознания происходит самоидентификация специалиста со своей профессиональной группой и принятие норм и правил взаимодействия с основами профес-

¹ Беляев О. Б. Профессиональное самосознание в интегральном исследовании индивидуальности офицера внутренних войск МВД России : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Беляев Олег Борисович. – Пермь, 2011. – 183 с.

сиональной культуры, служебных традиций и ритуалов и т. д.

Также ряд авторов указывают на специфику содержания профессионального самосознания в отличие от общего самосознания. Например, О. А. Елдышова в своей работе указывает, что профессиональное самосознание представляет собой прежде всего проекцию всех структурных компонентов самосознания на профессиональную деятельность. Именно в структуре профессионального самосознания отражено понимание профессионально важных качеств, необходимых для успешной профессиональной самореализации и эффективного выполнения служебных обязанностей. Естественно, для разных профессий эти качества будут разными, но степень их осознания оказывает заметное влияние на выбор задач, на ход выполнения деятельности, на уверенность в себе [4; 7].

В своих работах А. А. Деркач и О. В. Москаленко придерживаются несколько иного подхода к рассмотрению структуры профессионального самосознания и выделяют следующие функциональные компоненты: когнитивный, реализующийся в самопознании; мотивационный, реализующийся в самоактуализации; эмоциональный, реализующийся в самопонимании; операциональный, реализующийся в саморегуляции².

С акмеологической точки зрения Л. М. Митина и А. К. Маркова представляют структуру профессионального самосознания личности как взаимодополняющее соединение трёх подструктур: когнитивной (представление и осознание личности себя в системе выбранной профессиональной деятельности, в том числе в системе профессионального взаимодействия), аффективно-оценочной (подструктура отражает взаимосвязь актуальной, ретроспективной, идеальной и рефлексивной самоооценок человека себя в профессии) и поведенческой (способность эффективно действовать, основанная на знании о себе и отношении к себе). Таким образом, рассмотренные выше функциональные компоненты профессионального самосознания взаимосвязаны между собой и реализуются, как правило, в объективном (уровень профессионального мастерства) и субъективном (профессиональная Я-концепция) планах. На профессиональное мастерство воздействуют как внешние факторы, а именно уровень подготовки, успешность обучения, социум, профессиональная группа, наличие наставничества на этапе адаптации, так и внутренние (саморегуляция, самопонимание, самопознание, самоподдержка, самоактуализация, профессиональная самооценка), в результате чего изменяется Я-концепция. Верно и обратное: изменяющаяся профессиональная Я-концепция оказывает влияние на профессиональное мастерство³.

Анализ ведущих методологических подходов изучения феномена «профессионального самосознания» позволил прийти к выводу, что эффективность профессиональной деятельности сотрудников ОМОН зависит не только от профессиональных знаний, умений и навыков, но и от целого ряда психологических факторов, участвующих в регуляции этой

деятельности. Важнейшая психологическая составляющая профессионализма – профессиональное самосознание. К настоящему времени проблема развития профессионального самосознания у сотрудников ОМОН остаётся малоразработанной и требует дальнейшего изучения. Одним из эффективных путей развития профессионального самосознания может стать психологический тренинг.

Таким образом, цель исследования состояла в разработке социально-психологического тренинга развития профессионального самосознания сотрудников ОМОН в структуре МВД России.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи.

1. Теоретический анализ проблемы профессионального самосознания и психологических особенностей профессиональной деятельности сотрудников специальных подразделений.

2. Разработка программы психологического тренинга развития профессионального самосознания сотрудников ОМОН из числа младшего начальствующего состава.

3. Проведение психологического тренинга в подразделении ОМОН.

4. Проверка эффективности психологического тренинга для развития профессионального самосознания через сравнение данных входной и выходной диагностики основных составляющих профессионального самосознания сотрудников.

5. Анализ результатов психологического тренинга.

Гипотезой данного исследования выступило предположение о том, что при применении разработанного психологического тренинга развития профессионального самосознания возможны позитивные изменения структурных элементов самосознания сотрудников.

В ходе решения первой задачи были проанализированы основные научные работы в изучаемой предметной области, что позволило сформулировать определение «профессионального самосознания сотрудников», которое легло в основу разработки тренинговой программы. В данной работе под профессиональным самосознанием понимается сложный личностный концепт, который формируется под влиянием профессиональной группы и активного участия сотрудника в профессиональной деятельности. Структура профессионального самосознания включает три взаимосвязанных компонента: когнитивный (знание о себе, профессии и профессиональной группе), аффективный (профессиональная самооценка) и поведенческий (активное освоение и реализация в служебной деятельности профессиональных компетенций). Специфика службы подразделений ОМОН определяет профессиональное самосознание сотрудников.

Для реализации цели исследования и решения поставленных задач нами была разработана специальная программа психологического тренинга развития профессионального самосознания сотрудников ОМОН, проведена его апробация.

Социально-психологический тренинг состоит из трёх тематических блоков.

Первый тематический блок направлен на осознание сотрудниками своих личностных особенностей, профессионально важных качеств и оптимизации отношения к себе как профессионалу. Участникам предлагается выполнить упражнения, которые ориентированы прежде всего на фокусировку внимания на собственной личности, на своих переживаниях, мыслях, привычных способах поведения, своих представлениях о самом себе.

² Деркач А. А., Москаленко О. В., Пятин В. А., Селезнева Е. В. Акмеологические основы профессионального самосознания личности : учебное пособие. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. – 328 с.

³ Иванов С. А. Самосознание как фактор успешности профессиональной деятельности личного состава силовых федеральных ведомств, обеспечивающих национальную безопасность Российской Федерации : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / Иванов Сергей Анатольевич. – Санкт-Петербург, 2008 – 373 с.

Второй тематический блок был посвящён осознанию сотрудниками себя в системе профессионального и личностного взаимодействия, активному принятию норм и правил межличностного взаимодействия в профессиональной группе, в том числе пониманию своей роли в профессиональной иерархии.

Третий тематический блок был ориентирован на осознание участниками себя в системе профессиональной деятельности и оптимизацию отношений к этой системе. Задачей именно третьего блока тренинга является интеграция полученных знаний и навыков в типичных ситуациях профессионального взаимодействия. Длительность тренинга составляет 3 занятия по 5 часов.

Основной целью тренинга является формирование и развитие всех компонентов профессионального самосознания. Каждый тематический блок тренинга был посвящён определённой подструктуре.

В рамках мероприятий по морально-психологическому обеспечению в сформированных тренинговых группах были реализованы содержание занятий и тренинга, предусмотренные разработанной программой.

С целью оценки эффективности предложенного социально-психологического тренинга проведено сравнение данных входной и выходной психодиагностики основных компонентов профессионального самосознания сотрудников. В исследовании применялся следующий психодиагностический инструментарий: авторская анкета «Самосознание», самооценка психических состояний (по Г. Айзенку), тест Г. Я. Розена, методика Н. Холла, методика оценки личностного дифференциала.

Данные входного и выходного тестирования подвергались сравнительному анализу с помощью *t*-критерия Стьюдента.

Рассмотрим данные сравнительного анализа группы до и после проведения психологического тренинга развития профессионального самосознания по тесту Г. Я. Розена, методике Н. Холла и анкете «Самосознание». В процессе профессионального тренинга у сотрудников наблюдалось статистически значимое повышение показателей «Перцептивно-невербальной компетентности» по методике Г. Я. Розена ($p \leq 0,05$); «Распознавание эмоций» по тесту Н. Холла ($p \leq 0,05$); «Возможность планировать свои действия», «Критичное отношение к себе», «Уверенность в своих силах» ($p \leq 0,05$) по анкете «Самосознание».

Также представлены средние значения показателей по методике «Личностный дифференциал» до и после тренинга. В процессе профессионального тренинга у сотрудников наблюдается статистически значимое повышение показателей «Оценка» и «Сила» ($p \leq 0,05$), «Активность» ($p \leq 0,01$).

Данные сравнительного анализа группы по методике «Самооценка психических состояний (по Г. Айзенку)» до и после тренинга таковы. В процессе тренинга у сотрудников ОМОН также наблюдается значительное снижение таких негативных показателей как «Тревожность», «Фрустрация», «Агрессия» и «Ригидность» ($p \leq 0,01$) по методике «Самооценка психических состояний» (по Г. Айзенку).

Эффективность программы тренинга повышения профессионального самосознания сотрудников подтверждается статистически значимым развитием её составляющих, что позволяет рекомендовать её для практического использования.

Результаты исследования позволили сформулировать выводы и практические рекомендации, а именно:

1) профессорско-преподавательскому составу образовательных организаций материалы исследования целесообразно использовать на практических занятиях;

2) с целью эффективного формирования профессионального самосознания сотрудников ОМОН применять эти материалы на этапах обучения в образовательных организациях;

3) психологам Росгвардии полученные данные можно использовать в ходе психологического сопровождения служебной деятельности сотрудников ОМОН.

Результаты исследования показывают, что в целом после тренинга произошли позитивные изменения самосознания испытуемых. Таким образом, выдвигаемая в работе гипотеза о том, что при применении разработанного психологического тренинга развития профессионального самосознания возможны позитивные изменения структурных элементов профессионального самосознания сотрудника ОМОН, нашла своё подтверждение в ходе экспериментального исследования.

В целом проведённое исследование актуализирует необходимость дальнейшего изучения психологического тренинга, и не только в части, касающейся сотрудников подразделений Росгвардии, но и представителей других правоохранительных органов.

Список литературы

1. Андреев С. В. Теоретические и технологические основы актуализации организованности групп отрядов мобильных особого назначения МВД России // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 5. – С. 226–228.
2. Антропов В. М. Деятельность ОМОН (Барнаул) по охране законности и правопорядка (1993–2018 гг.) // Известия АлтГУ. – 2019. – №3 (107). – С. 13–16.
3. Деркач А. А. Субъектные феномены: акмеологический подход : монография. – Москва: Изд-во РАГС, 2010. – 239 с.
4. Елдьшинова О. А. Профессиональное самосознание как психологическая составляющая профессионального становления // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 7. – С. 101–102.
5. Знаков В. В., Кашапов М. М., Прохоров А. О. Когнитивно-акмеологические основы профессионального становления субъекта : монография. – Ярославль: Индиго, 2013. – 296 с.
6. Кусенев П. Н. Формирование профессионального мировоззрения у сотрудников ОМОН МВД России // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 358–360.
7. Майоров В. И. О роли Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в обеспечении общественного порядка // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – №1. – С. 48–50.

8. *Пересадына О. В.* Профессиональное правосознание юристов : монография. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2020. – 131 с.

9. *Терешкин В. В.* Особенности профессиональной деятельности сотрудников ОМОН РФ и требования к их физической готовности / Проблемы физической культуры, спорта и туризма в свете современных исследований и социальных процессов : сборник трудов Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. – С. 176–181.

10. *Тодышева Т. Ю.* Карьерная компетентность : монография. – Красноярск: КГПУ, 2014. – 286 с.

References

1. *Andreyev S. V.* Teoreticheskiye i tekhnologicheskiye osnovy aktualizatsii organizovannosti grupp otryadov mobil'nykh osobogo naznacheniya MVD Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – №5. – S. 226–228.

2. *Antropov V. M.* Deyatel'nost' OMON (Barnaul) po okhrane zakonnosti i pravoporyadka (1993–2018 gg.) // Izvestiya AltGU. – 2019. – № 3 (107). – S. 13–16.

3. *Derkach A. A.* Sub»yektnyye fenomeny: akmeologicheskiy podkhod monografiya. – Moskva: Izd-vo RAGS, 2010. – 239 s.

4. *Yeldyshova O. A.* Professional'noye samosoznaniye kak psikhologicheskaya sostavlyayushchaya professional'nogo stanovleniya // Fundamental'nyye issledovaniya. – 2006. – № 7. – S. 101–102.

5. *Znakov V. V., Kashapov M. M., Prokhorov A. O.* Kognitivno-akmeologicheskiye osnovy professional'nogo stanovleniya sub»yekta: monografiya. – Yaroslavl': Indigo, 2013. – 296 s.

6. *Kusenev P. N.* Formirovaniye professional'nogo mirovozzreniya u sotrudnikov OMON MVD Rossii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2016. – № 2. – S. 358–360.

7. *Mayorov V. I.* O roli Federal'noy sluzhby voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii v obespechenii obshchestvennogo poryadka // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – №1. – S. 48–50.

8. *Peresadina O. V.* Professional'noye pravosoznaniye yuristov: monografiya. – Yekaterinburg: Ural'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2020. – 131 s.

9. *Tereshkin V. V.* Osobennosti professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov OMON RF i trebovaniya k ikh fizicheskoy gotovnosti / Problemy fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma v svete sovremennykh issledovaniy i sotsial'nykh protsessov: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg, 2017. – S. 176–181.

10. *Todysheva T. Yu.* Kar'yernaya kompetentnost' : monografiya. – Krasnoyarsk: KGPU, 2014. – 286 s.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 21.09.2022.

The article was submitted June 30, 2022; approved after reviewing September 13, 2022; accepted for publication September 13, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Психология труда и инженерная психология, когнитивная эргономика

Научная статья
УДК 159.9
doi:10.35750/2071-8284-2022-3-166-175

Елена Викторовна Костина
<https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, kasatka1317@mail.ru

*Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Формирование преданности, лояльности и доверия у сотрудников в системе психологической профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России

Аннотация: В современных условиях одной из ключевых задач управления персоналом является формирование стабильного трудоспособного коллектива организации, обеспечивающего её устойчивое функционирование и развитие.

Цель исследования: определить особенности формирования преданности, лояльности и доверия организации у сотрудников в системе психологической профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России.

Объект исследования: система психологической профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России.

Предмет исследования: процесс формирования преданности, лояльности и доверия организации у сотрудников в системе психологической профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России.

Методология и теория исследования. Зарубежными (Русбалт [35], Фарелл [25]) и отечественными учёными (М. И. Магура [9], В. И. Доминьяк, А. Н. Пастушеня [14]) подчёркивается, что текучесть кадров среди вновь принятых сотрудников, к коим следует отнести и обучающихся в образовательных организациях МВД России, может быть вызвана низкой степенью профессиональной преданности, которая, по мнению М. Мескон, обеспечивает противостояние субъекта профессиональной деятельности воздействию негативных профессиональных факторов.

В данной статье представлен анализ трёх ведущих характеристик работника, обеспечивающих его профессиональное постоянство в организации: «преданность», «лояльность», «доверие организации» в поведенческом, установочном, нормативном, позитивном и аффективном подходах. Выделена классификация факторов, определяющих формирование профессиональной преданности сотрудников. Доказано, что формирование профессиональной преданности, лояльности и доверия организации у сотрудников должно быть ядром программы психологической профилактики текучести кадров образовательной организации.

Ключевые слова: текучесть кадров, образовательные организации МВД России, профессиональная преданность, лояльность, доверие организации, психологическая профилактика текучести кадров

Для цитирования: Костина Е. В. Формирование преданности, лояльности и доверия у сотрудников в системе психологической профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 166–175; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-166-175.

Elena V. Kostina

<https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, kasatka1317@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Akademika Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation*

Formation of employees' devotion, loyalty and trust in the system of psychological prevention of staff turnover in educational organizations of the MIA of Russia

Abstract: In modern conditions, one of the key tasks of personnel management is the formation of a stable able-bodied team of the organization, ensuring its sustainable functioning and development.

The purpose of the study: to determine the features of the formation of devotion, loyalty and trust in the organization among employees in the system of psychological prevention of staff turnover in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Object of study: the system of psychological prevention of staff turnover in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Subject of study: the process of formation of devotion, loyalty and trust of the organization among employees in the system of psychological prevention of staff turnover of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Methodology and theory of research. Foreign (Rusbalt [36], Farrell [25]) and domestic scientists (M. I. Magura [9], V. I. Dominyak, A. N. Pastushenya [14]) emphasize that staff turnover among newly hired employees, which should include students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, can be caused by a low degree of professional devotion, which, according to M. Meskon, ensures that the subject of professional activity resists the impact of negative professional factors.

This article presents an analysis of the three leading characteristics of an employee that ensure his professional constancy in the organization: «devotion», «loyalty», «trust in the organization» in behavioral, attitudinal, normative, positive and affective approaches. The classification of factors that determine the formation of professional loyalty of employees is highlighted. It has been proved that the formation of professional devotion, loyalty and trust of the organization among employees should be the core of the program of psychological prevention of employee turnover in an educational organization.

Keywords: staff turnover, educational organizations of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, professional devotion, loyalty, trust of the organization, psychological prevention of staff turnover

For citation: Kostina E. V. Formation of employees' devotion, loyalty and trust in the system of psychological prevention of staff turnover in educational organizations of the MIA of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 166–175; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-166-175.

Одной из ключевых задач управления персоналом является формирование стабильного трудоспособного коллектива организации, обеспечивающего её устойчивое функционирование и развитие. В условиях нарастающей конкуренции, продолжающегося экономического кризиса, социальной и политической нестабильности именно сохранение человеческого капитала способно обеспечить жизнеспособность и эффективность деятельности организации.

Однако высокий уровень увольнений работников, фиксируемый современными исследователями (Ю. Ю. Соловьёва¹, А. А. Борисова [2] и др.) требует пересмотра подходов к средствам и технологиям психологической профилактики текучести кадров. Феномен текучести кадров понимается как незапланированный процесс увольнения работников, вызванный различными факторами, и приводящий к существенным экономическим затратам организации и ряду социально-психологических последствий.

Современные исследования, посвящённые проблеме текучести кадров, демонстрируют следующие основные негативные тенденции:

1) критическое снижение вовлечённости сотрудников в деятельность организации (Дж. Хилгрэн, М. Сверке, К. Исаксон [26], Н. П. Подкасофф, Дж. А. ЛиПайн, М. А. ЛиПайн [32], Л. В. Руй Давид, Д. С. Витман, Д. Харт, С. Калео и др.), приводящее к принятию решения об увольнении и свидетельствующее о существенном росте расходов, связанных с подбором персонала, вызванным увольнениями сотрудников: издержки организаций в полуторакратном размере превышают годовую заработную плату работника;

2) снижение удовлетворённости жизнью в результате нарушений процесса профессиональной идентификации (Л. Б. Шнейдер², Л. А. Григорович³, В. А. Кениг⁴, А. И. Калашников [6] и др.) и формирования профессиональной преданности (А. В. Гуторова⁵, Б. Г. Ребузов [16], Е. Ю. Смирнова⁶ и др.).

¹ Соловьёва Ю. Ю. Регулирование текучести персонала в условиях нестабильной экономики : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Соловьёва Юлия Юрьевна. – Новосибирск, 2009. – 199 с.

² Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Шнейдер Лидия Бернгардовна. – Москва, 2001. – 42 с.

³ Григорович Л. А. Структура и динамика формирования профессионального самосознания педагогов дошкольных образовательных учреждений : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13. / Григорович Любовь Александровна. – Москва, 2005. – 60 с.

⁴ Кениг В. А. Становление профессиональной идентичности у работающих студентов : автореферат дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / Кениг Виталий Александрович. – Москва, 2008. – 24 с.

⁵ Гуторова А. В. Формирование профессиональной позиции у студентов педагогического вуза : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Гуторова Анна Вячеславовна. – Волгоград, 1996. 164 с.

⁶ Смирнова Ю. Е. Психологические предпосылки профессионального самоопределения старшеклассников профильной школы : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Смирнова Юлия Евгеньевна. – Санкт-Петербург, 2013. – 26 с.

В основе выявленных тенденций лежат важнейшие для психологии труда категории – профессиональная преданность, лояльность, доверие организации. Формирование данных феноменов наиболее эффективно в период получения профессионального образования, когда происходит стремительное развитие профессиональной Я-концепции и субъектности.

Как уже подчеркивалось ранее, в настоящее время необходимо исследование процесса формирования преданности, лояльности и доверия организации у сотрудников в системе психологической профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России.

Под профессиональной преданностью сегодня понимается такая форма отношения сотрудников к организации, которая обеспечивает верность и стремление являться её работником на протяжении более длительного времени под воздействием привязанности, увлечённости трудовыми обязанностями и приверженностью целям и ценностям организации.

Мы придерживаемся позиции С. Русбалта [35], понимающего под профессиональной преданностью динамическое субъективное восприятие собственных возможностей, инвестиций и сил, вкладываемых в профессиональную деятельность, с учётом возможных профессиональных альтернатив (трудоустройства в организации в иной трудовой сфере).

Впервые к проблеме формирования профессиональной преданности обратился Г. Беккер [20], высказавший идею постепенного формирования привязанности работника через традиции и ритуалы организации, а также связанные с нею приобретения – карьерный рост, инвестиции в компанию, повышенный взнос в пенсионный фонд, ипотечное кредитование от организации и т. д. Подобная последовательность «side bets» (попутные ставки – прим. автора) исследователем сравнивается с кирпичиками, которыми работник выстраивает себе стену, отделяющую его от принятия решения об увольнении из организации.

Г. Беккер предположил, что переживание различных позитивных событий, связанных с организацией, выступает в качестве сдерживающего фактора при появлении желания уволиться из организации. Им было положено начало поведенческого подхода к проблеме профессиональной преданности [20]. В рамках поведенческого подхода профессиональная преданность обеспечивает поведение работника, проявляющееся в его стремлении оставаться членом организации при наличии более привлекательных предложений [9]. Организационная лояльность представляет собой социально желательное поведение, превышающее нормативные и / или формальные ожидания.

Н. Дж. Аллен, Дж. П. Мейер [19] полагают, что преданность организации представлена следующими компонентами:

1) эмоциональный – основан на эмоциональной принадлежности работника к организации;

2) нормативный – связан с наличием у работника обязательств или долга перед организацией;

3) временной – основан на приобретении профессионального стажа, опыта, не позволяющих расстаться с организацией без негативных последствий.

Выделяют три условия принятия решений и действий в организации: 1) свобода выбора, 2) публичность, 3) трудности при отказе от данных действий или решений.

Формирование профессиональной преданности предполагает прохождение ряда этапов:

1) *инициация* объединяет ознакомление работника с ценностями и традициями организации, постепенное приобщение к ним, принятие членами коллектива вновь поступившего работника;

2) *интериоризация норм и установок организации* сопровождается осознанием себя работником в качестве члена нового профессионального коллектива, знакомством с негласными требованиями и правилами, выделением среди коллег образцовых работников, на которых следует ориентироваться.

Преимуществом поведенческого подхода к раскрытию сущности профессиональной преданности является возможность прогнозирования вероятности увольнения работников.

Установочный подход нацелен на формирование у работника комплекса сильных позитивных установок, связанных с организацией и профессиональной деятельностью. Под установкой в психологии понимается «специфическое состояние, возникающие под влиянием объективной ситуации удовлетворения потребности» [32].

Д. Н. Узнадзе⁷ отмечал, что установка обеспечивает линию поведения и следование ей. В рамках установочного подхода профессиональная преданность зависит от вклада работника в достижение целей организации.

Итак, структура преданности представлена взаимодействием: эмоционального (обеспечивающего чувственную связь работника с организацией, отождествление с ней, единство личных и профессиональных ценностей); инерционного (отвечающего за оценку собственного вклада в организацию, осознание степени сил и средств, вложенных в неё; чем дольше работник трудится в организации, тем более выражен данный компонент) и нормативного (наличие обязательств перед организацией) компонентов [1].

Р. Б. Дунхам [24] отмечает возможность существования как всех компонентов преданности у работника, так и одного из них, но при этом каждый из них в определённой степени воздействует на продолжительность работы в организации.

М. И. Магура и М. Б. Курбатова [10], взяв за основу критерий истины, выделили следующие виды профессиональной преданности:

– истинная, предполагающая наличие у работника внутренней профессиональной приверженности к организации без предъявления каких-либо условий к ней;

– прагматическая, заключающаяся в стремлении к извлечению выгоды как от профессиональной деятельности, так и от собственного профессионального статуса;

– вынужденная, характеризуемая продолжением профессиональной деятельности под влиянием невозможности смены организации.

Нормативный подход характеризует преданность как динамичную характеристику, детерминированную взаимодействием профессионального опыта, личностных особенностей, степенью участия работника в деятельности организации [7]. Лояльность в рамках нормативного подхода понимается как демонстрируемая внешне субъективная готовность работника к профессиональной деятельности в рамках установленных организацией норм и правил [28].

Позитивный подход к изучению проблемы профессиональной преданности возник на рубеже 70-х годов предыдущего столетия в позитивной психологии. В данном направлении под преданностью понимается позитивная социальная установка работника по отношению к организации [19]. Преданность организации, по мнению Р. Т. Моудей, Р. М. Стирс, Л. В. Портер [33], выражается в: идентификации (принятие целей и ценностей организации под воздействием внутреннего убеждения в их правоте); вовлечённости (стремление к приложению значимых усилий по достижению целей организации) и лояльности (готовность на протяжении длительного времени оставаться членом организации).

Л. В. Портер [33] уверен в значимости набора следующих характеристик для формирования преданности организации: перенос целей организации в личностные, субъективное желание достижения целей организации, эмоциональная привязанность к организации.

Преданность и лояльность в рамках позитивного подхода рассматриваются в качестве мотивационного феномена, обеспечивающего стремление к достижению высоких результатов профессиональной деятельности и получению удовлетворения от неё [27]. Зачастую в исследованиях наблюдается подмена понятий «преданность» и «удовлетворённость». Несмотря на близость данных категорий, следует понимать, что объектом преданности является организация, а удовлетворённости – непосредственная трудовая деятельность [7].

В рамках *аффективного подхода* под профессиональной преданностью понимается глубинная психологическая привязанность к организации, основанная на эмоциональном

⁷ Узнадзе Д. Н. Общая психология: учебник. – Москва: Смысл; Санкт-Петербург: Питер, 2004. – С. 73.

Мотивационно-потребностная структура профессиональной преданности при аффективном подходе

Характеристика поведения	Форма проявления потребностей	Средства удовлетворения потребностей
Ожидание внимания и заботы со стороны руководства	Потребность в безопасности	Внимание к сотруднику как личности
Ощущение собственной значимости	Потребность в самовыражении	Предоставление возможностей для творческой самореализации
Чувство принадлежности к организации	Потребность в безопасности, в социальных контактах	Принятие организационной культуры, установление традиций и ритуалов, поддержание благоприятного психологического климата
Ощущение собственной компетентности	Потребность в самоутверждении	Поощрение за достижения в работе

отношении к ней, обеспечивающем стремление работника продолжать трудовую деятельность в её составе. Лояльность при этом воспринимается как стремление к переживанию за деятельность организации, обусловленное чувством единения с ней, взаимной зависимости или доверия. Формирование лояльности обусловлено взаимодействием социального и профессионального опыта работника, восприятием организации и индивидуально-психологическими особенностями работника⁸.

Б. Г. Ребзуев [16] уверен, что упор на аффективный компонент преимущественен для организации в связи с большей устойчивостью намерений сотрудника, его убежденностью в верности своего профессионального выбора, ощущении собственной значимости в организации и получением удовлетворения от рабочего процесса. Доминирование аффективного компонента преданности обеспечивает снижение вероятности возникновения профессионального стресса [6]. Следовательно, психологическая профилактика текучести кадров должна быть направлена на формирование аффективного компонента профессиональной преданности.

В исследованиях С. А. О'Рейли, Д. Ф. Кэлдвел [31] подчёркивается, что причинами формирования профессиональной преданности могут выступать: а) единство ценностей и целей работника и организации, б) особая привязанность к коллегам и руководству.

Процесс формирования преданности обеспечивается мотивационной сферой личности работника. Как отмечает Н. А. Жданкин⁹, две категории: «мотивация» и «преданность» вы-

ступают в качестве «основы эффективного раскрытия потенциала человеческих ресурсов любой организации».

Далее определим структуру профессиональной преданности (табл. 1).

Как видно из табл. 1, в основе профессионального поведения работника лежит побуждающий фактор – удовлетворение потребности. Изучение потребностей, актуальных для работника, должно предварять программу психологической профилактики текучести кадров, в дальнейшем выявленные особенности потребностной сферы могут стать мишенью психопрофилактического воздействия.

В исследованиях Г. Дж. Блау [21] отмечено, что формирование профессиональной преданности происходит под воздействием следующих факторов:

1) организационных, представляющих собой особенности управления и контроля в организации: осведомление работников о профессиональных ожиданиях, постановка целей и задач на определённый период, знакомство с корпоративной культурой, система стимулирования и т. д.;

2) личностных, заключающихся в психологических характеристиках коллектива и работников: наличие конфликтов, профессиональная сплочённость, соблюдение обязательств, требовательность друг к другу и т. д.;

3) эмоциональных, отражающих внутреннее отношение организации к работникам: объективная оценка профессионального вклада каждого из них, система взаимодействия руководства и работника, прозрачность политики организации и т. д.

Ряд исследователей (К. В. Харский [17], О. Г. Овчинникова [13] и др.) отмечают, что представления о преданности изначально формируются в процессе семейного воспитания. Семья, являясь важнейшим социальным институтом, закладывает у ребёнка уважение к семейным ценностям, стремление к соблюдению

⁸ Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология : учебник. – 4-е изд., междунар. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 709 с.

⁹ Жданкин Н. А. Мотивация персонала. Измерение и анализ : учебно-практическое пособие. – Москва: Финпресс, 2018. – 304 с.

норм и правил. Постепенно эти характеристики закрепляются и переносятся на иные сферы общественной жизни. Работник, воспитанный в подобных условиях, намного легче адаптируется к своему месту работы, а коллектив воспринимается им как семья, поскольку именно данный вид взаимоотношений является знакомым и преобладающим [11]. При этом задачей психологической службы является поддержание подобного восприятия организации у работника, поскольку при отсутствии подкрепляющих факторов данное чувство может исчезнуть [8].

Т. Н. Лобанова¹⁰ подчёркивает зависимость текучести кадров от лояльности и преданности организации, понимая под последней высший уровень лояльности. Преданность организации отражает внутреннюю мотивированность на процесс и результат профессиональной деятельности. Она выделила психологические качества преданного работника: дисциплинированность, благонадёжность, инициативность, активность, готовность к переживанию трудных времён совместно с коллективом.

И. Н. Минина [11] полагает, что преданность, являясь высшим положительным проявлением отношения к профессии, связана с такими характеристиками работника, как осмысленность выбора профессии, высокий уровень мотивации, достаточные компенсаторные способности, обеспечивающие фундамент для преодоления профессиональных трудностей.

В настоящее время целостная последовательная система формирования преданности, лояльности и доверия организации в ходе профилактики текучести кадров отсутствует, что ставит перед учёными и практиками задачу по разработке и внедрению соответствующих программ и технологий. Подобная система должна включать все уровни психологической профилактики текучести кадров, направленные на развитие психологических ресурсов обучающихся, обеспечивающих их профессиональную надёжность.

Важной задачей образовательных организаций МВД России на современном этапе является психологическая профилактика текучести кадров, поскольку данное явление имеет ряд негативных последствий: социально-психологических (дестабилизация психологического климата в коллективе, снижение удовлетворённости от выбранной профессии у обучающихся), организационных (снижение числа выпускников, направленных комплектованными органами для обучения), экономических (потери, связанные с обучением курсанта и в случае необходимости затрачиваемые на судебные издержки, связанные с их взысканием) и т. д.

Г. К. Бисерова [2], Е. А. Кусакина¹¹ раскрыли сферы психологического воздействия на обучающихся с целью профилактики текучести ка-

дров: мотивационная, операциональная, самостоятельная деятельность. Однако проведённый анализ концептуальных подходов показал, что важнейшей мишенью психопрофилактической работы является в том числе аффективная сфера, отвечающая за формирование эмоциональной привязанности к системе МВД России, единение с её целями и ценностями.

Формирование профессиональной преданности обучающихся образовательных организаций МВД России стало объектом исследований А. Н. Пастушени [14], определившего её структуру, представленную компонентами: ценностно-смысловым (отражающим единение с профессией и значимость её ценностей и целей); эмоциональным (обеспечивающим позитивное восприятие профессии, поставленных задач и стремление к достижению профессионального успеха) и когнитивным (объединяющим потребности в профессиональном и личностном развитии).

Учёными выделены следующие виды профессиональной преданности:

- высокая профессиональная преданность, характеризующаяся уверенностью в правильности профессионального выбора, гордостью за профессию, положительным отношением и публичным выражением профессионального выбора;

- профессиональная преданность средней степени, отличающаяся возникновением предположений, отражающих недовольство отдельными аспектами профессиональной деятельности, но не выражаемых субъектом публично;

- противоречивая профессиональная преданность, выраженная в открытом негативном отношении к собственному профессиональному выбору, склонностью к осуждению различных аспектов профессиональной деятельности [6].

Формирование преданности имеет общие механизмы с формированием ещё одной важной категории – доверия, под которым понимается интегральный психологический феномен, объединяющий эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции личности на объект, оцениваемый в качестве безопасного [6].

Исследователи (Т. С. Пухарева, Р. М. Дауз, В. П. Найхофф, Р. Х. Моурман и др.) отмечают, что само общество функционирует на основе доверия, а при его отсутствии просто не могло бы достичь того уровня развития, который демонстрирует в настоящее время. Вышесказанное обуславливает превращение доверия из ординарного в важнейший социально-психологический фактор и условие деятельности человечества.

М. Е. Балакшин подчёркивает роль доверия в успешном развитии деловых отношений, отмечая, что оно находится в основе дальнейшего расширения поля совместной деятельности. Доверие к организации обеспечивается общим

¹⁰ Лобанова Т. Н. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности : учебник и практикум для академического бакалавриата. – Москва: Юрайт, 2016. – С. 80.

¹¹ Кусакина Е. А. Профессиональное самовосприятие будущих специалистов ФСИН России и психологические пути его совершенствования: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Кусакина Елена Аркадьевна. – Вологда, 2009. – 191 с.

ощущением успешности и сходством собственного мнения и оценок работника с организационными. Дополним, что доверие к организации является результатом обобщения социального опыта доверия, а также опытом отношений с данным объектом или подобными ему¹².

Р. М. Дауз [23] подчёркивает, что основными компонентами доверия являются характеристики руководства: последовательность, доброжелательность и компетентность. В. П. Найхофф, Р. Х. Моурман [30], называют среди них: последовательность, честность, заботу, открытость и распределение контроля. Указанные компоненты ложатся в основу доверия к организации, которое, по мнению Дж. Карри [22] и др., является важным условием формирования преданности. В. Вайнер [37] отмечает взаимозависимость трёх категорий: «доверие», «лояльность» и «преданность».

Таким образом, в результате проведенного теоретического анализа можно сформулировать следующие выводы:

1. Теоретический контекст исследования преданности, лояльности и доверия организации в отечественной и зарубежной психологии представлен поведенческим, установочным, нормативным, позитивным и аффективным подходами, среди которых отмечается единство в преобладающей значимости эмоциональной составляющей рассматриваемых психологических ресурсов.

2. Анализ концептуальных подходов к проблеме профессиональной преданности, лояльности и доверия организации демонстрирует значимость данных психологических ресурсов в системе психологической профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России, исходя из отражения ими ценностно-мотивационной направленности личности обучающихся, сосредоточенной в патриотизме и верности служебному долгу, профессионализме, стремлению к профессиональному развитию.

3. Профессиональное становление обучающихся в образовательной организации МВД России характеризуется наличием потенциальной лояльности и фундаментом для формирования профессиональной преданности, однако требует соответствующего подкрепления и целенаправленной психологической и управленческой работы.

4. Формирование преданности, лояльности и доверия организации в системе психологической профилактики текучести кадров образовательной организации МВД России обеспечивается четырьмя группами факторов: аффективными, когнитивными, ценностными и мотивационными. Данные группы должны выступать в качестве одноимённых направлений психологической профилактики текучести кадров.

5. Сформированность преданности, лояльности и доверия организации у обучающихся образовательных организаций МВД России способствует эффективному выполнению оперативно-служебных задач в соответствии с социально значимыми ценностями и нормами.

¹² Балакшин М. Е. Доверие как основание развития деловых партнёрских отношений : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Балакшин Михаил Евгеньевич. – Москва, 2011. – 31 с.

Список литературы

1. Андреева И. А. Преданность как основа формирования личности будущих специалистов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upload.pgu.ru/iblock/9e9/d75f30375fd1e8ec5f325fd1e5eaf6e8e85f312d322e696e6464_-i.a.-andreeva-24.pdf (дата обращения: 18.05.2022).
2. Бисерова Г. К. Педагогические условия формирования основ субъектной идентичности будущего сотрудника ОВД : монография. – Елабуга: ЕИ КФУ, 2015. – 152 с.
3. Борисова А. А. Регулирование текучести кадров на основе оценки экономического ущерба предприятия // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18. – № 11. – С. 1681–1692.
4. Горностаев С. В. Генезис и психологическое содержание научной проблемы лояльности // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 60. – С. 22–39.
5. Доминяк В. И. Различные подходы к феномену лояльности и безопасность организаций / Теория и практика становления и развития школы безопасности (научные, учебные, методические и организационные аспекты) : сборник тезисов докладов Всероссийской научно-практической конференции: Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – С. 31–32.
6. Калашиников А. И. Диагностика профессиональной приверженности как средство содействия профессиональному развитию педагогов / Личность в профессионально-образовательном пространстве : материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции; Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2015. – С. 75–80.
7. Кобозев И. Ю. Структурно-функциональная модель профессионального стресса сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2021) : материалы Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 383–387.
8. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия : монография. – Москва: Издательство Института психологии РАН, 2008. – 576 с.
9. Магура М. И. Патриотизм персонала по отношению к своей организации – решающее конкурентное преимущество // Управление персоналом. – № 11. – 1998. – С. 20–27.

10. Магура М. И., Курбатова М. Б. Современные персонал-технологии. Организационная приверженность // Управление персоналом. – 2001. – № 6. – С. 45–50.
11. Минина И. Н. Ценностно-мотивационные особенности профессионального становления курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 4 (95). – С. 146–151.
12. Митина Л. М. Личность и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 28–38.
13. Овчинникова О. Г. Лояльность персонала // Управление персоналом. – Москва: ООО «Журнал», 2006. – 96 с.
14. Пастушеня А. Н. Психологическая характеристика преданности профессии сотрудника органов внутренних дел и средства её формирования в образовательном процессе // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2019. – № 2 (38). – С. 251–256.
15. Пухарева Т. С. Основные подходы к проблеме доверия в рамках практически ориентированной психологии // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – № 17. – С. 38–42.
16. Ребзуев Б. Г. Четырёхслойная модель аффективной преданности работников организации: опыт применения на российской выборке // Психологический журнал. – 2006. – Том 27. – № 2. – С. 44–59.
17. Харский К. В. Благонадёжность и лояльность персонала : монография. – Москва, 2003. – 495 с.
18. Ajzen I., Fishbein M. Attitude-behaviour relations: A theoretical analysis and review of empirical research // Psychological Bulletin. – 1977. – V. 84. – № 5. – P. 888–918.
19. Allen N. J., Meyer J. P. The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization // Journal of Occupational & Organizational Psychology. – 1990. – 63(1). – P. 18–38.
20. Becker, H. S. Notes on the concept of commitment // American Journal of Sociology. – 1960. – V. 66. – № 1. – P. – 32–40.
21. Blau G. J. Further exploring the meaning and measurement of career commitment // Journal of Vocational Behavior. – 1988. – Vol. 32. – P. 284–297.
22. Curry J. P., Wakefield D. S., Price, J. L., Mueller C. W. On the causal ordering of job satisfaction and organizational commitment // Academy of Management Journal. – 1986. – № 29. – P. 847–858.
23. Dawes R. M. House of Cards: Psychology and Psychotherapy Bulton Myth // NY: Free Press, 1994. – 338 s.
24. Dunham R. B., Grube, J. A. & Castañeda M. B. Organizational commitment: The utility of an integrative definition // Journal of Applied Psychology. – 1994. – № 79 (3). – P. 370–380.
25. Farrell D., Rusbult C. E. Exchange variables as predictors of job satisfaction, job commitment, and turnover: The impact of rewards, costs, alternatives, and investments // Organizational Behavior and Human Performance. – 1981. – № 28. – P. 78–95.
26. Hellgren J., Sverke M., Isaksson K. A two-dimensional approach to job insecurity: Consequences for employee attitudes and well-being // European Journal of Work and Organizational Psychology. – 1999. – № 8. – P. 179–195.
27. Meyer J. P., Allen N. J., Smith C. A. Commitment to Organizations and Occupations: Extension and Test of a Three-Component Conceptualization // Journal of Applied Psychology. – 1993. – Vol. 78. – P. 538–551.
28. Meyer J., Allen N. A. Three-Component Conceptualization of Organizational Commitment // Human Resource Management Review. – 1991. – Vol. 1. – № 1. – P. 61–89.
29. Mowday R. T., Steers R. M., Porter L. W. The measurement of organizational commitment // Journal of Vocational Behavior. – 1979. – V. 14. – № 2. – P. 224–247.
30. Niehoff B. P., Moorman R. H. Justice as a mediator of the relationship between methods of monitoring and organizational citizenship behavior // Academy of Management Journal. – 1993. – № 36 (3). – P. 527–556.
31. O'Reilly C. A., Caldwell D. F. The Commitment and Job Tenure of New Employees: Some Evidence of Postdecisional Justification // Administrative Science Quarterly. – 1981. – Vol. 26. – P. 597–616.
32. Podsakoff N. P., LePine J. A., LePine M. A. Differential challenge stressor/hindrance stressor relationships with job attitudes, turnover intentions, turnover, and withdrawal behavior: // A meta-analysis. Journal of Applied Psychology. – 2007. – № 92. – P. 438–454.
33. Porter L. W., Lawler E. E., Irwin Richard D. Managerial attitudes and Performance. – Illinois : Irwin-Dorsey, 1968. – 209 s. – 1968. – 209 p.
34. Rooy David L. V., Whitman D. S., Hart D., Caleo S. Measuring Employee Engagement During Financial Down / Business Imperative or Nuisance? Journal of Business Psychology. – 2011. – № 26. – P. 147–152.
35. Rusbult C. E. A longitudinal test of the investment model: The development (and deterioration) of satisfaction and commitment in heterosexual involvements // Journal of Personality and Social Psychology. – 1983. – № 45. – P. 101–117.
36. Rusbult C. E. Commitment and satisfaction in romantic associations: A test of the investment model // Journal of Experimental Social Psychology. – 1980. – № 16. – P. 172–186.
37. Wiener Y. Commitment in organizations: A normative view // Academy of Management Review. – 1982. – № 7 (3). – P. 418–428.
38. Wiener Y., Gechman A. S. Commitment: a behavioral approach to job involvement // Journal of Vocational Behavior. – 1977. – Vol. 10. – P. 47–52.

References

1. *Andreyeva I. A.* Predannost' kak osnova formirovaniya lichnosti budushchikh spetsialistov. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://upload.pgu.ru/iblock/9e9/d75f30375fd1e8ec5f325fd1e5eaf6e8e85f312d322e696e6464_-i.a.-andreeva-24.pdf (data obrashcheniya:18.05.2022).
2. *Biserova G. K.* Pedagogicheskiye usloviya formirovaniya osnov sub»yektnoy identichnosti budushchego sotrudnika OVD : monografiya. – Yelabuga: YeI KFU, 2015. – 152 s.
3. *Borisova A. A.* Regulirovaniye tekuchesti kadrov na osnove otsenki ekonomicheskogo ushcherba predpriyatiya // Rossiyskoye predprinimatel'stvo. – 2017. – T. 18. – № 11. – S. 1681–1692.
4. *Gornostayev S. V.* Genezis i psikhologicheskoye soderzhaniye nauchnoy problemy loyality // Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal. – 2016. – № 60. – S. 22–39.
5. *Dominyak V. I.* Razlichnyye podkhody k fenomenu loyality i bezopasnost' organizatsiy / Teoriya i praktika stanovleniya i razvitiya shkoly bezopasnosti (nauchnyye, uchebnyye, metodicheskiye i organizatsionnyye aspekty) : sbornik tezisov dokladov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2001. – S. 31–32.
6. Diagnostika professional'noy priverzhennosti kak sredstvo sodeystviya professional'nomu razvitiyu pedagogov / Lichnost' v professional'no-obrazovatel'nom prostranstve : materialy XIV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii; Yekaterinburg: FGAOU VO «Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskij universitet». – Yekaterinburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskij universitet. – 2015. – S. 75–80.
7. *Kobozev I. Yu.* Strukturno-funktsional'naya model' professional'nogo stressa sotrudnikov organov vnutrennikh del // Aktual'nyye problemy psikhologii pravookhranitel'noy deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'yevskiy chteniye – 2021) : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 383–387.
8. *Kupreychenko A. B.* Psikhologiya doveriya i nedoveriya : monografiya. – Moskva: Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN, 2008. – 576 s.
9. *Magura M. I.* Patriotizm personala po otnosheniyu k svoey organizatsii – reshayushcheye konkurentnoye preimushchestvo // Upravleniye personalom. – № 11. – 1998. – S. 20–27.
10. *Magura M. I., Kurbatova M. B.* Sovremennyye personal-tekhnologii. Organizatsionnaya priverzhennost' // Upravleniye personalom. – 2001. – № 6. – S. 45–50.
11. *Minina I. N.* Tsennostno-motivatsionnyye osobennosti professional'nogo stanovleniya kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. – 2016. – № 4 (95). – S. 146–151.
12. *Mitina L. M.* Lichnost' i professional'noye razvitiye cheloveka v novykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh // Voprosy psikhologii. – 1997. – № 4. – S. 28–38.
13. *Ovchinnikova O. G.* Loyal'nost' personala // Upravleniye personalom. – Moskva: OOO «Zhurnal», 2006. – 96 s. (Interval).
14. *Pastushenya A. N.* Psikhologicheskaya kharakteristika predannosti professii sotrudnika organov vnutrennikh del i sredstva yeyo formirovaniya v obrazovatel'nom protsesse // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. – 2019. – № 2 (38). – S. 251–256.
15. *Pukhareva T. S.* Osnovnyye podkhody k probleme doveriya v ramkakh prakticheskoy oriyentirovannoy psikhologii // Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya. – 2010. – № 17. – S. 38–42.
16. *Rebzuyev B. G.* Chetyrokh sloynaya model' affektivnoy predannosti rabotnikov organizatsii: opyt primeneniya na rossiyskoy vyborke // Psikhologicheskij zhurnal. – 2006. – Tom 27. – № 2. – S. 44–59.
17. *Kharskiy K. V.* Blagonadozhnost' i loyality personala : monografiya. – Moskva, 2003. – 495 s.
18. *Ajzen I., Fishbein M.* Attitude-behaviour relations: A theoretical analysis and review of empirical research // Psychological Bulletin. – 1977. – V. 84. – № 5. – P. 888–918.
19. *Allen N. J., Meyer J. P.* The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization // Journal of Occupational & Organizational Psychology. – 1990. – 63(1). – P. 18–38.
20. *Becker H. S.* Notes on the concept of commitment // American Journal of Sociology. – 1960. – V. 66. – № 1. – P. 32–40.
21. *Blau G. J.* Further exploring the meaning and measurement of career commitment // Journal of Vocational Behavior. – 1988. – Vol. 32. – R. 284–297.
22. *Curry J. P., Wakefield D. S., Price, J. L., Mueller C. W.* On the causal ordering of job satisfaction and organizational commitment // Academy of Management Journal. – 1986. – № 29. – R. 847–858.
23. *Dawes R. M.* House of Cards: Psychology and Psychotherapy Bulton Myth // NY: Free Press, 1994. – 338 s.
24. *Dunham R. B., Grube, J. A. & Castañeda M. V.* Organizational commitment: The utility of an integrative definition // Journal of Applied Psychology. – 1994. – № 79 (3). – R. 370–380.
25. *Farrell D., Rusbult C. E.* Exchange variables as predictors of job satisfaction, job commitment, and turnover: The impact of rewards, costs, alternatives, and investments // Organizational Behavior and Human Performance. – 1981. – № 28.
26. *Khellgren Dzh., Sverke M., Isaksson K.* Dvumernyy podkhod k negarantirovannosti zanyatosti: posledstviya dlya otnosheniya i blagopoluchiya sotrudnikov // Yevropeyskiy zhurnal truda i organizatsionnoy psikhologii. – 1999. – № 8. – S. 179–195.

27. *Meuyer Dzh. P., Allen N. Dzh., Smit S. A.* Priverzhennost' organizatsiyam i zanyatiyam: rasshireniye i proverka trekhkomponentnoy kontseptualizatsii // Zhurnal prikladnoy psikhologii. – 1993. – Vyp. 78. – S. 538–551.

28. *Meuyer Dzh., Allen N. A.* Trekhkomponentnaya kontseptualizatsiya organizatsionnoy priverzhennosti // Obzor upravleniya chelovecheskimi resursami. – 1991. – Vyp. 1. – № 1. – S. 61–89.

29. *Moudey R. T., Stirs R. M., Porter L. U.* Izmereniye organizatsionnoy priverzhennosti // Zhurnal professional'nogo povedeniya. – 1979. – T. 14. – № 2. – S. 224–247.

30. *Nikhoff B. P., Murman R. Kh.* Spravedlivost' kak posrednik vzaimosvyazi mezhdru metodami monitoringa i organizatsionnogo povedeniya grazhdan // Zhurnal Akademii upravleniya. – 1993. – № 36 (3). – P. 527–556.

31. *O'Reyli K.A., Kolduell D.F.* Priverzhennost' i stazh raboty novykh sotrudnikov: nekotoryye svidetel'stva obosnovaniya posle prinyatiya resheniya // Yezhekvartal'nyy zhurnal «Administrativnaya nauka». – 1981. – Vyp. 26. – S. 597–616.

32. *Podsakov N. P., LePin Dzh. A., Lepin M. A.* Differentsial'nyye otnosheniya stressa i pomekh s otnosheniyem k rabote, namereniyami smenit' rabotu, smenyayemost'yu i povedeniyem ukhoda: // Metaanaliz. Zhurnal prikladnoy psikhologii. – 2007. – № 92. – S. 438–454.

33. *Porter L. V., Louler E. E., Irvin Richard D.* Upravlencheskiye otnosheniya i proizvoditel'nost'. – Illinois: Irwin-Dorsey, 1968. – 209 s.

34. *Roy Devid L. V., Uitmen D. S., Khart D., Kaleo S.* Izmereniye vovlechnosti sotrudnikov vo vremya finansovogo krizisa / delovoy imperativ ili nepriyatnost'? Zhurnal delovoy psikhologii. – 2011. – № 26. – S. 147–152.

35. *Rusbult S. E.* Longityudnyy test investitsionnoy modeli: razvitiye (i ukhudsheniye) udovletvorennosti i priverzhennosti geteroseksual'nym otnosheniyam // Zhurnal lichnosti i sotsial'noy psikhologii. – 1983. – № 45. – S. 101–117.

36. *Rusbult S. E.* Obyazatel'stva i udovletvoreniye v romanticheskikh svyazyakh: test investitsionnoy modeli // Zhurnal eksperimental'noy sotsial'noy psikhologii. – 1980. – № 16. – S. 172–186.

37. *Viner Yu.* Obyazatel'stva v organizatsiyakh: normativnyy vzglyad // Academy of Management Review. – 1982. – № 7 (3). – R. 418–428.

38. *Viner Yu., Gechman A. S.* Priverzhennost': povedencheskiy podkhod k vovlechnosti v rabotu // Zhurnal professional'nogo povedeniya. – 1977. – Vyp. 10. – S. 47–52.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted July 20, 2022; approved after reviewing September 13, 2022; accepted for publication September 20, 2022.

Юридическая психология и психология безопасности

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-176-182

Анастасия Сергеевна Гусева

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0001-5417-4434>, nastuagyseva@rambler.ru

Академия ФСИН России

Российская Федерация, 39000, Рязань, ул. Сенная, д. 1

Ирина Сергеевна Ганишина

доктор психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

Академия ФСИН России

Российская Федерация, 39000, Рязань, ул. Сенная, д. 1

Полина Александровна Гордеева

<https://orcid.org/0000-0002-0403-9012>, bunny35749@gmail.ru

Новосибирский военный ордена Жукова институт

*имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Российская Федерация, 630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2*

Особенности смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления

Аннотация: Актуальность исследования смысловой сферы личности обусловлена тем, что нахождение осуждённых за коррупционные преступления в исправительных учреждениях лишает их возможности реализации потребности в жизненном смысле. Изменение условий жизни, связанное с изоляцией от общества, ведёт к трансформации их смысловой сферы, усугубляя внутренние противоречия, вызывая личностные переживания и делая реализацию жизненного замысла затруднительной.

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления. Исследование проводилось на базе ФКУ ИК-3 УФСИН России по Рязанской области. В нём приняли участие 60 осуждённых мужского пола, отбывающих наказание за коррупционные преступления. Для диагностики особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления использовались следующие методы и методики: анализ личных дел, тестирование с помощью личностного опросника «Уровень субъективного контроля» (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд).

В ходе проведённого исследования были выявлены следующие особенности смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления: высокая уверенность в себе; ответвен-

ность за происходящие события; склонность к неоправданному риску; способность легко выстраивать благоприятные взаимоотношения с окружающими людьми, нацеленность на достижение успеха любыми средствами; склонность не перекладывать ответственность за свои неудачи на других людей; тяжёлое переживание своих неудач; в критических ситуациях способны вести себя решительно и невозмутимо.

Знание психологических особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления позволит обеспечить их психологическое сопровождение в местах лишения свободы.

Ключевые слова: личность, осуждённые, коррупционные преступления, смысловая сфера личности, исправительные учреждения

Для цитирования: Гусева А. С., Ганишина И. С., Гордеева П. А. Особенности смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 176–182; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-176-182.

Anastasia S. Guseva

Graduate

<https://orcid.org/0000-0001-5417-4434>, nastuagyseva@rambler.ru

*Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation*

Irina S. Ganishina

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

*Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation*

Polina A. Gordeeva

<https://orcid.org/0000-0002-0403-9012>, bunny35749@qmail.ru

*Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation
6/2, Klyuch-Kamyshenskoe Plateau str., Novosibirsk, 630114, Russian Federation*

Features of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes

Abstract: The relevance of the study of the semantic sphere of the personality is due to the fact that the presence of those convicted of corruption crimes in correctional institutions deprives them of the opportunity to realize the need for a sense of life. Changing living conditions related with isolation from society leads to the transformation of their semantic sphere, exacerbating internal contradictions, causing personal experiences and making the realization of a life plan difficult.

The purpose of this study was to study the features of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes. The study was conducted on the basis of FKU IK-3 UFSIN of Russia in the Ryazan region. It was attended by 60 male convicts serving sentences for corruption crimes. To diagnose the features of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes, the following methods and techniques were used: analysis of personal files, testing with the help of the personal questionnaire «Level of subjective control» (E. F. Bazhin, E. A. Golynkina, L. M. Etkind).

In the course of the study, the following features of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes were identified: high self-confidence; responsibility for ongoing events; propensity to unjustified risk; the ability to easily build favorable relationships with others, focus to achieve success by any means; a tendency not to shift responsibility for one's failures onto other people; hard experience of their failures; in critical situations, they are able to behave decisively and calmly.

Knowledge of the psychological characteristics of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes will ensure their psychological support in places of deprivation of liberty.

Keywords: personality, convicts, corruption crimes, semantic sphere of personality, correctional facilities

For citation: Guseva A. S., Ganishina I. S., Gordeeva P.A. Features of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 176–182; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-176-182.

Смысловая сфера выступает значимым элементом в формировании и развитии личности осуждённых. Нахождение в условиях изоляции накладывает серьёзный отпечаток на личность в связи с невозможностью реализовать свою потребность в жизненном смысле.

Смысловую сферу личности образует система смыслов, которая представляет собой важную составляющую в структуре личности, осуществляющую контроль над поведением человека в обществе. В психологии в последнее время наблюдается повышенный интерес к изучению смысловой сферы личности.

Понятие смысла в отечественной психологии было введено Л. С. Выготским. Он предложил новый понятийный аппарат определения смысловой сферы личности: «смыслообразование», «смысловые образования», «смысловая структура», «смысловое поле» и другие. Смысл как сложное динамическое образование, регулирующее деятельность, рассматривался в контексте изучения смыслового строения сознания личности и динамической обусловленности связей «ситуация – мысль – смысл – действие». Это дало возможность автору выделить такие понятия, как «динамическое смыслообразование» и «смысловое поле». Движение смысловой сферы как «движение через целый ряд внутренних планов»¹ определяет смыслообразование, которое является развивающим конструктом смысловой структуры.

А. Г. Асмолов ввёл понятие смысловой установки – «это готовность личности к направленной деятельности, форма проявления личностного смысла». Автор утверждает, что «личностный смысл есть содержание установки»².

По мнению А. Бандуры, понятие «смысла» основано на утверждении ведущей роли когнитивных образований в становлении внутриличностных норм поведения, определяющих значимость и осмысленность конкретной деятельности». Индивидуальный опыт, по мнению автора, раскрывается «в самоэффективности как субъективном восприятии и осознании личностью своих возможностей посредством придания активности новых более сложных ориентиров» [1, с. 71].

Смысловая сфера, по мнению Б. С. Братуся, – это «отношение мотива более общего к мотивам менее общим, а также деятельности более общей и широкой к деятельности менее общим» [2, с. 94]. Смысловая сфера рассматривается им как единое целое. Автор обращает внимание на понятие смысловых связей и свидетельствует о «психологических смысловых системах, рождающихся в сложных, многогранных соотношениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким (собственно смыслообразующим) контекстам жизни» [2].

Д. А. Леонтьев считал, что «смысловая сфера личности – это особый образ организованной совокупности смысловых образований

и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех её аспектах. Личность представляет собой целостную систему смысловой регуляции жизнедеятельности, реализующую через отдельные смысловые структуры и процессы их системы логику жизненной необходимости во всех проявлениях человека как субъекта жизнедеятельности» [7, с. 154].

Основатель логотерапии В. Франкл утверждал, что «смысл жизни для каждого человека уникален» и является достаточно сложным структурным образованием, определяющим потребности личности. «Основываясь на личном опыте, автор пришел к выводу, что даже в нормальных условиях ориентация личности на смысл укрепляет здоровье, сохраняет жизнь, а порой и продлевает её» [13].

А. Е. Мазанова пришла к выводу, что для нахождения смысла жизни необходимо наполнить жизнь «богатými впечатлениями, интенсивностью, решением различных задач, личностными достижениями» [9].

А. Ю. Куриленко считает, что «смысловая сфера – это определённая подструктура личности, включающая в себя совокупность смысловых образований, а также связывающая субъекта с объективной реальностью. Источниками смысловой сферы личности являются потребности и мотивы, она может порождаться и изменяться под влиянием деятельности» [6].

По мнению Т. В. Лысенко, смысловая сфера личности «образует субъективный жизненный мир человека с собственными значимыми ценностями» [8, с. 268].

Т. Н. Мельников и Л. Т. Потанина выделяют «смыслообразующую роль процессов самодетерминации личности, определяющих направленность, действенность, характер, интегрированность, структурную сложность и иерархизированность системы ценностей и смыслов» [10].

По мнению Ю. В. Вороновой, «ценностно-смысловая сфера обладает огромным потенциалом для осуществления управленческого воздействия на личность, что позволяет корректировать социальные формы поведения» [3]. Автор считает, что именно на уровне ценностно-смысловой сферы возникает основа для организации и функционирования личности.

В пенитенциарной психологии изучением смысловой сферы личности осуждённых занимались Н. А. Ильиных, А. С. Чертовикова, В. В. Яковлев, Д. В. Сочивко, И. С. Ганишина, М. И. Марьин, В. В. Сундукова. Н. А. Ильиных приводит результаты исследования смысловых ориентаций тубинфицированных осуждённых. Ею установлено, «что ценностные ориентации осуждённых детерминированы спецификой заболевания, возрастом, состоянием здоровья» [4].

Исследовавшая ценностно-смысловую сферу личности осуждённых А. С. Чертовикова пришла к выводу, что осуждённые, находящиеся в условиях изоляции, становятся более «интернализированными», другими словами, интегри-

¹ Выготский Л. С. Лекции по психологии. – Москва: Союз, 2006. – 555 с.

² Асмолов А. Г. Психология личности : учебник. – Москва: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.

руют ценности и установки других осуждённых в собственное самоощущение. Исходя из этого, происходит снижение ориентации на смысл жизни, вследствие чего «значительно снижается общий смысл их существования» [14, с. 411].

В. В. Яковлев пришёл к выводу, что у осуждённых в местах лишения свободы происходит снижение всех параметров осмысленности жизни, поэтому необходим их мониторинг и психологическая коррекция.

Д. В. Сочивко, И. С. Ганишина, М. И. Марьин и В. В. Сундукова провели эмпирическое исследование. Они выявили следующие психологические особенности осуждённых за коррупционные преступления: «настойчивость при достижении личностно-значимых целей, непрямолнейность в общении, эмоциональная холодность, пренебрежение морально-нравственными нормами, склонность к манипулированию другими людьми, потребность в достижении высокого социального статуса, доминировании над окружающими» [12].

В местах лишения свободы нами было проведено исследование, направленное на изучение смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления.

Цель исследования: изучение особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления.

Выборка исследования состояла из 60 лиц мужского пола, осуждённых за коррупционные преступления, отбывающих наказание в ФКУ ИК-3 УФСИН России по Рязанской области.

Методы исследования. Для исследования смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления были использованы следующие методы и методики: анализ материалов уголовных дел, тестирование, методика «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда».

Результаты исследования

С помощью личностного опросника «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда выявлены особенности смысловой сферы осуждённых за коррупционные преступления.

Проанализировав средние показатели по шкале «ИО – общей интернальности», можно сделать следующие выводы (рис. 1): осуждённые за коррупционные преступления возлагают ответственность за происходящие с ними события на себя. Они находят взаимосвязь между собственными поступками и случившимися событиями. Осуждённые убеждены в том, что результат достижений зависит от принятых ими решений, следовательно, они несут ответственность за то, как складывается их жизнь. Они отличаются уверенностью в себе и умением чётко ставить перед собой цели в жизни. Показатели по шкале «ИД – интернальность в области достижений» характеризуют осуждённых как личности, убеждённые в том, что они сами добились всего хорошего, что есть в их жизни. Шкала «ИН – интернальность в области неудач» характеризует осуждённых за коррупционные преступления как не склонных перекладывать ответственность за свои неудачи на других людей либо на события, прямо, или косвенно с этим связанные. Следовательно, они считают свои неудачи результатом невезения. Результаты по шкале «ИС – интернальность в области семейных отношений» свидетельствуют, что осуждённые считают своих партнёров причиной происходящих событий, возникающих в семье. Показатели по шкале «ИП – интернальность в производственных отношениях» характеризуют осуждённых за коррупционные преступления как людей, считающих свои действия фактором организации собственной

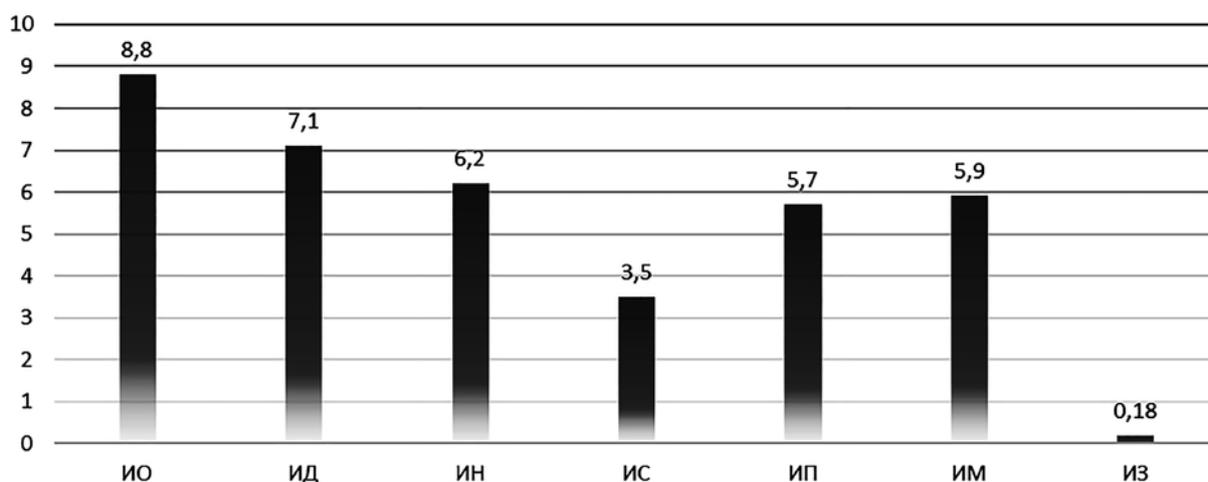

Рис. 1 Средние показатели по методике «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда у осуждённых за коррупционные преступления

Примечание. ИО – общая интернальность, ИД – интернальность в области достижений, ИН – интернальность в области неудач, ИС – интернальность в области семейных отношений, ИП – интернальность в производственных отношениях, ИМ – интернальность в межличностных отношениях, ИЗ – интернальность в отношении здоровья и болезни.

деятельности, придающих значение внешним факторам. В области отношений «ИМ – интернальность в межличностных отношениях» осуждённые-коррупционеры склонны брать ответственность за построение межличностных отношений с окружающими. Осуждённые за коррупционные преступления хорошо выстраивают отношения с окружающими их людьми, так как это является средством получения личной выгоды. Полученный результат по шкале «ИЗ – интернальность в отношении здоровья и болезни», свидетельствует о том, что осуждённые считают болезнь лишь результатом случая, а выздоровление, по их мнению, наступает с помощью действий других людей.

Анализируя полученные результаты, можно сказать, что большая часть осуждённых за коррупционные преступления считает, что события, происходящие с ними, это итог их собственных действий, что они могут их контролировать и таким образом чувствуют свою ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь.

Для наглядности нами был составлен профиль уровня субъективного контроля для выявления преобладающего типа локуса контроля личности у осуждённых за коррупционные преступления (рис. 2).

Проведя сравнительный анализ полученных результатов с показателями нормы,

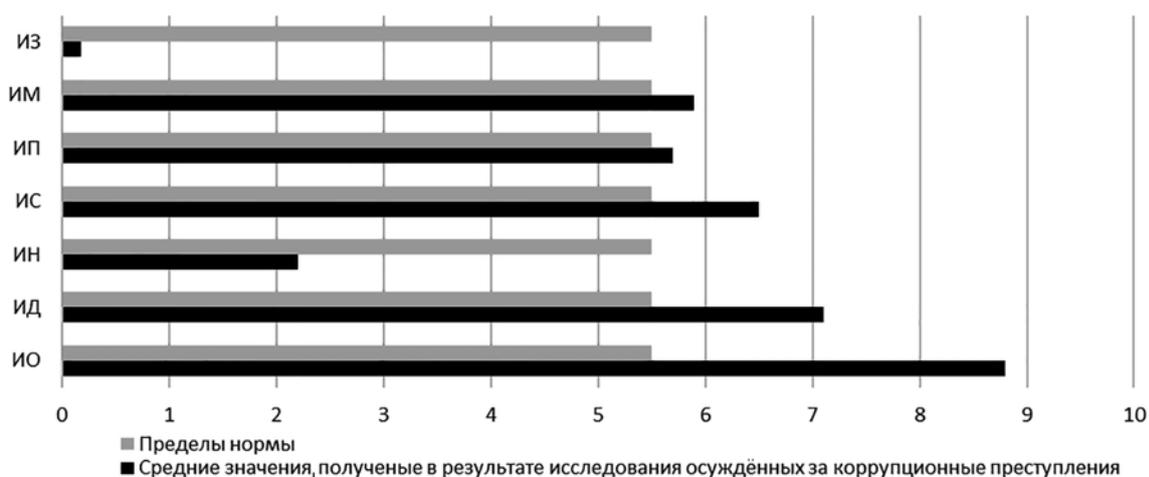

Рис. 2. Профиль уровня субъективного контроля осуждённых за коррупционные преступления в сравнении с нормой

можно сделать вывод, что для осуждённых за коррупционные преступления характерен интернальный локус контроля. Об этом свидетельствуют высокие показатели по шкалам (ИМ – интернальность в межличностных отношениях, ИП – интернальность в производственных отношениях, ИС – интернальность в области семейных отношений, ИД – интернальность в области достижений, ИО – общая интернальность). Показатели по шкалам ИН – интернальность в отношении здоровья и болезни у осуждённых за коррупционные преступления ниже нормы, что показывает недостаточную сформированность личности у осуждённых за коррупционные преступления в этих сферах.

Наличие интернального локуса контроля придает смысловой сфере личности осуждённых за коррупционные преступления определённую личностную направленность. Такие осуждённые способны самостоятельно достигать поставленных целей, анализируют происходящие с ними события.

Заключение

В психологии смысл рассматривается как сложное психологическое образова-

ние, определяющее значимость и осмысленность конкретной человеческой деятельности. Смысловая сфера личности образует систему смыслов и представляет собой важный компонент в структуре личности, являясь наивысшим уровнем контроля над поведением.

По результатам проведённого исследования сделан вывод, что осуждённые за коррупционные преступления характеризуются как лица, уверенные в себе, способные легко выстраивать хорошие взаимоотношения с окружающими их людьми. Данная категория осуждённых считает себя независимыми, они полагают, что ответственны за то, как складывается их жизнь в целом. Нацелены на достижение успеха любыми средствами, склонны рисковать. В критических ситуациях ведут себя решительно и невозмутимо. Они не перекалывают ответственность за собственные неудачи на людей либо на события прямо или косвенно с этим связанные. Также следует отметить, что осуждённые за коррупционные преступления тяжело переживают свои неудачи.

Знание психологических особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления позволит обеспечить их психологическое сопровождение в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Bandura A. Self-efficacy // Encyclopedia of human behavior / ed. by V. S. Ramachaudran. – N. Y.: Academic Press, 1994. – Vol. 4. – P. 71–81.
2. Братусь Б. С. Аномалии личности. – Москва: Мысль, 1988. – С. 94.
3. Воронова Ю. В. Ценностно-смысловая сфера личности как ресурс формирования антикоррупционного поведения : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 176 с.
4. Ганишина И. С., Ильиных Н. А. Ценностные ориентации тубинфицированных осуждённых // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 4 (53). – С. 52–58.
5. Ганишина И. С., Поднебесная Э. И., Ильиных Н. А. О проблеме формирования смысло-жизненных ориентаций тубинфицированных осуждённых молодежного возраста в научной литературе // Глобальный научный потенциал. – 2019. – № 9 (102). – С. 29–32.
6. Куриленко Ю. А. Смысловая сфера как структурный элемент личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 2 (57). – С. 20–23.
7. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / 2-е изд., испр. – Москва: Смысл, 2003. – С. 154.
8. Лысенко С. В. Современные представления о позитивных ресурсах личности, обеспечивающих преодоление трудных жизненных ситуаций // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 12 (128). – С. 265–271.
9. Мазанова А. Е. Смысл жизни как точка опоры личности и реализация жизненных задач // Психологические проблемы смысла жизни и акме : электронный сборник материалов XXVI Международного симпозиума. – Москва: Психологический институт Российской академии образования, 2021. – С. 91–95.
10. Мельников Т. Н., Потанина Л. Т. Поступок как высший уровень развития ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2017. – № 1. – С. 21–28.
11. Почтарева Е. Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – № 4 (32). – С. 563–575.
12. Сочивко Д. В., Ганишина И. С., Марьин М. И., Сундукова В. В. и др. Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 3. – С. 5–19.
13. Франкл В. Воля к смыслу. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. – 228 с.
14. Чертовикова А. С. Особенности ценностно-смысловой сферы осуждённых за насильственные преступления // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72-1. – С. 407–411.

References

1. Bandura A. Self-efficacy // Encyclopedia of human behavior / ed. by V.S. Ramachaudran. – N. Y.: Academic Press, 1994. – Vol. 4. – P. 71–81.
2. Bratus' B. S. Anomalii lichnosti. – Moskva: Mysl', 1988. – S. 94.
3. Voronova Yu. V. Tsennostno-smyslovaya sfera lichnosti kak resurs formirovaniya antikorrupsionnogo povedeniya : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii, 2018. – 176 s.
4. Ganishina I. S., Il'nykh N. A. Tsennostnyye oriyentatsii tubinfitsirovannykh osuzhdonnykh // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2020. – № 4 (53). – S. 52–58.
5. Ganishina I. S., Podnebesnaya E. I., Il'nykh N. A. O probleme formirovaniya smyslo-zhiznennykh oriyentatsiy tubinfitsirovannykh osuzhdonnykh molodezhnogo vozrasta v nauchnoy literature // Global'nyy nauchnyy potentsial. – 2019. – № 9 (102). – S. 29–32.
6. Kurilenko Yu. A. Smyslovaya sfera kak strukturnyy element lichnosti // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2014. – № 2 (57). – S. 20–23.
7. Leont'yev D. A. Psikhologiya smysla: priroda, stroyeniye i dinamika smyslovoy real'nosti / 2-ye izd., ispr. – Moskva: Smysl, 2003. – S. 154.
8. Lysenko S. V. Sovremennyye predstavleniya o pozitivnykh resursakh lichnosti, obespechivayushchikh preodoleniye trudnykh zhiznennykh situatsiy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. – 2013. – № 12 (128). – S. 265–271.
9. Mazanova A. Ye. Smysl zhizni kak tochka opory lichnosti i realizatsiya zhiznennykh zadach // Psikhologicheskiye problemy smysla zhizni i akme : elektronnyy sbornik materialov XXVI Mezhdunarodnogo simpoziuma. – Moskva: Psikhologicheskiy institut Rossiyskoy akademii obrazovaniya, 2021. – S. 91–95.
10. Mel'nikov T. N., Potanina L. T. Postupok kak vysshiy uroven' razvitiya tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika. – 2017. – № 1. – S. 21–28.
11. Pochtareva Ye. Yu. Tsennostno-smyslovaya sfera lichnosti: sushchnost', determinanty, mekhanizmy razvitiya // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. – 2017. – № 4 (32). – S. 563–575.

12. *Sochivko D. V., Ganishina I. S., Mar'in M. I., Sundukova V. V. i dr.* Psikhologicheskiye osobennosti prestupnikov-korrupsionerov, otbyvayushchikh nakazaniya v mestakh lisheniya svobody // *Psikhologiya i pravo*. – 2020. – Том 10. – № 3. – S. 5–19.

13. *Frankl V.* Volya k smyslu. – Moskva: Al'pina non-fikshn, 2019. – 228 s.

14. *Chertovikova A. S.* Osobennosti tsennostno-smyslovoy sfery osuzhdonnykh za nasil'stvennyye prestupleniya // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. – 2021. – № 72-1. – S. 407–411.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted May 27, 2022; approved after reviewing August 28, 2022; accepted for publication September 28, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Личный вклад авторов в публикацию статьи

Гусева Анастасия Сергеевна – теоретический анализ литературы и результатов эмпирического исследования; проведение эмпирического исследования.

Ганишина Ирина Сергеевна – проведение эмпирического исследования; систематизация и представление авторского аналитического материала; доработка текста.

Гордеева Полина Александровна – критический анализ литературы; доработка текста.

Contribution of co-authors

Guseva Anastasia Sergeevna – theoretical analysis of literature and results of empirical research; conducting an empirical study.

Ganishina Irina Sergeevna – conducting an empirical study; systematization and presentation of the author's analytical material; text revision.

Gordeeva Polina Alexandrovna – critical analysis of literature; text revision.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-183-190

Ольга Александровна Жидкова

<https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>, olgingi@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Психологические маркеры компетентности сотрудников полиции в сфере эмоционально-волевой саморегуляции

Аннотация: Проблема определения психологических показателей, свидетельствующих о компетентности или проблемах сотрудников полиции в сфере эмоционально-волевой саморегуляции, актуальна в свете решения задач о соответствии профессионально значимых психологических качеств личности сотрудников полиции требованиям деятельности. Психологические показатели являются маркерами, позволяющими выявить зону риска и определить область развития психологических ресурсов личности для обеспечения эффективного и надёжного функционирования субъекта труда. Решение проблемы мы видим в выявлении показателей компетентности сотрудников полиции в сфере эмоционально-волевой саморегуляции и определении критических маркеров, выступающих в качестве предикторов для коррекционного воздействия. Выборку исследования составили сотрудники полиции, распределённые по значениям показателей нервно-психической адаптации на две группы: адаптированные ($n = 76$) и дезадаптированные ($n = 34$). Сбор данных осуществлялся с помощью психодиагностического метода и метода математико-статистической обработки данных. Результаты исследования позволили выявить достоверно значимые маркеры компетентности в сфере эмоционально-волевой саморегуляции, а также критические маркеры, которые позволяют прогнозировать риски нервно-психической дезадаптации сотрудников. В исследовании установлены достоверные различия в профиле личности респондентов двух групп, что свидетельствует о личностных детерминантах, определяющих способности к конструктивному разрешению эмоционально-затруднённых ситуаций. Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности превентивного выявления сотрудников полиции, нуждающихся в коррекционном воздействии с целью развития их способностей к эмоционально-волевой саморегуляции.

Ключевые слова: компетентность, психологический маркер, сотрудник полиции, эмоционально-волевая саморегуляция, нервно-психическая адаптация, эмоциональный интеллект

Для цитирования: Жидкова О. А. Психологические маркеры компетентности сотрудников полиции в сфере эмоционально-волевой саморегуляции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 183–190; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-183-190.

Olga A. Zhidkova

<https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>, olgingi@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Psychological markers of the competence of police officers in the field of emotional-volitional self-regulation

Abstract: The problem of determining the psychological indicators indicating the competence or problems of police officers in the sphere of emotional volitional self-regulation is relevant in light of solving problems of compliance of professionally significant psychological personal qualities of police officers to the requirements of activity. Psychological indicators are markers that allow you to identify the zone of risk and determine the area of development of psychological resources of personality to ensure the effective and reliable functioning of the subject of labor. We see the solution to the problem in the identification of indicators of police officers' competence in the sphere of emotional volitional self-regulation and the definition of critical markers, acting as predictors for corrective action. The study sample consisted of police officers who were divided into two groups according to the values of the indicators of neuropsychic adaptation: the adapted ($n = 76$) and the maladapted ($n = 34$). The data were collected using the psychodiagnostics method and the method of mathematical-statistical data processing. The results of the study allowed us to identify reliably significant markers of competence in the sphere of emotional volitional self-regulation, as well as critical markers that allow predicting the risks of neuropsychic maladaptation of employees. The study established reliable differences in the personality profile of the respondents of the two groups, which indicates the personal determinants that determine the ability to constructively resolve emotionally difficult situations. The practical significance of the results of the study consists in the possibility of preventive identification of police officers in need of corrective action in order to develop their abilities to emotional volitional self-regulation.

Keywords: competence, psychological marker, police officer, emotional-volitional self-regulation, neuropsychic adaptation, emotional intelligence

For citation: Zhidkova O. A. Psychological markers of the competence of police officers in the field of emotional-volitional self-regulation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 183–190; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-183-190.

Профессиональная деятельность сотрудников полиции связана с повышенными стрессовыми нагрузками, которые в условиях отсутствия у субъектов навыков эмоционально-волевой саморегуляции детерминируют образование специфических защитных механизмов, реализующихся по типу «стимул–реакция» оборонительного или нападающего характера. В подавляющем большинстве случаев в обстоятельствах угрозы происходит интуитивное обращение индивида к таким средствам саморегуляции, которые позволяют оптимизировать функциональное состояние без больших временных и энергетических затрат. Одним из самых эффективных способов защиты выступает агрессивное поведение, которое, по мнению О. В. Суворовой, является эволюционно готовым и доступным из числа реакций на опасные ситуации деятельности [1, с. 337]. Современные исследователи рассматривают агрессию как мотивированное разрушительное поведение, в результате которого наносится вред одушевлённым или неоду-

шевлённым объектам¹ [2; 3; 5; 6; 7]. Повышенная агрессивность сотрудников полиции обуславливается их предрасположенностью к агрессивному поведению, когнитивными ошибками в оценке стрессоров и нарушениями самоконтроля, что в целом снижает уровень саморегуляции [8; 9]. Речь идёт о неумении сдерживать собственные неадаптивные реакции, что провоцирует формирование неэффективных моделей поведения, определяемых высоким уровнем агрессивности и конфликтности в отношениях [10]. Однако такая форма поведения социально неприемлема и опасна, отклоняется от правовых норм и деструктивна для личности сотрудника правоохранительных органов.

Сложные межличностные коммуникации, возникающие в процессе деятельности сотруд-

¹ Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль: лучший в мире учебник по психологии агрессии. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2007. – 510 с.; Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2012. – 334 с.

ников полиции, повышенная ответственность за принятые решения, переживание эмоционально напряжённых состояний требует сформированных умений по управлению собственным настроением и поведением [11; 12; 13; 14]. Поэтому самоконтроль и управление эмоциональными состояниями для сотрудника полиции выступают значимыми профессиональными умениями и показателями компетентности в сфере эмоционально-волевой саморегуляции.

Способности к саморегуляции являются одним из критериев психологической готовности к работе сотрудников органов внутренних дел в сложных ситуациях. Такое заключение сделано И. В. Черемисовой в анализе личностных факторов готовности к деятельности будущих специалистов помогающих профессий [14, с. 34]. Сотруднику полиции приходится решать служебные задачи в эмоционально насыщенных объективных условиях, которые характеризуются непредсказуемостью и неоднозначностью ролевых функций. Оперативность решения зависит от скорости его эмоциональных реакций, которая зачастую опережает возможности когнитивного осмысления ситуации и нарушает подчинение импульсивных действий волевому контролю и конструктивным решениям. Это провоцирует конфликты, асоциальные и агрессивные действия, дезорганизует всю структуру нормативного поведения сотрудника [16].

Комплекс факторов правоохранительной деятельности порождает состояние напряжённости как в сфере выполнения служебных задач, так и в семейно-бытовой сфере. Возникающие сложности связаны с постоянным дефицитом времени, ненормированностью служебного времени, управленческими установками, ориентирующими на выполнение срочных и интенсивных заданий, превышающих физические и психологические возможности. Всё это требует от сотрудников полиции «больших резервов психики, самообладания, навыков саморегуляции» [16, с. 46]. Напряжённость деятельности проявляется и в области коммуникативных отношений с объектом труда, которые характеризуются конфликтностью, борьбой, противостоянием, негативным влиянием на эмоциональную, нравственную и ценностную сферы личности.

Все негативные эмоциональные компоненты условий деятельности оказываются для субъекта и его психического состояния критическими при отсутствии эмоционально-волевой компетентности. Факторы эмоционального стресса хронического характера оказывают на личность наибольшее влияние, а его «демобилизующее» воздействие нарушает надёжность деятельности [19, с. 171]. Происходит разрыв между эмоциональным реагированием и волевой регуляцией, который детерминирован отсутствием у субъекта соответствующих навыков эмоционально-волевой саморегуляции, а отсутствие компетентности в данной сфере, позволяющей

рационально оценивать собственные психические состояния и состояния объекта деятельности, негативно сказывается на эффективности деятельности.

Компетентность сотрудника полиции в сфере эмоционально-волевой саморегуляции может быть рассмотрена в качестве «квалификационной характеристики», которая актуализируется в ситуации включения субъекта в деятельность и определяет возможности эффективных решений, как в стабильных отношениях с областью трудовых действий, так и в сложных². Компетентностный подход, основанный на конкретных действиях сотрудников, создает условия для организации обучения в соответствии с требованиями эффективности, обеспечения возможности развития кадров и повышения конкурентоспособности субъектов труда и организации в целом.

Для оценки компетентности в сфере эмоционально-волевой саморегуляции необходимо ориентироваться на имеющиеся симптомы – маркеры эмоционального реагирования субъекта, особенности поведения в эмоциогенных или стрессовых обстоятельствах. Маркеры являются сигналами о состоянии благополучия или неблагополучия личности, наличии того или иного свойства или функции, необходимой для решения проблемы. Знание маркеров позволяет обратить внимание на отличительные факторы, обеспечить возможность наблюдения, самонаблюдения и самоконтроля в деятельности. Маркеры также выступают показателем качества психической функции, сформированности умений, копинг-стратегий, необходимых для конструктивного решения оперативных задач.

Цель исследования: выявить маркеры компетентности сотрудников полиции в сфере эмоционально-волевой саморегуляции и определить пограничные показатели – критические маркеры, которые могут выступать в качестве предикторов для коррекционного воздействия.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие 110 сотрудников патрульно-постовой службы, обучающихся профессии «полицейский» в Санкт-Петербургском университете МВД России. Все респонденты – мужчины в возрасте от 20 до 33 лет со стажем службы от шести месяцев до 1 года. Для оценки нервно-психической адаптации респондентов и проведения на этой основе скрининговой процедуры применялась многомерная шкала нервно-психической адаптации (шкала НПА), разработанная И. Н. Гурвичем. Это позволило разделить выборку на две груп-

²Цветков В. Л., Хрусталева Т. А., Рожков А. А., Красноштанова Н. Н. Профессиографическое исследование: использование современных научных подходов в интересах совершенствования подготовки специалистов для органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 4 (72). – С. 226–232.

пы по критерию выраженности показателей нервно-психической адаптации. В первую группу были включены сотрудники (76 человек), показатели которых по шкале НПА находятся в пределах значений, соответствующих нервно-психической адаптации. Группа получила условное название «адаптированные». Вторую группу составили сотрудники (34 человека), эмпирические данные которых свидетельствуют о нервно-психической дезадаптации непатологического характера. Условное название группы – «дезадаптированные». Согласно требованиям математической статистики в рамках психологических исследований, выборка соответствует требованиям репрезентативности: респонденты являются представителями одной профессии, проходят службу в подразделении патрульно-постовой службы полиции, обучаются по программе профессиональной подготовки по профессии «полицейский», характеризуются одинаковыми психологическими показателями. Общее количество людей в каждой группе подвергается при помощи статистических методов более жёстким критериям оценки уровня значимости. Достоверность разделения выборки по указанному признаку была подтверждена с помощью процедуры дискриминантного анализа, в результате которого было установлено, что выбранная переменная позволяет определить групповую принадлежность респондентов с точностью 98,1 %. Перекрестная проверка точности подтвердила, что 95,6 % наблюдений классифицированы достоверно.

В качестве инструмента, позволяющего измерить способности в области идентификации эмоций, понимания и использования эмоций в решении проблем, управления эмоциями, была использована русскоязычная версия теста Дж. Мэйера, П. Сэловея, и Д. Карузо MSCEIT V2.0 (адаптация Е. А. Сергиенко, И. И. Ветровой, 2010). Затруднения в управлении собственным поведением были выявлены с помощью опросника В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» ССП-98 (В. И. Моросанова, 2001). Оценка и анализ устоявшихся, стере-

отипизированных форм преодоления сложных эмоциональных ситуаций были осуществлены с помощью опросника С. Хобфолла SACS «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (адаптация Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой, 2001). В исследовании уровня агрессивности и враждебности была использована методика диагностики показателей и форм агрессии Басса-Дарки (адаптация А. К. Осницкого, 1998). Диагностика профессионального выгорания была осуществлена при помощи опросника В. А. Винокура «Отношение к работе и профессиональное выгорание». Личностные особенности респондентов, влияющие на способности к эмоционально-волевой саморегуляции, были выявлены с помощью 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла (форма «С»). Задача исследования социально обусловленных побуждений к деятельности была решена с помощью методики Э. Шейна «Якоря карьеры». Данные методики являются стандартизированными, валидными, надёжными и адаптированы на русскоязычной выборке.

Результаты исследования. Для выявления маркеров были проанализированы показатели эмоционально-волевой сферы личности респондентов. В результате исследования группы респондентов с высокими показателями нервно-психической адаптации были установлены следующие маркеры поведения, свидетельствующие о наличии компетентности в сфере эмоционально-волевой саморегуляции: эмоциональная осведомлённость, рефлексивная регуляция эмоций, осознанная саморегуляция поведения, конструктивность совладающего поведения, самоконтроль агрессии, конструктивность отношения к работе и к себе как субъекту деятельности, ценностно-смысловая компетенция.

Анализ психологических показателей, полученных в результате сравнительного исследования группы дезадаптированных сотрудников, позволил установить достоверно более низкие значения (при $p \leq 0,001$) эмоционального интеллекта (тест MSCEIT V2.0) по всем шкалам: обнаружен недостаток способностей к идентифика-

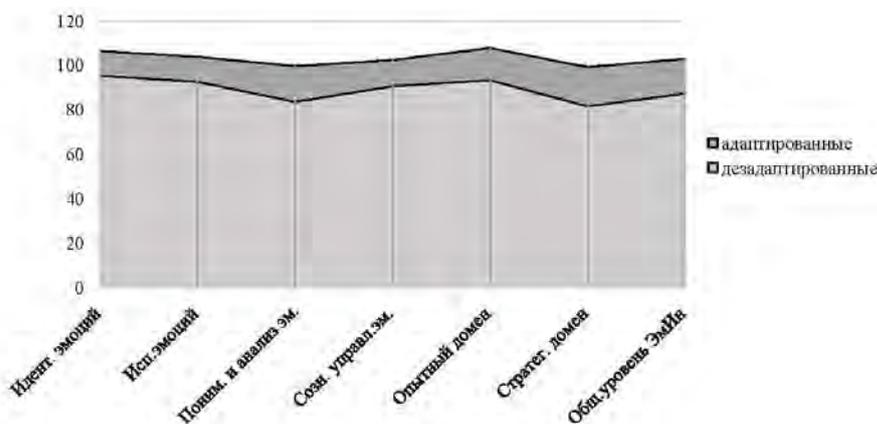

Рис. 1. Показатели эмоционального интеллекта

ции эмоций, использованию эмоций в решении проблем, пониманию, анализу и сознательному управлению эмоциями (рис. 1).

В данной группе установлены низкие показатели осознанной саморегуляции поведения. Выявлены достоверно более низкие значения в показателях шкал «моделирование» ($p \leq 0,01$), «гибкость» ($p \leq 0,001$), «общий уровень саморегуляции» ($p \leq 0,01$) (опросник «Стиль саморегуляции поведения»).

Сравнение показателей различных форм совладающего поведения респондентов позволило выявить достоверно более низкие значения активных адаптивных копинг-стратегий в группе дезадаптированных: «ассертивные действия» ($p \leq 0,001$), «вступление в социальный контакт» ($p \leq 0,04$), «поиск социальной поддержки» ($p \leq 0,05$). При этом отмечаются более высокие показатели пассивной стратегии «избегание» ($p \leq 0,001$) и активной дезадаптивной стратегии

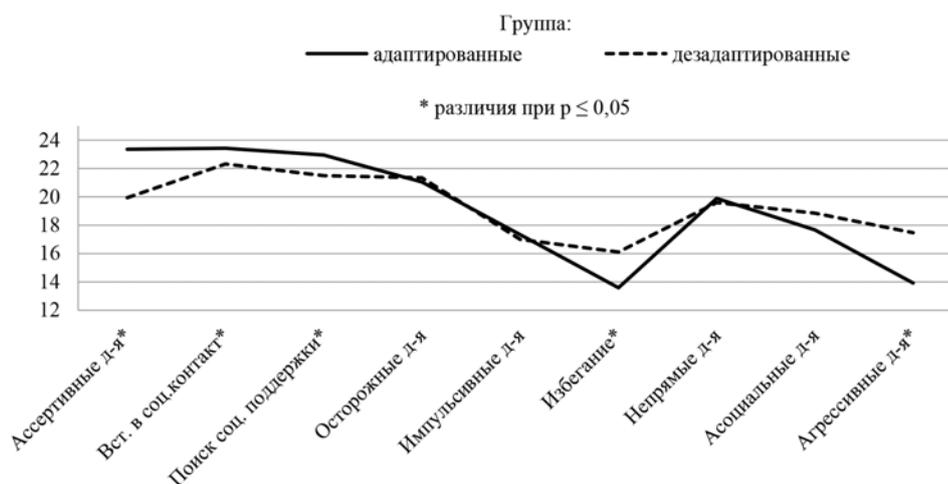

Рис. 2. Показатели совладающего поведения

– «агрессивные действия» ($p \leq 0,001$). Это находит отражение в выборе неконструктивных форм поведения в сложных ситуациях (рис. 2).

Выявлены различия в значениях агрессивности и враждебности (методика диагностики показателей и форм агрессии Басса-Дарки). Показатели шкал «раздражение» ($p \leq 0,001$), «косвенная агрессия» ($p \leq 0,002$), «подозрительность» ($p \leq 0,002$), «аутоагрессия» ($p \leq 0,004$), «индекс агрессивности» ($p \leq 0,005$), «индекс враждебности» ($p \leq 0,008$) достоверно выше в группе дезадаптированных респондентов.

Установлен достоверно более высокий уровень профессионального выгорания в значениях группы дезадаптированных ($p \leq 0,001$) по восьми показателям (80 % от общего числа показателей): «профессиональный перфекционизм», «помощь и психологическая поддержка коллег в работе», «общая самооценка», «самооценка качества работы», «удовлетворённость работой и оценка её значимости», «профессиональное развитие и самоусовершенствование», «состояние здоровья и общая адаптация», «интегративный индекс профессионального выгорания».

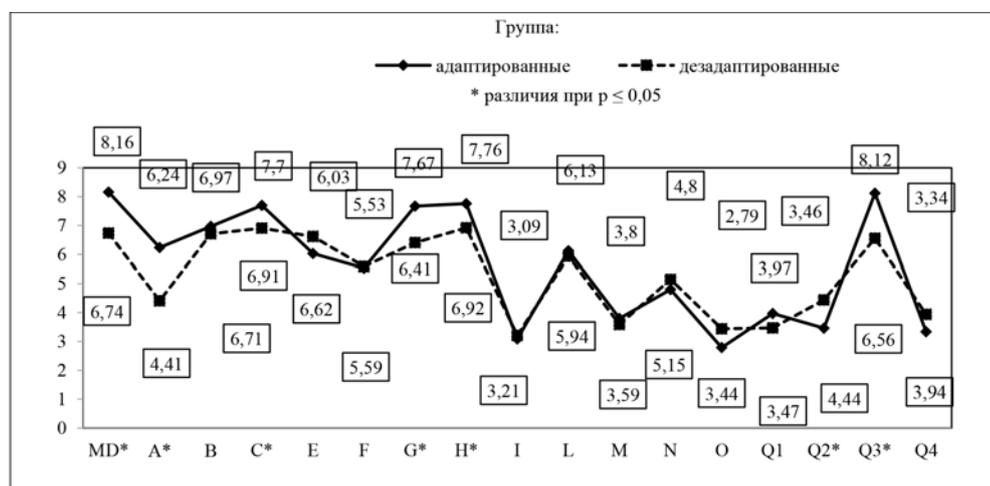

Рис. 3. Соотношение профиля личности сотрудников с разным уровнем нервно-психической адаптации

Ценностная сфера личности респондентов экспериментальных групп отражает неустойчивость карьерных ориентаций группы дезадаптированных: более низкие значения в показателе карьерной ценностной ориентации «служение» ($p \leq 0,001$) и более высокие показатели в значениях ценностей эгоистической направленности «автономия» ($p \leq 0,001$) и «предпринимательство» ($p \leq 0,03$).

Исследование свойств личности (методика Р. Кеттелла) показало различный профиль личности респондентов двух групп (рис. 3): дезадаптированные менее общительны (фактор А, $p \leq 0,001$), эмоционально менее стабильны (фактор С, $p \leq 0,04$), отличаются сниженной нормативностью поведения (фактор G, $p \leq 0,001$), робостью (фактор Н, $p \leq 0,02$), нонконформизмом (фактор Q2, $p \leq 0,02$), сниженным самоконтролем (фактор Q3, $p \leq 0,001$), неадекватной самооценкой (фактор MD, $p \leq 0,004$).

Обсуждение результатов исследования

Проведённый анализ различий психологических характеристик групп адаптированных и дезадаптированных лиц показал, что существуют достоверно значимые маркеры компетентности в сфере эмоционально-волевой саморегуляции, а также критические маркеры, которые позволяют прогнозировать риски нервно-психической дезадаптации сотрудников полиции. Критическими маркерами компетентности в сфере эмоционально-волевой саморегуляции выступают низкие значения показателей эмоционального интеллекта, осознанной саморегуляции поведения, конструктивности совладающего поведения, повышенные значения агрессивности и враждебности, признаки профессионального выгорания, а также неустойчивость ценностно-профессиональных ориентаций субъекта труда.

Выявленные критические маркеры соотносятся с маркерами компетентности следующим образом (рис. 4):

Рис. 4. Соотношение критических маркеров с маркерами компетентности в сфере эмоционально-волевой саморегуляции

Общая характеристика личности сотрудников, испытывающих состояния нервно-психической дезадаптации непатологического характера, отражается в их повышенной индивидуальности, замкнутости, эмоциональной нестабильности, предрасположенности к беспокойству и раздражительности, неуверенности в собственных силах, а также в сниженной нормативности поведения. Адаптированные сотрудники эмоци-

онально стабильны, способны контролировать эмоции и поведение, уравновешенны и нацелены на реальную действительность и социальный успех. Выявленные индивидуально-психологические различия позволяют организовывать дифференцированный подход к психологическому сопровождению сотрудников полиции с разным уровнем адаптации и прогнозировать риски профессионального выгорания.

Заключение

В правоохранительной деятельности воздействие среды зачастую характеризуется внезапностью, интенсивностью и экстремальностью, что в совокупности с недостаточностью способностей к эмоционально-волевой саморегуляции, детерминирует профессиональное выгорание, высокий уровень агрессивности, непродуктивные копинг-стратегии и состояния хронического стресса.

В результате эмпирического исследования выявлено наличие нервно-психической дезадаптации непатологического характера у 31 % сотрудников полиции уже на этапе обучения профессии «полицейский». Это позволило нам предположить наличие критических маркеров, свидетельствующих о недостатке способностей к эмоционально-волевой саморегуляции, в результате чего у сотрудников развиваются состояния, неоптимальные для реализации трудовых функций. Исследование личности дезадаптированных сотрудников подтвердило наличие у них проблем в эмоционально-волевой сфере. Речь идёт о замкнутости и сдержанности в межличностных контактах, импульсивности, зависимости поведения от настроения, сниженной нормативности поведения, робости, сниженном самоконтроле, неадекватной самооценке. Установленные индивидуально-психологиче-

ские особенности детерминируют недостаток способностей к эмоционально-волевой саморегуляции субъекта труда, которые возможно обнаружить в критических маркерах: низких показателях саморегуляции, эмоционального интеллекта и конструктивного совладающего поведения, повышенных значениях агрессивности и профессионального выгорания, неустойчивости ценностно-профессиональных ориентаций субъекта труда.

Выявленные маркеры, свидетельствующие о компетентности сотрудников полиции в сфере эмоционально-волевой саморегуляции, проявляются в психологических характеристиках личности: эмоциональная осведомлённость, рефлексивная регуляция эмоций, осознанная саморегуляция поведения, конструктивность совладающего поведения, самоконтроль агрессии, конструктивность отношения к работе и к себе как субъекту деятельности, ценностно-смысловая компетенция. Отсутствие данных компетенций не позволяет субъекту труда эффективно справляться с эмоционально затруднёнными ситуациями деятельности. Результаты исследования открывают перспективы для дальнейших изысканий в направлении разработки программ повышения уровня компетентности сотрудников полиции в сфере эмоционально-волевой саморегуляции.

Список литературы

1. Суворова О. В. Сорокоумова С. Н., Фрундина М. Н. Личностные детерминанты эмпатии и агрессии современных подростков // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 56-3. – С. 337–346.
2. Allen J. J., Anderson C. Aggression and violence: Definitions and distinctions / The Wiley handbook of violence and aggression. – UK: John Wiley & Sons, 2017. – P. 4–16. <https://www.researchgate.net/publication/323784533>.
3. Anderson C. A., Bushman B. J. Human aggression // Annual Review of Psychology. – Iowa State University, Iowa State University. – 2002. – № 53. – P. 27–51. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>.
4. Geen R. G. Human aggression / 2nd ed. – Buckingham, UK: Open University Press, 2001. – 169 p.
5. Krahe B. The social psychology of aggression / 2nd ed. – London: Psychology Press, 2013. – 416 p.
6. Pytel-Pandey D. Agresja językowa wyrażona dyrektywnymi aktami mowy (żądania) / 2nd ed. Wrocław: Slavica Wratislaviensia, 2021. – Tom 174. – P. 151–161. <https://doi.org/10.19195/0137-1150.174.12>.
7. Griffin S., Bernard Th. Angry Aggression Among Police Officers // Police Quarterly. – 2003. – № 6. – P. 3–21. DOI: 10.1177/1098611102250365.
8. Robertson T., Daffern M., Bucks R. Emotion regulation and aggression // Aggression and Violent Behavior. – 2012. – № 17. – P. 72–82. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2011.09.006>.
9. Гончарова Н. А. Влияние изменений методов управления персоналом на проявления агрессивности и конфликтности сотрудников // Modern Science. – 2021. – № 1-1. – С. 372–375.
10. Bakker A. B., Heuven E. Emotional dissonance, burnout, and in-role performance among nurses and police officers // International Journal of Stress Management. – 2006. – № 13 (4). – P. 423–440.
11. Hochschild A. R. The managed heart: Commercialization of human feeling / 20th ed. – Berkeley, CA: University of California Press. – 2003. – 327 p.
12. O'Neill J. L., Cushing M. A. The impact of shift work on police officers. – Washington, D.C.: Police Executive Research Forum, 1991. – 84 p.
13. Крук В. М., Федотов А. Ю. Психологические особенности овладения специалистом технологией саморегуляции в рамках обеспечения профессиональной надёжности // Психология обучения. – 2021. – № 2. – С. 47–54.
14. Черемисова И. В., Гапонова С. А. Личностные факторы готовности обучающихся к профессиональной деятельности по оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 1 (50). – С. 30–35.

15. *Караваяев А. Ф.* Социально-психологические аспекты служебной деятельности молодых сотрудников и их профессиональное становление в адаптационный период // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 1996. – № 2 (4). – С. 8–13.

16. *Рыбников В. Ю., Ашанина Е. Н.* Психологические механизмы копинг-поведения специалистов экстремальных профессий // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2009. – № 2 (37). – С. 46–50.

17. *Кубышко В. Л., Вахнина В. В., Крук В. М., Федотов А. Ю.* Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надёжности специалиста силовых структур // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 167–178.

18. *Ходова Е. А., Гончарова Н. А., Столяренко А. М.* Технология компетентностного подхода в обеспечении деятельности вневедомственной охраны войск национальной гвардии России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т. 24. – № 4 (79). С. – 354–361. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-13001>.

References

1. *Suvorova O. V., Sorokoumova S. N., Frundina M. N.* Lichnostnyye determinanty empatii i agressii sovremennykh podrostkov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2017. – № 56-3. – С. 337–346.

2. *Allen J. J., Anderson C.* Aggression and violence: Definitions and distinctions / The Wiley handbook of violence and aggression. – UK: John Wiley & Sons, 2017. – P. 4–16. <https://www.researchgate.net/publication/323784533>.

3. *Anderson C. A., Bushman B. J.* Human aggression // Annual Review of Psychology. – Iowa State University, Iowa State University. – 2002. – № 53. – P. 27–51. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>.

4. *Geen R. G.* Human aggression / 2nd ed. – Buckingham, UK: Open University Press, 2001. – 169 r.

5. *Krahe B.* The social psychology of aggression / 2nd ed. – London: Psychology Press, 2013. – 416 r.

6. *Pytel-Pandey D.* Agresja językowa wyrażona dyrektywnymi aktami mowy (żądania) / 2nd ed. Wrocław: Slavica Wratislaviensia, 2021. – Tom 174. – R. 151–161. <https://doi.org/10.19195/0137-1150.174.12>.

7. *Griffin S., Bernard Th.* Angry Aggression Among Police Officers // Police Quarterly. – 2003. – № 6. – R. 3–21. DOI: 10.1177/1098611102250365.

8. *Roberton T., Daffern M., Bucks R.* Emotion regulation and aggression // Aggression and Violent Behavior. – 2012. – № 17. – R. 72–82. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2011.09.006>.

9. *Goncharova N. A.* Vliyaniye izmeneniy metodov upravleniya personalom na proyavleniya agressivnosti i konfliktnosti sotrudnikov // Modern Science. – 2021. – № 1-1. – С. 372–375.

10. *Bakker A. B., Heuven E.* Emotional dissonance, burnout, and in-role performance among nurses and police officers // International Journal of Stress Management. – 2006. – № 13 (4). – R. 423–440.

11. *Hochschild A. R.* The managed heart: Commercialization of human feeling / 20th ed. – Berkeley, CA: University of California Press. – 2003. – 327 r.

12. *O'Neill J. L., Cushing M. A.* The impact of shift work on police officers. – Washington, D.C.: Police Executive Research Forum, 1991. – 84 r.

13. *Kрук В. М., Федотов А. Ю.* Psikhologicheskiye osobennosti ovladeniya spetsialistom tekhnologiyey samoregulyatsii v ramkakh obespecheniya professional'noy nadozhnosti // Psikhologiya obucheniya. – 2021. – № 2. – С. 47–54.

14. *Cheremisova I. V., Gaponova S. A.* Lichnostnyye faktory gotovnosti obuchayushchikhsya k professional'noy deyatel'nosti po okazaniyu pomoshchi postradavshim v ekstremal'noy situatsii // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2020. – № 1 (50). – С. 30–35.

15. *Karavayev A. F.* Sotsial'no-psikhologicheskiye aspekty sluzhebnoy deyatel'nosti molodykh sotrudnikov i ikh professional'noye stanovleniye v adaptatsionnyy period // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 1996. – № 2 (4). – С. 8–13.

16. *Rybnikov V. Yu., Ashanina Ye. N.* Psikhologicheskiye mekhanizmy koping-povedeniya spetsialistov ekstremal'nykh professiy // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2009. – № 2 (37). – С. 46–50.

17. *Kubyshko V. L., Vakhnina V. V., Kрук В. М., Федотов А. Ю.* Psikhologicheskoye obespecheniye stressoustoychivosti kak elementa professional'noy nadozhnosti spetsialista silovykh struktur // Psikhologiya i pravo. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 167–178.

18. *Khodova Ye. A., Goncharova N. A., Stolyarenko A. M.* Tekhnologiya kompetentnostnogo podkhoda v obespechenii deyatel'nosti vnevedomstvennoy okhrany voysk natsional'noy gvardii Rossii // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2019. – Т. 24. – № 4 (79). С. – 354–361. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-13001>.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted May 04, 2022; approved after reviewing August 28, 2022; accepted for publication September 16, 2022.

Научная статья
УДК 159.9
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-191-197

Кирилл Витальевич Злоказов

кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@rambler.ru

Виталия Александровна Юренкова

кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-7397-4277>, yvitaliya@yandex.ru

Антон Алексеевич Рожков

кандидат педагогических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-1890-0368>, anrozkov@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1*

Трудности в измерении и оценке социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел

Аннотация: В системе мероприятий морально-психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел диагностика социально-психологического климата приобретает всё большее значение.

Наряду с пониманием значимости социально-психологического климата как важного психологического феномена очевидна необходимость дальнейшего совершенствования инструментария и процедур, применяемых для его измерения. Помимо утилитарных причин, вызванных психометрическими недостатками инструментария, ошибками организации психодиагностических процедур его изучения, существуют причины иного уровня.

Статья посвящена анализу трудностей, существующих в измерении и оценке социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел. Авторы выделяют трудности методологического уровня, которые они видят в сложности феномена «социально-психологического климата» и разнообразии научных подходов в его описании, а также трудности инструментального уровня, которые заключаются в том, что во многом известные и применяемые психологами органов внутренних дел методики утратили эффект новизны и их сопротивляемость к фальсификации снизилась. Это привело к снижению результативности измерительных процедур и не позволяет в полной мере выявить причины ухудшения социально-психологического климата в подразделении и прогнозировать с высокой степенью вероятности климат в определённой группе в долгосрочной перспективе. В статье авторы обосновывают необходимость совершенствования практики психологического измерения социально-психологического климата, содержательно описывая различные теоретические подходы, научные методы познания, частные методики измерения и оценки.

Ключевые слова: социально-психологический климат, методики исследования, диагностика, социометрия, референтометрия, субъектно-деятельностный подход

Для цитирования: Злоказов К. В., Юренкова В. А., Рожков А. А. Трудности в измерении и оценке социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 191–197; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-191-197.

Kirill V. Zlokazov

Cand. Sci. (Psy.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@rambler.ru

Vitalya A. Yurenkova

Cand. Sci. (Psy.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-7397-4277>, yvitaliya@yandex.ru

Anton A. Rozhkov

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-1890-0368>, anrozkov@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Difficulties in measuring and assessing the socio-psychological climate in the service teams of internal affairs bodies

Abstract: In the system of measures for the moral and psychological support of the professional activities of employees of the internal affairs bodies, the diagnosis of the socio-psychological climate is becoming increasingly important.

Along with understanding the significance of the socio-psychological climate as an important psychological phenomenon, the need for further improvement of the tools and procedures used to measure it is obvious. In addition to utilitarian reasons caused by psychometric shortcomings of the instrumentation, errors in the organization of psychodiagnostic procedures for studying it, there are reasons of a different level.

The article is devoted to the analysis of the difficulties that exist in measuring and evaluating the socio-psychological climate in the service teams of the internal affairs bodies. The authors highlight the difficulties of the methodological level, which they see in the complexity of the phenomenon of «socio-psychological climate» and the variety of scientific approaches in its description, as well as the difficulties of the instrumental level, which lie in the fact that in many ways the methods known and used by psychologists of the internal affairs bodies have lost their effect. Novelty and their resistance to falsification has decreased, which led to a decrease in the effectiveness of measuring procedures, does not allow to fully identify the reasons for the deterioration of the socio-psychological climate in the unit and predict with a high degree of probability the climate in a certain group in the long term. In the article, the authors substantiate the need to improve the practice of psychological measurement of the socio-psychological climate, describing in detail various theoretical approaches, scientific methods of cognition, particular methods of measurement and evaluation.

Keywords: socio-psychological climate, research methods, diagnostics, sociometry, referentometry, subject-activity approach

For citation: Zlokazov K. V., Yurenkova V. A., Rozhkov A. A. Difficulties in measuring and assessing the socio-psychological climate in the service teams of internal affairs bodies // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 191–197; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-191-197.

Изучение социально-психологических аспектов деятельности служебных коллективов органов внутренних дел МВД России представляется важным и актуальным вопросом в теоретическом смысле и прикладном значении. В отечественной науке по результатам исследования социально-психологического климата в подразделениях, органах, организациях МВД России и эффективности оперативно-служебной деятельности данных подразделений делается вывод об их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Принимая во внимание результаты многочисленных научных исследований социально-психологического климата в служебных коллективах, следует согласиться с позицией В. Л. Кубышко, что диагностика социально-психологического климата должна выступать ключевой составляющей системы мероприятий морально-психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Показатель климата должен использоваться для оценки состояния личного состава и определения готовности служебных коллективов к выполнению возложенных на них задач [7, с. 95].

Наряду с пониманием значимости социально-психологического климата как важного психологического феномена очевидной становится необходимость дальнейшего совершенствования инструментария и процедур, применяемых для его измерения. Помимо утилитарных причин, вызванных психометрическими недостатками инструментария, ошибками организации психодиагностических процедур его изучения, существуют причины методологического уровня.

Обращаясь к методологическому уровню познания социально-психологического климата как психологического феномена, следует отметить, что представление о социально-психологическом климате является одним из наиболее разработанных в отечественной социальной психологии. На протяжении последних пятидесяти лет ему уделяют серьёзное внимание не только академические учёные, но и практикующие психологи. Обращение к Российскому индексу научного цитирования показывает, что общий объём публикаций, посвящённых данной теме, превышает 45 тысяч названий, среди которых

научные, учебные и методические материалы. В течение последних пяти лет (2017—2022 гг.) социально-психологическому климату посвящается ежегодно около 800 публикаций, раскрывающих его сущность и содержание, динамику и факторы формирования, методы исследования.

Традиционные взгляды на социально-психологический климат характеризуют его как динамичное и, как следствие, нестабильное социально-психологическое образование. Вместе с тем, будучи отражением представлений участников группы, определённые составляющие климата могут использоваться для изучения взаимоотношений и предсказания поведения членов группы по отношению друг к другу. Решение таких задач с научной точки зрения затруднено отсутствием конкретных представлений о связи социально-психологического климата с механизмами взаимоотношений, в частности, о процессах рецепции межличностных отношений участниками группы в форме представлений о них, репрезентации данных отношений в виде целостного представления о социально-психологическом климате.

Накопление знаний о социально-психологическом климате, их дифференциация и структурирование может позволить расширить и уточнить представление о нём, лечь в основу новой методологии и методики исследований климата в группе. В данной статье предпринимается попытка проанализировать базовые представления о социально-психологическом климате, закреплённые в виде понятия о нём.

В настоящее время в социальной психологии существуют более двадцати определений социально-психологического климата, различающихся по объёму и содержанию. В них климат характеризуется с различных позиций – критериальных, функциональных и др. Обобщение данных определений позволяет разделить ключевые научные представления о социально-психологическом климате в группе на три направления.

Первое направление выражается в определении климата как настроения участников группы: а) «состояние групповой психики... сплав эмоциональных и рациональных компонентов, отражающих особенности жизнедеятельности» (А. Л. Свенцицкий, И. П. Волков, В. В. Новиков, В. Б. Ольшанский) [1]; б) «преобладающий и устойчивый психологический настрой коллектива, который находит многообразные формы проявления по всей его жизнедеятельности» (В. Д. Парыгин); в) «состояния, свойства и интегративные особенности группы, значимые для сохранения её целостности и функционирования» (Р. Х. Шакуров) [6, с. 67].

Второе направление отражает специфику социально-психологического климата с учётом характера взаимоотношений участников группы: «стиль взаимоотношений людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом» (В. А. Покровский, В. М. Шепель), «социальная и психологическая совместимость членов группы, их морально-психологическое единство, сплочённость» (А. Н. Щербань, Л. Н. Коган, В. В. Косолапов) [10, с. 45]. А. В. Петровский и А. В. Ярошевский определили социально-психологический климат как «качественную сторону межличностных отношений, которая выражается в форме совокупности психологических условий, способствующих или, напротив, препят-

ствующих эффективности совместной деятельности и всестороннему личностному развитию членов группы»¹.

Третье направление описывает климат в качестве социально-психологического состояния участников группы: «интеграция групповых состояний» (В. В. Карпов) [5, с. 230], «сочетание... состояния отношений в коллективе, характер ценностных ориентаций, взаимных ожиданий, имиджевых характеристик, благожелательной атмосферы, обеспечивающей... условия для раскрытия сил и возможностей» (Л. С. Егорова, Н. Ю. Челнокова) [3, с. 161], «показатель уровня социального развития персонала и его психологических резервов» (Л. А. Лазаренко, К. Геворкян), «состояние межличностных и групповых связей в коллективе, отражающее настрой, мотивацию и степень социального оптимизма» (И. Е. Ворожейкин) [11, с. 67].

Помимо социально-психологических представлений о климате социальной группы в отечественной науке используются социологические и философские дефиниции климата. Они, как правило, обращены к более широкому контексту социальных отношений, связывая климат с социальными представлениями, условиями и организацией труда, отражёнными представлениями о сущности социальных отношений и пр. Так, в научной литературе используются понятия «организационный климат», «внутригрупповой климат», «морально-психологический климат», «психологический настрой», «взаимоотношения участников» и пр.

Данные определения не соотносятся нами с понятием социально-психологического климата, поскольку при достаточной высокой эвристичности они предоставляют меньшие возможности для его операционализации, и, как следствие, затрудняют использование в качестве разработки и подбора измерительного инструментария.

Анализ приведённых определений позволяет заключить, что социально-психологический климат рассматривается в русле двух традиций: социальных представлений, а также субъектно-деятельностного подхода в отечественной психологии.

В рамках первого подхода социально-психологический климат относится к отдельному (особому) виду явлений, возникающих в силу отражения социальных отношений их участниками. Климат – естественная групповая реакция людей на взаимодействие друг с другом. Представление о климате функционирует в социальной коммуникации участников группы, а формы его проявления регулируются нормами социальной группы. Важно отметить, что с позиции теории социальных представлений климат обладает как динамической, так и стабильной составляющими. Динамический компонент климата обусловлен его свойством отражать природу взаимоотношений участников группы. Интенсивность изменений климата определяется нестабильностью взаимодействия участников группы, влиянием участников на группу в целом. Таким образом, социально-психологический климат может меняться из-за колебаний настроения участников, внешних воздействий, изменений условий деятельности и пр.

¹ Петровский А. В., Ярошевский А. В. Психология : учебник. – Москва: Академия, 2009. – 512 с.

Стабильный компонент задаётся порядком и формой выражения представления о климате в коммуникации участников группы. При этом в зависимости от групповых культур и норм способ выражения может регулироваться – быть ритуализированным или, наоборот, спонтанным.

В рамках второго – субъектно-деятельностного подхода социально-психологический климат представляет отражённую характеристику деятельности и группы её участниками. В отличие от первого подхода субъектно-деятельностный оценивает климат как производную от совместной активности членов группы. Тем самым круг явлений (динамическая составляющая) климата ограничивается совместной деятельностью участников группы. Настроения и переживания участников группы не имеют существенного значения в оценке социально-психологического климата, а динамическая составляющая климата ограничивается в интенсивности. Вместе с тем с позиции субъектно-деятельностного подхода климат рассматривается не только на уровне коммуникации или совместной деятельности, учитывается также ценностное и ориентационное единство участников. Благодаря такому подходу представление о факторах, которые влияют на социально-психологический климат в группе, не только не ограничивается, а напротив, расширяется и стабилизируется. Поскольку ценностные ориентации участников группы являются более стабильными образованиями, чем настроения или ожидания, изучение климата с позиции совпадения / противоречия ценностей позволяет прогнозировать взаимодействие участников группы в длительной перспективе.

Несмотря на наличие двух глобальных теоретических оснований, существующие представления о социально-психологическом климате по-разному описывают его содержание. Исследователи размещают социально-психологический климат в разные контексты. Так, к примеру, в контексте межличностной коммуникации климат увязывается со стилем взаимоотношений, коммуникативными целями, установками в общении. В контексте совместной деятельности климат рассматривается в одном ряду с явлениями сплочённости, сработанности и организованности взаимодействия. С позиций структуры внутригруппового взаимодействия климат описывается как отражение в сознании участников группы ролей, функций, норм взаимодействия.

Теоретические и методологические различия в подходах к изучению социально-психологического климата способствовали созданию множества методов, применяемых для его измерения и оценки.

В настоящее время существует более двадцати методик, нацеленных на изучение различных аспектов этого явления. Помимо этого, процедуры их применения подвергаются преобразованиям со стороны применяющих их специалистов. Важно отметить, что изменения методик в большинстве случаев носят позитивный характер, поскольку уточняют и совершенствуют их применение, адаптируя к специфике и условиям функционирования различных социальных групп. Вместе с тем большое количество методов вызывает определенное неудобство для специалистов при их выборе. В этой связи целесообразно осуществить систематизацию методик, упрощающую их использование в практике работы психологов органов внутренних дел.

С этой целью определим в качестве основания для разработки систематизации параметры взаимоотношений и взаимодействия сотрудников органов внутренних дел, а также производные от них характеристики служебного коллектива. Данная систематизация соответствует предложенной А. В. Петровским психологической теории коллектива, однако уточняет её с учётом формализации отношений в служебных коллективах органов внутренних дел [2].

Первая группа методов изучения социально-психологического климата нацелена на изучение взаимоотношений сотрудников и оценивает отношения в служебных коллективах и подгруппах, проблемы принятия и отчуждения сотрудников, проблемы их социально-психологической адаптации и пр. Данные методы измеряют межличностные отношения сотрудников, показывая их актуальное состояние, позволяя выявить симпатии и антипатии, текущие противоречия и конфликты.

Вторая группа методов оценивает взаимодействие сотрудников друг с другом, измеряя уровень сплочённости, сработанности и эффективности совместных действий. Эти методы могут применяться для комплектования сводных групп (коллективов), нацеленных на кратковременное выполнение оперативно-служебных задач.

Третья группа методов анализирует состояние служебного коллектива как группового ценностно-смыслового образования, участники которого объединены общими целями, ориентирами и ценностями. Данные методы позволяют оценить структуру и динамику групповых отношений, охарактеризовать основания выделения лидеров, определить уровень развития группы. Их использование целесообразно при оценке морально-психологического состояния всего личного состава органа, организации, подразделения МВД России.

Данная систематизация позволяет измерить социально-психологический климат служебного коллектива как системное образование, включающее в себя не только межличностные отношения сотрудников друг к другу, их симпатии или антипатии, но и учесть формируемое руководителями структурных подразделений представление сотрудников о нормах, ценностях и целях деятельности служебного коллектива.

Применение описанных методов нуждается в выборе оптимального приёма их реализации – процедуре. Группа процедур, измеряющих социально-психологический климат, является чрезвычайно обширной. В её состав входят наблюдение, анализ количественных и качественных показателей деятельности, опросы (анкетирования, беседы, самоотчёты), игровые и тренинговые процедуры.

Выбор перечисленных процедур зависит от нескольких условий, к числу которых необходимо отнести критерии пригодности (валидности по отношению к цели измерения) и помехоустойчивости (надёжности получаемой социально-психологической информации), допустимости (возможности использования в конкретных условиях оперативно-служебной деятельности). Несмотря на то, что данные критерии традиционно учитываются при планировании психодиагностического исследования, измерение социально-психологических явлений в служебных коллективах органов внутренних дел

требует повышенного внимания. Валидный и надёжный инструментальный а также правильно разработанная процедура измерения существенно повышают качество изучения социально-психологического климата.

В связи с этим выбор методики для изучения психических явлений должен осуществляться с учётом: а) специфики цели исследования (предмета измерения); б) характеристик (параметров) измеряемого социально-психологического явления; в) особенностей выбранных методов исследования и присущих им ограничений; г) условий проведения исследования – численности служебного коллектива, специфики оперативно-служебной деятельности, сведений о состоянии взаимоотношений участников коллектива, актуальных конфликтах и пр.

Следует акцентировать внимание на погрешностях измерения, обусловленных как методическими и процедурными факторами, так и ситуативно-субъективными условиями (например, психоэмоциональным состоянием участников, отношением к предстоящему измерению). Для снижения уровня ошибок в ситуации неблагоприятного социально-психологического климата, негативного настроения участников к процедуре обследования целесообразным представляется осуществлять комплексное (комбинированное) использование процедур измерения. Оправданным будет и упрощение методического инструментария в ситуации благоприятного психологического климата, отсутствия конфликтов между его участниками. Так, к примеру, для изучения социально-психологического климата внутри малых по численности служебных коллективов (не превышающих 5 человек) целесообразно использовать процедуру беседы, тогда как в группах сотрудников численностью более 15 человек оправданным будет проведение опроса с применением заранее апробированного опросника.

Традиционными инструментами определения особенностей социально-психологического климата выступают социометрические методики и референтометрии.

Процесс социометрического измерения заключается в оценке каждым обследуемым других участников группы по определённым критериям. Чаще всего используются критерии совместных действий и общения в различных ситуациях. Для проведения социометрии исследователем разрабатываются вопросы (социометрические критерии). Критерии необходимы для получения ответов (выборов), обработка которых выявляет отношение опрашиваемых к другим членам группы. В исследованиях применяют несколько типов критериев:

- формальные / неформальные. Формальные критерии отражают взаимодействие участников группы относительно ведущего вида деятельности, неформальные позволяют оценить альтернативные виды отношений между участниками группы;

- двойные / одинарные. Двойные характеризуют партнерские отношения, а одинарные раскрывают особенности распределения власти (лидерства) в группе;

- сильные (или значимые) / слабые (незначимые). Сильные критерии выявляют наиболее глубокие, серьёзные и стабильные отношения участников группы, а слабые позволяют оценивать поверхностные отношения.

Для регистрации ответов подготавливаются специальные опросные листы (карточки). После обработки опросных листов итоговые выборы заносятся в социоматрицу. Смысл формирования социоматрицы – описание выборов изучаемых участников группы в числовом виде, числовая обработка результатов.

Изучение и обобщение односторонних и взаимных выборов позволяет рассчитать основные социометрические показатели малой группы и отдельных сотрудников: 1) микрогруппы и их состав, 2) социометрический статус личности в группе, 3) степень совместимости членов данной группы, 4) уровень групповой сплоченности.

Референтометрические методики направлены на выявление особого аспекта межличностных отношений в группе, а именно референтности (значимости) членов группы для каждого входящего в нее индивида. Рассматривая процедуру референтометрии в специальном учебном издании², ограничимся в статье её краткой характеристикой. Идея референтометрии состоит в том, чтобы, с одной стороны, дать возможность обследуемому ознакомиться с мнением любого члена группы по поводу заранее отобранных и, несомненно, значимых объектов (в т. ч. с оценкой его, испытуемого, личных качеств), а с другой – строго ограничить количество таких избираемых лиц. Это вынуждает опрашиваемых проявлять высокую степень избирательности к мнению и оценке привлекающих их лиц.

Участники группы, которых избирает опрашиваемый, чтобы справиться с их мнениями и оценками, и которые служат точкой отсчёта для оценки субъектом самого себя и других людей, рассматриваются как референтный круг общения, или референтная группа. Человек ориентируется на оценку своих поступков, своих личностных качеств, существенно важных обстоятельств деятельности, предмета личных интересов с точки зрения его референтной группы. Даже в том случае, когда индивид не располагает информацией об оценке его персоны со стороны референтной группы, он не может не строить предположений о возможном её мнении. Для того чтобы нормы и ценности референтной группы оставались постоянно действующим ориентиром для индивида, ему необходимо постоянно соотносить с ними своё реальное поведение. Из множества окружающих людей он избирает тех, кого наделяет особым субъективно важным для него качеством, особой характеристикой – референтностью.

Методика позволяет достаточно оперативно получать данные относительно особенностей межличностных отношений в группе, даёт представление о статусной структуре, взаимности предпочтений, группировках, в основании которых лежит ценностный фактор. В этом её отличие от социометрической методики, направленной на выявление системы отношений типа «симпатия – антипатия». Референтометрия как исследовательская процедура направлена на измерение оценочных отношений членов группы, выраженных в модальностях «авторитетность – неавторитетность».

С практических позиций следует привести виды и дать характеристику отдельным частным методикам изучения социально-психологического климата.

1. Методика оценки групповой сплочённости (К. Э. Сишор), характеризует уровень (меру) группо-

вой сплоченности, опираясь на критерии взаимодействия и взаимоотношений участников группы.

2. Методика оценки психологической атмосферы в коллективе (А. Ф. Фидлер), опирается на параметрическую модель психологической атмосферы, представляемую в виде совокупности признаков взаимоотношения участников друг с другом.

3. Методика диагностики психологического климата в малой производственной группе (В. В. Шпалинский, Э. Г. Шелест) опирается на представление о конструктивных и неконструктивных (агрессивных, враждебных) отношениях участников группы.

4. Социально-психологическая самооценка коллектива (Р. С. Немов) направлена на оценку степени интеграции участников группы друг с другом, позволяет анализировать модели поведения участников группы.

5. Зрительно-аналоговая шкала оценки организационного климата (В. А. Хащенко) позволяет оценивать ключевые параметры взаимодействия участников группы: сработанность, совместимость и успешность выполнения действий под руководством участников.

6. Карта-схема определения психологического климата в коллективе (Л. Н. Лутошкин) позволяет оценить несколько уровней психологического климата: эмоциональный, межличностный, деловой и оценочный, позволяя интегрировать их в виде еди-

ного показателя благоприятности-неблагоприятности климата.

7. Методика оценки привлекательности труда (опросник привлекательности труда) (В. М. Снетков) позволяет оценить уровень удовлетворенности участников групп совместной деятельностью, её предметом, направленностью и процессом.

8. Методика измерения сплоченности участников спортивного коллектива (В. Видмеер, Л. Брэули, А. Кэррон) позволяет выявить представления участников о групповой среде, анализируя привлекательность отношений с участниками группы, привлекательность деятельности, единство в общении и деятельности.

При богатом разнообразии существующих и описанных нами методов и методик исследования социально-психологического климата следует констатировать, что на современном этапе развития психологической науки отсутствуют методы и методики, позволяющие прогнозировать с высокой степенью вероятности климат в определенной группе в долгосрочной перспективе.

Таким образом, арсенал методических средств измерения социально-психологического климата нуждается в расширении и дополнении. Существующие методики во многом утратили эффект новизны, а их сопротивляемость фальсификации снизилась и, как следствие, результаты измерений не всегда в полной мере позволяют выявить причины ухудшения социально-психологического климата. Все обозначенные недостатки актуализируют необходимость совершенствования практики психологического измерения социально-психологического климата.

² Злоказов К. В. Методология и методы социально-психологического исследования : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – 112 с.

Список литературы

1. Бойко В. В., Ковалев А. Г., Панферов В. Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. – Москва: Мысль, 1983. – 207 с.
2. Быков С. В. Социальная психология нормативного поведения в организации : монография. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2008. – 116 с.
3. Егорова Л. С., Челнокова Н. Ю. Социология управления социально-психологическим климатом на предприятиях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 2 (10). – С. 161–168.
4. Ильченко С. В., Дозорова И. О. К вопросу о создании благоприятного социально-психологического климата организации // Вестник экспериментального образования. – 2019. – № 4 (21) – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sozdanii-blagopriyatnogo-sotsialno-psihologicheskogo-klimata-organizatsii> (дата обращения: 26.09.2022).
5. Карнов В. В. Стиль руководства в малых группах и его связь с мотивацией и социально-психологическим климатом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 3 (39). – С. 230–234.
6. Кирилов А. В., Новикова Ю. А. Роль социально психологического климата в повышении эффективности управления организацией // Вестник Российского государственного социального университета. – 2013. – № 12. – С. 67–74.
7. Кубышко В. Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 4 (28). – С. 95–103.
8. Моисеенко Н. В., Рицман С. В. Влияние социально-психологического климата на эффективность деятельности организации // Профессиональная ориентация. – 2019. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-psihologicheskogo-klimata-na-effektivnost-deyatelnosti-organizatsii> (дата обращения: 26.09.2022).
9. Черепкова Н. В., Чугункин С. А. Социально-психологический климат как неотъемлемая часть трудового процесса в коллективе // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2011. – Том 1. – № 1. – С. 45–48.

10. Шкляева Н. А., Салихова Э. Р. Социально-психологический климат в трудовом коллективе: библиографический климат в трудовом коллективе // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2016. – № 1. – С. 67–70.

References

1. Boyko V. V., Kovalev A. G., Panferov V. N. Sotsial'no-psikhologicheskiy klimat kolektiva i lichnost'. – Moskva: Mysl', 1983. – 207 s.
2. Bykov S. V. Sotsial'naya psikhologiya normativnogo povedeniya v organizatsii : monografiya. – Samara: Samar. gumanit. akad., 2008. – 116 s.
3. Yegorova L. S., Chelnokova N. Yu. Sotsiologiya upravleniya sotsial'no-psikhologicheskim klimatom na predpriyatiyakh // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: sotsial'nyye nauki. – 2008. – № 2 (10). – S. 161–168.
4. Il'chenko S. V., Dozorova I. O. K voprosu o sozdanii blagopriyatnogo sotsial'no-psikhologicheskogo klimata organizatsii // Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya. – 2019. – № 4 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sozdanii-blagopriyatnogo-sotsialno-psihologicheskogo-klimata-organizatsii> (data obrashcheniya: 26.09.2022).
5. Karpov V. V. Stil' rukovodstva v mal'nykh gruppakh i yego svyaz' s motivatsiyey i sotsial'no-psikhologicheskim klimatom // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2008. – № 3 (39). – S. 230–234.
6. Kirilov A. V., Novikova Yu. A. Rol' sotsial'no psikhologicheskogo klimata v povyshenii effektivnosti upravleniya organizatsiyey // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. – 2013. – № 12. – S. 67–74.
7. Kubyshko V. L. Sovershenstvovaniye psikhologicheskoy raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del // Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal. – 2017. – № 4 (28). – S. 95–103.
8. Moiseyenko N. V., Ritsman S. V. Vliyaniye sotsial'no-psikhologicheskogo klimata na effektivnost' deyatel'nosti organizatsii // Professional'naya oriyentatsiya. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-sotsialno-psihologicheskogo-klimata-na-effektivnost-deyatelnosti-organizatsii> (data obrashcheniya: 26.09.2022).
9. Cherepkova N. V., Chugunkin S. A. Sotsial'no-psikhologicheskiy klimat kak neot'yemlemaya chast' trudovogo protsessa v kollektive // Byulleten' meditsinskikh Internet-konferentsiy. – 2011. – Tom 1. – № 1. – S. 45–48.
10. Shklyayeva N. A., Salikhova E. R. Sotsial'no-psikhologicheskiy klimat v trudovom kollektive: bibliograficheskiy klimat v trudovom kollektive // Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy. – 2016. – № 1. – S. 67–70.

Статья поступила в редакцию 11.06.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted June 11, 2022; approved after reviewing September 23, 2022; accepted for publication September 27, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Личный вклад авторов в публикацию статьи:

Злоказов К. В. подготовил аналитический обзор инструментальных методов исследования социально-психологического климата.

Юренкова В. А. описала прикладной характер трудностей в измерении и оценке социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел.

Рожков А. А. подготовил аналитический обзор методологии исследования социально-психологического климата.

Personal contribution of the authors to the publication of the article:

Zlokazov K. V. prepared an analytical review of instrumental methods for studying the socio-psychological climate.

Yurenkova V. A. described the applied nature of the difficulties in measuring and assessing the socio-psychological climate in the service teams of the internal affairs bodies.

Rozhkov A. A. prepared an analytical review of the methodology for studying the socio-psychological climate.

Научная статья
УДК 159.923.3
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-198-206

Юлия Юрьевна Стрельникова

доктор психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>, ulich1969@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Гендерный аспект субъективного благополучия обучающихся образовательной организации МВД России

Аннотация: В статье рассмотрен гендерный аспект взаимосвязи субъективного благополучия обучающихся образовательной организации МВД России с базовыми убеждениями личности и удовлетворённостью учебной деятельностью.

Актуальность исследования состоит в том, что своевременная диагностика и коррекция уровня субъективного благополучия обучающихся ведомственных образовательных организаций способствует сохранению соматического и психологического здоровья, тем самым пролонгируя профессиональное долголетие будущих сотрудников полиции. В эмпирическом исследовании приняли участие 240 респондентов ($n = 109$ мужского пола; $n = 131$ женского пола), средний возраст – $20,09 \pm 1,1$ лет: курсанты второго и третьего курсов факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка.

Методики исследования: анонимная анкета, «Шкала субъективного благополучия» (М. В. Соколовой), «Шкала базисных убеждений личности» (М. А. Падун, А. В. Котельникова).

В результате исследования установлено, что курсанты мужского пола чаще занимаются спортом, больше удовлетворены учебной деятельностью и своим эмоциональным состоянием. Девушки демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия, удовлетворённости повседневной деятельностью, позитивно оценивают социальное окружение, однако им чаще, чем юношам, присущи изменения настроения, негативные эмоциональные состояния. Чаще болеют пессимистично настроенные курсанты, не верящие в удачу, доброжелательность, справедливость окружающего мира и в способность контролировать свою жизнь. Частая заболеваемость в течение года и профессиональные занятия спортом снижают удовлетворённость учебной деятельностью.

«Мишенями» психологической коррекции могут являться: иррациональные установки и способы их замещения на рациональные, рефлексивные способности, осознание негативного влияния «автоматических мыслей», принятие ответственности, развитие волевой активности, позитивных эмоций, мышления и поведения.

Ключевые слова: гендерный подход, субъективное благополучие, базовые убеждения личности, удовлетворённость учебной деятельностью, заболеваемость

Для цитирования: Стрельникова Ю. Ю. Гендерный аспект субъективного благополучия обучающихся образовательной организации МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 198–206; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-198-206.

Yulia Yu. Strelnikova

Doctor Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>, ulich1969@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Gender aspect of subjective well-being of the students in the educational organization of the Russian Interior Ministry

Abstract: The article considers the gender aspect of the relationship between the subjective well-being of students of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the basic beliefs of the individual and satisfaction with educational activities.

The relevance of the study lies in the fact that timely diagnosis and correction of the level of subjective well-being of students of departmental educational organizations contributes to the preservation of somatic and psychological health, thereby prolonging the professional longevity of future police officers. The empirical study involved 240 respondents ($n = 109$ males; $n = 131$ females), average age – 20.09 ± 1.1 years: cadets of the second and third courses of the Faculty of Police Training for Public Order Protection Units.

Research methods: anonymous questionnaire, «Scale of subjective well-being» (M. V. Sokolova), «Scale of basic beliefs of the individual» (M. A. Padun, A. V. Kotelnikova).

As a result of the study, it was found that male cadets go in for sports more often, are more satisfied with their educational activities and their emotional state. Girls demonstrate a higher level of subjective well-being, satisfaction with daily activities, positively assess the social environment, but they are more likely than boys to have mood changes and negative emotional states. More often, pessimistic cadets who do not believe in luck, goodwill, fairness of the world around and in the ability to control their lives get sick more often. Frequent morbidity during the year and professional sports activities reduce satisfaction with educational activities.

The «targets» of psychological correction can be: irrational attitudes and ways to replace them with rational, reflective abilities, awareness of the negative impact of «automatic thoughts», acceptance of responsibility, development of volitional activity, positive emotions, thinking and behavior.

Keywords: gender approach, subjective well-being, basic beliefs of personality, satisfaction with learning activities, morbidity

For citation: Strelnikova Yu. Yu. Gender aspect of subjective well-being of the students in the educational organization of the Russian Interior Ministry// Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 198–206; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-198-206.

В психологической науке традиционно используется гендерный подход к изучению психических явлений, поскольку половой диморфизм и половой символизм определяют психологические различия между мужчинами и женщинами. При этом гендерный аспект рассматривается не с анатомо-физиологических позиций половой принадлежности, а как «социокультурный конструкт пола», «социальная модель мужчин и женщин, определяющая их положение, роль в обществе и его институтах»¹ в пространственно-временной (исторической)

перспективе. Психологические стереотипы гендерной роли мужчин и женщин складываются из социальных ожиданий, взглядов и предположений об их личностных особенностях, жизненных ценностях, предпочтениях, «нормах поведения» и др., накладывая свой отпечаток на экзистенциальные представления человека о счастье, любви, свободе, добре, зле, смысле и «наполненности» жизни. По мнению многих авторов (Л. И. Божович, И. С. Кон, Н. В. Кулагина, С. А. Бутковская, Н. В. Гончарова, В. С. Мухина, Г. В. Лозовая, Е. Ю. Панчук и др.), профессиональные склонности, мотивация выбора профессии, профессиональная адаптация, удовлетворённость трудом также зависят от типа гендерной идентичности и базисных убеждений личности. Поэтому представляется актуальным

¹ Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – Москва: Информация XXI век, 2002. – 256 с.

исследование гендерного аспекта субъективно-благополучия обучающихся образовательной организации МВД России как важного компонента удовлетворённости деятельностью и становления их профессиональной идентичности.

Анализ отечественных и зарубежных научных источников показывает многоаспектность и сложность изучения указанной проблематики в силу противоречивых трактовок понятия «субъективное благополучие», различных ракурсов его рассмотрения, а также вследствие множественности влияния на результат исследования внешних и внутренних факторов. Например, Р. М. Райан выделила два основных подхода к пониманию субъективного благополучия личности – гедонистический и эвдемонистический [18]. Представители гедонистического подхода рассматривают данное явление в контексте удовлетворённости или неудовлетворённости человека жизненной ситуацией; в эвдемонистическом подходе в центре внимания личностный рост и самореализация человека как основной фактор его субъективного благополучия. Напротив, Л. В. Куликов утверждает, что нет необходимости говорить о «субъективном» благополучии, так как «все внешние факторы благополучия по самой природе психики могут действовать на переживание благополучия лишь через субъективное восприятие и субъективную оценку, которые обусловлены особенностями всех сфер личности»². В рамках теории отношений В. Н. Мясищев благополучная личность – это адаптированная личность, которая «изменяясь, развивается, меняется и характер её отношения к действительности» [5, с. 53], при этом восприятие событий «зависит от способов переработки впечатлений и трудностей» [5, с. 63]. Р. М. Шамионов основным элементом субъективного благополучия признает качество межличностного взаимодействия, удовлетворённость положением в обществе [11]. Д. А. Леонтьев определяет субъективное благополучие как «измеримый эквивалент счастья» [4]. В более широком смысле трактует благополучие личности Р. J. Сооке, включая в него «физические (здоровый образ жизни и здоровье в целом), психологические и социальные аспекты» [15]. Т. Д. Шевеленкова и П. П. Фесенко определяют психологическое благополучие как «интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования, а также степень реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении счастья, удовлетворённости собой и собственной жизнью» [14].

Таким образом, благополучие личности – это интегральный показатель самоощущения (имеющий субъективную и объективную составляющую), включающий в себя актуальное психическое состояние человека, эмоциональ-

ную и когнитивную оценку всех сфер жизненных отношений личности (по В. Н. Мясищеву), а также уровень психического и физического здоровья.

В отечественных и зарубежных исследованиях выделяются множество факторов, объясняющих различия в оценке благополучия личности: объективные – возраст, состояние здоровья, уровень материального дохода, образования, наличие работы, жилищные условия, характер профессиональной деятельности, этнокультурная и семейная среда и др.; субъективные – качества личности, психотравмирующий опыт, копинг-стратегии, религиозные и иррациональные установки, базисные убеждения и др.

Например, Э. Динер, один из первых употребивший термин «субъективное благополучие», отмечал его связь со здоровьем и профессиональной успешностью [16]. Н. А. Батулин приводит эмпирические данные, подтверждающие, что «уровень субъективного благополучия повышается с усилением таких качеств, как интернальный локус контроля, оптимизм, эмоциональная устойчивость, терпимость, альтруизм, ответственность, низкая тревожность, мотивация достижения» [3]. Ю. Д. Черткова и Н. М. Зырянова, обследовав 505 респондентов в возрасте от 18 до 78 лет, установили, что «удовлетворённость жизнью взаимосвязана со всеми базисными убеждениями личности, однако наиболее значимыми предикторами являются чувство собственной значимости и убеждения о справедливости окружающего мира» [10]. Р. М. Шамионов обнаружил национально-психологические особенности и корреляции субъективного благополучия, базовых убеждений и уверенности в себе на выборках граждан Казахстана и России. Автор пришел к выводу, что наибольший вклад в субъективное благополучие русских вносят базовые убеждения о собственной ценности, значимости и благосклонности мира, а в субъективное благополучие казахов – убеждения об удаче и доброте людей. При этом автор отмечает, что «убеждения объясняют 40 % вариаций психологического благополучия русских и 53 % – казахов» [12].

Исследования специалистов экстремальных видов деятельности также подчеркивают значимость субъективного благополучия для успешного выполнения сложных служебных задач. А. С. Отраднава выявила, что высокие показатели субъективного благополучия свойственны сотрудникам органов внутренних дел (ОВД) с высоким уровнем личных достижений, жизнестойкости, стрессоустойчивости, здоровья, качества общения с близкими [6].

Также активно изучаются предикторы субъективного благополучия обучающихся гражданских и ведомственных вузов, подтверждая их роль в профессиональном становлении личности. Например, Т. А. Басина пришла к выводу, что «иррациональные убеждения отрицательно связаны с уровнем счастья курсантов ведомственной образовательной организации» [2]. С. В. Андриевская и О. А. Козлова полу-

² Куликов Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – С. 125.

ли подобные результаты на выборке студентов классического университета. По мнению авторов, «повысить уровень жизненной удовлетворённости возможно путём коррекции иррациональных установок», а также «повышая уровень фрустрационной толерантности и рациональности мышления» [1]. В. А. Шаповалом, А. И. Семаковой, А. С. Мельник установлено, что основными факторами, обеспечивающими психологическое благополучие курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России, являются «позитивные межличностные отношения, отсутствие серьёзных значимых тревог, наличие целей и стремление к саморазвитию, эффективность в учебно-служебной деятельности» [13]. Авторами рассмотрена также динамика изменения психологического благополучия в зависимости от курса обучения.

Настоящее исследование является логичным продолжением описанной выше работы, в котором дополнительно рассматривается гендерный аспект указанной проблематики с учётом состояния здоровья обучающихся во взаимосвязи с базисными убеждениями личности. Под «базисными убеждениями» понимаются имплицитные, устойчивые представления индивида о мире и о себе, оказывающие влияние на его мышление, эмоциональное состояние и поведение.

Цель исследования – установить наличие взаимосвязи между субъективным благополучием и базисными убеждениями личности курсантов мужского и женского пола, обучающихся в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Выборку исследования составили обучающиеся 2-х и 3-х курсов факультета подготов-

ки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России ($n = 40$), разделённые на две сравниваемые группы: курсанты мужского ($n = 109$) и женского ($n = 131$) пола, средний возраст $20,04 \pm 0,9$ лет и $20,08 \pm 1,1$ лет соответственно.

Методы и методики исследования. Для реализации поставленной цели использовались следующие методики: «Шкала субъективного благополучия» (автор А. Перуэ-Баду, адаптация М. В. Соколовой)³, «Шкала базисных убеждений личности» (автор Р. Янофф-Бульман, адаптация М. А. Падун, А. В. Котельникова) [7]. Анонимная анкета содержала вопросы, направленные на изучение ряда социально-психологических и физиологических характеристик: пол, возраст, курс, семейное положение, периодичность физической активности, курения табака, количество соматических заболеваний (дней нетрудоспособности) за год, уровень удовлетворённости учебной деятельностью (субъективная оценка в баллах от 1 до 10, где 1 – абсолютно не удовлетворен, хочу отчислиться; 10 – удовлетворен полностью).

Математическая обработка результатов исследования проводилась в статистической программе «SPSS Statistics 19.0», включала методы описательного, сравнительного и многомерного корреляционного анализа с использованием t-критерия Стьюдента (для оценки достоверности различий независимых выборок), χ^2 -критерия Пирсона (для сравнения двух независимых эмпирических распределений) и коэффициента корреляции Пирсона. Выбор критерия определялся типом измерительных шкал и нормальностью распределения признаков (критерий Колмогорова-Смирнова).

Результаты исследования

В табл. 1 представлены значимо различающиеся номинативные переменные по двум независимым выборкам.

Таблица 1

Результаты значимых различий номинативных признаков в двух группах обучающихся (по χ^2 -критерию Пирсона)

Показатели, условные обозначения		Эмпирические частоты признаков (%)		p
		Юноши (n = 109)	Девушки (n = 132)	
Периодичность занятий спортом	1 – профессионально занимаюсь	7 (6,4)	5 (3,8)	0,001
	2 – регулярно	69 (63,3)	60 (45,5)	
	3 – редко	31 (28,4)	58 (43,9)	
	4 – не занимаюсь	2 (1,8)	8 (6,8)	
Никотиновая зависимость	1 – нет	72 (66,0)	96 (72,7)	0,05
	2 – иногда	21 (19,3)	22 (16,7)	
	2 – да	16 (14,7)	14 (10,6)	
Количество заболеваний за год	0 – не было	21 (19,2)	18 (13,6)	0,05
	2 – 1–2 раза в год	52 (47,7)	59 (44,7)	
	3 – 3–4 раза в год	22 (20,3)	35 (26,5)	
	4 – 5 и более раз в год	14 (12,8)	20 (15,2)	

Курсанты мужского пола регулярно занимаются спортом, но больше курят (34 % и 27,3 % соответственно). При этом девушки чаще болеют в течение года (86,4 %), в отличие от юношей (80,8 %).

В результате сравнительного анализа в были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) только по показателям «Шкалы субъективного благополучия» и удовлет-

ворённости учебной деятельностью (табл. 2). Напомним, что высокие значения показателей (8–10 стэнов) по «Шкале субъективного благополучия» соответствуют эмоциональному дискомфорту, пессимистичной настроенности и неблагополучию, а низкие (1–3 стэна) свидетельствуют о субъективном благополучии. Среди базовых убеждений личности в обследованных группах значимых различий не выявлено.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа социально-психологических характеристик, субъективного благополучия и базисных убеждений обучающихся образовательной организации МВД России

Показатель	Значения показателей (M ± δ)		t	p
	Юноши	Девушки		
Анонимная анкета				
Удовлетворённость учебной деятельностью (балл)	8,25±1,54	7,48±2,11	3,280	0,002*
«Шкала субъективного благополучия»				
Изменения настроения	4,1±1,88	4,76±2,16	– 2,037	0,046*
Значимость социального окружения	9,93±1,64	9,35±1,36	2,243	0,023*
Степень удовлетворённости повседневной деятельностью	11,56±2,57	10,63±2,43	3,353	0,001*
Субъективное благополучие	5,33±0,88	5,17±0,78	3,191	0,002*

Девушкам чаще, чем юношам, присущи изменения настроения, негативные эмоциональные состояния, переживания, однако качество взаимодействия с социальным окружением, удовлетворённость повседневной деятельностью они оценивают более позитивно, чем юноши. Интересно, что показатель «Удовлетворённость учебной деятельностью», напротив, более позитивно оценен юношами, чем девушками. Противоречивость полученных данных можно объяснить тем, что повседневная деятельность в ведомственной образовательной организации включает не только обучение. Вероятно, девушки придают большую значимость учёбе, эмоциональнее переживают трудности и неудачи, с ней связанные, однако в целом сохраняют удовлетворённость от службы и общения в коллективе. Курсанты мужского пола, наоборот, считают более значимыми не успехи в учебной деятельности, а аспекты, связанные со службой или спортом, поэтому именно их они воспринимают более эмоционально. Кроме того, интегральный показатель субъективного благополучия у девушек ниже, чем у юношей, что соответствует большей выраженности данного

качества. Данное различие можно объяснить большей удовлетворённостью курсантов-женщин повседневной деятельностью и взаимодействием с социальным окружением.

Результаты корреляционного анализа исследованных показателей на общей выборке испытуемых отражены в табл. 3, 4.

Центральным по количеству связей является показатель субъективного благополучия «Изменения настроения». Эмоциональный дискомфорт, пессимистичная настроенность и неудовлетворённость повседневной деятельностью выше у курсантов, имеющих убеждения о несправедливости устройства мира, недружелюбности окружающих, не верящих в удачу и способность контролировать свою жизнь. Несогласованность сформированных базисных убеждений и реальных событий может приводить к разочарованиям, неудовлетворённости служебной деятельностью. Кроме этого, обучающиеся, для которых характерны сниженный эмоциональный фон и склонность к пессимистичному оцениванию действительности, чаще утрачивают трудоспособность. Им также свойственна низкая удовлетворённость учебной

**Корреляционные связи исследованных показателей
с удовлетворённостью учебной деятельностью**

Показатель	Значения показателей (M ±δ)		t	p
	Юноши	Девушки		
Анонимная анкета				
Удовлетворённость учебной деятельностью (балл)	8,25±1,54	7,48±2,11	3,280	0,002*
«Шкала субъективного благополучия»				
Изменения настроения	4,1±1,88	4,76±2,16	– 2,037	0,046*
Значимость социального окружения	9,93±1,64	9,35±1,36	2,243	0,023*
Степень удовлетворённости повседневной деятельностью	11,56±2,57	10,63±2,43	3,353	0,001*
Субъективное благополучие	5,33±0,88	5,17±0,78	3,191	0,002*

Примечание: ** p < 0,01

Таблица 4

**Корреляционные связи показателей субъективного благополучия
и базисных убеждений личности у обучающихся**

Показатели	Изменения настроения	Значимость социального окружения	Удовлетворённость повседневной деятельностью
Доброжелательность окружающего мира	– 0,475***	– 0,184**	– 0,218***
Справедливость	– 0,400***	– 0,174**	– 0,227***
Удача	– 0,397***	– 0,144*	– 0,259***
Контроль	– 0,301***		– 0,212***
Заболеваемость за год	0,233***		– 0,206**
Возраст	0,198**		– 0,232***
Удовлетворённость учебной деятельностью	0,577**		
Пол	0,128*	– 0,141*	– 0,213***

Примечание: * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001

и повседневной деятельностью, вероятно, в силу необходимости восстанавливать полученные во время болезни пробелы в знаниях, прилагать больше усилий и времени к освоению как пропущенных занятий, так и текущих служебных задач. Удовлетворённость учебной деятельностью отрицательно коррелирует с интенсивными и регулярными занятиями спортом, который отнимает много времени и сил, не способствуя успешности и эффективности обучения.

Значимость социального окружения в структуре субъективного благополучия также связана с базисными убеждениями о доброжелательности окружающего мира, справедливости,

удаче. Вероятно, это объясняется тем, что взаимодействие с доброжелательно настроенными окружающими приносит больше положительных эмоций, а происходящие события кажутся справедливыми и успешными для субъекта. При этом девушкам свойственны более позитивные оценки взаимодействия с социальным окружением и удовлетворённость повседневной деятельностью, что также подтверждается данными сравнительного анализа.

Юноши-курсанты второго курса более удовлетворены учебной деятельностью, чем курсанты женского пола третьего года обучения. Курсанты с высоким уровнем базовых

убеждений о доброжелательности окружающего мира, удаче и контроле, позитивнее оценивают свою учебную деятельность.

Большая удовлетворённость повседневной деятельностью у курсантов старших курсов может объясняться, во-первых, процессом адаптации к условиям обучения и служебной деятельности в новой социальной роли «полицейский», которая также требует смены моделей поведения, убеждений и установок. Во-вторых, тем, что повседневная деятельность обучающихся образовательных организаций МВД России включает в себя не только учебную, но и служебную, огневую, физическую подготовку, а также иные виды деятельности (участие в творческих коллективах, олимпиадах, конкурсах, научном кружке кафедры и др.).

Обсуждение результатов

Таким образом, проведённый анализ показал, что компоненты субъективного благополучия имеют гендерные особенности и взаимосвязи с базисными убеждениями о доброжелательности окружающего мира, справедливости, контроле и удаче. Однако характер этих взаимосвязей для эмоциональных компонентов («Изменения настроения», «Значимость социального окружения») и когнитивного («Удовлетворённость повседневной деятельностью») различны.

Курсанты мужского пола чаще занимаются спортом, больше удовлетворены учебной деятельностью и своим эмоциональным состоянием, чем курсанты женского пола. Девушки демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия, удовлетворённости повседневной деятельностью, позитивно оценивают социальное окружение, однако им чаще, чем юношам, присущи изменения настроения, негативные эмоциональные состояния. Чаще болеют пессимистично настроенные курсанты, не верящие в удачу, доброжелательность, справедливость окружающего мира и в способность контролировать свою жизнь. Частая заболеваемость в течение года и профессиональные занятия спортом, снижают удовлетворённость учебной деятельностью. Курсанты мужского пола второго курса больше удовлетворены учебной деятельностью, чем курсанты женского пола третьего года обучения, при этом более низкая удовлетворённость учебной деятельностью характерна для переживающих эмоциональные трудности. Большая удовлетворённость повседневной деятельностью свойственна обучающимся старших курсов.

Данные выводы подтверждаются исследованиями В. Л. Цветкова, А. И. Ивановой, которые установили взаимосвязи между базисными убеждениями личности и эмоциональным благополучием. У курсантов Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя с выраженными базисными убеждениями о значимости собственного «Я» и контролируемости окружающего мира наиболее значимым является мнение социального окружения. Удовлетворённость повседневной деятельностью выражена

сильнее у лиц, имеющих базисные убеждения о доброжелательности и справедливости окружающего мира [9].

Базисные убеждения о доброжелательности окружающего мира, справедливости, контроле и удаче сопутствуют более благоприятному эмоциональному фону обучающихся, положительной оценке социального окружения и своей учебной деятельности. Полученные результаты согласуются с данными Т. В. Угловой, которая также установила взаимосвязь субъективного благополучия «с базисными убеждениями о ценности собственного «Я», доброжелательности окружающего мира, справедливости» [8]. В исследовании, проведенном Gözde Kiral Ucar, Derya Hasta, Meryem Kaynak Malatyali на турецкой выборке, были получены сходные результаты о взаимосвязи между базовыми убеждениями и удовлетворённостью жизнью [17]. Авторы сделали вывод, что базовые убеждения о справедливости и контролируемости окружающего мира положительно связаны с удовлетворённостью жизнью, а убеждение о безнадежности – отрицательно.

Выявленный гендерный аспект субъективного благополучия позволяет организовать дифференцированный подход к психологическому сопровождению, профилактике заболеваемости и повышению эффективности обучения курсантов образовательной организации МВД России.

Заключение

Для повышения субъективного благополучия курсантов (с учётом гендерных различий) могут быть использованы индивидуальные и групповые формы психологической коррекции в рамках позитивной психотерапии (М. Селигман), рационально-эмотивной терапии (А. Эллис), диалектической поведенческой терапии (М. Линехана), когнитивного реконструирования (Дж. Фава), телесно-ориентированной терапии, расширения осознанности (Дж. Кабат-Зинн, Сегал и др.), позитивных психологических интервенций (С. Любомирски) и другие.

«Мишенями» психологической коррекции могут являться: иррациональные установки и способы их замещения на рациональные, рефлексивные способности, осознание негативного влияния «автоматических мыслей», принятие ответственности, развитие волевой активности, позитивных эмоций, мышления и поведения. Целесообразно проводить обучение женщин техникам психической саморегуляции, расширять кругозор и повышать интерес к психологическим знаниям. Мужчинам могут оказаться полезными психологические тренинги на сплочение и доверие в коллективе, повышение эффективности деятельности.

Полученные эмпирические результаты имеют широкие перспективы для дальнейших лонгитюдных исследований субъективного благополучия, базисных убеждений и удовлетворённости деятельностью у обучающихся, а также на расширенной выборке

ке сотрудников органов внутренних дел из различных подразделений с целью выявления роли других факторов в рассматриваемой проблеме (возраста, служебного стажа,

сложности и напряжённости деятельности, психотравмирующего опыта, мотивации, личностных особенностей, соматического здоровья и др.).

Список литературы

1. Андриевская С. В. Иррациональные установки и индекс жизненной удовлетворённости у студентов // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2019. – № 9. – С. 46–56.
2. Басина Т. А. Взаимосвязь степени рациональности установок и ощущения счастья у курсантов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2018. – № 1 (41). – С. 117–121.
3. Батурич Н. А., Башкатов С. А., Гафарова Н. В. Теоретическая модель субъективного благополучия // Вестник ЮУрГУ. – 2013. – № 4. – С. 4–13.
4. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1 (155). – С. 14–37.
5. Мясущев В. Н. Психология отношений / под ред. А. А. Бодалева. – Москва: Издательство Института практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
6. Отраднова А. С. Субъективное благополучие сотрудников органов внутренних дел / Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2019. – С. 276–279.
7. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 4. – С. 98–106.
8. Углова Т. В. Субъективные предпосылки удовлетворённости жизнью в период взрослости // Вестник НовГУ. – 2013. – №74-2. – С. 91–94.
9. Цветков В. Л., Иванова А. И. Взаимосвязь ценностей и базовых убеждений личности курсантов с разным уровнем эмоционального благополучия // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 5. – С. 308–315.
10. Черткова Ю. Д., Зырянова Н. М. Взаимосвязь базисных убеждений с диспозиционными чертами личности, locusом контроля и удовлетворенностью жизнью // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2019. – № 1 (3). – С. 775–789.
11. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия: (к разработке интегративной концепции) // Мир психологии. – 2012. – № 2. – С. 143–148.
12. Шамионов Р. М. Уверенность в себе и базовые убеждения как предикторы субъективного благополучия русских и казахов // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9. – № 45. – С. 5.
13. Шаповал В. А., Семакова А. И., Мельник А. С. Психодинамические протекторы психологического благополучия курсантов и слушателей образовательной организации МВД России // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2019. – № 2. – С. 575–581. – DOI 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-71.
14. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методик исследования) // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95–29.
15. Cooke P. J., Timothy P. Measuring Well-Being: A Review of Instruments Melchert, Corey Connor // Published. – SAGE Publications. – 2016. – P. 730–757.
16. Diener E. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem // J. of Personality and Social Psychology. – 1995. – № 68. – P. 653–663.
17. Gözde K. U., Derya H., Meryem K. M. The mediating role of perceived control and hopelessness in the relation between personal belief in a just world and life satisfaction // Personality and Individual Differences. – 2019. – V. 143. – P. 68–73.
18. Ryan R. M., Deci E. L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // Annual Review Psychology. – 2001. – № 52. – P. 141–166.

References

1. Andriyevskaya S. V. Irratsional'nyye ustanovki i indeks zhiznennoy udovletvoronnosti u studentov // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskiye nauki. – 2019. – № 9. – S. 46–56.
2. Basina T. A. Vzaimosvyaz' stepeni ratsional'nosti ustanovok i oshchushcheniya schast'ya u kursantov // Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye. – 2018. – № 1(41). – S. 117–121.
3. Baturin N. A., Bashkatov S. A., Gafarova N. V. Teoreticheskaya model' sub'yektivnogo blagopoluchiya // Vestnik YuUrGU. – 2013. – № 4. – S. 4–13.
4. Leont'ev D. A. Schast'ye i sub'yektivnoye blagopoluchiye: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny. – 2020. – № 1 (155). – S. 14–37.

5. *Myasishchev V. N.* Psikhologiya otnosheniy / pod red. A. A. Bodaleva. – Moskva: Izd-vo «institut prakticheskoy psikhologii», Voronezh: NPO «MODEK», 1995. – 356 s.
6. *Otradnova A. S.* Sub»yektivnoye blagopoluchiye sotrudnikov organov vnutrennikh del / Fundamental'nyye i prikladnyye nauchnyye issledovaniya: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii : sbornik statey XXIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Penza: MTSNS Nauka i Prosveshcheniye, 2019. – S. 276–279.
7. *Padun M. A., Kotel'nikova A. V.* Modifikatsiya metodiki issledovaniya bazisnykh ubezhdeniy lichnosti R. Yanoff-Bul'man // Psikhologicheskii zhurnal. – 2008. – T. 29. – № 4. – S. 98–106.
8. *Uglova T. V.* Sub»yektivnyye predposylki udovletvoronnosti zhizn'yu v period vzroslosti // Vestnik NovGU. – 2013. – №74-2. S. 91–94.
9. *Tsvetkov V. L., Ivanova A. I.* Vzaimosvyaz' tsennostey i bazovykh ubezhdeniy lichnosti kursantov s raznym urovnem emotsional'nogo blagopoluchiya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 5. – S. 308–315.
10. *Chertkova Yu. D., Zyryanova N. M.* Vzaimosvyaz' bazisnykh ubezhdeniy s dispozitsionnymi chertami lichnosti, lokusom kontrolya i udovletvorennost'yu zhizn'yu // Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki: teoriya i praktika. – 2019. – № 1(3). – S. 775–789.
11. *Shamionov P. M.* Psikhologiya sub»yektivnogo blagopoluchiya: (k razrabotke integrativnoy kontseptsii) // Mir psikhologii. – 2012. – № 2. – S. 143–148.
12. *Shamionov R. M.* Uverenost' v sebe i bazovyye ubezhdeniya kak prediktory sub»yektivnogo blagopoluchiya russkikh i kazakhov // Psikhologicheskkiye issledovaniya. – 2016. – T. 9. – № 45. – S. 5.
13. *Shapoval V. A., Semakova A. I., Mel'nik A. S.* Psikhodinamicheskkiye protektory psikhologicheskogo blagopoluchiya kursantov i slushateley obrazovatel'noy organizatsii MVD Rossii // Gertsenovskkiye chteniya: psikhologicheskkiye issledovaniya v obrazovanii. – 2019. – № 2. – S. 575–581. – DOI 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-71.
14. *Shevelenkova T. D., Fesenko P. P.* Psikhologicheskoye blagopoluchiye lichnosti (obzor osnovnykh kontseptsiy i metodik issledovaniya) // Psikhologicheskaya diagnostika. – 2005. – № 3. – S. 95–129.
15. *Cooke R. J., Timothy P.* Measuring Well-Being: A Review of Instruments Melchert, Corey Connor // Published. – SAGE Publications. – 2016. – P. 730–757.
16. *Diener E.* Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem // J. of Personality and Social Psychology. – 1995. – № 68. – P. 653–663.
17. *Gözde K. U., Derya H., Meryem K. M.* The mediating role of perceived control and hopelessness in the relation between personal belief in a just world and life satisfaction // Personality and Individual Differences. – 2019. – V. 143. – P. 68–73.
18. *Ryan R. M., Deci E. L.* On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // Annual Review Psychology. – 2001. – № 52. – P. 141–166.

Статья поступила в редакцию 07.07.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted July 07, 2022; approved after reviewing September 13, 2022; accepted for publication September 16, 2022.

Научная статья
УДК 159.9.07
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-207-214

Валентин Анатольевич Шаповал
кандидат медицинских наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0521-5388>, vash23@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Виктория Юрьевна Курдюкова
<https://orcid.org/0000-0003-3223-1252>, Emcat39@mail.ru

*Управление специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в
Северо-Западном федеральном округе
Российская Федерация, 191123, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 26*

Информационно-психологическая устойчивость сотрудников полиции: определение понятия и концептуально-методологические подходы исследования

Аннотация: В статье рассмотрена актуальная и малоразработанная проблема психологической устойчивости сотрудников полиции к негативному информационно-психологическому воздействию. Дается теоретический обзор источников деструктивного воздействия в условиях современного общества и степени их влияния на сотрудников правоохранительных органов. Обосновывается научная новизна и практическая значимость исследования информационно-психологической устойчивости применительно к сотрудникам полиции с использованием инновационных психодиагностических методов с целью повышения эффективности деятельности сотрудников полиции и качества системы психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности. Предметом исследования являются психодинамические механизмы, обеспечивающие психологическую устойчивость сотрудников полиции к негативному информационно-психологическому воздействию. Методологической основой исследования наряду с общенаучными принципами и принципами развития психики в поведении и деятельности служит Я-структурная психодинамическая модель личности Г. Аммона и концепция ценностей Ш. Шварца. С позиций современного психодинамического (психоаналитического) подхода психологическая устойчивость к негативному информационному воздействию рассматривается как степень преобладания конструктивной Я-идентичности над деструктивно-дефицитарной, а также как доминирование в структуре ценностных ориентаций сотрудников полиции гуманистических ценностей. В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение о том, что психологическая устойчивость сотрудников полиции к негативному информационно-психологическому воздействию обусловлена рядом интенциональных и психодинамических характеристик личности, среди которых ведущую роль играют качества Я-идентичности (конструктивность, деструктивность, дефицитарность) и доминирующие ценности.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, психологическая устойчивость, Я-идентичность, Я-структура личности, конструктивность, деструктивность, дефицитарность, ценности, инфодемия, Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс»

Для цитирования: Шаповал В. А., Курдюкова В. Ю. Информационно-психологическая устойчивость сотрудников полиции: определение понятия и концептуально-методологические подходы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 207-214; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-207-214.

Valentin A. Shapoval

Cand. Sci. (Med.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0521-5388>, vash23@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Viktoriya Yu. Kurdyukova

<https://orcid.org/0000-0003-3223-1252>, Emcat39@mail.ru

Department of Special Communications and Information of the Federal Security Service

of the Russian Federation in the North-Western Federal District

26, Shpalernaya str., Saint Petersburg, 191123, Russian Federation

Information and psychological stability of police officers: on the issue of definition of the concept and conceptual and methodological approaches of the study

Abstract: The article deals with the topical and underdeveloped problem of the psychological resistance of police officers to negative information and psychological impact. A theoretical review of the sources of destructive influence in the conditions of modern society and the degree of their influence on law enforcement officers is given. The author considers the scientific novelty and practical significance of the study of information and psychological stability of police officers using innovative psychodiagnostic methods in order to increase the efficiency of police work and the quality of the system of police psychological support.

The subject of the study is the psychodynamic mechanisms that ensure the psychological resistance of police officers to the negative information and psychological impact. The methodological basis of the study, along with the general scientific principles and principles of the development of the psyche in behavior and activity, is the I-structural psychodynamic model of the personality of G. Ammon and the concept of values of S. Schwartz. From the standpoint of the modern psychodynamic (psychoanalytic) approach, psychological resistance to negative information impact is considered as the degree of predominance of a constructive self-identity over a destructive-deficient one, as well as the dominance of humanistic values in the structure of value orientations of police officers. As a hypothesis of the study, it was suggested that the psychological resistance of police officers to negative informational and psychological impact is due to a number of intentional and psychodynamic characteristics of the individual, among which the qualities of self-identity (constructiveness, destructiveness, deficiency) and dominant values play a leading role.

Keywords: information and psychological impact, psychological stability, Self-identity, Self-structure of personality, constructivity, destructive, deficient, values, infodemia, Psychodynamically oriented personal questionnaire (POPQ) «Resource»

For citation: Shapoval V. A., Kurdyukova V. Yu. Information and psychological stability of police officers: on the issue of definition of the concept and conceptual and methodological approaches of the study // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 207-214; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-207-214.

Введение

Переживаемый человечеством новый этап развития общества в процессе перехода от индустриального этапа к информационному в корне изменил привычную реальность, развернув её в сторону тотальной информатизации. Повсеместное внедрение цифровых технологий в XXI веке существенно расширило возможности доступа к информации путём её активного распространения через средства связи, телекоммуникационные сети и интернет-пространство. Возникшее в результате общественной эволюции глобальное информационное пространство как характерный атрибут общемировых процессов глобализации накладывает отпечаток на все сферы жизни современного общества. Наряду с положительными изменениями социальной среды, выразившимися в увеличении уровня информированности, грамотности и образованности населения,

расширении сферы реализации человеческих возможностей и ускорении научно-технического прогресса, данная тенденция повлекла широкое распространение негативных социальных явлений, таких как терроризм, экстремизм, суицидальное, аддиктивное и иные формы саморазрушающего поведения. Увеличилось число конфликтов разного рода социальных и политических противоборствующих сил, вместе с тем изменился и характер их проявления. Так, эскалация конфликтов в виде физических войн, теряя свою актуальность, преобразовалась в концепцию информационного противоборства [1].

Вышеописанные особенности современного цифрового мира тотальной информатизации вывели на первый план гибридные и информационные войны в качестве одной из важнейших актуальных проблем современности. Отличительной чертой информационных войн является уникальность их объекта и места действия. Так, в противоборстве инфор-

мационного характера сознание человека выступает в качестве объекта дислокации «боевых действий», а человеческая психика является основным объектом, своеобразной мишенью, на которую направлено атакующее действие, при этом средством поражения объекта (оружием) выступает негативное информационно-психологическое воздействие с использованием различных информационных, информационно-психологических технологий и средств коммуникации. Захват контроля над сознанием и принудительное внедрение в него распространяемой информации является конечной целью, то есть достижением победы в информационном противоборстве. Под воздействием целенаправленной дезинформации происходит манипулятивное, скрытое (незаметное для объекта) принудительное моделирование деструктивно-дефицитного типа мышления личности, а также требуемого эмоционального состояния и поведения.

Цели такого воздействия различаются по масштабу и сфере применения: от изменения мышления или поведения конкретного человека до массированного манипулятивного влияния на группы людей, общественные институты и человечество в целом; от ситуативной коммерческой или иной корыстной выгоды до геноцида нации или всего человеческого рода путём самоуничтожения вследствие глобальной подмены системы ценностей.

Такая особенность информационных потоков современного мира, как неоднаправленный процесс приема-передачи информации, подразумевающий совпадение ролей получателя и распространителя информации без учёта профессионального авторитета и статусной принадлежности, способствует мгновенному характеру передачи информации широкой аудитории с использованием медиаканалов.

Процесс применения приёмов и средств негативного информационно-психологического воздействия наглядно раскрывается сквозь призму социально-политической обстановки в мире и российской действительности. Проявление и последствия деструктивного информационно-психологического воздействия мы можем наблюдать и анализировать на примере пандемии COVID-19, оказавшей глобальное влияние на социальную, политическую и экономическую обстановку в мире, и спровоцировавшей возникновение и распространение не менее значимого по своим последствиям сопутствующего явления – информационной эпидемии мирового масштаба, названного исследователями инфодемией. Информационная волна недостоверных фактов, состоящая из домыслов, предвсуждений, целенаправленных и нецеленаправленных искажений, по сути представляющая собой эпидемию дезинформации, заполнила все виды каналов передачи информации, главным образом заняв центральное место в обмене новостными сообщениями на базе платформ социальных сетей и мессенджеров, различных электронных ресурсов и некоторых СМИ. Стремительный рост информационных потоков на фоне нарастания всеобщего волнения и страха, а также отсутствия должной фильтрации и критической оценки поступающей информации привел к наполнению общественного сознания массой противоречащих друг другу неточных и ложных сведений.

Целенаправленное или спонтанное информационно-психологическое воздействие в совокупности оказывает существенный негативный эффект и представляет серьёзную опасность для общества и государства в целом, подрывая авторитет и доверие к официальным источникам информации и госу-

дарственным органам власти, что подчёркивает фундаментальную значимость поставленной проблемы и обуславливает её крайнюю актуальность.

Предупреждение, выявление и пресечение фактов распространения недостоверной информации, а также разработка эффективных механизмов противодействия информационно-психологическому влиянию деструктивного характера, направленному в числе прочих на органы исполнительной власти в лице сотрудников силовых структур (в частности, сотрудников полиции) в условиях современной действительности требуют тщательной проработки концепции информационно-психологической устойчивости.

В этой связи объектом исследования является психологическая устойчивость сотрудников полиции к негативному информационно-психологическому воздействию.

Категория психологической устойчивости в отечественной и зарубежной науке

Теоретический анализ научной литературы, содержащей исследования психологической устойчивости личности к информационному воздействию, демонстрирует многоаспектность проблемы, наличие ряда пробелов в её изучении и отсутствие единого подхода к описанию явления.

В отечественной психологии впервые проблема психологической устойчивости была обозначена в 1966 г. на XVIII Международном психологическом конгрессе (Л. И. Божович). В дальнейшем при изучении феномена исследователи выделяли отдельные аспекты устойчивости, связанные с различными характеристиками личности, например, эмоциональная устойчивость, нравственная устойчивость, устойчивость в экстремальных условиях, а также её интеллектуальный и волевой компоненты (П. Б. Зильберман, Л. М. Митина, В. Э. Чудновский, К. М. Гуревич, В. И. Лебедев, А. А. Леонов, Г. Т. Береговая). Зарубежные психологи не уделяли особого внимания понятию «психологическая устойчивость». В западной психологии для описания процессов взаимодействия субъекта и среды использовались такие категории, как: выносливость, сопротивляемость, адаптация, связность (когерентность), коррекция (регуляция), расширение [2].

Множество существующих в психологической науке подходов к описанию и исследованию психологической устойчивости личности позволяет рассматривать указанное явление как интегративную личностную характеристику, обладающую многокомпонентной структурой.

Аспект психологической устойчивости, характеризующий противодействие субъекта влиянию информационной среды, недостаточно представлен в научной литературе. Категория информационно-психологической устойчивости в основном описывается в рамках концепции информационного противоборства. А. В. Дудатъев, В. А. Лужецкий, Д. А. Коротаев рассматривают устойчивость личности к негативному инфовоздействию как «динамику устойчивых состояний личности как системы, при которых она способна с определённой вероятностью идентифицировать и блокировать внешние и внутренние негативные воздействия» [3, с. 8]. О. С. Валуев описывает понятие информационного сопротивления как «функции информационного иммунитета человека в инфополе» [4, с. 33]. В контексте профессиональной деятельности личности определением психологической устойчивости может служить предложенная Д. С. Жилкиным и Г. Н. Щедриной формулировка, представляющая её как «спо-

способность отвечать профессиональным требованиям деятельности и условие поддержания максимальной её эффективности как в повседневных, так и в экстремальных ситуациях» [5].

Источники информационно-психологического воздействия на сотрудников полиции

В современных условиях профессиональная деятельность сотрудников полиции является объектом деструктивного воздействия как со стороны макросреды с присущими ей всеобщими отрицательными тенденциями и современными угрозами, так и микросреды, обусловленной спецификой профессии и контингентом взаимодействия. Источниками такого воздействия могут выступать средства массовой информации, различные социальные группы и сообщества, организации, отдельные личности, транслирующие негативные социальные стереотипы.

Следует учитывать, что профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов в списке профессий относится к категории особо опасных. Перманентное присутствие витальной угрозы, экстремальные условия службы, коррупционное давление на фоне большого количества возможностей и соблазнов нелегитимного использования должностных полномочий и других злоупотреблений служебным положением, может реализовываться в умышленные противоправные действия под целенаправленным (агрессивно-манипулятивным) или произвольным негативным влиянием маргинального и криминального контингента, с которыми сотрудники сталкиваются в процессе своей повседневной деятельности.

Среди источников негативного информационного воздействия особую роль играет идеология «общества потребления», обуславливающая формирование особых ценностных ориентаций и деструктивных поведенческих моделей и создающая предпосылки для манипуляции сознанием [6]. Теоретическое осмысление общества потребления как социокультурного феномена в современной науке представлено рядом авторов (Т. Веблен, Г. Зиммель, Дж. Катон, Ж. Фурастье, Дж. Гэлбрейт, Г. Маркузе, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр). Лежащие в основе концепции общества потребления пропаганда и насаждение гедонистических принципов организации жизни, ложных ценностей вещизма, материализма, социальной успешности, наряду с принижением значения духовных общечеловеческих ценностей сквозь призму установки «цель оправдывает средства» привели к стагнации процесса личностного роста и искаженному пониманию действительности, в котором человек из высшей нравственной ценности превратился в средство достижения эгоистичных целей. Отражение указанного явления в профессиональной среде правоохранительной деятельности проявилось в формировании специфической профессиональной идеологии, представленной фрагментарной моралью и системой двойных стандартов, оправдывающих неэтичное поведение сотрудников в угоду удовлетворению искусственно навязанных обществом потребностей.

В качестве субъектов такого воздействия на сотрудников полиции можно перечислить сослуживцев, начальников или подчинённых, уже подвергшихся негативному воздействию деструктивной идеологии и оказывающих произвольное влияние примером собственного поведения; адвокатов, подозреваемых, обвиняемых и другие категории граждан, с которыми сотрудники взаимодействуют в процессе повседневной деятельности, стремящихся оказать целенаправленное манипулятивное воздействие,

порождая соблазн совершить безнравственные проступки, в том числе криминального характера, а также лиц из ближайшего круга общения и референтных групп, неосознанно транслирующих разрушительные установки.

Последствия искажения ценностных ориентаций сотрудников проявляются в первую очередь в эгоистичном карьерном менталитете, злоупотреблениях должностными обязанностями и коррупционных схемах, захватывающих многоуровневые звенья цепи ведомственной вертикали, а также иных формах и видах профессиональных деструкций.

Регулярные перегрузки, высокая степень физического и умственного утомления, бюрократия и формализм притупляют восприимчивость к нарушениям границ этических норм и затрудняют адекватную морально-нравственную оценку собственного поведения в ситуациях, требующих чуткости и индивидуального подхода, становясь серьёзным препятствием для добросовестного и справедливого выполнения должностных обязанностей, что в более общем плане ведёт к дезориентации, деморализации и дезинтеграции отдельных коллективов и подразделений.

Информационно-психологическая устойчивость как профессионально-важное качество

Изложенные выше аспекты возводят проблему целенаправленного и нецеленаправленного негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников правоохранительных органов в ранг наиболее важных и обосновывают необходимость теоретической и практической разработки концепции информационно-психологической устойчивости как центральной компетенции, характеризующей степень соответствия профессиональным требованиям и профессиональной психологической пригодности в целом.

Нормативная регламентация требований к личным и деловым качествам сотрудников ОВД прямо закрепляет в законодательстве лишь достаточный уровень развития эмоциональной устойчивости (уравновешенности, контроля своего поведения и внешних проявлений эмоций, эмоциональной зрелости), позволяющий в установленные сроки овладеть профессиональными знаниями, навыками и умениями, успешно выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, взаимосвязанной с другими личными и деловыми качествами: с волевой регуляцией поведения, выдержкой, смелостью, решительностью, настойчивостью, целеустремленностью, работоспособностью; внутренней организованностью, исполнительностью, дисциплинированностью, ответственностью за порученное дело; зрелостью личности, способностью брать на себя ответственность за свои решения, действия и поступки, умением определять приоритеты и последовательность в решении проблем, самостоятельностью, уверенностью в своих силах и уровнем самокритичности; уровнем правосознания и нравственных убеждений, честностью, принципиальностью, соблюдением норм общественной морали; самооценкой, положительной направленностью мотивационной сферы личности¹. Нельзя отрицать связь психологической устойчивости с уровнем общего интеллектуального развития, способностями к логическим суждениям и умозаключениям, а также к чёткому изложению информации в устной и письменной формах.

Таким образом, психологическую устойчивость сотрудника полиции правомерно рассматривать как центральную, интегративную метакомпетенцию,

объединяющую все другие личные и деловые качества сотрудника ОВД как специалиста правоохранительной сферы, демонстрирующую степень успешности его профессиональной деятельности, с одной стороны, и адекватность психологической цены этой деятельности – с другой. Последняя определяется степенью выраженности психологического иммунитета, отражающего качество и количество профессионального психологического здоровья сотрудника.

Подобно физическому иммунитету индивида, обеспечивающему устойчивость организма к различным враждебным микроорганизмам и их вредоносным воздействиям, психологический иммунитет субъекта обеспечивает его психологическую устойчивость к негативным информационно-психологическим воздействиям и защиту от них, а также служит одним из ключевых критериев профессионального психологического здоровья, являющегося важнейшим условием эффективности его деятельности, толерантности к ситуативным негативным информационно-психологическим воздействиям, а также обеспечения информационно-психологической безопасности сотрудников от деструктивного влияния профессиональной среды.

Описание исследования

Применительно к сотрудникам полиции наиболее актуальным, новым и практически значимым является исследование рассматриваемой проблемы в рамках современного психодинамического (психоаналитического) подхода, направленное на выявление неосознаваемых протекторов психологической устойчивости к негативному информационному воздействию. Психодинамический подход представляется нам наиболее перспективным в изучении механизмов информационно-психологической устойчивости сотрудников правоохранительной сферы.

В основе методологии указанного подхода лежит структурно-функциональная модель личности Г. Аммона² (1990), представляющая собой генетически функциональную иерархию системы первичных (морфофизиологических), вторичных (осознаваемых «функциональных носителей личности») и центральных (неосознаваемых) Я-функций, являющихся составляющими Я-идентичности [7]. Патологии или задержки в развитии последних формируют уровень психического (психологического) здоровья индивида с позиций психодинамической концепции. Степенью преобладания интегральной конструктивной составляющей Я-идентичности (нормальное развитие) над деструктивно-дефицитарной (патологическое развитие) определяется, по нашему мнению, психологическая устойчивость к негативному информационному воздействию. Указанное положение было подтверждено результатами проведенного нами эмпирического исследования, в ходе которого были получены достоверно значимые психодинамические характеристики, являющиеся предикторами (преобладание в Я-структуре личности деструктивно-дефицитарных компонентов) и протекторами (преобладание в Я-структуре личности конструктивных компонентов) подверженности личности негативному информационному воздействию [8].

Данный подход позволяет рассматривать личность сотрудника в аспекте двух динамических состояний, которые, смешиваясь, дают результирующую

конструктивную и деструктивно-дефицитарную тенденции, обуславливающие формирование в числе прочих и личностных ценностей, которые, с нашей точки зрения являются своеобразными фильтрами восприятия и селекции поступающей информации, а соответственно, основным механизмом обеспечения устойчивости к негативным воздействиям или подверженности им, а также вызванным ими профессиональным деструкциям и другим негативным личностным изменениям.

В состав психодиагностической батареи, направленной на исследование информационно-психологической устойчивости с целью выявления психодинамических характеристик личности, представленных ведущими качествами Я-идентичности (конструктивности, деструктивности, дефицитарности) был включен Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс»³, позволяющий на основе неосознаваемых компонентов Я-структуры личности осуществлять градацию испытуемых на основе обобщения разных уровней соотношения конструктивных и деструктивно-дефицитарных компонентов личностной Я-идентичности. Опросник выявляет показатели ресурса личностной конструктивности, субъектно-профессиональной идентичности и профессионально-психологической успешности, характеризующие профессиональное психологическое здоровье сотрудника как соотношения ресурсных и лимитирующих компонентов неосознаваемой Я-структуры личности, основным протектором которого является информационно-психологическая устойчивость, позволяющие в конечном итоге оценить степень профессиональной пригодности сотрудника на основе его принадлежности к одной из четырех групп профессионального психологического здоровья (ППЗ), являющихся организационно-психодиагностическими формами его оценки [9].

Высокий уровень ППЗ (принадлежность к первой группе), обусловленный высоким психологическим иммунитетом, обеспечивает наивысший уровень информационно-психологической устойчивости сотрудника и его наилучшее соответствие профессиональным требованиям, что позволяет прогнозировать максимальную успешность деятельности сотрудника. Обратная ситуация (принадлежность к четвертой группе ППЗ) свидетельствует о низком уровне информационно-психологической устойчивости и высокой степени подверженности манипулятивным воздействиям и, соответственно, неспособности выполнять профессиональные обязанности, возложенные на сотрудника полиции. Указанные группы ППЗ можно соотносить с соответствующими категориями профессиональной пригодности, изложенными в правилах профессионального психологического отбора на службу в ОВД, где первая группа ППЗ соответствует аналогичной категории профессиональной пригодности с выводом «рекомендуется в первую очередь», четвертая группа ППЗ – четвертой категории с выводом «не рекомендуется» и прогнозом «не способен выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации», а вторая и третья группы ППЗ, характеризующие средний и сниженный уровень информационно-психологической устойчивости позволяют делать вывод «рекомендуется» (вторая категория профессиональной пригодности) и «рекомендуется условно» (третья категория).

¹ Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 06.12.2012 № 1259 (ред. от 06.03.2015).

² Гюнтер Аммон – немецкий психиатр и психоаналитик, основатель структурного психоанализа и современной динамической психиатрии.

С учётом перечисленных возможностей опросник позволяет эффективно решать задачи оценки и оперативного психодиагностического мониторинга ППЗ сотрудников на разных этапах прохождения службы как в индивидуальном, так и коллективном порядке, повышая качество и значимость психологической работы в ОВД в целом.

В процессе выявления психодинамических механизмов информационно-психологической устойчивости большое значение имеет аксиологический аспект, а именно, влияние структуры ценностных ориентаций личности, отражающей её интенциональные характеристики, на эффективность противодействия внешнему влиянию. Направленность как центральное свойство человеческого сознания предполагает доминирование в системе ценностных ориентаций определенных тенденций, отражающих отношение к другим людям, к деятельности и к миру в целом, и может быть рассмотрена в качестве социально-психологической детерминанты формирования психологической устойчивости личности. Концепция регулятивной роли высших человеческих ценностей как смысловых образований, заложенных в самой человеческой природе, в которой альтруистическая и коллективистическая направленность является предпосылкой гармоничного развития личности и совместного существования людей, положена в основу выявления механизмов психологической устойчивости к деструктивным информационным воздействиям в рамках проводимого исследования. В этой связи в состав тестовой батареи в числе прочих входит опросник ценностей Ш. Шварца⁴, позволяющий диагностировать структуру ценностных ориентаций сотрудников полиции.

Доминирование в структуре ценностных ориентаций гуманистических ценностей, отражающих управляющую роль высшего духовного начала в человеке над его «животной психикой» (базирующейся на потребностях низших уровней), рассматривается нами в качестве интенционально-психодинамического протектора информационно-психологической устойчивости сотрудников полиции и успешного противодействия негативному информационному воздействию, и является ценностным ресурсом поддержания и укрепления ППЗ. Такая внутренняя иерархия уверенно транслирует личности свою конструктивную субъектно-идентичную развивающую программу социального функционирования и поведения. И наоборот, перекрытие духовного канала лишает субъект контакта со своим высшим управляющим началом, превращая его в ведомый и легко управляемый объект, подверженный разного рода информационным воздействиям.

Таким образом, примат гедонизма, узость взглядов, некритичность самосознания личности с односторонней трактовкой целей и смысла человеческой жизни, демонстрируемой обществом потребления, создаёт предпосылки подверженности любым суггестивным информационным воздействиям. Наивысшие ценности и высшие духовные потребности в самоактуализации, самовыражении и самоидентификации являются протекторами успешного сопротивления негативному воздействию различных информационных атак.

³ Шаповал В. А. Метод оценки и прогнозирования психологического здоровья и профессиональной идентичности кандидатов на службу и сотрудников МВД на основе Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс»: учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. – 276 с.

Научная новизна и практическая значимость исследования

Описанный подход позволяет впервые осуществить анализ психодинамических механизмов устойчивости и предикторов подверженности сотрудников полиции воздействию различных негативных информационно-психологических факторов с помощью инновационных психодиагностических технологий. Материалы исследования расширят представления юридической психологии о совокупности психологических характеристик личности, способствующих или препятствующих их подверженности негативному информационно-психологическому воздействию, а также ресурсах поддержания и укрепления профессионально-психологического здоровья сотрудников полиции.

Практическая значимость исследования определяется его прогностической, экспертной и организационной (управленческой) составляющими, а также сферами применения его результатов в целях повышения эффективности: профессионально-психологического отбора кандидатов на службу и обучение в ведомственных вузах; массовых психопрофилактических обследований личного состава; системы психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности; психологической коррекции, реабилитации и профилактики профессиональных деструкций и дезадаптивных состояний сотрудников полиции.

Заключение

В современном мире человек является составной частью информационных систем и транслирует информационные потоки вне зависимости от степени сознательного контроля поступающей информации. Следовательно, фактор информационного воздействия следует учитывать в контексте рассмотрения любой сферы человеческой деятельности, в том числе профессиональной.

Непрерывное довлеющее воздействие деструктивной социальной среды на сотрудников полиции порождает спектр негативных явлений системного, организационного и управленческого характера, проявляющихся в различных видах отклоняющегося поведения, порочащего честь и достоинство сотрудника правоохранительных органов.

Проблема выявления и описания механизмов психологической устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию в профессиональной среде сотрудников полиции, а также личностных протекторов информационно-психологической устойчивости и предикторов подверженности разрушительному информационному влиянию и вызванным им профессиональным деструкциям и иным негативным личностным изменениям остаётся мало освещённой и требующей незамедлительной разработки.

С позиции психодинамического подхода конструктивные компоненты Я-структуры личности, являясь протекторами устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию, уменьшают деструктивное влияние среды и способствуют готовности к действиям в экстремальных ситуациях, будучи важным психологическим фактором повышения эффективности и успешности профессиональной деятельности.

При превалировании деструктивно-дефицитарных компонентов Я-структуры психологический иммунитет снижается, что затрудняет способность психики к восприятию, распознаванию и демаркации деструктивных и конструктивных

внешних воздействий, в результате чего такой сотрудник легко подвергается негативному влиянию и не способен успешно справляться с возложенными на него обязанностями.

Преобладание конструктивных компонентов Я-идентичности и гуманистических ценностей в иерархической системе ценностных представлений сотрудников полиции является основным психоди-

намическим механизмом психологической устойчивости к любого рода деструктивным воздействиям.

Повышение эффективности механизмов совершенствования правоохранительной деятельности, уменьшение существующего недоверия к правоохранительным органам со стороны населения, предотвращение профессиональной деформации и искажения морали сотрудников во многом зависит от создания эффективной системы диагностики информационно-психологической устойчивости сотрудников и последующих коррекционных программ, направленных на её повышение в процессе психологического обеспечения и работы с кадрами в правоохранительных органах.

⁴Шалом Шварц – социальный психолог, межкультурный исследователь, заслуженный профессор психологического факультета Еврейского Университета, создатель теории базовых ценностей (Shalom H. Schwartz, 1992).

Список литературы

1. *Модестов С. А.* Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции. – Москва: ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. – 63 с.
2. *Ионеску Ш.* Сопrotивляемость и родственные понятия / Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма : сборник научных статей по материалам Первого международного форума (Санкт-Петербург, 5–7 июня 2006 г.) / под общей ред. И. А. Баевой, Ш. Ионеску, Л. А. Регуш / пер. Н. А. Регуш, С. А. Чернышовой. – Санкт-Петербург: Книжный Дом, 2006. – С. 17–23.
3. *Дудатъев А. В., Лужецкий В. А., Коротаев Д. А.* Метод оценки информационной устойчивости социотехнических систем в условиях информационной войны // Восточно-Европейский журнал передовых технологий. – 2016. – № 2/2 (80). – С. 4–11.
4. *Валуев О. С.* Психология субъективной глобализации: трансдисциплинарный подход к коронавирусу как эпидемии, инфодемии и ноодемии // Психология в системе социально-производственных отношений: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, 2020. – С. 29–34.
5. *Жилкин Д. С., Щедрина Г. Н.* Психическая устойчивость как условие поддержания максимальной эффективности деятельности / Психология и жизнь: международный сборник научных трудов. – Выпуск № 4. – Москва: РПО, МОСУ, РАГС, 2002 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psychology.ru/library/hr/hiring/2075> (дата обращения: 15.04.2022).
6. *Сергодеева Е. А., Мищенко Е. Ю.* Теории общества потребления в современной философии // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – № 4. – С. 149–153.
7. *Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование* / под ред. М. М. Кабанова, Н. Г. Незанова. – Санкт-Петербург: Институт им. В. М. Бехтерева, 2003. – 438 с.
8. *Смутина А. И., Зайырбекова А. А., Шаповал В. А.* К вопросу исследования протекторов личностной устойчивости к негативному информационному влиянию (на примере курсантов образовательных организаций МВД России) / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2018) : материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Ю. А. Шаранова, В. А. Шаповала. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 357–361.
9. *Шаповал В. А.* Экспертная психодиагностическая система как инструмент макропсихологических исследований и психологического аудита подразделений, органов и учреждений МВД России / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2018) : материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 411–423.
10. *Милокова Ю. Д.* Проблема психологической устойчивости личности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 3. – С. 54–59.

References

1. *Modestov S. A.* Informatsionnoye protivoborstvo kak faktor geopoliticheskoy konkurentssii. – Moskva: ООО «Izdat. tsentr nauch. i ucheb. program», 1999. – 63 s.
2. *Ionescu Sh.* Soprotivlyayemost' i rodstvennyye ponyatiya / Psikhologicheskaya bezopasnost', ustoychivost', psikhotravma: sbornik nauchnykh statey po materialam Pervogo Mezhdunarodnogo Foruma (SanktPeterburg, 5–7 iyunya 2006 g.) / pod obshchey red. I. A. Bayevoy, Sh. Ionesku, L. A. Regush / per. N. A. Regush, S. A. Chernyshovoy. – Sankt-Peterburg, 2006. – S. 17– 23.
3. *Dudat'yev A. V., Luzhetskiy V. A., Korotayev D. A.* Metod otsenki informatsionnoy ustoychivosti sotsiotekhnicheskikh sistem v usloviyakh informatsionnoy voyny // Vostochno-Yevropeyskiy zhurnal peredovykh tekhnologiy. – 2016. – № 2/2 (80). – S. 4–11.

4. Valuyev O. S. Psikhologiya sub»yektivnoy globalizatsii: transdistsiplinarnyy podkhod k koronavirusu kak epidemii, infodemii i noodemii // Psikhologiya v sisteme sotsial'no-proizvodstvennykh otnosheniy: sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnoyarsk: Sibirskiy gosudarstvennyy universitet nauki i tekhnologii imeni akademika M. F. Reshetneva, 2020. – S. 29–34.
5. Zhilkin D. S., Shchedrina G. N. Psikhicheskaya ustoychivost' kak usloviye podderzhaniya maksimal'noy effektivnosti deyatel'nosti / Psikhologiya i zhizn': mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov. – Vypusk № 4. – Moskva: RPO, MOSU, RAGS, 2002 [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.psycho.ru/library/hr/hiring/2075>.
6. Sergodeyeva Ye. A., Mishchenko Ye. Yu. Teorii obshchestva potrebleniya v sovremennoy filosofii // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. – 2014. – № 4. – S. 149–153.
7. Ocherki dinamicheskoy psikhiiatrii. Transkul'tural'noye issledovaniye / pod red. M. M. Kabanova, N. G. Neznanova. – Sankt-Peterburg: Institut im. V. M. Bekhtereva, 2003. – 438 s.
8. Smutina A. I., Zayrbekova A. A., Shapoval V. A. K voprosu issledovaniya protektorov lichnostnoy ustoychivosti k negativnomu informatsionnomu vliyaniyu (na primere kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii) / Aktual'nyye problemy psikhologii pravookhranitel'noy deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'yevskiy chteniya – 2018): materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod redaktsiyey Yu. A. Sharanova, V. A. Shapovala. – Sankt-Peterburg: SPbUMVD Rossii, 2018. – S. 357–361.
9. Shapoval V. A. Ekspertnaya psikhodiagnosticheskaya sistema kak instrument makropsikhologicheskikh issledovaniy i psikhologicheskogo audita podrazdeleniy, organov i uchrezhdeniy MVD Rossii / Aktual'nyye problemy psikhologii pravookhranitel'noy deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'yevskiy chteniya – 2018): materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – С. 411–423.
10. Milyukova Y. D. Problema psikhologicheskoy ustoychivosti lichnosti v professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. – 2021. – № 3. – S. 54–59.

Статья поступила в редакцию 27.03.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 08.06.2022.

The article was submitted March 27, 2022; approved after reviewing June 06, 2022; accepted for publication June 08, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Конференции

Обзорная статья

УДК 378.078

doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-215-225

Лариса Викторовна Каверина

кандидат филологических наук

<https://orcid.org/0000-0001-6294-2042>, lvkaverina@mail.ru

Андрей Александрович Малофеев

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-9894-7136>, maloff@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России,

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д.1

Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России

(обзор материалов внутриведомственной научно-практической конференции)

Аннотация: 17 июня 2022 года в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась внутриведомственная научно-практическая конференция, в ходе которой обсуждены: проблемы нормативно-правового регулирования научной деятельности образовательных организаций системы МВД России; вопросы оптимизации системы диссертационных советов, действующих при образовательных организациях МВД России; перспективы создания автоматизированной информационно-аналитической системы учёта результатов научной деятельности образовательных организаций МВД России; порядок регистрации и критерии оценки деятельности научных школ системы МВД России; проблемы оценки публикационной активности научно-педагогических работников образовательных организаций МВД России в наукометрических базах данных; методика подготовки и проведения научно-представительских мероприятий в образовательных организациях МВД России; актуальные проблемы издательской деятельности образовательных и научных организаций системы МВД России; работа полиграфического производства в образовательных организациях системы МВД России; современное состояние и перспективы выпуска электронных изданий в образовательных организациях системы МВД России; проблемы и тенденции развития издания ведомственных рецензируемых журналов; система «Антиплагиат» как инструмент повышения качества учебных и научных изданий; проблемы рецензирования учебных и научных изданий в образовательных организациях системы МВД России; современные проблемы авторского права в учебном книгоиздании; вопросы подготовки литературы и её представления для издания с грифом МВД России образовательными организациями МВД России; взаимодействие ведомственного вуза с издательствами и библиотеками.

В конференции приняли участие более 80 человек.

В преддверии научного форума был проведён конкурс «Развитие и совершенствование ведомственного издательского дела: взгляд в будущее». К началу работы конференции издан электронный сборник тезисов выступлений его участников [1].

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, редакционно-издательская деятельность, диссертационные советы, образовательные организации, система МВД России

Для цитирования: Каверина Л. В., Малофеев А. А. Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 215–225; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-215-225.

Larisa V. Kaverina

Cand. Sci. (Phil.)

<https://orcid.org/0000-0001-6294-2042>, lvkaverina@mail.ru

Andrey A. Malofeev

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-9894-7136>, maloff@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Actual problems and trends in the development of research activities in educational institutions of the MIA of Russia

(review of materials of the intradepartmental scientific and practical conference)

Abstract: On June 17, 2022, an intradepartmental scientific and practical conference was held at the Saint Petersburg University of the MIA of Russia, during which the following issues were discussed: problems of legal regulation of scientific activities of educational organizations of the system of the MIA of Russia; issues of optimizing the system of dissertation councils operating at educational organizations of the MIA of Russia; prospects for creating an automated information and analytical system for recording the results of scientific activities of educational organizations of the MIA of Russia; the procedure for registration and criteria for evaluating the activities of scientific schools of the system of the MIA of Russia; problems of assessing the publication activity of scientific and pedagogical workers of educational organizations of the MIA of Russia in scientometric databases; methodology for preparing and conducting scientific and representative events in educational organizations of the MIA of Russia; actual problems of publishing activities of educational and scientific organizations of the system of the MIA of Russia; the work of printing production in educational organizations of the system of the MIA of Russia; the current state and prospects for the release of electronic publications in educational institutions of the system of the MIA of Russia; problems and trends in the development of the publication of departmental peer-reviewed journals; the system «Antiplagiat» as a tool to improve the quality of educational and scientific publications; problems of reviewing educational and scientific publications in educational institutions of the system of the MIA of Russia; modern problems of copyright in educational book publishing; issues of preparation of literature and its submission for publication with the stamp of the MIA of Russia by educational organizations of the MIA of Russia; interaction of a departmental university with publishing houses and libraries.

More than 80 people took part in the conference.

On the eve of the scientific forum, the competition «Development and improvement of departmental publishing: a look into the future» was held. By the beginning of the conference, an electronic collection of abstracts of the speeches of its participants was published [1].

Keywords: research activities, editorial and publishing activities, dissertation councils, educational organizations, system of the MIA of Russia

For citation: Kaverina L. V., Malofeev A. A. Actual problems and trends in the development of research activities in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 215–225; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-215-225.

Открыл мероприятие начальник Санкт-Петербургского университета МВД России генерал-лейтенант полиции А. В. Травников, который подчеркнул важность и своевременность обсуждения актуальных проблем научно-исследовательской и редакционно-издательской деятельности образовательных организаций МВД России».

Также с приветственным словом на конференции выступил заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации полковник полиции М. В. Бавсун.

В работе конференции приняли участие: начальник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации полковник юстиции А. Ю. Кийко, начальник Дальневосточного юридического института МВД России А. А. Андреев, первый заместитель начальника ВНИИ МВД России О. И. Цоколова и иные руководители и ведущие учёные образовательных и научных организаций МВД России, ФСИН России, Следственного комитета Российской Федерации, руководители и сотрудники научно-исследовательских, редакционно-издательских отделов и научно-педагогические работники образовательных организаций, представители Экспертно-криминалистического центра МВД России, компании «Антиплагиат», компании «ЭДИТОРУМ», издательств, научно-педагогический состав, адъюнкты, курсанты и слушатели Санкт-Петербургского университета МВД России.

Обсуждение заявленных в программе форума проблем развивалось в трёх основных направлениях.

Первое направление объединило выступления, посвящённые организации научного обеспечения в системе МВД России.

Вектор обсуждения задавала первый заместитель начальника ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор **О. И. Цоколова**, представившая доклад «*О проекте приказа МВД России «Об организации научной деятельности и научного обеспечения в системе МВД России»*», в котором обозначила самые существенные изменения, заложенные в проекте нормативно-правового документа; его принятие запланировано на I квартал 2023 года.

В докладе заместителя начальника Ростовского юридического института МВД России по научной работе, кандидата юридических наук **С. В. Пахомова** «*Развитие нормативно-правового регулирования организации и учёта научно-исследовательской деятельности в системе МВД России на современном этапе*» нашли отражение вопросы совершенствования организации и учёта научно-исследовательской деятельности с применением междисциплинарного подхода, необходимости повышения практической значимости и востребованности научно-исследовательских работ для практических органов внутренних дел Российской Федерации с целью роста эффективности их деятельности.

В ходе рассуждений автор приходит к выводу, что «назрела потребность введения такого понятия, как комплексное междисциплинарное исследование, которое включает в себя результаты научно-исследовательской деятельности различной тематической направленности по различным группам научных специальностей, объединённые одной проблематикой. Научно-исследовательская работа данного вида может иметь как фундаментальный, так и прикладной характер. Появление комплексных междисциплинарных научных работ в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел позволит более детально и всесторонне изучить и проанализировать предмет и объект исследования, повышая тем самым применимость и востребованность НИР, эффективность деятельности практических органов, осуществляющих охрану и защиту прав и свобод нашей страны» [3, с. 9].

Содержательный анализ отдельных положений Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года, представленный авторским коллективом Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина – заместителем начальника института по научной работе, доктором юридических наук, доцентом **О. А. Дизером** и начальником научно-исследовательского отдела **В. Н. Шарутенко**, позволил выявить ряд вопросов, которые могут повлиять на эффективность научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Авторы приходят к выводу, что в рассматриваемой Концепции «имеет место коллизия, при которой родовая объект, коим является показатель “научная продукция”, выведен на один уровень и приравнен к составляющим его видовым объектам – показателям “плановые научные исследования” и “публикации”, являющимися, по сути, его составными частями» [4, с. 15], при этом в ней не в полной мере учитываются показатели деятельности профессорско-преподавательского состава, когда идёт речь о научной продукции и плановых научных исследованиях, а акцент сделан только на деятельности научных сотрудников. Решение обозначенных вопросов представляется авторам важными направлениями дальнейшего развития научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Анализ генезиса нормативного правового регулирования научно-исследовательской деятельности в системе МВД России проведен главным научным сотрудником Центра организационного обеспечения научной деятельности ВНИИ МВД России, доктором юридических наук, профессором **П. И. Кобец**. Проблематика, связанная с нормативно-правовым регулированием научной работы в системе МВД России, на протяжении многих лет представляет собой неотъемлемую часть важнейшего функционала органов внутренних дел. При этом важно отметить, что для эффективного решения задач, которые регулярно ставятся перед ОВД руко-

водством МВД России, необходим постоянный поиск новейших подходов, которые в обязательном порядке должны основываться на современных достижениях ведомственной науки. Роль научного обеспечения не просто высока, оно занимает доминирующее положение среди других сфер деятельности ОВД. Сегодня целью нормативно-правового регулирования научно-исследовательской деятельности в МВД России должно быть активное формирование эффективной, динамичной и устойчивой системы по выработке и внедрению в практику научных знаний, способствующих качественному выполнению оперативно-служебных задач, поставленных руководством МВД России [5, с. 22].

Опытом решения проблем в организации научно-исследовательской деятельности поделился с участниками начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент **В. А. Маслов**.

Доклад начальника научно-исследовательского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидата юридических наук, доцента **Р. М. Минулина** посвящён анализу состояния и перспективному направлению цифровизации учёта и мониторинга научно-исследовательской деятельности в образовательных и научных организациях системы МВД России, предлагаются содержательные наполнение отдельных модулей единой цифровой платформы научной деятельности МВД России, опции, которыми должна обладать данная система, а также предполагаемые результаты внедрения данных предложений. Так, например, «отпадёт необходимость постоянного запроса различных сведений от образовательных и научных организаций МВД России, документооборот и огромный объём бюрократических вопросов будет значительно снижен, что даст возможность больше времени уделять реальной деятельности, управление научной деятельностью станет более эффективным. Недостатком цифровизации научно-исследовательской деятельности в образовательных и научных организациях системы МВД России можно назвать только то, что в результате, возможно, в некоторых специалистах отпадёт необходимость, и нас ждёт чрезмерная открытость сведений о научной деятельности каждого учёного, но это, можно сказать, уже неизбежность» [6, с. 37].

Отдельные вопросы, возникающие в ходе реализации органами внутренних дел задач и возложенных на МВД России полномочий на основе результатов научно-исследовательских работ, а также возможные пути их решения обозначили начальник управления научных исследований Экспертно-криминалистического центра МВД России, кандидат юридических наук **Ж. А. Полянова** и заместитель начальника отдела организации научных исследований управления научных исследований Экспертно-крими-

налистического центра МВД России, кандидат юридических наук **А. А. Бородина**. Несмотря на определённые достигнутые успехи в научном обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, наблюдается тенденция недостаточного использованию научных разработок на практике. Например, авторы указывают, что ряд проводимых исследований носит излишне теоретизированный характер, а это не позволяет в полной мере реализовывать их результаты в соответствующих прикладных отраслях. Отмечается слабое оснащение материально-технической базы научной деятельности, дефицит высококвалифицированных научных кадров, стремительный рост технического и научного потенциала преступной среды, обуславливающий необходимость совершенствования методов исследования и обновления методических основ проведения НИР [7, с. 39].

Данная тема была продолжена начальником отделения исследования проблем кадровой и воспитательной работы научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидатом юридических наук **Н. С. Михайловой**, которая провела анализ понятия «научное обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» и проследила его эволюцию в нормативных правовых актах МВД России.

Совершенствование организации и проведения научно-представительских мероприятий стало основой доклада начальника отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидата юридических наук, доцента **П. А. Федорова**. Научный сотрудник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России **А. А. Жаворонкова** осуществила анализ проведения научно-представительских мероприятий в условиях пандемии, раскрыла основные формы их проведения.

В связи с постоянными изменениями законодательства Российской Федерации, внесением в действующее законодательство бессистемных изменений, увеличением числа предписаний и нормативных правовых актов, противоречащих друг другу, федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации, участвующие в законотворческой деятельности, стремятся наладить и упорядочить свою работу по повышению качества разрабатываемых ими, а также поступающих на оценку законопроектов. Вопросам проведения научной правовой экспертизы проектов федеральных законов в системе МВД России посвятила научное выступление начальник отдела методического сопровождения научно-исследовательских работ центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук **Н. В. Сторчилова**, которая дала авторскую оценку научной правовой

экспертизе как одному из видов деятельности ведомственных учёных, описала её задачи и значение, критерии оценки качества, обоснованности, своевременности разрабатываемого законопроекта, а также алгоритм проведения научной правовой экспертизы в системе МВД России [8, с. 51].

Ещё один доклад представлен **Н. В. Сторчиловой** в соавторстве с ведущим научным сотрудником центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидатом юридических наук **С. Ю. Андреевой**, в котором проанализированы результаты работы Совета МВД России по научно-гуманитарному обеспечению и положительному опыту в органах внутренних дел Российской Федерации в 2017–2021 годах, раскрыто значение принимаемых указанным совещательным органом решений, рассмотрена его роль в формировании вектора развития ведомственной науки, обозначены проблемы нормативного регулирования деятельности данного совещательного органа, сформированы предложения по совершенствованию организации его функционирования [9, с. 58].

Бесспорно, важной является взаимосвязь проводимых в последние годы образовательными и научными организациями системы МВД России научных исследований с текущим состоянием научного обеспечения оперативно-служебной деятельности органов, подразделений и организаций системы МВД России. Эта тема предложена для обсуждения авторским коллективом отдела методического сопровождения научно-исследовательских работ центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России кандидатом юридических наук **Н. Ю. Колчевской**, кандидатом философских наук **О. Е. Егоровым**, **Н. А. Смолко**. Авторами проведён анализ тематик плановых научно-исследовательских работ в их соотношении со Сводным перечнем проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации за 2018–2020 гг. и на его основе разработаны рекомендации по совершенствованию научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [10, с. 69].

О. Г. Войтова, старший научный сотрудник управления научных исследований ЭКЦ МВД России, посвятила свой доклад проблемным вопросам реализации практической направленности выпускаемой научной продукции экспертно-криминалистического профиля в образовательных организациях МВД России, предложила возможные пути их решения. Автор подчёркивает, что «повышение эффективности оперативно-служебной деятельности как приоритетной цели научного обеспечения в системе МВД России невозможно без целенаправленной и планомерной работы по увеличению практической составляющей в научных исследованиях, проводимых ведомственными образовательными учреждениями экспертного профиля» [11, с. 78].

Участники форума не могли обойти вниманием и такое важное направление, как организация научно-исследовательской деятельности с обучающимися. Особенности этой деятельности в Санкт-Петербургском университете МВД России и его филиалах представили **О. С. Кравченко**, старший научный сотрудник НИО Санкт-Петербургского университета МВД России, и **М. А. Дворжицкая**, старший научный сотрудник научно-исследовательской и редакционно-издательской группы Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Вторым не менее важным направлением обсуждения стал мониторинг организации научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России.

Так, ряд участников посвятили свои выступления проблемам оценки результатов научной деятельности педагогических работников. Правовое регулирование вопросов, связанных с публикационной активностью педагогических работников образовательных организаций высшего образования и целесообразность мониторинга такого показателя деятельности образовательных организаций рассмотрены **А. П. Алексеевым**, заместителем начальника Волгоградской академии МВД России по научной работе, кандидатом юридических наук, доцентом, и **Н. С. Костенко**, начальником научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидатом юридических наук, доцентом. Вывод, к которому пришли докладчики, следующий: «Управление публикационной активностью научно-педагогических работников образовательной организации было и остается весьма сложной и многофакторной задачей, решить которую одними только административными методами или нормативными предписаниями затруднительно. ... Работа по поддержанию публикационной активности должна быть разумной, а оценка научной деятельности образовательной организации не должна основываться только на количественных показателях. Назрела необходимость создания многофакторной системы оценки результативности научной деятельности, включающей изменение мотивационной сферы педагогических работников и позволяющей повышать их профессиональный уровень» [12, с. 103].

М. Н. Кузьмин, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, и **Г. В. Назаренко**, научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России, кандидат экономических наук, в докладе «*Цифровизация процесса организации и учёта результатов научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России*» рассмотрели вопросы необходимости

создания цифрового пространства на базе уже имеющихся разработок и перевода в него всех организационных процессов, а также учёта, контроля и мониторинга научной деятельности образовательных организаций МВД России в условиях цифровой трансформации жизни общества, что, по мнению авторов, позволит систематизировать результаты научно-исследовательской деятельности, повысить качество их учёта, контроля за выполнением плановых показателей образовательных организаций МВД России [13, с. 104].

Данная проблема продолжена в научном сообщении **Р. Д. Залаева**, научного сотрудника научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России «*К вопросу о перспективах создания автоматизированной информационно-аналитической системы учёта результатов научной деятельности образовательных организаций МВД России*».

Публикационная активность научно-педагогических работников и проблемы её наукометрической оценки стали предметом исследования в докладах **А. В. Ефимовского**, **А. В. Афанасьева**, **О. И. Городовой**, которые представили обзор основных тенденций и перспективных направлений деятельности по обеспечению публикационной активности научно-педагогических сотрудников (сотрудников из числа научно-педагогического состава) образовательных организаций МВД России, а также некоторые возможные негативные последствия включения плановых показателей количества публикаций в ведомственные нормативные акты, в том числе стратегического планирования.

Организации учёта научных публикаций научно-педагогических работников в рамках выполнения целевых показателей деятельности образовательной организации на примере Санкт-Петербургского университета МВД России посвятил свой доклад **М. А. Кутырёв**, старший научный сотрудник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела. Автор выявил пробелы нормативного регулирования данного вопроса и предложил алгоритм оценки выполненных целевых показателей при помощи библиографической базы данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» [14, с. 129].

Выступления по третьему направлению были посвящены вопросам организации редакционно-издательской деятельности в научных и образовательных организациях системы МВД России.

А. А. Малофеев, кандидат юридических наук, начальник редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, посвятил своё выступление формированию новой экосистемы издательской деятельности в образовательных организациях высшего образования системы МВД России, рассмотрел основные подходы и направления в издательской деятельности с использованием информацион-

ных технологий, особо отмечая, что «складывающаяся экосистема издательской деятельности является закономерным эффектом происходящих процессов цифровизации общества. Интеграция вузовского книгоиздания в цифровую медиасреду требует новых подходов в построении издательских процессов, развития внутренней инфраструктуры, располагающей к творческой деятельности и повышению профессионального уровня сотрудников издательства» [19, с. 138].

Дальнейшее развитие данная тема получила в докладах представителей редакции журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» и газеты «На страже закона».

Так, возможности электронной редакции и подходы к организации цифровой инфраструктуры научного журнала рассмотрены в докладе **Л. В. Кавериной**, кандидата филологических наук, главного редактора журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», «*Управление научным журналом университета с помощью электронной редакции*» на примере редакции периодических изданий Санкт-Петербургского университета МВД России. Отмечаются «...изменения способов коммуникации между авторами научных статей и их читателями. Глобальные изменения происходят в работе редакций: большая часть редакционных процессов переходит в цифровую форму, в цифровое пространство, формируется цифровая инфраструктура научного журнала» [15, с. 144].

В продолжение темы цифровой инфраструктуры журнала **С. Н. Горбунова**, старший редактор редакции журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» и газеты «На страже закона», на основе опыта представила алгоритм создания электронного журнала с нуля. Описаны основные этапы создания, проблемы и перспективы развития электронного издания. Автор указывает, что «сегодня периодические издания вынуждены бороться не только за автора и его исследование, не менее важное направление — продвижение журнала после публикации номера» [21, с. 190].

В докладе **Л. М. Букиной**, редактора редакции журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» и газеты «На страже закона», представлены принципы корректного и полного оформления метаданных в научной публикации, что обусловлено влиянием качества метаданных прямо или косвенно на количество просмотров и ссылок на публикацию в наукометрических базах, выступающих как инструмент для отслеживания цитируемости научных статей. Посредством этого обеспечивается конкурентоспособность всей публикации [23, с. 197]. Автором обозначены основные (базовые) элементы метаданных, используемых в научных публикациях, в том числе в журналах Санкт-Петербургского университета МВД России, а также варианты улучшения качества метаданных при размещении с целью повышения индексов публикационной активности авторов или организаций.

П. В. Козловский, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России, в докладе «*О развитии ведомственных рецензируемых журналов*» [18] представил анализ причин низкой популярности специальных ведомственных изданий, на основе которого сформулировал предложение вернуться к практике опубликования в изданиях центрального аппарата МВД России передового опыта, а научные и научно-практические издания развивать на базе вузов. При этом определять количество и объём рецензируемых научных изданий автор предлагает с учётом востребованных научных специальностей, возможности обеспечения качества публикаций и минимизации организационных издержек.

Проблеме повышения качества ведомственных изданий посвящён доклад **Д. С. Рудмана**, кандидата юридических наук, доцента, заместителя начальника отдела – главного редактора редакционно-издательского отдела Омской академии МВД России. На основе анализа приказа, регулирующего подготовку учебных и научных изданий в системе МВД России, автором рассмотрены меры по повышению качества ведомственных изданий (своевременное представление в редакционно-издательские подразделения рукописей изданий, выбор рецензента в зависимости от вида издания и т. д.), что позволило сделать следующий вывод – повышение качества ведомственных изданий приведёт к повышению уровня подготовки будущих специалистов для органов внутренних дел [22].

А. В. Стулов, старший редактор научно-исследовательского и редакционно-издательского отделения Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, представил доклад «*О некоторых организационно-штатных проблемах в ведомственных рецензируемых изданиях*», в котором дал оценку современного состояния деятельности по изданию в образовательных и научных организациях МВД России рецензируемых научных журналов и сделал вывод о том, что совершенствование этой деятельности возможно путём решения ряда организационно-штатных проблем научных журналов. В качестве одного из таких решений предлагается создавать такие подразделения, как редакции научных журналов, в тех организациях, где такие журналы выпускаются [24].

Авторский коллектив из Сибирского юридического института МВД России, **М. А. Галимова**, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, и **Е. А. Мамай**, старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, обратились к вопросу о наукометрических показателях периодических научных изданий образовательных организаций МВД России, рассмотрев понятие «наукометрические показатели» и изучив основные показатели публикационной активности, применяемые для оценки периодических

изданий образовательных и научных организаций МВД России [20].

А. Х. Мамедова, старший редактор научно-исследовательской и редакционно-издательской группы Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, представила доклад «*Некоторые вопросы контроля и надзора за печатными изданиями в системе МВД России, содержащими информацию ограниченного распространения*», в рамках которого предпринята попытка разобрататься в процедуре осуществления контроля и надзора за издательской деятельностью в системе МВД России, а точнее, выпуска печатного издания, имеющего гриф ограниченного доступа. Представлено нормативное правовое регулирование по исследуемой теме, рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся конфиденциальности информации [25].

А. В. Фроловой, редактором редакторского отделения редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России предложена для обсуждения проблема унификации учебных и научных изданий, проанализирован процесс предпечатной подготовки учебной и научной литературы в образовательной организации системы МВД России (на примере Санкт-Петербургского университета МВД России) и определены пути его совершенствования [26].

Г. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, и **Н. А. Корсикова**, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, посвятили выступление проблемам и перспективам вузовского книгоиздания. В статье анализируется роль учебно-педагогической книги в образовательно-воспитательной деятельности современного вуза и основные факторы, влияющие на качество учебного издания в организациях высшего профессионального образования [27].

В преддверии научного форума были подведены итоги конкурса «*Развитие и совершенствование ведомственного издательского дела: взгляд в будущее*» в трёх номинациях:

– «Лучшее инновационное решение в книжном деле»: 1-е место – Дальневосточный юридический институт МВД России, 2-е место – Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 3-е место – Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина;

– «Лучший дизайн книги»: 1-е место – Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2-е место – Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 3-е место – Барнаульский юридический институт МВД России;

– «Лучшая электронная книга»: 1-е место – Санкт-Петербургский университет МВД России, 2-е место – Барнаульский юридический институт МВД России, 3-е место – Восточно-Сибирский институт МВД России.

Список литературы

1. *Актуальные проблемы* и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. статей по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 209 с. – ISBN 978-5-91837-554-9.
2. *Актуальные проблемы* и тенденции развития научно-исследовательской и редакционно-издательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. статей внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 сентября 2018 года / сост. А. А. Малофеев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – 113 с. – ISBN 978-5-91837-103-9.
3. *Пахомов С. В.* Развитие нормативно-правового регулирования организации и учета научно-исследовательской деятельности в системе МВД России на современном этапе // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 7–11.
4. *Дизер О. А., Шарутенко В. Н.* Совершенствование концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 12–17.
5. *Кобец П. Н.* Генезис нормативно-правового регулирования научно-исследовательской деятельности в системе Министерства внутренних дел // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 18–23.
6. *Минулин Р. М.* Основные направления цифровизации организации научно-исследовательской деятельности в образовательных и научных организациях системы МВД России // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 32–37.
7. *Полянова Ж. А., Бородина А. А.* Некоторые аспекты научного обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 38–41.
8. *Сторчилова Н. В.* Проведение научной правовой экспертизы проектов федеральных законов в системе МВД России // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 51–57.
9. *Сторчилова Н. В., Андреева С. Ю.* Роль Совета МВД России по научно-гуманитарному обеспечению и положительному опыту в органах внутренних дел Российской Федерации в формировании вектора развития ведомственной науки // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 58–68.
10. *Колчевская Н. Ю., Егоров О. Е., Смолко Н. А.* Взаимосвязь тематик плановых научных исследований, проводимых образовательными и научными организациями системы МВД России, с текущим состоянием научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 69–75.
11. *Войтова О. Г.* Проблемы практической составляющей научных исследований экспертно-криминалистической направленности в образовательных организациях МВД России // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 76–79.
12. *Алексеев А. П., Костенко Н. С.* О системе результативности научной деятельности педагогических работников // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 99–103.
13. *Кузьмин М. Н., Назаренко Г. В.* Цифровизация процесса организации и учёта результатов научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России // *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России* : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 104–107.

14. *Кутырев М. А.* Организация учёта научных публикаций научно-педагогических работников в рамках выполнения целевых показателей деятельности образовательной организации (на примере Санкт-Петербургского университета МВД России) // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 129–134.
15. *Каверина Л. В.* Управление научным журналом университета с помощью электронной редакции // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. статей по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 144–148.
16. *Каверина Л. В.* Новая модель редакционной политики журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» // Петербургские пенитенциарные конференции : материалы конференций. В 4-х томах, Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 178–181.
17. *Каверина Л. В.* Единая издательская платформа в системе МВД России: миф или реальность? // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской и редакционно-издательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 сентября 2018 года / сост. А. А. Малофеев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 27–29.
18. *Козловский П. В.* О развитии ведомственных рецензируемых журналов // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 135–137.
19. *Малофеев А. А.* Новая экосистема издательской деятельности в образовательных организациях высшего образования системы МВД России // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 138–143.
20. *Галимова М. А., Мамай Е. А.* К вопросу о наукометрических показателях периодических научных изданий образовательных организаций МВД России // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 149–154.
21. *Горбунова С. Н.* Алгоритм создания электронного научного журнала с нуля // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 185–191.
22. *Рудьман Д. С.* О повышении качества ведомственных изданий // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 155–159.
23. *Букина Л. М.* Корректные метадаанные как фактор повышения цитирования научных публикаций // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 197–204.
24. *Стулов А. В.* О некоторых организационно-штатных проблемах ведомственных рецензируемых научных журналов // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 172–179.
25. *Мамедова А. Х.* Некоторые вопросы контроля и надзора за печатными изданиями в системе МВД России, содержащими информацию ограниченного распространения // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 160–166.
26. *Фролова А. В.* О необходимости унификации учебных и научных изданий в образовательных организациях системы МВД России // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 180–184.
27. *Лукьянова Г. В., Корсикова Н. А.* Вузовское книгоиздание: проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сб. ст. по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 192–196.

References

1. *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. statey po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – 209 s. – ISBN 978-5-91837-554-9.
2. *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy i redaktsionno-izdatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. statey vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 28 sentyabrya 2018 goda / sost. A. A. Malofeyev. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2018. – 113 s. – ISBN 978-5-91837-103-9.
3. *Pakhomov S. V. Razvitiye normativno-pravovogo regulirovaniya organizatsii i ucheta nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v sisteme MVD Rossii na sovremennom etape* / S. V. Pakhomov // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 7–11.
4. *Dizer O. A., Sharutenko V. N. Sovershenstvovaniye kontseptsii nauchnogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 12–17.
5. *Kobets P. N. Genezis normativno-pravovogo regulirovaniya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v sisteme Ministerstva vnutrennikh del* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 18–23.
6. *Minulin R. M. Osnovnyye napravleniya tsifrovizatsii organizatsii nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh i nauchnykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 32–37.
7. *Polyanova Zh. A., Borodina A. A. Nekotoryye aspekty nauchnogo obespecheniya organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 38–41.
8. *Storchilova N. V. Provedeniye nauchnoy pravovoy ekspertizy proyektov federal'nykh zakonov v sisteme MVD Rossii* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 51–57.
9. *Storchilova N. V., Andreyeva S. Yu. Rol' Soveta MVD Rossii po nauchno-gumanitarnomu obespecheniyu i polozhitel'nomu opytu v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii v formirovaniy vektora razvitiya vedomstvennoy nauki* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 58–68.
10. *Kolchevskaya N. Yu., Yegorov O. Ye., Smolko N. A. Vzaimosvyaz' tematik planovykh nauchnykh issledovaniy, provodimykh obrazovatel'nyimi i nauchnymi organizatsiyami sistemy MVD Rossii, s tekushchim sostoyaniyem nauchnogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 69–75.
11. *Voytova O. G. Problemy prakticheskoy sostavlyayushchey nauchnykh issledovaniy ekspertno-kriminalisticheskoy napravlenosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 76–79.
12. *Alekseyev A. P., Kostenko N. S. O sisteme rezul'tativnosti nauchnoy deyatel'nosti pedagogicheskikh rabotnikov* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 99–103.
13. *Kuz'min M. N., Nazarenko G. V. Tsifrovizatsiya protsessa organizatsii i ucheta rezul'tatov nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 104–107.
14. *Kutyrev M. A. Organizatsiya ucheta nauchnykh publikatsiy nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov v ramkakh vypolneniya tselevykh pokazateley deyatel'nosti obrazovatel'noy organizatsii (na primere Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii)* // *Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 129–134.

15. *Kaverina L. V.* Upravleniye nauchnym zhurnalom universiteta s pomoshch'yu elektronnoy redaktsii // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. statey po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 144–148.

16. *Kaverina L. V.* Novaya model' redaktsionnoy politiki zhurnala «Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii» // Peterburgskiyepenitentsiarnyyekonferentsii: Materialy konferentsiy. V 4-kh tomakh, Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2021 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2021. – S. 178–181.

17. *Kaverina L. V.* Yedinaya izdatel'skaya platforma v sisteme MVD Rossii: mif ili real'nost'? // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy i redaktsionno-izdatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 28 sentyabrya 2018 goda / sost. A. A. Malofeyev. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2018. – S. 27–29.

18. *Kozlovskiy P. V.* O razvitii vedomstvennykh retsenziruyemykh zhurnalov // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 135–137.

19. *Malofeyev A. A.* Novaya ekosistema izdatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshhego obrazovaniya sistemy MVD Rossii // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 138–143.

20. *Galimova M. A., Mamay Ye. A.* K voprosu o nauko-metricheskikh pokazatelyakh periodicheskikh nauchnykh izdaniy obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 149–154.

21. *Gorbunova S. N.* Algoritm sozdaniya elektronnoy nauchnoy zhurnala s nulya // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 185–191.

22. *Rud'man D. S.* O povyshenii kachestva vedomstvennykh izdaniy // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 155–159.

23. *Bukina L. M.* Korrektnyye metadannyye kak faktor povysheniya tsitirovaniya nauchnykh publikatsiy // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 197–204.

24. *Stulov A. V.* O nekotorykh organizatsionno-shtatnykh problemakh vedomstvennykh retsenziruyemykh nauchnykh zhurnalov // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 172–179.

25. *Mamedova A. Kh.* Nekotoryye voprosy kontrolya i nadzora za pechatnymi izdaniyami v sisteme MVD Rossii, soderzhashchimi informatsiyu ogranichennoy rasprostraneniya // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 160–166.

26. *Frolova A. V.* O neobkhodimosti unifikatsii uchebnykh i nauchnykh izdaniy v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 180–184.

27. *Lukyanova G. V., Korsikova N. A.* Vuzovskoye knigoizdaniye: problemy i perspektivy razvitiya // Aktual'nyye problemy i tendentsii razvitiya nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : sb. st. po itogam vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda / sost.: A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 192–196.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted July 01, 2022; approved after reviewing August 08, 2022; accepted for publication September 20, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Обзорная статья

УДК 93

doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-226-240

Надежда Степановна Нижник

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, n.nishnik@bk.ru

Екатерина Николаевна Козинникова

<https://orcid.org/0000-0001-5279-5384>, katerina_kozinnikova@mail.ru

Тимур Омарович Чукаев

<https://orcid.org/0000-0002-0611-192X>, timurchukaev@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

История Советского Союза в контексте научного анализа

**XIX Международная научная конференция
«Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития
(к 100-летию образования СССР)»
(28–29 апреля 2022 г., Санкт-Петербург)**

Аннотация: 28–29 апреля 2022 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась XIX Международная научная конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)», посвящённая важному событию в государственно-правовом развитии России – образованию Союза Советских Социалистических Республик.

В конференции приняли участие 322 учёных и практика, в числе которых 91 доктор наук и 158 кандидатов наук. 28 апреля 2022 г. в научном собрании участвовали граждане Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, Таджикистана, Литвы, Зимбабве, Конго; учёные и практические работники Российской Федерации из 52 городов, из 123 академических и образовательных организаций, а также организаций, осуществляющих практическую юридическую деятельность. 29 апреля 2022 г. в секции молодых исследователей приняли участие 227 исследователей – граждане России, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Сан-Томе и Принсипи; из 24 российских городов, 40 образовательных организаций. 147 докладчиков представили результаты своих исследований в очном формате.

Для обсуждения на конференции были вынесены вопросы, касающиеся: предпосылок образования и распада СССР; характеристики СССР как государства нового типа; особенностей формы государства – СССР; специфики организации и функционирования Советского государства; системы права и системы законодательства в СССР; места милиции в механизме Советского государства; формирования гражданского общества в СССР; форм взаимодействия государственных органов с обществом; развитие в СССР юридической науки и юридического образования; правовой культуры советского общества; форм самоорганизации общественности в СССР.

Участники конференции подчеркнули важность анализа государственно-правовой истории СССР для поиска путей совершенствования правового регулирования общественных отношений в современной России.

Ключевые слова: СССР, империя, федерация, республика советского типа, советское право, советское законодательство, юридическая наука в СССР, юридическое образование в СССР, правовая культура советского общества, общественные организации в СССР

Для цитирования: Нижник Н. С., Козинникова Е. Н., Чукаев Т. О. История Советского Союза в контексте научного анализа : XIX Международная научная конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)» (28–29 апреля 2022 г., Санкт-Петербург) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 226–240; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-226-240.

Nadezhda S. Nizhnik

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, n.nishnik@bk.ru

Ekaterina N. Kozinnikova

<https://orcid.org/0000-0001-5279-5384>, katerina_kozinnikova@mail.ru

Timur O. Chukaev

<https://orcid.org/0000-0002-0611-192X>, timurchukaev@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

History of the Soviet Union in the context of scientific analysis

XIX International scientific conference

«State and law: evolution, current state, development prospects

(on the occasion of the 100th anniversary of the formation of the USSR)»

(April 28–29, 2022, St. Petersburg)

Abstract: On April 28–29, 2022, the XIX International scientific conference «State and Law: Evolution, current state, development prospects (to the 100th anniversary of the formation of the USSR)» was held at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, dedicated to an important event in the state and legal development of Russia – the formation of the Union of Soviet Socialist Republics.

This conference was attended by 322 scientists and practitioners, including 91 doctors of sciences and 158 candidates of sciences. On April 28, 2022, the scientific meeting was attended by citizens of Belarus, Moldova, Kyrgyzstan, Tajikistan, Lithuania, Zimbabwe, Congo; scientists and practitioners of the Russian Federation from 52 cities, 123 academic and educational organizations, as well as organizations engaged in practical legal activities. April 29, 2022 The Young Researchers section was attended by 227 researchers – citizens of Russia, Belarus, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, São Tomé e Príncipe; from 24 Russian cities, 40 educational organizations. 147 speakers presented the results of their research in face-to-face format.

The following issues were discussed at the conference: prerequisites for the formation and collapse of the USSR; characteristics of the USSR as a new type of state; features of the form of the state – the USSR; specifics of the organization and functioning of the Soviet state; the system of law and the system of legislation in the USSR; the place of militia in the mechanism of the Soviet state; the formation of civil society in the USSR; forms of interaction of state bodies with development of legal science and legal education in the USSR; legal culture of the Soviet society; forms of self-organization of the public in the USSR.

The conference participants stressed the importance of analyzing the state and legal history of the USSR to find ways to improve the legal regulation of public relations in modern Russia.

Keywords: USSR, empire, federation, Soviet-type republic, Soviet law, Soviet legislation, legal science in the USSR, legal education in the USSR, legal culture of Soviet society, public organizations in the USSR

For citation: Nizhnik N. S., Kozinnikova E. N., Chukaev T. O. History of the Soviet Union in the context of scientific analysis: XIX international scientific conference «State and law: evolution, current state, development prospects (on the occasion of the 100th anniversary of the formation of the USSR)» (April 28–29, 2022, St. Petersburg) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 226–240; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-226-240.

Проведение научных форумов исследователей в области теории и истории государства и права в Санкт-Петербургском университете МВД России является традиционным [1–11]. XIX Международная научная конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)» в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась 28–29 апреля 2022 г. и была посвящена важному событию в государственно-правовой истории России – образованию Союза Советских Социалистических Республик.

Ретроспективный разносторонний комплексный анализ советской истории современными исследователями позволяет выявить последствия и уроки существования СССР. Поэтому для обсуждения на конференции были вынесены различные вопросы, в числе которых: предпосылки образования СССР; характеристика СССР как государства нового типа; особенности формы государства – СССР; специфика организации и функционирования Советского государства; система права и система законодательства в СССР; место милиции в механизме Советского государства; формирование гражданского общества в СССР; формы взаимодействия государственных органов с обществом; развитие юридической науки в СССР; развитие юридического образования в СССР; правовая культура советского общества; образ мили-

цистов позволяет выявить последствия и уроки существования СССР. Поэтому для обсуждения на конференции были вынесены различные вопросы, в числе которых: предпосылки образования СССР; характеристика СССР как государства нового типа; особенности формы государства – СССР; специфика организации и функционирования Советского государства; система права и система законодательства в СССР; место милиции в механизме Советского государства; формирование гражданского общества в СССР; формы взаимодействия государственных органов с обществом; развитие юридической науки в СССР; развитие юридического образования в СССР; правовая культура советского общества; образ мили-

ционеру в общественном сознании в СССР; развитие представлений о правовом государстве и гражданском обществе в СССР; формы самоорганизации обществ в СССР; причины распада СССР; уроки советской истории.

Для обсуждения проблемных вопросов ретроспективного и теоретико-правового анализа, касающихся государства и права в СССР, 28 апреля 2022 г. в рамках конференции объединились учёные и практикующие юристы – исследователи России, Беларуси, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Конго, Зимбабве.

Широка география российских участников конференции, направивших свои работы из Барнаула, Белгорода, Брянска, Великого Новгорода, Владивостока, Владикавказа, Владимира, Волгограда, Вологды, Гатчины, Екатеринбурга, Ивановы, Иркутска, Казани, Калининграда, Кемеровы, Костромы, Краснодар, Красноярск, Кургана, Курска, Липецка, Магнитогорск, Москвы, Мурина, Нижнего Новгорода, Новороссийска, Новосибирска, Омска, Орла, Перми, Пскова, Ростова-на-Дону, Рязани, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Симферополя, Тамбова, Твери, Ульяновска, Уфы, Хабаровска, Челябинска, Ханты-Мансийска.

В обсуждении поставленных на конференции вопросов приняли участие 322 человека – учёные, научно-педагогические работники и исследователи, осуществляющие практическую деятельность. В их числе: доктора юридических (51), исторических (33), педагогических (2), философских (3), политических (1), технических (1) наук; кандидаты юридических (96), исторических (45), философских (3), педагогических (9), политических (1), социологических (1), экономических (2) наук, кандидат культурологии; профессора (121), доценты (198) [12, с. 38–49].

29 апреля работала секция молодых исследователей, в которой приняли участие курсанты, слушатели, студенты, магистранты (227 участников из 24 российских городов, 40 образовательных организаций; 147 докладчиков представили результаты своих исследований в очном формате). В работе конференции приняли участие *граждане* России, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Сан-Томе и Принсипи, российские *исследователи* из Белгорода, Владимира, Волгограда, Гатчины Ленинградской области, Екатеринбурга, Ивановы, Иркутска, Калининграда, Кирова, Краснодар, Липецка, Миллерова Ростовской области, Москвы, Мурина Ленинградской области, Нижнего Новгорода, Великого Новгорода, Новокузнецка, Орла, Пскова, Рязани, Санкт-Петербурга, Уфы, Челябинска, Шахт Ростовской области [13, с. 29–33].

Пленарное заседание конференции открыл **М. В. Бавсун**, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, который отметил роль и значение ежегодной Международной научной конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития» как постоянной научной площадки, на которой учёные и практические работники обсуждают актуальные проблемы современной теоретико-правовой и историко-правовой науки.

Организатор конференции Н. С. Нижник, начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, сообщила, что доклады и выступления участников научного форума нашли отражение в двух частях электронного сборника материалов конференции, подготовленных в Санкт-Петербургском университете МВД России [14; 15].

В. Ю. Бельский, профессор кафедры философии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор философских наук, профессор, подчеркнул, что формирование новой социальной перспективы общественного развития сегодня актуализирует процесс переосмысления советского правопонимания и государственности как варианта политико-правового развития общества [16]. В. Ю. Бельский отметил, что следует дать научную характеристику советского права, избегая как его демонизации, так и апологетики. Советская государственность в целом также должна быть понята как определённый этап, фаза развития российской цивилизации, а также как этап цивилизационного развития человечества [16, с. 1646].

И. Л. Честнов, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, представляя опыт критического осмысления марксистской методологии права, отметил, что «единственно верной» идеологией, господствовавшей в СССР, считался марксизм. Марксистская методология официально признавалась основанием советского социалистического права и его исследований. Актуальный марксизм как методология, задающая онтологию, в том числе права, не может не учитывать трансформации, происходящие в мире. В результате учение об экономической обусловленности социальной жизни, о классах и классовой борьбе, базе и надстройке и другие положения классического марксизма сегодня подвергаются справедливой критике и заменяются (постепенно) гораздо более адекватными историческому и социокультурному контексту положениями постмарксизма [17]. К ним И. Л. Честнов относит идеи системного, аутопойетического детерминизма, включающего идею умеренного социального конструктивизма, гегемонии А. Грамши и сверхдетерминации Л. Альтюссера, провозгласившие активность надстроечных элементов. Переосмысливая идеи аутентичного марксизма, И. Л. Честнов полагает, что в новых условиях постиндустриального капитализма, изменяется картина мира и основные представления о пространстве и времени, о детерминизме и свободе, о праве и государстве [17, с. 1640–1641].

В. И. Павлов, докторант научно-педагогического факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Минск), кандидат юридических наук, доцент, в докладе «Проблема правопонимания в динамике методологии правового познания: от советского к постсоветскому этапу» подчеркнул, что формирование современной русскоязычной юриспруденции связано с целым рядом различных факторов, одним из которых выступает культурно-исторический контекст её появления. Распад Советского Союза, отказ от большинства методологических подходов в гуманитаристике привели к аналогичным процессам и в правоведении [18]. Традиция понимания правовой реальности, которая господствовала в советской юриспруденции, как её нередко называют сегодня – этатистским позитивизмом, была признана правовой теорией эпохи авторитаризма и утратила свое господство. Вместе с тем даже после трёх десятилетий развития постсоветской юридической науки следует констатировать наличие преемственности постсоветской юриспруденции по отношению к советскому правоведению по целому ряду направлений, в том числе в части использования понятийно-категориального аппарата, а также отчасти и доктринального юридического мышления [19, с. 1735–1736]. Немаловажным обстоятельством В. И. Павлов считает и то, что большинство ведущих современных правоведов сформировались

в советскую эпоху. В первое десятилетие после распада СССР правоведам пришлось решать одновременно несколько серьёзных задач: нужно было переосмыслить отношение к правовому познанию; определить собственную исследовательскую позицию; провести ревизию собственных научных взглядов на ключевые юридические тексты советской эпохи; теоретикам и философам права предстояло осознать состояние современной западной правовой мысли, которая, как известно, в советском правоведении воспринималась в основном негативно [18, с. 9]. Указанные методологические задачи должны были решаться прежде всего в рамках общетеоретической юриспруденции, и это существенно осложнило реализацию общеметодологической функции постсоветской общей теории права в отношении отраслевого юридического знания [19, с. 1736–1737]. Вместе с тем ситуация формирования постсоветской юриспруденции, несмотря на необходимость решения многоплановых задач, содержит в себе и новые возможности для развития правовой науки [18, с. 9–10].

На проблемы правопонимания и особенности советского нормативизма обратил внимание **В. В. Денисенко**, профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, который подчеркнул, что советское нормативное правопонимание обладает всеми признаками научной парадигмы [20]. Основа парадигмы – наличие некоего достижения, значительного по содержанию и способного решать определённые задачи. Парадигма должна стать признанной, в частности, войти в учебные пособия и приниматься без доказательств. Советский нормативизм (или «советский легизм», если использовать термин В. С. Нерсесянца), по мнению В. В. Денисенко, этим требованиям отвечает [20, с. 1646]. Начиная с учебника С. А. Голунского и М. С. Строговича и до настоящего времени парадигма нормативизма в его советском варианте транслируется в абсолютном большинстве отечественных учебных пособий по теории государства и права. Что касается научного базиса отечественного нормативизма, то он присутствует. Ряд положений данной парадигмы позволяют развивать данную модель через общий, рамочный характер концепции. В частности, психологизм советского нормативизма, связанный с указанием категории воли народа или класса, или общества, тем самым предоставляет широкие полномочия критике действующего законодательства как системы, не в полной мере отражающей содержание общественного сознания. Акцент на государственном правовом регулировании приводит к специфике понимания неофициальных регуляторов в обществе. В настоящее время в отечественной юриспруденции наблюдается плюрализм различных подходов к пониманию права. Наряду с нормативным подходом советского типа, выделяют ряд иных подходов, прежде всего коммуникативную теорию права и либертарно-юридическую теорию права.

В. В. Денисенко полагает, что нормативный подход к праву остаётся весьма востребованным в отечественном научном дискурсе. В связи с этим изучение советского подхода к сущности права представляет собой не только культурно-исторический интерес. Ценность изучения советского нормативизма заключается в осмыслении идеологических основ сущности права. Идеи нормативного понимания права не равны идеям позитивизма, поэтому методология нормативных систем представляется интересной тематикой для дальнейших научных исследований. Сложившийся в СССР тип понимания права В. В. Денисенко характеризует как особый тип теоретико-правовой парадигмы, исследование кото-

рой в современный постсоветский период видится весьма ценным [20, с. 1647].

А. И. Клименко, начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, оценивая возможности эволюции государственности – от капиталистического правового государства к государству социалистическому, отметил, что СССР провозглашал себя социальным государством; многие современные капиталистические государства провозглашают себя социальными [21]. Следуя идеалам социального государства, капиталистическое государство обеспечивает социальную справедливость или её видимость. Социальная политика современных государств реализуется преимущественно по остаточному принципу и не является основой их общей политики. В период кризисов и экономических потрясений именно социальная политика становится «первой жертвой» экономики. Однако для тех, кто помнит опыт государственного строительства СССР и считает этот опыт полезным и достойным внимания, остается актуальным вопрос о том, возможно ли достичь и в какой мере тех высот социальной политики, которую демонстрировало Советское государство. И соответственно, может ли государство служить обществу так, как служило ему Советское государство, и создавать такую основу для развития свободной творческой личности в самых лучших социализированных её проявлениях, какую создавало Советское государство.

А. И. Клименко полагает, что капиталистическое государство, каким бы социальным в отношении реализации своей политики оно ни было и как бы эффективно оно ни обосновывало через идеологические механизмы своё социальное качество, не может выйти за пределы логики капиталистической социально-экономической формации [21, с. 2103]. Современное капиталистическое государство весьма адаптивно. Однако любая форма адаптации имеет свои пределы, в рамках которых политико-правовая форма может существовать и эффективно функционировать, не утрачивая своё качество. И без существенной трансформации, а именно той трансформации, которую можно назвать качественной, капиталистическое государство уже не может быть релевантным меняющимся социальным и экономическим реалиям.

Стабильное движение государства к социальному прогрессу А. И. Клименко считает несомненно важным и желанным [21, с. 2107]. Однако остаются открытыми вопросы: будет ли изменение самих правовых ценностей обязательно направлено на прогресс и от каких факторов это зависит? Насколько сознательны правящий класс для того, чтобы терпеть издержки правового государства взамен стабильности? Не захочет ли он снова получить в свои руки послушный, хоть и не всегда достаточно эффективный в современных условиях инструмент классового господства [21, с. 2107–2108]?

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, обратил внимание на проблемы правовой трансформации от советской стабильности к неопределённости постмодерна и подчеркнул, что трансформация правового регулирования становится неизбежной, во-первых, в условиях отказа от прежних ценностей, а, во-вторых, в ситуации жёсткого переформатирования общественных отношений, которое как раз и происходит в связи с отмеченным в первом случае обстоятельством [22]. Его появлению, полагает М. В. Бавсун, современное общество во многом обязано искусственно сформированному тренду под названием «постмодерн», суть

которого сводится к отказу от прежних достижений и ценностей, а отрицание выступает чуть ли не центральной идеей всего явления. Свои «достижения» постмодерн в полной мере распространил и на процесс правового регулирования, который оказался подвержен трансформации как напрямую, так и опосредованно через изменения общественных отношений, требующих соответствующего, уже иного, регулирования.

Неопределённость формирования общественных отношений в условиях отрицательных значений не может создавать предпосылки для её позитивных проявлений в сфере правового регулирования [23; 24]. Современный концепт развития общества оказывает доминирующее воздействие на всю правовую сферу, неопределённость которой не может иметь иного значения, всё больше оказываясь в отрицательных показателях. Постмодерн сделал главное – задал новый тренд «развитию» правового регулирования, начиная от обучения его основам в учебных заведениях всех уровней, заканчивая формированием законодательного материала и его последующим применением в практической деятельности органов исполнительной власти. Позитивное начало неопределённости, подчеркивает М. В. Бавсун, оказалось под негативным влиянием процесса трансформации общественных отношений, динамика которых на фоне продвижения идей постмодерна оказалась в сфере их прямого влияния [22, с. 1660; 24].

М. В. Баранова, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, оценивая специфику, опыт и перспективы эволюционных процессов и преемственных связей в правовой культуре России, подчеркнула, что в настоящее время с высокой долей уверенности можно констатировать наличие «общих современных трендов» в развитии права и правовой доктрины, проявляющихся в конвергенции научного знания о праве, диффузности изысканий и идей [25]. В этих условиях происходит генезис новых традиций, закрепляющих видоизменённые представления и элементы юридической практики. Правовая политика придаёт характерности инновационным достижениям в праве. Ценность здесь выступает одним из возможных, но весьма противоречивых и неоднозначных критериев истинности властных велений, необходимых для проведения программируемых преобразований.

М. В. Баранова констатировала, что в российской правовой науке исследования преемственности в праве вызвали и вызывают пристальный интерес правоведов. Понятия «правовая аккультурация», «рецепция» и «конвергенция» тесно соприкасаются, даже «переплетаются» с понятием «преемственность». Системный анализ этих смежных категорий позволяет заключить, что они отражают подходы к восприятию связей во времени и пространстве [25, с. 1916]. «Правовая аккультурация» является одной из базовых категорий правовой культуры и традиционно понимается как процесс взаимодействия правовых систем, приводящий к их изменению, взаимному или дифференцированному усвоению ими новых элементов. Результатом глобального процесса правовой аккультурации является рецепция государственных властных установлений, юридических конструкций, концепций, дефиниций, правовых принципов. В настоящее время подходы к пониманию преемственных связей колеблются от отождествления преемственности, рецепции и правовой аккультурации до размежевания этих

понятий. Сохраняет актуальность вопрос разграничения преемственности и рецепции как основных видов преемственных связей [25, с. 1917].

Н. А. Колоколов, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почётной отставке), характеризуя предпосылки, регламенты и результаты судебных реформ в России в 1864–2022 гг., подчеркнул, что судебная власть в рамках пролетарской диктатуры – частный случай проявления власти вообще, она – одна из форм государственной власти [26]. Судебная власть – метафизическая и историческая реальность, уникальные и в то же время закономерно возникающие общественные отношения, социальная природа которых заключается в потенциальной способности человечества, опираясь в своей деятельности на такую социальную ценность, как право, посредством только одному ему ведомых средств, речи, символов и знаков мобилизовать свои ресурсы для разрешения определённых категорий социальных конфликтов.

Суд (судебная система) – это аппарат судебной власти, особые государственные учреждения (по сути своей уникальная особая форма государственно-властных правоотношений организационно-структурного характера), специфическим образом катализирующие процесс государственного управления при разрешении социальных конфликтов [26, с. 517]. При разрешении конкретного социального конфликта суд – государственное учреждение выступает не только носителем судебной власти, но и субъектом процесса. Судебная власть – ресурс диктатуры пролетариата, который необходим ей для осуществления каких-либо определённых целенаправленных действий. Феномен судебной власти многогранен и может быть охарактеризован как директивный (в соответствии с которым судебная власть понимается как реальное господство, имеющее материальное составляющее уже в силу того, что она является знанием целого народа, целой нации), технологический (совокупность социальных практик, позволяющих реализовать потенцию государственной власти в рамках разрешения конфликтных ситуаций), коммуникативный (судебная власть – это язык, понятный всем субъектам государственно-правового властеотношения). Об авторитете судебной власти, полагает Н. А. Колоколов, ни в коем случае нельзя судить по авторитету конкретных судебных учреждений, поскольку судебная власть – это общественные отношения в целом, а об авторитете конкретного судебного учреждения судят обычно по качеству работы отдельных чиновников [26, с. 535–536]. Причём не исключено, что авторитет конкретных чиновников от правосудия может быть исключительно высок, в то время как уровень авторитета судебной власти в целом – низок.

А. А. Дорская, заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор посвятила свой доклад проблеме переживания истории советского периода как способу самоидентификации государств и народов. А. А. Дорская отметила, что во второй половине XX в. наметился новый процесс – оценка исторических событий, которые были несколько десятилетий назад. В этом контексте учёными, исследующими социальные травмы, используется термин «переживание» истории [27]. Современные исследователи полагают, что тяжёлая, конфликтная память о травматическом опыте может передаваться «по на-

следству», причём как через изменение коллективных «генов», так и повторяющиеся семейные нарративы, однако её преодоление возможно, но для этого должна проводиться последовательная «терапия», в том числе посредством правового регулирования. А. А. Дорская привела примеры переживания истории на современном этапе, где это стало важнейшим способом самоидентификации государств и народов в силу разных причин [27, с. 1688–1689]. Для России как страны, в которой за прошлое столетие два раза произошла коренная смена государственного строя и даже серьёзное изменение территории, необходимо было определиться с двумя основными вопросами: 1) правопреемство – может ли Российская Федерация рассматривать себя как правопреемница и Российской империи, и Советского Союза, и 2) сохранение памяти о подвиге народа в Великой Отечественной войне, которая является одним из ключевых государствообразующих исторических событий, объединяющих не только россиян, но и народы, проживавшие в СССР, странах Восточной и Центральной Европы. Процесс переживания истории советской эпохи идёт в разных странах, и порой он принимает по характеру культивирования социальной травмы, возникшей в прошлом, то отрицания позитивных аспектов развития в данный период, то переосмысления событий этого времени с точки зрения объективной эволюции государства и общества. Право как универсальный социальный регулятор должно способствовать преодолению травмирующих событий прошлого, создавать условия для того, чтобы совершённые ранее действия служили уроком, а не становились причиной возникновения новых конфликтов между государствами, конфронтации между народами. В этом смысле официальная политика памяти, закрепляя на государственном уровне отношение к важнейшим историческим событиям, должна служить цементирующим началом для государства и общества [27, с. 1680].

М. А. Кожевина, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, охарактеризовала модернизацию как историко-правовую проблему, подчеркнув, что советская модернизация (октябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.) по целям, средствам и результатам является продолжением модернизации имперской [28, с. 1680–1682]. Наблюдается преемственность процесса формирования рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализация, урбанизация, демократизация семьи, эмансипация женщин и детей. В то же время в отдельных аспектах советская модернизация отклоняется от классической модели, в частности, выделяются следующие черты: приоритет государства над обществом, примат коллектива над личностью, ограничение свободы индивидуума, централизация, планирование, «вся страна превратилась в большую общину и во многом действовала на её принципах». Сегодня, подчеркнула М. А. Кожевина, в совокупности с вопросом о традиционном и инновационном в государственно-правовом развитии Советской России стоит вопрос о модернизации советского государственно-механизма, структуры советской правовой системы, об источниках советского права, о преемственности в правотворчестве и о его юридино-технических особенностях [28].

Модернизация каждого государства и общества имеет «свой сценарий» развития, поэтому выделяется несколько моделей. Например, модели вестернизационной, элитарной, реактивной, маятниковой, инверсионной модернизации. Выбор модели влияет на выбор темпов и методов осуществления преобразований,

а также на круг и иерархию участников модернизационных процессов. Вместе с тем выбор модели зависит и от приоритетов государственной власти, поэтому модернизация тесно связана с такими явлениями, как реформы и революции, напрямую или опосредованно влияющими на последовательность и глубину переустройства общественной жизни [28, с. 1683]. Раскрыть правовую составляющую этих процессов – задача историко-правовой науки, и наиболее эффективным средством видится сравнительный метод. Такое сравнение полезным не только в выборе траектории дальнейшего развития российского государства и российского права, но и в определении вектора творческого поиска отечественной историко-правовой науки [28, с. 1685].

Т. Ф. Ящук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор, обратила внимание на проблемы систематизации советского законодательства, выделив три его основных периода [29]. Первый период начинается непосредственно после создания советского государства и продолжается до конца 1920-х годов. Переход ко второму периоду связан с завершением нэпа, утверждением тоталитарного политического режима, который сохранялся до смерти И. В. Сталина. На содержание третьего периода повлияли демократические преобразования, развернувшиеся под влиянием решений XX съезда КПСС, а позднее, в 1970-е годы – бюрократизация общественных и государственных отношений.

Т. Ф. Ящук отметила, что первые советские кодексы («Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» и «Кодекс законов о труде») появились в 1918 г. Их значение заключалось не только в том, что они на демократических и гуманистических принципах урегулировали определённые области общественных отношений, но и в том, что они определили кодификацию как перспективный способ законотворчества [29, с. 1217]. С переходом к нэпу были кодифицированы основные отрасли советского права. Подготовлены и утверждены «Уголовный кодекс РСФСР», «Гражданский кодекс РСФСР», «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», «Гражданский процессуальный кодекс РСФСР», «Земельный кодекс РСФСР», «Лесной кодекс РСФСР», «Исправительно-трудовой кодекс РСФСР». Состоявшаяся кодификация заложила основы системы советского права, сформировала её отраслевую структуру. Появилась возможность продолжить систематизацию законодательства уже в виде предметной инкорпорации. В 1949 г. издано хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, составление которого началось ещё в довоенные годы. В 1977–1982 гг. издано Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР, насчитывавшее 19 томов. Завершающим действием в систематизации законодательства Т. Ф. Ящук считает составление сводов законов союзного и республиканского уровней. Они были созданы в самом конце советского периода: Свод законов СССР издан в 1980–1985 гг.; Свод законов РСФСР – в 1984–1988 гг. [29, с. 1223].

Д. И. Раскин, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, сформулировал новую научную проблему – предпосылки федеративного устройства в традиционной государственности Российской империи и отметил, что, хотя в основе административно-территориального деления дореволюционной России лежал принцип исторически сложившихся

территорий, а в советское время возобладал принцип национально-государственных образований, границы последних (особенно в начальный период советской истории) во многом устанавливались исходя из границ дореволюционных краев, генерал-губернаторств и областей. Например, границы Казахской АССР (а затем и союзной Казахской ССР) включили в себя в основном области, составлявшие дореволюционный Степной край (Степное генерал-губернаторство) [30]. На иерархии национально-государственных образований в РСФСР и некоторых других союзных республик (автономная республика, автономная область, национальный округ) явно повлияла иерархия административно-территориального деления Российской империи (наместничество, край или генерал-губернаторство – область – округ) и даже иерархия «иностранцев» (по учреждению для управления губерний Сибирских). Сложность и иерархичность состава советских национально-государственных образований сохранялась и даже усугублялась по мере появления новых единиц (прежде всего у так называемых малых народов или у народов, не имевших ранее собственной государственности) [30, с. 136].

Д. И. Раскин обратил внимание на то, что система государственного управления в своей эволюции обладает относительной самостоятельностью по отношению к социально-экономическим и иным факторам. Именно такой подход позволяет поставить вопрос об исторических корнях федеративного устройства России (а также устройства союзного государства СССР). Решение этого вопроса требует дальнейших конкретных исследований [30, с. 137–138].

А. С. Туманова, профессор Департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, обратившаяся к анализу правовых основ функционирования общественных организаций в 1920-е годы, подчеркнула, что Октябрьское вооруженное восстание 1917 г. не только разрушило государственный аппарат старой России, но и существенно трансформировало систему общественных организаций [31]. По отношению к активно формировавшемуся в дореволюционные годы гражданскому обществу Советская власть применила классовый дифференцированный подход.

Образование СССР породило потребность законодательно установить режим создания общесоюзных общественных организаций. Для регистрации общесоюзной организации следовало получить разрешение на её создание. Проект устава общесоюзного общества представлялся на утверждение в СНК СССР, а регистрация обществ и надзор за ними осуществлялись НКВД союзных республик, поскольку общесоюзного НКВД в 1920-х годах не существовало. Правовая регламентация затронула также вопросы внутренней жизни обществ [31, с. 2137]. Очередным этапом идеологического подчинения обществ явилось решение о стандартизации их уставов. В мае 1923 г. НКВД, Наркомат юстиции и Наркомат просвещения утвердили разработанный ими нормальный (типовой) устав для научных, научно-художественных и литературных обществ, а в начале 1925 г. Наркомпросом был разработан новый нормальный устав для научных и литературных обществ. Формализация уставных норм обществ была завершена в 1928 г., когда НКВД утвердил и опубликовал три варианта типовых уставов: для обществ с отделениями, для обществ без отделений и для союзов. Практика составления типовых уставов частных обществ была не новой и отнеслась еще к правотворчеству дореволюционных министерств [31, с. 2142–2143].

А. С. Туманова подчеркнула, что в первой половине 1920-х годов произошел переход от явочного порядка учреждения добровольных обществ и союзов, установленного Временным правительством, к разрешительному режиму их образования. Данная тенденция получила развитие во второй половине 1920-х – 1930-х гг., когда общественные организации стали активно вовлекаться в социалистическое строительство [31, с. 2145].

К. П. Краковский, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы права Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), доктор юридических наук, доцент, обратился к анализу советской государственной службы и отметил, что ключевым атрибутом, condition sine qua non для юридического анализа является нормативный правовой акт [32]. Применительно к исследованию государственной службы советского периода, полагает К. П. Краковский, приходится признать дефицит правового регулирования, который имеет свои исторические основания, идеологические и теоретические обоснования и управленческие последствия.

Основной причиной правовой неопределённости института государственной службы в Советской республике была убежденность партийно-государственного руководства, особенно свойственная ему на «заре Советской власти», во временном характере государства. Подобная убежденность предполагала рассмотрение государственной службы как временного явления, подлежащего отмиранию в недалеком коммунистическом будущем вместе с государством. Развитие демократии, широкое вовлечение трудящихся в управление государством и ряд иных тезисов о коммунистическом будущем должны были, по мнению идеологов советского строя, сделать со временем профессию и функции государственного служащего излишними [32, с. 480–481].

К. П. Краковский подчеркнул, что действие номенклатурного принципа формирования и руководства государственной службой создавало угрозы (ставшие реальностью) произвола партийных руководителей, беззащитности государственных служащих на всех ступенях государственного аппарата. Более того, считает К. П. Краковский, у служащих в их профессиональной карьере опасностей всегда больше, чем у рабочего или крестьянина: последних от станка и из поля не «зачистишь», а госслужащего из кабинета – легко. Причины и поводы для «зачистки» находить было несложно с учётом того, что всё формирование и функционирование государственного аппарата находилось под партийным контролем [32, с. 486].

Л. И. Беляева, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, обратила внимание на формирование в России основ управления исполнением уголовных наказаний после Гражданской войны, подчеркнув, что к концу 1920-х годов в стране сложились правовые, организационные, ресурсные основы управления исполнением уголовных наказаний [33]. При этом многие их положения явно опережали время и сохраняют актуальность до сих пор, например, о прогрессивной системе исполнения наказаний, об оказании помощи лицам, освобождаемым из мест заключения, о материальном обеспечении личного состава учреждений, исполняющих наказания. К тому же созданный в рассматриваемый период первый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, по мнению

многих специалистов в области уголовно-исполнительного права, является одним из лучших в его истории [33, с. 1077–1080].

Л. И. Беляева отметила, что многие положения правовых и организационных основ управления исполнением уголовных наказаний в силу недостаточности ресурсного, материально-технического обеспечения не могли быть реализованы и оказывались оторванными от реальной практической деятельности, а реформирование системы исполнения наказаний не может иметь успеха, если в должной степени не обеспечено ресурсами: кадровыми, финансовыми, материально-техническими [33, с. 1086].

В. П. Мотревич, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, обратил внимание на состояние советских судов и прокуратуры в годы Великой Отечественной войны и отметил определённую закономерность при соотношении полового и возрастного состава судей и прокуроров [34]: чем моложе возраст, тем выше была доля женщин среди них. Так, в Башкирии среди судей и прокуроров в возрасте от 40 до 49 лет женщин было 7,7 %, в возрасте от 30 до 39 лет – 10,5 %, а в возрасте от 20 до 29 лет – 19,3 %. Примерно такая же ситуация отмечалась и в других районах края. В Удмуртии, например, доля женщин среди судей и прокуроров в возрасте от 40 до 49 лет составляла 6,3 %, а в возрасте от 30 до 39 лет – 17,1 %, в Чкаловской области соответственно 5,3 % и 17,4 %. Переписи населения позволили исследовать состав населения не только в республиках, краях и областях Союза ССР, но и в масштабе отдельных городов и районов. Они свидетельствуют, что в Свердловске, например, насчитывалось 135 судей и прокуроров, из них 108 мужчин и 27 женщин. Доля женщин среди судей и прокуроров в областном центре оказалась значительно больше, чем в среднем по региону и составляла 20 %. Выше, чем в среднем по региону, оказался и их образовательный уровень. Высшее образование имели 14 человек (10,4 %), что было следствием существования в областном центре юридического института, 65 (48,2 %) были со средним образованием. Что касается возрастного состава судей и прокуроров в областном центре, то он оказался примерно таким же, как и других городах и районах края: 51 из них (37,8 %) были в возрасте от 20 до 29 лет, еще 59 человек (43,7 %) в возрасте от 30 до 39 лет. Великая Отечественная война способствовала изменению в составе органов охраны правопорядка [34, с. 625–627].

Б. Н. Ковалев, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук, профессор, вновь обратил свое внимание на историю Великой Отечественной войны и начал своё выступление с анализа цитаты из сообщений о первых днях Великой Отечественной войны: «Через несколько дней после предательского нападения Германии на СССР министр иностранных дел Испании Серрано Суньер в речи, произнесённой с балкона здания национального комитета испанской фаланги на улице Алкала, 42, в Мадриде, перед демонстрацией испанских студентов призвал испанское юношество к борьбе против коммунизма, к защите святой религии, присоединению к всеобщему крестовому походу против большевизма» [35]. Испания стала «нейтральным» союзником нацистской Германии в Великой Отечественной войне.

4 октября 1941 г. испанская «Голубая дивизия» прибыла в район Новгорода и заняла фронт на участке Новгород – Теремец. По железной дороге испанские части перебросили к Шимску. В ночь с 11 на 12 октября первый батальон занял позиции на передовой вместо

немецких 18-й и 126-й дивизии. «Голубая дивизия» отвечала за участок фронта протяжённостью почти 60 км, от Лубково на западном берегу Волхова, до Курицко, на западном берегу Ильмена. Штаб Муньоса Грандеса расположился в Григорово, к северо-западу от Новгорода [35, с. 952–953].

Успешное наступление советских войск под Москвой в конце 1941 г. заставило гитлеровцев и их союзников менее оптимистично смотреть в будущее. В начале 1942 г. обстрел Новгорода с советской стороны заметно активизировался. Испанцы стали нести новые потери. В августе 1942 г. их перевели под Ленинград, где они приняли участие в блокаде города. Однако в конце 1943 г., почувствовав грядущий разгром нацистской Германии, Ф. Франко вывел «Голубую дивизию» с Восточного фронта. Остались воевать только наиболее фанатичные нацисты и фалангисты, которые были объединены в «Голубой легион», канонично разбитый советскими войсками в Берлине в 1945 г. Исследования истории «Голубой дивизии» открывают новое в летописи СССР и Великой Отечественной войны [35, с. 953].

В. А. Иванов, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, посвятил доклад влиянию факторов «холодной войны» на воспитание политической бдительности у сотрудников органов внутренних дел [36]. В. А. Иванов отметил, что в СССР в годы холодной войны империализм как высшая стадия капитализма представлялся глобальным пороком государственно-правовой жизни современной цивилизации, источником кризисов, конфликтов и истребительных войн. Причём страны, лидеры этого мира, не скрывали своей сути, создав в послевоенные годы и реализовывая на деле программу его конвергенции в «доимпериалистический мир» [36, с. 1940–1942]. Увлечь и разложить изнутри «советских язычников и идолослужителей» предлагалось широким набором средств (от массовой идеологической пропаганды и психологической диверсии до различных безделушек в импортной упаковке и т. п.). И хотя эти средства и были в целом адресными, В. А. Иванов считает, что в «падении СССР» их роль была ничтожна.

На переднем крае идеологической борьбы с враждебным влиянием на советское общество империалистического окружения оказались и советские органы внутренних дел. В условиях обострения холодной войны, инициатором и постоянным источником которой были империалистические группы, круги, кланы и элиты, они проявляли высокую политическую бдительность, дорожили высоким званием защитника закона и порядка [36, с. 1944]. Трагические события октября 1993 г. в Москве подтвердили это.

О. В. Коновалова, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (Красноярск), доктор исторических наук, доцент, обратила свой исследовательский интерес на оценки политико-правового феномена Советской власти со стороны представителей социалистической эмиграции 1920-х годов [37] и подчеркнула, что эсерам, в отличие от большевиков, не удалось увидеть в совете уникальный политический феномен организации власти трудящихся в революционный период. Проведенный эсерами-эмигрантами группы «Революционной России» во главе с теоретиком и идеологом партии эсеров В. М. Черновым анализ трансформации политической системы в СССР, выявление в ней существенных противоречий, позволили эсерам-эмигрантам обосновать неизбежность крушения Советской власти [37, с. 1798–1799].

На конференции получили освещение вопросы, касающиеся развития субъектов федерации в СССР и значения советского опыта государственно-правового развития союзных республик в решении проблем современных суверенных государств.

Ценностные основания советской теории правосознания и их значение для развития современной Беларуси охарактеризовал **Е. И. Стабровский**, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь (Минск) [38]. Предметом исследования **Ю. П. Шкапелерова**, первого заместителя начальника Могилёвского института МВД Республики Беларусь, кандидата юридических наук, доцента, стали нормативные правовые акты, выступавшие основой уголовно-правовой политики государства в условиях становления Советской власти, и создание первых уголовно-процессуальных кодексов РСФСР и БССР [39]. На характеристику партийных и комсомольских организаций – элемента системы политико-воспитательной работы в рабоче-крестьянской милиции Белорусской ССР в 1931–1941 гг. обратил внимание **А. Н. Тютюнков**, начальник отдела организации научной, международной и издательской деятельности Могилёвского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь [40]. **И. Э. Мартыненко**, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь), доктор юридических наук, профессор, обратил внимание на белорусский советский и современный этап развития законодательства об охране памятников истории и культуры, выявив его особенности в чрезвычайных условиях распространения пандемии [41]. **И. А. Демидова**, заведующий кафедрой правовых дисциплин Могилёвского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент, обратила внимание на черты правовой культуры, сложившейся в СССР, и её роль в формировании общественной правовой культуры на постсоветском пространстве [42]. Черты системы ведомственного образования в СССР, этапы становления Могилёвского института МВД Республики Беларусь и особенности его развития в 1950-е годы охарактеризовал **В. В. Борисенко**, проректор по научной работе Могилёвского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь [43].

Ж. Т. Аширов, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. Алиева (Бишкек), кандидат юридических наук, обратился к рассмотрению эволюции конституционных прав и свобод человека и гражданина Кыргызской Республики, начиная с периода Советской власти [44], и пришел к выводу, что сформировавшиеся в русле естественно-правовых идей представления о прирожденных и неотчуждаемых правах человека лежат в основе и современных положений о правах человека и гражданина, современных концепций о правовом статусе человека и гражданина, о господстве права и верховенстве закона, о гражданском обществе и правовом государстве. Этот естественно-правовой подход (в современной модификации) нашёл своё признание в Конституции Кыргызской Республики, согласно которой именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью [44, с. 746]. Богатый опыт советского прошлого, полагает Ж. Т. Аширов, позволяет лучше понять и логику формирования и развития идей прав и свобод человека и гражданина, и проблемы на пути к практическому воплощению этих общечеловеческих ценностей в современных условиях. Все Конституции Кыргызской Республики содержали достаточно полный объём прав и свобод человека, закреплённый международными документами, а также гарантии провозглашённых прав и свобод [44, с. 753–754].

А. Р. Абдулло, начальник кафедры организации тактики ОРД факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан (Душанбе), кандидат юридических наук, и **У. К. Каримзода**, старший научный сотрудник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Академии МВД Республики Таджикистан (Душанбе), кандидат юридических наук, охарактеризовали процесс становления правоохранительной системы Таджикистана, обратив внимание на советский период ее развития [45], подчеркнув, что нормативную составляющую правоохранительной системы Таджикской АССР составляли положения Конституции РСФСР (1918), Конституции СССР (1924), Конституции Узбекской ССР (1925, 1927), Положения о революционных трибуналах (1918); Положения о создании и деятельности народных судов (1918); Положения о Советской рабоче-крестьянской милиции (1919); Положения о создании судов Бухарской Народной Советской Республики (1934); Положения о создании Народного комиссариата юстиции и Государственной прокуратуры Таджикской АССР (1924); Положения о судеустройстве Узбекской ССР (1927); Положения о рабоче-дехканской милиции Таджикской АССР (1928); а также правовых предписаний, относящихся к различным отраслям публичного и частного права (государственному, административному, гражданскому, уголовному, гражданскому процессуальному, уголовно-процессуальному и др.) [45, с. 903]. Целью функционирования правоохранительной системы, закреплённой в нормативных актах, являлось создание необходимых условий обеспечения безопасного существования трудящегося населения и «построения ими коммунистического общества» [45, с. 900]. Несмотря на провозглашение демократизации общественной жизни, доминантой в правовом регулировании рассматривались государственный интерес и нормы публичного права. Объектно-деятельностная составляющая правоохранительной системы Таджикистана в составе СССР свидетельствовала о разнообразии средств и методов, используемых субъектами правоохранительной системы для обеспечения внутренней и внешней безопасности государства [46–48]. Функционирование правоохранительной системы имело плюралистический характер, определённый тем, что субъекты правоохранительной деятельности осуществляли охрану и защиту и публичных, и частных интересов [47; 49; 50]. Субъекты правоохранительной системы выполняли различные функции (охранительную; правоприменительную, хозяйственно-экономическую, функцию социального благоустройства; контрольную, регулятивную, информационно-аналитическую функции) [47; 50], опыт решения проблем в рамках которых широко используется в современном Таджикистане.

Основные направления деятельности отечественной полиции и формы её сотрудничества с российской полицией на постсоветском пространстве охарактеризовали офицеры полиции – выпускники Санкт-Петербургского университета МВД России **Л. Р. Мимтиод**, заместитель командира бригады специального назначения быстрого реагирования города Пуэнт-Нуар Республики Конго [51], и **Л. Долоба**, начальник (суперинтендант) оперативного отдела полиции Республики Зимбабве в районе Чивер города Чивху [52], которые подчеркнули, что профессиональное обучение полицейских в России является значимым фактором для эффективного выполнения ими служебных задач на родине [52, с. 1171].

Поставленные для обсуждения на конференции вопросы получили разностороннее освещение. Работа конференции может быть оценена как плодотворная и способствующая приращению научных знаний о становлении и развитии государственно-правовой системы России, о закономерностях и особенностях организации и функционирования государственно-правовых институтов СССР.

Список литературы

1. Лясович Т. Г., Нижник Н. С., Силкин Н. Н. Становление, эволюция и современное состояние полиции России как предмет научных исследований // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 141–163.
2. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 110–117.
3. Нижник Н. С. Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2018. – № 4 (40). – С. 57–72.
4. Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Полицейская деятельность: три века служения полиции Отечеству // Полицейская деятельность. – 2018. – № 5. – С. 1–51.
5. Нижник Н. С. Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2018. – № 4. – С. 94–106.
6. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: направления и формы партнерского взаимодействия (по материалам международной конференции) // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 4. – С. 43–48.
7. Нижник Н. С. Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции / сост. Э. Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 267–296.
8. Nizhnik N. 300 years in the service to the native land: specifics of the regional development of the police bodies in the Russian empire (on the materials of the jubilee international scientific conference held at St Petersburg university of the Ministry of internal affairs) // Historia provinciae – the journal of regional history. – 2019. – Т. 3. – № 1. – P. 505–522.
9. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Российская полиция: три века служения Отечеству // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 138–145.
10. Нижник Н. С. Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии ученых Академии управления МВД России в юбилейной Международной научной конференции) // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 1 (49). – С. 149–156.
11. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. История Российской империи в контексте теоретико-правового анализа (к 300-летию Российской империи) // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 186–195.
12. Нижник Н. С. От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 32–63.
13. Нижник Н. С. От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях. – Часть 2. Секция молодых исследователей: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, Е. Н. Козинникова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 23–41.
14. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – 2294 с.
15. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях. – Часть 2. Секция молодых исследователей: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, Е. Н. Козинникова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – 1079 с.
16. Бельский В. Ю., Золкин А. Л. Советское правопонимание и принцип классовой сущности государства // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1649–1655.
17. Честнов И. Л. Марксистская методология права: опыт критического осмысления // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1639–1643.
18. Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 560 с.
19. Павлов В. И., Дубрава Н. М. Советская теория толкования права и современная методология право-толковательной деятельности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1734–1743.
20. Денисенко В. В. Советский нормативизм как научная парадигма // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1644–1648.
21. Клименко А. И. От капиталистического правового государства к государству социалистическому: возможности эволюции государственности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 2101–2109.
22. Бавсун М. В. Правовая трансформация: от советской стабильности к неопределенности постмодерна // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образова-

ния СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1656–1663.

23. *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало российского права. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 328 с.

24. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015.

25. *Баранова М. В.* Эволюционные процессы и преемственные связи в правовой культуре России: специфика, опыт, перспективы // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1913–1919.

26. *Колоколов Н. А.* Судебные реформы 1864–2022 годов в России: предпосылки, регламенты, результаты // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 513–538.

27. *Дорская А. А.* Проблема переживания истории советского периода как способ самоидентификации государств и народов: правовой аспект // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1687–1695.

28. *Кожевина М. А.* Советская модернизация как историко-правовая проблема // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1679–1686.

29. *Яцук Т. Ф.* Этапы систематизации советского законодательства // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1216–1222.

30. *Раскин Д. И.* Предпосылки федеративного устройства в традиционной государственности Российской империи: к постановке проблемы // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 134–140.

31. *Туманова А. С.* Правовые основы функционирования общественных организаций в 1920-е годы // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 2135–2148.

32. *Краковский К. П.* Советская государственная служба: одновременно «виртуальный» и реальный институт // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 479–489.

33. *Беляева Л. И.* Формирование в России основ управления исполнением уголовных наказаний после Гражданской войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1076–1087.

34. *Мотревич В. П.* Судьи и прокуроры на Урале накануне Великой Отечественной войны: численность и состав // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 623–629.

35. *Ковалев Б. Н.* «Голубые» против СССР: «нейтральный» союзник нацистской Германии в Великой Отечественной войне // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 950–956.

36. *Иванов В. А.* Влияние факторов «холодной войны» на воспитание политической бдительности у сотрудников органов внутренних дел // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1939–1947.

37. *Коновалова О. В.* Политико-правовой феномен советской власти в оценках представителей социалистической эмиграции группы «революционной России» в 1920-е годы // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : в 2-х частях : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1797–1804.

38. *Стабровский Е. И.* Ценностные основания советской теории правосознания: современные перспективы // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1749–1755.

39. *Шкаплеров Ю. П.* Регламентация обыска и выемки в первых уголовно-процессуальных кодексах РСФСР и БССР // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1420–1427.

40. *Тютюнкoв А. Н.* Партийные и комсомольские организации как элемент системы политико-воспитательной работы в рабоче-крестьянской милиции Белорусской ССР в 1931–1941 годах // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 915–924.

41. *Мартыненко И. Э.* Белорусский советский и современный этап развития законодательства об охране памятников истории и культуры, его особенности в чрезвычайных условиях распространения пандемии // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1367–1381.

42. *Демидова И. А.* Социалистическая правовая культура: теоретическая конструкция и политико-правовая практика // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1920–1928.

43. *Борисенко В. В.* Важный этап становления Могилевского института МВД Республики Беларусь (1955–1958) // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1888–1896.

44. *Аширов Ж. Т.* Эволюция конституционных прав и свобод человека и гражданина в Кыргызской Республике // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 744–755.

45. *Абдулло А. Р., Каримзода У. К.* Правоохранительные органы Таджикской АССР: особенности организации и деятельности в 1924–1929 годах // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 896–905.

46. *Нижник Н. С., Абдулло А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние. – Душанбе. – 2021. – 476 с.

47. *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: специфика субъектного состава // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2017. – № 2/6. – С. 182–188.

48. *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Пореформенная Россия: формирование специфики повседневной деятельности органов охраны правопорядка в Туркестанском крае // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции / отв. ред. В. А. Веремченко, В. Н. Шайдулов. – Т. 3. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 237–243. – 368 с.

49. *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Политико-правовая организация общества как доминирующая детерминанта повседневности населения Таджикистана // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции / отв. ред. В. А. Веремченко. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2021. – С. 295–302.

50. *Каримзода У. К., Абдулло А. Р.* Регулирование конституционно-правового статуса иностранцев в советском Таджикистане // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1639–1643.

51. *Мимниод Р. Л.* Миссия полиции Республики Конго – обеспечение общественного порядка и безопасности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1165–1168.

52. *Долоба Л.* Основные направления деятельности полиции Республики Зимбабве // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1169–1171.

References

1. *Lyasovich T. G., Nizhnik N. S., Silkin N. N.* Stanovleniye, evolyutsiya i sovremennoye sostoyaniye politzii Rossii kak predmet nauchnykh issledovaniy // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. – 2018. – № 12. – S. 141–163.
2. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Problemy sovershenstvovaniya normativnoy osnovy i praktiki deyatelnosti politzii v Rossii // *Gosudarstvo i pravo*. – 2018. – № 4. – S. 110–117.
3. *Nizhnik N. S.* Effektivnaya deyatelnost' pravookhranitel'nykh organov – trebovaniye sovremennosti // *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan*. – 2018. – № 4 (40). – S. 57–72.
4. *Nizhnik N. S., Sidorenko N. S.* Politseyskaya deyatelnost': tri veka sluzheniya politzii Otechestvu // *Politseyskaya deyatelnost'*. – 2018. – № 5. – S. 1–51.
5. *Nizhnik N. S.* Politsiya – sub'yekt pravookhranitel'noy deyatelnosti sovremennoy gosudarstva // *Vestnik Karagandinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan im. Barimbeka Beysenova*. – 2018. – № 4. – S. 94–106.
6. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Politsiya i grazhdanskoye obshchestvo: napravleniya i formy partnerskogo vzaimodeystviya (po materialam mezhdunarodnoy konferentsii) // *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. – 2018. – № 4. – S. 43–48.
7. *Nizhnik N. S.* Ad'yunkty Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii: nauchno-issledovatel'skaya deyatelnost' v kontekste 300-letiya politzii Rossii // *Pravookhranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / sost. E. Kh. Mamedov*. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2019. – S. 267–296.
8. *Nizhnik N. S.* 300 years in the service to the native land: specifics of the regional development of the police bodies in the Russian empire (on the materials of the jubilee international scientific conference held at St Petersburg university of the Ministry of internal affairs) // *Historia provinciae – the journal of regional history*. – 2019. – T. 3. – № 1. – P. 505–522.
9. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu // *Gosudarstvo i pravo*. – 2019. – № 6. – S. 138–145.
10. *Nizhnik N. S.* Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu (ob uchastii uchenykh Akademii upravleniya MVD Rossii v yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii) // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. – 2019. – № 1(49). – S. 149–156.
11. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Istoriya Rossiyskoy imperii v kontekste teoretiko-pravovogo analiza (k 300-letiyu Rossiyskoy imperii) // *Gosudarstvo i pravo*. – 2021. – № 11. – S. 186–195.
12. *Nizhnik N. S.* Ot redaktora // *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh. Materialy XIX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 32–63.
13. *Nizhnik N. S.* Ot redaktora // *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh*. – Chast' 2. Sektsiya molodykh issledovateley: materialy XIX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, Ye. N. Kozinnikova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 23–41.
14. *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – 2294 s.
15. *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh. Chast' 2. Sektsiya molodykh issledovateley: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, Ye. N. Kozinnikova*. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – 1079 s.
16. *Bel'skiy V. Yu., Zolkin A. L.* Sovetskoye pravoponimaniye i printsip klassovoy sushchnosti gosudarstva // *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1649–1655.
17. *Chestnov I. L.* Marksistskaya metodologiya prava: opyt kriticheskogo osmysleniya // *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1639–1643.
18. *Pavlov V. I.* Antropologiya prava v kontekste yuridicheskoy, filosofskoy i religioznoy traditsiy: istoriya formirovaniya. – Moskva: Yurlitinform, 2021. – 560 s.
19. *Pavlov V. I., Dubrava N. M.* Sovetskaya teoriya tolkovaniya prava i sovremennaya metodologiya pravotolkovatel'noy deyatelnosti // *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1734–1743.
20. *Denisenko V. V.* Sovetskiy normativizm kak nauchnaya paradigma // *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1644–1648.
21. *Klimenko A. I.* Ot kapitalisticheskogo pravovogo gosudarstva k gosudarstvu sotsialisticheskomu: vozmozhnosti evolyutsii gosudarstvennosti // *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 2101–2109.
22. *Bavsun M. V.* Pravovaya transformatsiya: ot sovetskoy stabil'nosti k neopredelennosti postmoderna // *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1656–1663.

23. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A., Aliyev Ya. L., Kvitchuk A. S.* Zakonnost' kak osnovopolagayushcheye nachalo rossiyskogo prava. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – 328 s.
24. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliyev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – R. 01015.
25. *Baranova M. V.* Evolyutsionnyye protsessy i preymstvennyye svyazi v pravovoy kul'ture Rossii: spetsifika, opyt, perspektivy // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1913–1919.
26. *Kolokolov N. A.* Sudebnyye reformy 1864–2022 godov v Rossii: predposylki, reglamenti, rezul'taty // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 513–538.
27. *Dorskaya A. A.* Problema perezhivaniya istorii sovetskogo perioda kak sposob samoidentifikatsii gosudarstv i narodov: pravovoy aspekt // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1687–1695.
28. *Kozhevina M. A.* Sovetskaya modernizatsiya kak istoriko-pravovaya problema // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1679–1686.
29. *Yashchuk T. F.* Etapy sistematizatsii sovetskogo zakonodatel'stva // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1216–1222.
30. *Raskin D. I.* Predposylki federativnogo ustroystva v traditsionnoy gosudarstvennosti Rossiyskoy imperii: k postanovke problemy // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 134–140.
31. *Tumanova A. S.* Pravovyye osnovy funkcionirovaniya obshchestvennykh organizatsiy v 1920-ye gody // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 2135–2148.
32. *Krakovskiy K. P.* Sovetskaya gosudarstvennaya sluzhba: odnovremennno «virtual'nyy» i real'nyy institut // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh. Materialy XIX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 479–489.
33. *Belyayeva L. I.* Formirovaniye v Rossii osnov upravleniya ispolneniyem ugovolnykh nakazaniy posle Grazhdanskoj vojny // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1076–1087.
34. *Motrevich V. P.* Sud'i i prokurory na Urale nakanune Velikoy Otechestvennoy vojny: chislennost' i sostav // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 623–629.
35. *Kovalev B. N.* «Golubyye» protiv SSSR: «neytral'nyy» soyuznik natsistskoj Germanii v Velikoy Otechestvennoy vojne // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 950–956.
36. *Ivanov V. A.* Vliyaniye faktorov «kholodnoy vojny» na vospitaniye politicheskoy bditel'nosti u sotrudnikov organov vnutrennikh del // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1939–1947.
37. *Konovalova O. V.* Politiko-pravovoy fenomen sovetskoy vlasti v otsenkakh predstaviteley sotsialisticheskoy emigratsii gruppy «revolyutsionnoy Rossii» v 1920-ye gody // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1797–1804.
38. *Stabrovskiy Ye. I.* Tsennostnyye osnovaniya sovetskoy teorii pravosoznaniya: sovremennyye perspektivy // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1749–1755.
39. *Shkaplerov Yu. P.* Reglamentatsiya obyiska i vyyemki v pervykh ugovolno-protsessual'nykh kodeksakh RSFSR i BSSR // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya

СССР): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1420–1427.

40. *Tyutyunkov A. N.* Partiyanye i komsomol'skiye organizatsii kak element sistemy politiko-vospitatel'noy raboty v raboche-krest'yanskoj militsii Belorusskoj SSR v 1931–1941 godakh // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 915–924.

41. *Martynenko I. E.* Belorusskiy sovetskiy i sovremennyy etap razvitiya zakonodatel'stva ob okhrane pamyatnikov istorii i kul'tury, yego osobennosti v chrezvychaynykh usloviyakh rasprostraneniya pandemii // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1367–1381.

42. *Demidova I. A.* Sotsialisticheskaya pravovaya kul'tura: teoreticheskaya konstruktsiya i politiko-pravovaya praktika // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1920–1928.

43. *Borisenko V. V.* Vazhnyy etap stanovleniya Mogilovskogo instituta MVD Respubliki Belarus' (1955–1958) // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1888–1896.

44. *Ashirov Zh. T.* Evolyutsiya konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Kyrgyzskoy Respublike // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 744–755.

45. *Abdullo A. R., Karimzoda U. K.* Pravookhranitel'nyye organy Tadzhijskoy ASSR: osobennosti organizatsii i deyatelnosti v 1924–1929 godakh // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 896–905.

46. *Nizhnik N. S., Abdullo A. R.* Pravookhranitel'naya sistema Respubliki Tadzhiqistan: genesis i sovremennoye sostoyaniye. – Dushanbe. – 2021. – 476 s.

47. *Nizhnik N. S., Abdulloev A. R.* Pravookhranitel'naya sistema Respubliki Tadzhiqistan: spetsifika sub'yektnogo sostava // Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta. Seriya sotsial'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk. – 2017. – № 2/6. – S. 182–188.

48. *Nizhnik N. S., Abdulloev A. R.* Poreformennaya Rossiya: formirovaniye spetsifiki povsednevnoy deyatelnosti organov okhrany pravoporyadka v Turkestanskom kraye // Reformy v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / otv. red. V. A. Veremenko, V. N. Shaydurov. – T. 3. Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2020. – S. 237–243. – 368 s.

49. *Nizhnik N. S., Abdulloev A. R.* Politiko-pravovaya organizatsiya obshchestva kak dominiruyushchaya determinanta povsednevnoy naseleniya Tadzhiqistana // «Vyzov» v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / otv. red. V. A. Veremenko. – Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. S. Pushkina, 2021. – S. 295–302.

50. *Karimzoda U. K., Abdullo A. R.* Regulirovaniye konstitutsionno-pravovogo statusa inostrantsev v sovetskom Tadzhiqistane // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1639–1643.

51. *Mimpod R. L.* Missiya politsii Respubliki Kongo – obespecheniye obshchestvennogo poryadka i bezopasnosti // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1165–1168.

52. *Doloba L.* Osnovnyye napravleniya deyatelnosti politsii Respubliki Zimbabve // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. – Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1169–1171.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted July 28, 2022; approved after reviewing August 24, 2022; accepted for publication September 28, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.